Дж. К. Ролинг

Гарри Поттер и узник Азкабана

Глава 1

Совиная почта

Гарри Поттер — необычный мальчик во всех отношениях. Во-первых, он терпеть не может летние каникулы, во-вторых, любит летом делать уроки, но занимается ночью, когда все спят. А самое главное, Гарри Поттер — волшебник.

Было уже заполночь. Гарри лежал на животе, с головой укрывшись одеялом. В одной руке — фонарик, а на подушке — старинная толстая книга в кожаном переплёте «История магии» Батильды Бэгшот. Сдвинув брови, Гарри водил по строчкам орлиным пером, искал подходящую цитату для сочинения на тему: «Был ли смысл в XIV веке сжигать ведьм?». Перо задержалось на первой строке параграфа. Ага, кажется, то, что нужно. Гарри поправил очки на носу, поднёс к странице фонарик и прочитал:

В Средние века люди, в чьих жилах нет волшебной крови (более известные как маглы, или простецы), очень боялись колдовства, но отличать настоящих ведьм и колдунов не умели. Иногда им всё же удавалось поймать волшебника, но простецы не знали, что волшебникам огонь не страшен: они умели замораживать огонь и притворяться, что им очень больно. На самом же деле они испытывали не боль, а лишь приятное покалывание по всему телу и тёплое дуновение воздуха. Так, Венделина Странная очень любила «гореть» на костре. И чтобы испытать это ни с чем не сравнимое удовольствие, сорок семь раз меняла обличье и предавала себя в руки маглов.

Гарри взял перо в зубы и полез под подушку за чернильницей и пергаментом. Осторожно открыв баночку, обмакнул перо и начал писать. Время от времени он прислушивался: вдруг кому из Дурслей приспичит в туалет? Ещё услышат скрип пера! Тогда Гарри до конца лета запрут в чулане под лестницей.

Дурсли — единственные родственники Гарри. Живут они на Тисовой улице, в доме № 4. Гарри проводит у них летние каникулы, и это время для него сущий ад. Дядя Вернон, тётя Петунья и их сын Дадли — маглы до мозга костей, магии боятся не меньше людей Средневековья. А погибшие родители Гарри были настоящие волшебники, и поэтому их имя в доме под запретом, да и самому Гарри ох как не сладко жилось до недавнего времени.

Если с мальчишкой сурово обращаться, не делать поблажек, то, глядишь, он и растеряет своё волшебство, думали Дурсли. Но, как ни старайся, из волшебника простеца не сделаешь. Дурсли были в ужасе: не приведи господи, если кто узнает, что их племянник учится в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»! Какой позор для добропорядочного семейства! Поэтому когда Гарри приехал на каникулы, все его волшебные принадлежности (учебники, палочку, котёл и метлу) Дурсли отправили в чулан под лестницей. А ещё запретили ему разговаривать с соседями.

С соседями Гарри и раньше нечасто беседовал, так что не беда. А вот без учебников хоть плачь. На каникулы столько задали и все задания такие трудные! Одна работа по Уменьшающим зельям чего стоит! Задал её профессор Северус Снегг, а он Гарри не выносит. Вернись Гарри в школу без этой работы, ему уж точно несдобровать. Целый месяц придётся после уроков прибирать классы, да не волшебством, а собственными руками. Значит, во что бы то ни стало надо добыть учебники! И такой случай вскоре представился.

В самом начале каникул дядя Вернон купил новую машину, и всё семейство отправилось в сад — любоваться на покупку. Их радостные возгласы разносились по всей Тисовой улице: пусть соседи знают, какая у них чудесная машина!
Гарри в этот момент спустился вниз, шпилькой открыл в чулане замок и достал из чемодана несколько книг.
— Теперь главное — не заляпать простыню чернилами, — облегчённо вздохнул он у себя в комнате, — не то Дурсли догадаются, что я по ночам изучаю магию.
Но сейчас на душе у Гарри неспокойно. Он боится рассердить тётю с дядей. Они и так на него очень злы, потому что недавно ему позвонил Рон, который, как и Гарри, настоящий волшебник.
Рон Уизли и Гермиона Грэйнджер — лучшие друзья Гарри. Рон вырос в семье волшебников и знает столько всего интересного, о чём Гарри и понятия не имеет. А вот по телефону Рон никогда не говорил. И, соскучившись, решил воспользоваться этим магловским изобретением. Как на грех, трубку снял дядя Вернон.
— Алло. Вернон Дурсль у телефона.
Гарри, который тоже был в гостиной, похолодел. Из трубки раздался крик, а вернее, вопль Рона:
— Алло! Алло! Слышите меня?! Мне нужен Гарри Поттер!!!
Рон так вопил, что Дядя Вернон подпрыгнул и чуть не выронил трубку. Лицо его перекосило от гнева. Гарри даже испугался: не оглох ли?
— Кто говорит? — опомнившись, громыхнул дядя в трубку. — Кого вам надо?!
— Это Рон Уизли!!! — пуще прежнего орала трубка. Рон думал, что дядя Вернон его не слышит, вот и кричал как болельщик на стадионе. — Я школьный друг Гарри!!!
Гарри рванул к телефону, но взглянул на дядю, и ему захотелось провалиться сквозь землю.
— Здесь нет никакого Гарри Поттера! Понятно?! — завопил дядя не хуже Рона, держа трубку подальше от уха: наверное, боялся, что та взорвётся. — Не знаю никакой школы! Никогда нам не звоните! Не смейте нас беспокоить!
И он швырнул трубку, словно это был ядовитый паук.
— Как ты смеешь давать наш номер всяким типам! Типам вроде тебя!!! — брызгал слюной дядя, задыхаясь от ярости.
После этого звонка Гарри стало совсем тяжко. От друзей никаких известий. Рон больше не звонит — видно, понял, что Дурсли запрещают Гарри общаться с волшебниками. И от Гермионы ничего не слышно — наверное, Рон предупредил её, чтобы она не звонила. Жаль, ведь Гермиона сама из семьи маглов, умеет пользоваться телефоном, и к тому же лучшая ученица второго курса в их волшебной школе. Уж она-то сообразила бы, что в разговоре с Дурслями не стоит упоминать о Хогвартсе. Но нет, не звонит Гермиона, и Гарри очень грустно.
Он не общался с друзьями больше месяца. Это лето такое же плохое, как и прошлое. Но всё-таки крошечное улучшение есть. Дядя Вернон разрешил выпускать по ночам из клетки сову Буклю. Гарри дал честное слово, что не будет слать письма друзьям, и дядя согласился. Дело в том, что, сидя взаперти, Букля очень шумит. А по ночам ухает, просто

жуть!
Гарри переписал про Венделину и опять прислушался. Тишина. Только толстый Дадли похрапывает у себя в комнате. Должно быть, очень поздно, глаза слипаются, пора спать — сочинение можно дописать и завтра ночью.
Гарри закрыл чернильницу, встал с кровати и вытащил из-под неё старую наволочку. Сунул в неё фонарик, «Историю магии», сочинение, перо и пузырёк с чернилами. Под кроватью вынималась старая паркетина, в полу под ней была большая ниша, туда он всё и спрятал. Выпрямившись, Гарри потянулся и взглянул на светящийся циферблат часов на тумбочке. Час ночи. Как же он мог забыть? Вот уже час, как ему исполнилось тринадцать лет!
У Гарри есть и такая особенность. Он не радуется своим дням рождениям. Какая тут радость! В этот день ему никогда и открыток не присылали. А последние два года Дурсли и вовсе делали вид, что никакого дня рождения нет. Они и на этот раз о нём не вспомнят, можно не сомневаться.
Он подошёл к открытому окну, и на него повеяло прохладой. Как хорошо! Под одеялом он совсем запарился. Возле окна — большая клетка Букли. Сейчас она пустая: Букля уже два дня как улетела. Гарри за сову не беспокоится — она часто пропадает где-то на несколько дней, а потом возвращается, — просто хочется, чтобы рядом было существо, которое тебя любит. А то Дурсли вечно смотрят со страхом и злобой. Надоело.
Гарри выглядит младше своих лет. Он худенький, да и роста невысокого, хотя за год всё-таки подрос. Волосы у него чёрные-чёрные как смоль и всегда растрёпаны, сколько ни причёсывай, глаза изумрудно-зелёные, и ещё он носит круглые очки. А главная его особенность, конечно же, шрам на лбу в виде молнии. В детстве Гарри часто спрашивал у тёти про этот шрам.
«Тебе ещё и года не было, когда ты вместе с родителями попал в автомобильную аварию. Сестра моя непутёвая и её муж — твой отец, погибли, а ты выжил. Оттуда и шрам. Всё, отстань», — отмахивалась тётя.
Но это неправда. Лили и Джеймс Поттеры погибли не в автомобильной аварии. Их убил величайший за последние сто лет тёмный волшебник Лорд Волан-де-Морт. Он и Гарри хотел убить, да не смог, а почему, до сих пор загадка. Мало того что Волан-де-Морт с малышом не справился, так и сам чуть не погиб. Именно тогда Тёмный Лорд утратил силы и подался в бега. Только шрам в виде молнии на лбу Гарри и напоминал о том дне.
В Хогвартсе Гарри уже два раза лицом к лицу встречался с Волан-де-Мортом.
— И всё-таки дожил до тринадцати лет! — подбодрил себя Гарри, вспомнив последнюю встречу с Тёмным Лордом.
Так Гарри стоял у окна, представляя себе Буклю: летит к нему с дохлой мышью в клюве, ждёт не дождётся похвалы. А может, и вправду летит? Гарри выглянул в окно. Нет. Только звёздное небо да крыши домов, освещённые фонарями. Но что там такое? На фоне золотисто-жёлтого диска луны появилось странное многокрылое существо.
Оно на глазах становилось всё больше и больше. Гарри замер: оно летит прямо к нему! Вот уже совсем близко! Он уже было испугался и собирался захлопнуть окно, но тут крылатое чудище осветил уличный фонарь, и у Гарри отлегло от сердца.

В окно влетели две совы, поддерживая крыльями третью. Похоже, ей было плохо. Совы осторожно приземлились на кровать и опустили ослабевшую птицу. Большая серая сова повалилась на спину и замерла: к лапам её был привязан объёмистый свёрток. Это же Стрелка — сова семейства Уизли! Гарри подбежал к ней, отвязал свёрток, отнёс сову в клетку Букли и придвинул ей плошку с водой.
Стрелка приоткрыла мутный глаз, слабо ухнула в знак благодарности и принялась жадно пить.
Гарри вернулся к другим совам.
Большая белоснежная Букля сидела довольная, она тоже прилетела не с пустыми лапами. Гарри освободил сову от ноши, и Букля поблагодарила его, ласково клюнув в щёку. Затем взмахнула крыльями и присоединилась к Стрелке.
Чья же третья сова? Какая красивая! Оперение рыжеватое. А кроме свёртка, ещё и письмо принесла. Так… так… печать Хогвартса… Понятно, откуда она!
Гарри взял у неё свёрток. Сова важно распушила перья, взмахнула крыльями и была такова.
Гарри сел на кровать, взял пакет, принесённый Стрелкой, разорвал обёрточную, бумагу и увидел конверт, подарок в золотой фольге и поздравительную открытку. Впервые в жизни Гарри получил открытку! Дрожащими руками он вскрыл конверт, оттуда выпали письмо и газетная вырезка, на ней чёрно-белый снимок и статья из «Ежедневного Пророка»:

Сотрудник Министерства магии выиграл главный приз

Артур Уизли, глава Отдела по борьбе с незаконным использованием изобретений маглов, выиграл Главный приз, который ежегодно разыгрывает газета «Ежедневный Пророк».
— Летом мы съездим к моему старшему сыну в Египет. Билл работает ликвидатором заклятий в местном отделении банка «Гринготтс», — сообщил нашему корреспонденту счастливый мистер Уизли.
Семья Уизли в течение месяца будет отдыхать в Египте и вернётся к началу учебного года. Пятеро детей Уизли учатся в школе «Хогвартс».
Гарри не мог оторвать глаз от живого фото: вот они, все девять Уизли стоят на фоне огромной египетской пирамиды и с таким рвением машут ему, что кажется, сейчас впрыгнут в комнату дома на Тисовой улице. Гарри счастливо улыбнулся.
Маленькая пухленькая миссис Уизли, высокий с залысинами мистер Уизли и шестеро сыновей, да ещё дочка. И у всех (правда, на чёрно-белом снимке не видно) огненно-рыжие волосы. В центре длинный, нескладный Рон обнимает сестрёнку Джинни, на плече у него крыса Короста. Вот здорово! Им как никому нужна эта груда золота! Они такие хорошие, такие добрые и такие бедные… Гарри распечатал письмо: интересно, что же Рон написал?
Привет, Гарри! Поздравляю тебя с днём рождения! Извини, что так вышло с телефонным звонком. Надеюсь, маглы не очень ругались? Папа сказал, что, наверное, не надо было так сильно кричать в трубку.
В Египте чудесно! Билл повёл нас на экскурсию по пирамидам. Не представляешь, какие страшные заклятия наложили на них египетские жрецы! Мама даже не пустила Джинни в последнюю пирамиду. Там столько жутких скелетов! Маглы вскрывают гробницы, и заклятия

начинают действовать: у кого десять рук вырастет, у кого несколько голов!
Я сначала и не поверил, что папа выиграл главный приз «Пророка» — целых семьсот галеонов! Конечно, много денег уйдёт на отпуск, но родители всё-таки обещали купить мне новую волшебную палочку.
Гарри хорошо помнил, как Рон сломал старую. Они вдвоём летели в Хогвартс на семейном фордике Уизли и в школьном дворе умудрились врезаться в Гремучую иву.
Мы приедем за неделю до начала учебного года и отправимся в Лондон. Надо купить палочку и учебники. Гарри, давай встретимся! Приезжай!
Не обращай внимания на маглов. До встречи в Лондоне.
Рон
P.S. На той неделе Перси получил из Хогвартса письмо. Он — лучший ученик и староста всей школы.
Гарри ещё раз глянул на фото. Вид у Перси был очень важный. На аккуратно причёсанной голове — феска, кокетливо сдвинутая набок, а к ней приколот значок лучшего ученика. Очки в роговой оправе блестят, отражая египетское солнце. Сразу видно, что перешёл в последний, седьмой класс, да к тому же ещё и лучший ученик.
Гарри отложил письмо и развернул золотую фольгу. Что это? Похоже на маленький стеклянный волчок. И записка от Рона:
Гарри, это — карманный вредноскоп. Он предупреждает об опасности, вообще о чём-то плохом. Вспыхивает и кружится. Билл в это не верит, говорит, вредноскоп — просто сувенир для туристов, ни о чём он не предупреждает. Билл так решил, потому что вчера за ужином вредноскоп ни с того ни с сего за кружился как сумасшедший. Это Фред с Джорджем насыпали ему в суп дохлых жуков, а он и не заметил.
Пока: Рон
Гарри поставил подарок на тумбочку. Вредноскоп неторопливо покачивался на своём острие, отражая светящиеся стрелки часов. Посмотрим, что принесла Букля. Посылка от Гермионы! Подарок в яркой обёртке, красивая открытка и письмо.
Дорогой Гарри!
Рон написал мне, как он тебе позвонил, а трубку снял дядя Вернон. Надеюсь, всё обошлось. Сейчас я во Франции. Я всё думала, как послать тебе подарок, а вдруг его вскроют на таможне? И тут прилетела Букля! Не сомневаюсь, она хотела сделать тебе приятное и чтоб не вышло как в прошлом году и ты остался без подарка. Кстати, подарок я заказала по совиной почте, прочла объявление в «Пророке». Я даже здесь получаю газеты. Это так чудесно! Я в курсе всех событий в волшебном мире! Неделю назад в газете была фотография Рона и его семьи. Ты видел? Мне немножко завидно, он там столько всего узнает! В Древнем Египте жили великие кудесники! Во Франции тоже есть волшебники и такая богатая история магии! Я даже переписала своё сочинение по истории и внесла туда всё самое интересное. Надеюсь, профессор Бинс не рассердится, что сочинение вышло на два свитка длиннее, чем он просил.
Рон вернётся за неделю до первого сентября, и они всей семьёй поедут в Лондон. Гарри, если тётя с дядей тебя отпустят, мы могли бы встретиться. Мы все так давно не виделись! Но если тебе не разрешат приехать в Лондон, ничего, встретимся первого сентября на

платформе девять и три четверти.
Пока: Гермиона
P.S. Рон написал, что Перси стал лучшим учеником. Представляю, как Перси счастлив! А Рон, похоже, не очень.
Гарри рассмеялся и взял подарок. Ух ты, какой тяжёлый! Наверняка это большая книга, где полно сложных заклинаний. Он сорвал бумагу, и сердце у него забилось быстрее. Это был футляр из чёрной, блестящей кожи.
«НАБОР ПО УХОДУ ЗА МЕТЛОЙ», — прочёл Гарри серебряную надпись. Вот это да! Ну и Гермиона!
Гарри расстегнул молнию. Внутри была большая банка фирменного средства для полировки рукояти. Блестящие ножницы из серебра, чтобы равнять прутья. Насадка на черенок с маленьким латунным компасом — незаменимая вещь в дальнем путешествии, и в довершение всего «Пособие по уходу за метлой».
Гарри очень скучал без своих друзей! И почти так же, как и друзей, ему недоставало квиддича. Это самая популярная игра в волшебном мире. Очень опасный вид спорта, но такой интересный! Играют в квиддич высоко в небе, оседлав мётлы. Гарри — прекрасный игрок и самый молодой ловец в команде за последние сто лет. У него есть суперскоростная метла «Нимбус-2000», которую Гарри бережёт как зеницу ока.
Остался ещё один свёрток. Это посылка от Хагрида — школьного лесничего. У кого ещё такой корявый почерк? Гарри снял верхний слой бумаги и успел лишь заметить, что в пакете лежит что-то из зелёной кожи. Господи, что это? Подарок вдруг задрожал.
Щёлк! Уж не челюсти ли?
Гарри похолодел. Опасную вещь Хагрид не пришлёт, но… Что опасно, а что нет, у Хагрида на этот счёт свои понятия. Достаточно вспомнить гигантского паука или жуткого трёхглавого пса! А год назад он тайком принёс к себе в хижину драконье яйцо!
Дрожа от страха, Гарри тронул свёрток.
Щёлк!.. Щёлк!
Гарри снял с тумбочки лампу: если что, он как стукнет! И одним махом сорвал обёртку. На кровать упала книга в красивой зелёной обложке, на которой золотыми буквами было вытиснено:
«Чудовищная книга о чудищах»
Только Гарри успел прочесть название, как книга перевернулась и как-то боком, словно краб, двинулась по кровати.
— Да что же это такое?
Бах! Книга свалилась на пол и давай шуршать через всю комнату. Гарри за ней. Книга под стол. Только бы Дурсли не проснулись. Гарри сунул руку под стол. Хлоп!
— Ой!!!
Книга зажала пальцы именинника, но тут же отпустила и запрыгала дальше. Ничего не понимая, он сидел на корточках, а потом, опомнившись, ринулся на книгу и прижал её к полу. В соседней комнате дядя Вернон что-то громко проворчал во сне, и опять всё стихло. Букля и Стрелка с интересом наблюдали за борьбой. Книга так и норовила выскочить из рук. Сжав её из последних сил, Гарри рванулся к шкафу, достал ремень и стянул её. Всё,

теперь не убежишь! Книга сердито брыкалась, но ремень держал её крепко. Гарри кинул подарок Хагрида на кровать и взял открытку.

Дорогой Гарри!

С днём рождения! Эта книга тебе очень пригодится в следующем году. Больше ничего писать не буду. Вот свидимся — и расскажу. Надеюсь, маглы тебя не обижают. Всего хорошего.

Хагрид

Гарри призадумался. И эта кусачая книга ему пригодится? Ничего себе шуточки!

Гарри сложил все открытки с подарками, и счастливая улыбка озарила его лицо. Да, ещё осталось письмо из Хогвартса… Гарри вскрыл конверт и вытащил пергамент.

Уважаемый мистер Поттер!

Напоминаю Вам, что первого сентября начинается учебный год. «Хогвартс-Экспресс» отходит от платформы № 9 ¾ с вокзала Кингс-Кросс в 11.00. В выходные дни третьекурсникам будет разрешено посещать деревню Хогсмид. К письму прилагается форма с разрешением. Её должны подписать ваши родители или опекун. Также прилагается список учебников для третьего класса.

Искренне Ваша,

профессор М. МакГонагалл,

заместитель директора школы

Гарри достал форму с разрешением, и улыбки как не бывало. Дядя Вернон и тётя Петунья ни за что не подпишут эту бумагу. А так хочется в Хогсмид! Это — единственная деревня, где живут только волшебники, а он ни разу там не был!

Гарри посмотрел на будильник. Два часа ночи.

«Ладно, подожду до утра». С этими мыслями он лёг на кровать и глянул на висевший на стене календарик. Он составил его, чтобы знать, сколько времени осталось до школы. Вычеркнул прошедший день, улёгся и принялся рассматривать открытки.

Каким бы необыкновенным Гарри ни был, в эту минуту он чувствовал себя как простой мальчишка — радовался дню рождения.

Глава 2

Большая ошибка тётушки Мардж

Утром Гарри спустился на кухню. Дурсли уже сидели за столом и смотрели новенький телевизор, подаренный Дадли по окончании учебного года, чтобы сыночек смотрел мультфильмы рядом с холодильником. И теперь Дадли весь день проводит на кухне; маленькие поросячьи глазки прилипли к экрану, а пять подбородков работают без остановки.

Гарри сел между Дадли и дядей Верноном — плотным, краснолицым мужчиной с крохотной шеей и пышными усами. С днём рождения Гарри никто не поздравил, даже доброго утра не пожелали — делают вид, что его нет. Подумаешь! Гарри к этому не привыкать. Он взял гренку и глянул на экран, где говорили о сбежавшем преступнике:

«Блэк вооружён и очень опасен. Увидев его, немедленно сообщите властям по специально созданной горячей линии».

— Без вас понятно, что негодяй! — крякнул дядя Вернон, глядя на преступника из-за газеты. — Да вы посмотрите, на кого похож этот грязный бездельник! Взгляните на его патлы!

Он метнул злой взгляд на племянника, чьи растрёпанные волосы вечно повергали в гнев прилизанных Дурслей. Но дядя не прав, у беглеца причёска куда хуже. Волосы такие длинные и спутанные, что худого, бледного лица почти не видно.

Тем временем диктор сменил тему.

«Сегодня Министерство сельского и рыбного хозяйства объявляет…»

— Идиот! — презрительно глядя на диктора, рявкнул дядя Вернон. — Хоть бы сказал, откуда сбежал этот маньяк! И вообще, какой прок в этой горячей линии?! А вдруг этот псих сейчас бродит по нашей улице?!

Тётя Петунья, худосочная блондинка с лошадиным лицом, подлетела к окну.

«А, надеется увидеть преступника и позвонить на горячую линию», — подумал Гарри.

На целом свете не сыщешь столь любопытной дамы. Всю жизнь только и делает, что следит за соседями — такими же благопристойными занудами.

— Да неужели непонятно, — дядя обрушил на стол багровый кулачище, — таким людям дорога одна — на виселицу!

— Что верно, то верно, — кивнула тётя Петунья, не отрывая взора от зарослей вьющейся фасоли на соседнем участке.

Дядя Вернон допил чай и взглянул на часы.

— Ну, я пошёл, Петунья. Поезд Мардж прибывает в десять часов.

Гарри, все помыслы которого были наверху — там его ожидал «Набор по уходу за метлой», — чуть не упал со стула. Тётушка Мардж!!! Вот те на… Хуже не придумаешь!

— Тётушка Мардж?! — не подумав, вскрикнул он. — Она… она… сегодня приедет?!

Тётушка Мардж — сестра дяди Вернона, и с Гарри родственными узами не связана (мама Гарри была сестрой тёти Петуньи). Однако мальчика всю жизнь заставляли звать её тётушкой. Она живёт в пригороде в особняке с садом и разводит бульдогов. Тётушка Мардж не частый гость на Тисовой улице — расставание с прелестными собачками для неё невыносимо. Но в каждый её приезд Гарри впору лезть на стену.

Гарри помнит приезд тётушки на пятилетие Дадли. Мальчики побежали наперегонки, и Гарри обогнал толстяка, за что получил от тётушки Мардж тростью по ноге. А года через два тётушка заявилась на Рождество. Дадли подарила игрушку — электронного робота, а Гарри — коробку собачьего печенья. Последний визит она нанесла за год до поступления в Хогвартс. Тогда Гарри серьёзнее пострадал. Он нечаянно наступил на лапу её любимой собаке — Злыдню. Бульдог гонял его по саду, пока Гарри не залез на дерево, где и просидел до глубокой ночи: тётушка и не подумала отозвать пса. Вспоминая об этом, Дадли и сейчас хохочет до колик.

— Мардж погостит у нас неделю, — пробасил дядя Вернон, — а ты, — ткнул он в Гарри толстым пальцем, — слушай меня внимательно!

— Ха-ха-ха!!! — Дадли оторвался от телевизора. — Сейчас папочка начнёт чихвостить Гарри. Вот будет весело!

— Итак, — прорычал дядя Вернон, — с Мардж ты будешь предельно вежлив! Только попробуй ей нагрубить! Понял?!

— Хорошо, — уныло выдохнул Гарри. — Но пусть и она меня не обижает…

Дядя Вернон пропустил его слова мимо ушей.

— Далее. Мардж ничего не знает о твоей… э-э… ненормальности… И покуда она здесь, никаких аномальных явлений! Веди себя прилично! Понял меня?!

— Буду. Если она тоже будет прилично вести, — стиснув зубы, кивнул Гарри.

На багровом, мясистом лице дяди еле проглядывали маленькие, злые глазки.

— И наконец, мы сказали Мардж, что ты ходишь в школу для трудных, ну, в общем, безнадёжных подростков имени святого Брутуса.

— Что?! — ахнул Гарри. Врать, что он учится с будущими преступниками?!

— Мальчик, запомни, что я сказал. Не то тебе будет худо, — брызнул слюной дядя.

Побледнев, Гарри уставился на дядю. Тётушка Мардж приезжает на целую неделю! Да-а, Дурсли устроили незабываемый день рождения! По сравнению с этим подарок в виде старых носков дяди Вернона — просто мечта!

— Ну, Петунья, я поехал, — сказал дядя, тяжело поднимаясь со стула. — Дадли, не хочешь прокатиться со мной?

— Не-а, — замотал головой Дадли.

Дядя Вернон перестал поучать Гарри, и толстяк снова впился в телевизор.

— Дадлик, пойди переоденься. — Тётя ласково погладила сыночка по жидким светлым волосам. — Мама купила своему мальчику такую красивую бабочку! Ах! Тётушка будет в восторге!

Дядя хлопнул Дадли по толстому плечу.

— Я скоро вернусь, — попрощался он и вышел из кухни.

Гарри сидел понурив голову. Он был вне себя. И вдруг его озарило. Отбросив гренку, Гарри пулей вылетел в холл.

Дядя Вернон уже натягивал пальто.

— А тебя я с собой не звал, — буркнул дядя.

— Я не за этим, — твёрдо сказал Гарри. — Хочу вас кое о чём попросить.

Дядя Вернон прищурился.
— Третьекурсникам в Хог… то есть в моей школе разрешено посещать одну деревню, — произнёс Гарри.
— А я при чём? — зашипел дядя, снимая с крючка ключи от машины.
— Но надо ваше разрешение.
— С какой стати, интересно? — хмыкнул дядя Вернон.
— Понимаете, — осторожно начал Гарри, — мне ведь нелегко будет притворяться, что я учусь в школе святого…
— В школе для трудных, с криминальными наклонностями подростков имени святого Брутуса, — закончил за него дядя Вернон.
Кажется, дядя занервничал, подумал Гарри.
— Правильно. — Он спокойно смотрел на багровое лицо дяди и продолжал: — Но это трудно запомнить. И чтобы тётушка Мардж поверила, придётся постараться, а то вдруг я скажу чего не так?
— Тогда я из твоей башки выбью всю дурь!!! — Сжав кулак, дядя двинулся на Гарри, но тот и не шелохнулся.
— Ну и выбивайте! Тётушка всё равно сказанного мной не забудет!
Дядя Вернон оторопел — кулак повис в воздухе, лицо исказила гримаса.
— Но если вы подпишете разрешение, — быстро сказал Гарри, — то, клянусь, я запомню эту школу и буду вести себя как магл, то есть как хороший мальчик.
Дядя стиснул зубы и задумался. Жилка у него на виске запульсировала.
— Ладно, — наконец изрёк он. — Будешь говорить, что я велел, подпишу эту чёртову бумагу. Но если обманешь — пеняй на себя!
Дядя круто развернулся и хлопнул дверью так, что из частого переплёта над ней вылетело цветное стёклышко.
На кухню Гарри не вернулся, отправился к себе в комнату: хочешь вести себя как истинный магл, начинай прямо сейчас.
Гарри долго собирал подарки с открытками. Наконец с тяжким вздохом спрятал всё под кровать к учебникам. Подошёл к клетке: Букля и Стрелка, которая уже оправилась от перелёта, спали, спрятав под крыло голову. Гарри снова вздохнул и разбудил сов, потыкав пальцем ту и другую.
— Букля, — жалобно молвил он, — вам со Стрелкой придётся улететь. Только на неделю. Я Рону напишу, он присмотрит за тобой. Ну не надо так смотреть, ради бога! — В больших янтарных глазах Букли читался упрёк. — Я не виноват! Я только так смогу получить разрешение, чтобы с друзьями ходить в Хогсмид.
Гарри написал Рону письмо, привязал к лапе Букли, и минут через десять совы вылетели из окна. Гарри убрал пустую клетку в шкаф. Эх, тоска, но делать нечего!
Скучать долго не пришлось. Вскоре весь дом огласили крики тёти Петуньи:
— Когда прибудет тётушка, немедленно выходи поздороваться! И пригладь свои патлы, неряха!
Но что он может поделать с волосами? Да и тётушка Мардж обожает его ругать, к чему лишать её удовольствия?

Немного погодя зашуршал гравий, хлопнули дверцы машины, в саду раздался топот. Приехали.
— Открой дверь! — зашипела тётя Петунья.
С тяжёлым сердцем Гарри повиновался. На пороге стояла тётушка Мардж.
Эта краснолицая, внушительной комплекции дама очень походила на дядю Вернона. У неё были даже усы, правда, не такие пышные, как у дяди. В одной руке она держала здоровенный чемодан, второй прижимала к груди старого, угрюмого бульдога.
— А где мой ненаглядный Дадли? — хрипло гаркнула тётушка. — Где мой медвежонок?
В коридоре появился толстяк Дадли. Соломенные волосы прилизаны, из-под пяти подбородков торчит галстук-бабочка. Швырнув чемодан Гарри, тётушка ринулась навстречу племяннику. Удар пришёлся в живот, и у Гарри перехватило дыхание. Тётушка Мардж подбежала к Дадли и, потискав его одной рукой, смачно чмокнула в щёку.
Гарри прекрасно знал, что её объятия Дадли терпит лишь потому, что тётушка ему за это платит. И действительно, когда объятия разжались, в кулаке толстяка хрустнула двадцатифунтовая бумажка.
— Петунья! — воскликнула тётушка и двинулась к ней.
На Гарри она и не взглянула. Он был для неё пустым местом. Тётушки поцеловались, Мардж прижалась массивной челюстью к впалой щеке тёти Петуньи. Появился и дядя Вернон — сама любезность.
— Мардж, не хочешь ли чашку чая? — предложил он. — А что желает Злыдень?
— Злыдень желает испить чаю из моего блюдечка, — ухмыльнулась тётушка Мардж.
Семейка отбыла на кухню, а Гарри остался в коридоре с тяжеленным чемоданом.
«Это ничего, хорошо, что ушла», — подумал Гарри и не торопясь потащил чемодан в спальню, приготовленную для тётушки Мардж.
Когда Гарри вернулся в кухню, тётушка уже попивала чай с фруктовым тортом, а в углу Злыдень шумно лакал чай из блюдца. Пол вокруг был забрызган слюной и чаинками. Тётя Петунья была явно не в восторге. Эта блюстительница чистоты терпеть не могла животных.
— Послушай, Мардж, а кто присматривает за другими собаками? — полюбопытствовал дядя Вернон.
— Полковник Фабстер, — загудела тётушка. — Он вышел на пенсию, и ему всё равно делать нечего. Но моего бедного старичка я на него оставить не могу. Злыдень так без меня грустит, так грустит.
Гарри сел за стол, и собака зарычала. Тётушка Мардж повернулась и тут как бы впервые заметила Гарри.
— Ага! — рявкнула она. — Ты всё ещё здесь?
— Да, — кивнул Гарри.
— Да? — передразнила тётушка. — Как ты разговариваешь, неблагодарный мальчишка? Вернон и Петунья столько сделали для тебя! А ты… Если бы тебя оставили на моём крыльце, я бы с тобой миндальничать не стала! Сразу бы отправила в детский дом!
«В детском доме было бы куда лучше, чем здесь, у Дурслей», — вертелось на языке у Гарри. «Молчи, Гарри, молчи, помни об уговоре», — сказал он себе и выдавил некое подобие улыбки.

— Ах, он ещё и ухмыляется! — возмутилась тётушка. — Совсем не изменился — грубиян! А я-то, я-то надеялась, что хоть в школе тебя перевоспитают!
Тётушка одним глотком осушила полчашки чая, вытерла усы и продолжила:
— Кстати, Вернон, это что за школа-то?
— Имени святого Брутуса, — не замедлил с ответом дядя. — Самое подходящее место для безнадёжных случаев.
— Ясно. — Тётушка повернулась к Гарри: — А в этой школе розгами-то хоть лупят?
— Ну-у…
Дядя Вернон коротко кивнул ему из-за широкой спины тётушки Мардж.
— Ага, — кивнул Гарри. Потом решил, что говорить надо подоходчивей, и добавил: — Лупят, всё время лупят.
— И правильно делают. — Тётушка Мардж хлопнула по столу. — Всё это чепуха, что, мол, детей, пусть и хулиганов, нельзя пороть. Да из сотни придурков девяносто девять заслуживают порку! Не сомневаюсь, тебе там достаётся часто!
— Да-да, — кивнул Гарри, — очень часто.
Тётушка Мардж прищурилась.
— Не нравится мне, как ты разговариваешь, — процедила она. — Что-то ты слишком спокойно рассказываешь про наказания. Сдаётся мне, слабовато тебя там лупят. На твоём месте, Петунья, написала бы я в школу письмо с просьбой драть этого паршивца посильнее. Такие, как он, требуют особо строгого обращения.
Дядя Вернон забеспокоился. Вдруг Гарри не выдержит и, забыв об уговоре, брякнет Мардж что-нибудь неподходящее?
— Мардж, ты смотрела утренние новости? — поспешил он разрядить обстановку. — Что думаешь о сбежавшем преступнике?
Так вот и поселилась тётушка Мардж на Тисовой улице. И Гарри вдруг понял, что до неё всё шло не так уж и плохо. Дяде Вернону и тёте Петунье он старался не попадаться на глаза, и это всех устраивало. С тётушкой Мардж такое не пройдёт — постоянно требует находиться при ней, чтобы досаждать нравоучениями. И хлебом не корми, дай сравнить его с Дадли. Особенно нравилось ей заваливать толстяка дорогими игрушками. Подарит и смотрит на Гарри — ждёт, что он попросит: «Тётушка Мардж, а мне что?» И всё время нудит, какое Гарри бесполезное, пропащее существо.
Со дня приезда тётушки Мардж прошло три дня. Все обитатели дома № 4 по Тисовой улице сидели за обеденным столом.
— Ты не виноват, Вернон, что мальчишка неисправим, — утешала тётушка Мардж брата. — Что поделать, коль он уже родился с гнильцой.
От негодования у Гарри задрожали руки, к лицу прилила кровь. «Помни об уговоре и молчи, думай о Хогсмиде. Не обращай на неё внимания», — внушал он себе, уставившись в тарелку.
Тётушка налила в бокал вина и провозгласила:
— С собаками тоже всегда так. У дурной суки — дурные щенки!
Едва она произнесла эти слова, как бокал в её руке взорвался. По всей кухне разлетелись осколки. Тётушка заморгала, что-то бормоча, по багровому лицу потекло вино.

— Мардж! — закричала тётя Петунья. — Мардж, ты жива?!
— Да не волнуйся, Петунья, — тётушка вытерла лицо салфеткой, — я просто очень сильно сжала бокал. На днях у полковника Фабстера точно так же перестаралась.
Но тётя с дядей не сводили с Гарри подозрительных взглядов. От греха подальше Гарри выскочил в коридор, не дождавшись пудинга.
Тяжело дыша, он прислонился к стене.
Нельзя, нельзя так злиться! Вот уже вещи взрываются! Не дай бог, что-нибудь ещё произойдёт! Ладно Хогсмид, а если узнают в Министерстве магии?!
Гарри — малолетний волшебник. И ему законом запрещено заниматься колдовством за пределами школы. Тем более прошлым летом он уже провинился, за что и получил от Министерства официальное предупреждение. Примени он опять волшебство, на Тисовой улице, его точно из Хогвартса исключат.
Услышав, как Дурсли встают из-за стола, Гарри заспешил к себе в комнату.
Следующие три дня прошли спокойно. Всякий раз, когда тётушка кидалась на него, Гарри, стиснув зубы, думал о своём пособии по уходу за метлой. Наверное, взгляд его при этом стекленел, потому что тётушка Мардж высказала догадку, что Гарри, ко всему прочему, ещё и умственно отсталый.
Наконец-то настал последний день пребывания тётушки Мардж на Тисовой улице. По такому случаю тётя Петунья накрыла праздничный стол, а дядя Вернон откупорил бутылки с вином. Все так увлеклись супом и жареной форелью, что на Гарри никто не обращал внимания. На сладкое был лимонный торт-безе, но удовольствие всем испортил дядя нудным рассказом о дрелях, которые производила его фирма «Граннингс». Потом тётя Петунья подала кофе, а дядя Вернон принёс бутылку бренди.
— Мардж, не соблазнишься, а?
Тётушка выпила уже не один бокал вина, и лицо у неё налилось кровью.
— Плесни чуток, — хрипло хихикнула она, протягивая рюмку. — Ну что так мало? Лей ещё… ещё… Ага, вот теперь будет.
Дадли лопал четвёртый кусок пирога; тётя Петунья держала чашку кофе, оттопырив мизинец. Гарри собрался уходить, но дядя Вернон так сердито на него посмотрел — пришлось остаться.
— Уф!.. — Тётушка облизнулась, поставив на стол пустую рюмку. — Потрясающий ужин, Петунья! Мне, с дюжиной бульдогов, готовить некогда. Дома ем готовое из магазина.
Смачно рыгнув, она похлопала себя по животу. Под твидовым пиджаком ему было явно тесновато.
— Прошу прощения. Люблю я упитанных мальчиков! — Тётушка подмигнула Дадли. — Ты, Дадлик, вырастешь и будешь такой же большой, как папа! Ну-ка, Вернон, налей ещё бренди!
— Пожалуйста.
Тётушка мотнула головой в сторону Гарри, и у того ёкнуло сердце.
«Открываю пособие», — пронеслось у него в голове.
— Фу, скелет! Смотреть противно! Подобные особи встречаются и у собак. Год назад я велела полковнику Фабстеру утопить одного недоноска. Такой же был слабак!

«Гарри, вспоминай заклинание! Двенадцатая страница… Ага, вот оно, если заклинит задний ход…»
— Всегда говорила: дурная кровь — дело безнадёжное. Рано ли, поздно ли, она даст о себе знать! Я ничего не хочу сказать плохого о твоей семье, Петунья, — тётушка хлопнула ладонью величиной с лопату по костлявой руке тёти Петуньи, — но согласись, сестра у тебя была никудышная! Всю семью опозорила! Сбежала с каким-то прохвостом, и вон смотрите, что получилось!
Гарри уставился в тарелку. В ушах зазвенело.
«Крепко держите метлу за рукоять», — твердил он про себя. Что было дальше, он не помнил. Голос тётушки Мардж сверлил голову не хуже дрелей дяди Вернона.
Тётушка схватила бутылку бренди, плеснула себе ещё и забрызгала скатерть.
— А я ведь совсем ничего не знаю про старшего Поттера. Кем хоть он был? Работал ли?
Лица у дяди с тётей так сильно напряглись, что Дадли оторвался от пирога и с удивлением глянул на родителей.
— Он не работал. — Тяжело вздохнув, дядя покосился на Гарри. — Он был безработный.
Тётушка опустошила полрюмки.
— Неудивительно. Бездельник! — Она вытерла подбородок рукавом пиджака. — Нищий дурак, который…
— Ложь, — вдруг отчеканил Гарри.
В комнате воцарилась тишина. Гарри сжал кулаки. Никогда ещё он не был так зол.
— Ещё бренди! — взревел бледный как мел дядя Вернон. — Марш спать! — шикнул он на Гарри.
— Нет, Вернон! — Тётушка Мардж икнула, выбросив вперёд руку. Крошечные, налитые кровью глазки впились в Гарри. — Продолжай, мальчишка. Ты, я вижу, гордишься своими родителями? Бедные! Погибли в автокатастрофе! Наверняка были оба пьяные!
Неожиданно для себя самого Гарри вскочил со стула.
— Они погибли не в автомобильной катастрофе! — закричал он.
— Нет, в автокатастрофе, маленький гадёныш!!! — От ярости она надулась как индюк. — И взвалили тебя на этих добрых людей! А ты, неблагодарный…
Она замолчала, будто поперхнулась. Её продолжало раздувать. Полное красное лицо опухло, крошечные глазки полезли из орбит, а рот растянулся до ушей. Твидовый пиджак лопнул, и пуговицы со свистом разлетелись в стороны. Скоро тётушка превратилась в громадный воздушный шар. Юбка лопнула, живот вывалился наружу, а пальцы растопырились, как огромные сосиски.
— Мардж!!! — хором закричали тётя с дядей. Тётушку оторвало от стула, и она поплыла к потолку. Она была совсем круглая, как надувная игрушка, руки-ноги безвольно колыхались, глаз почти не видно, из груди рвалось тяжкое пыхтение.
«Гав-гав-гав!!!»
В комнату вбежал ошалевший Злыдень.
— Прекрати!!! — Дядя схватил тётушку за ногу и едва не взлетел сам. А Злыдень кинулся на дядю и тяпнул его за ногу.

Воспользовавшись суматохой, Гарри выбежал из столовой и помчался в чулан под лестницей. Заклинанием отпер дверь, схватил чемодан, бросил его на порог и ринулся наверх к себе в комнату. Вынул паркетину под кроватью. Схватил наволочку с книгами и подарками, не забыл пустую клетку и бросился вниз к входной двери.
В этот миг из столовой выскочил дядя Вернон, одна из его брючин превратилась в кровавые лоскуты.
— Ты куда!!! — возопил он. — Сейчас же вернись и приведи тётку в порядок!!!
Но Гарри уже было всё равно. Он был готов на любое безрассудство. Пинком открыв чемодан, он вынул волшебную палочку и нацелил на дядю.
— Она получила по заслугам! — сказал он и, отдышавшись, добавил: — Не подходите ко мне!
Гарри нашарил за собой дверную ручку.
— Всё, ухожу! С меня хватит!
Ещё миг, и Гарри очутился на тёмной пустынной улице. Волоча тяжёлый чемодан, с клеткой под мышкой он зашагал прочь, подальше от Дурслей.

Глава 3
Автобус «Ночной Рыцарь»

Разъярённый Гарри, несмотря на тяжёлую поклажу, не заметил, как миновал несколько улиц. Но вскоре усталость дала о себе знать. На улице Магнолий он увидел невысокую каменную изгородь и в изнеможении опустился на неё.

Гарри сидел неподвижно, сердце колотилось, он никак не мог успокоиться. Было уже совсем темно, и мало-помалу им стало овладевать отчаяние. Никогда ещё Гарри, с какой стороны ни глянь, не находился в столь затруднительном положении. Он один в жестоком мире маглов, и ему совсем некуда идти. А самое страшное — Гарри применил мощный заряд колдовства. Посему — прощай, Хогвартс! Он нарушил запрет: колдовать несовершеннолетние не имеют права. Гарри диву давался, что над ним ещё не хлопают крыльями совы из Министерства магии.

Поёжившись, он огляделся. Что его ждёт?

Арест или просто изгнание из мира волшебников? Подумав о Роне с Гермионой, Гарри чуть не заплакал. Узнай, что он в беде, друзья тут же бросились бы на помощь, невзирая на все его прегрешения. Но они так далеко! И Букли нет! Как им дашь знать?

Нет и магловских денег. В мешочке, на дне чемодана, лежит пригоршня волшебного золота. А все его деньги — наследство от родителей — в Лондоне, в подземелье банка «Гринготтс». Увы, пешком чемодан до Лондона не дотащишь. Если только…

Он глянул на зажатую в руке волшебную палочку. Если его уже выгнали из школы (при этой мысли сердце чуть не разорвалось от боли), можно ещё немного поколдовать, хуже не будет.

От отца ему досталась мантия-невидимка. Надо колдовством сделать чемодан лёгким как пёрышко, привязать его к метле и надеть эту мантию. Тогда он быстро и незаметно долетит до Лондона, заберёт из банковского сейфа все деньги и будет жить как отшельник. Такое и в кошмарном сне не приснится! Но другого выхода нет. А то дождёшься маглов-полицейских. И объясняй им, чего он тут ночью делает и почему в чемодане метла да книги с заклинаниями!

Открыв чемодан, Гарри принялся искать мантию-невидимку. Вдруг ему показалось, что за ним кто-то наблюдает. Он резко выпрямился и ещё раз огляделся. По спине пробежал холодок. Улица темна и пустынна. В окнах домов ни огонька — все спят. Гарри снова нагнулся над чемоданом и тут же вскочил на ноги, крепко сжимая палочку, почуял неладное: в узком пространстве между изгородью и гаражом позади него явно кто-то был… Гарри обернулся, метнул туда взгляд. Ну, шевельнись, пожалуйста! И будет ясно, кто ты, — бродячий кот или…

— Люмос,

Гарри рванул от дома и споткнулся о чемодан, выкинул вперёд руку, чтобы смягчить падение, но выронил палочку и скатился в канаву.

Жуткий рёв чуть не оглушил его. Гарри прикрыл глаза от яркого света. Что это? Вскрикнув, выпрыгнул на тротуар, и как раз вовремя: на том месте, где он лежал секунду назад, была пара гигантских колёс. Трёхэтажный ярко-фиолетовый автобус возник не иначе как прямо из воздуха, залив всё вокруг потоками света. По лобовому стеклу тянулась длинная золотая

надпись: «Ночной рыцарь».
«Наверное, я схожу с ума», — подумал было Гарри, но тут из автобуса выскочил кондуктор в красном и молвил в тишину:
— Добро пожаловать! Это автобус для ведьм и волшебников, попавших в трудное положение! Взмахните палочкой и входите в салон: мы домчим вас куда угодно! Я, Стэн Шанпайк, ваш кондуктор этим веч…
Он осёкся, заметив сидящего на земле Гарри. Подняв палочку, Гарри встал на ноги.
«А этот Стэн Шанпайк всего лет на пять старше меня: восемнадцать-девятнадцать, не больше», — отметил Гарри, глядя на прыщавое, с большими торчащими ушами лицо кондуктора.
— Чего ты тут делаешь? — отбросил Стэн кондукторский тон.
— Упал.
— Зачем? — ухмыльнулся Стэн.
— Упал, и всё.
Чего он прицепился? Да потому, что вид у Гарри оставлял желать лучшего! На одном колене порвалась штанина, на руке кровь. Вспомнив, из-за чего упал, Гарри мигом обернулся и оглядел освещённое фарами пространство за каменной стеной. Там было пусто.
— Ты чего туда смотришь? — подал голос Стэн.
— Там было что-то большое, чёрное… — Гарри неуверенно махнул рукой в сторону дома. — Вроде собаки… но больше.
Он глянул на Стэна, тот же, разинув рот, смотрел на него, вернее, на его лоб. Гарри дрогнул.
— Чего это у тебя такое? — спросил Стэн.
— Ничего, — буркнул Гарри, пальцами начесав на лоб чёлку. Конечно, Министерство магии уже ищет его, и облегчать им работу он не собирается.
— Как тебя звать? — не унимался Стэн.
— Невилл Долгопупс, — назвал Гарри первое пришедшее в голову имя. — Слушай, — попытался он отвлечь Стэна, — а этот автобус и правда отвезёт меня куда захочу?
— Конечно! — гордо ответил Стэн. — В любую точку мира, куда пожелаешь! Только под воду ни-ни… Э-э… — Он опять вперился в Гарри. — А ты и впрямь голосовал? Махнул палочкой?
— Да-да, — поспешил заверить Гарри. — Слушай, а сколько стоит до Лондона?
— Одиннадцать сиклей, — произнёс Стэн. — За четырнадцать получишь кружку горячего какао, а за пятнадцать — ещё грелку и в придачу зубную щётку любого цвета.
Гарри достал из чемодана мешочек и сунул в руку Стэна несколько серебряных монет. Поставив клетку на чемодан, они втащили багаж внутрь.
Сидений в автобусе не было. Вдоль занавешенных окон — кровати с бронзовыми спинками. Над каждой кроватью — подсвечник, освещавший обитые панелью стены. Спавший в конце автобуса крошечный волшебник в ночном колпаке проворчал во сне:
— Благодарю, но я занят. Солю слизняков, — и повернулся на другой бок.

— Вот твоя, — шепнул Стэн и запихнул чемодан под кровать за водительским креслом.
— Это наш водитель — Эрни Прэнг. Эрн, это Невилл Долгопупс.
Эрни, пожилой волшебник в очках с толстыми стёклами, кивнул. Гарри дрожащей рукой снова пригладил чёлку на лбу и сел на постель.
— Трогай, Эрни, — сказал Стэн, садясь рядом с водителем.
Автобус взревел и рванул с такой силой, что Гарри завалился на кровать. Поднявшись, глянул в окно. Они ехали по совершенно другой улице. Стэн пришёл в восторг, заметив удивление на лице Гарри.
— Мы были как раз тут, когда ты махнул палочкой, — сказал он. — Мы, Эрни, никак уже в Уэльсе?
— Угу.
— А маглы не слышат автобус? — спросил Гарри.
— Маглы? — презрительно хмыкнул Стэн. — Да они ничего не слышат и не видят! Они вообще тупицы!
— Ступай-ка ты, Стэн, разбуди мадам Марш, — подал голос Эрни. — Вот-вот будем в Абергавени.
Стэн поплёлся наверх по узкой деревянной лестнице. Гарри смотрел ему вслед, тревога усиливалась. Эрни водил автобус неважно, и их постоянно заносило на тротуар. Правда, пока обошлось без аварии: фонарные столбы, почтовые ящики, урны отскакивали перед самым носом автобуса, а когда тот проедет, прыгали на место.
Вскоре появился Стэн, а за ним — волшебница в дорожной мантии со слегка позеленевшим лицом.
— Приехали, мадам Марш, — радостно оповестил кондуктор.
Эрни резко затормозил. Кровати заходили ходуном. Мадам Марш прижала ко рту носовой платок и скатилась вниз. Стэн выкинул её сумку и захлопнул дверь. Автобус взревел и, грохоча, покатил по узкой просёлочной дороге, а окрестные деревья в ужасе шарахались при его приближении.
Сейчас Гарри не уснул бы и в простом автобусе, который без грохота едет себе спокойно, а не летит сотни миль в секунду. В голове ворочались тяжкие думы: что его ожидает и как там тётушка Мардж, всё ещё висит под потолком?
Высунув язык, Стэн читал свежий номер «Ежедневного Пророка». На первой полосе был большой снимок. Человек с фотографии прищурился, глядя на Гарри. Усталое, с длинными спутанными волосами лицо было странно знакомо Гарри.
— Ведь это его маглы показывали в новостях! — воскликнул он, на миг забыв о своих бедах.
Стэн осклабился, глядя на снимок.
— Сириус Блэк, — кивнул он. — Ясное дело, маглы показывали его. Ты что, Невилл, с луны свалился?
Презрительно посмотрев на изумлённого Гарри, он сунул ему газету.
— Газетки-то чаще надо читать.
Гарри поднёс «Пророк» к свече:

Блэк всё ещё на свободе!

Сегодня Министерство магии сообщило, что Сириус Блэк — самый опасный преступник за всю историю тюрьмы Азкабан — до сих пор не пойман.

— Мы делаем всё возможное, чтобы найти Блэка, — заверил утром министр магии Корнелиус Фадж. — И призываем волшебное сообщество сохранять спокойствие.

Некоторые члены Международной федерации колдунов недовольны тем, что Фадж сообщил о происшедшем премьер-министру маглов.

— А как бы вы поступили на моём месте? — заявил Фадж, известный своим раздражительным характером. — Блэк сумасшедший. Он опасен, как для волшебников, так и для маглов. Премьер поклялся, что о волшебном происхождении Блэка не узнает ни один магл. А если и узнают, сочтут за репортёрскую утку.

Маглам сообщили, что у Блэка есть пистолет (железная дудка, которой простецы убивают друг друга). Волшебное сообщество опасается повторения бойни, устроенной Блэком двенадцать лет назад. Напомним, тогда Блэк одним проклятием умертвил сразу тринадцать человек.

Гарри вгляделся в тёмные глаза Сириуса Блэка, единственные живые точки на исхудалом лице. Ему не доводилось встречаться с вампирами, но на уроках по защите от тёмных искусств он не раз видел их портреты. Блэк с его мертвенно-восковой кожей очень походил на вампира.

— Ну, и как тебе этот красавчик? — полюбопытствовал Стэн.

Гарри вернул газету и спросил:

— Он что, и вправду одним проклятием убил тринадцать человек?

— А то, — кивнул Стэн. — Средь бела дня и при свидетелях. Вот в чём кошмар, правда, Эрн?

— Правда, — мрачно поддакнул Эрни. Развернувшись в кресле, Стэн заложил руки за голову и перевёл взгляд на Гарри.

— Блэк — один из ближайших соратников Сам-Знаешь-Кого, — важно сообщил он.

— Волан-де-Морта, что ли? — брякнул Гарри.

Прыщи на лице Стэна побелели, Эрни крутанул руль, и фермерский дом в ужасе шарахнулся от автобуса.

— У тебя как с головой?! — завопил Стэн, схватившись за сердце. — Ты чьё имя назвал?!

— Ой, извини, пожалуйста, — поспешно сказал Гарри. — Я… я просто забыл…

— Забыл! — передразнил Стэн. — А если у меня разрыв сердца будет?!

— Значит, Блэк был ближайшим соратником Сам-Знаешь-Кого? — виновато произнёс Гарри, возвращаясь к беседе.

— Ну, да. — Стэн всё ещё держался за сердце. — Друг-приятель… А когда малютка Гарри Поттер победил Сам-Знаешь-Кого…

Гарри вздрогнул и в очередной раз пригладил на лбу волосы.

— …за его соратниками началась охота. Эрни вон подтвердит. Ну, большинство-то сами сдались. Поняли, что им крышка. Ха! Но не Сириус Блэк! Ходит молва, будто он считает себя его преемником. Знаешь, как всё было? Окружили Блэка на улице, маглы кишмя кишат. А он возьми да и махни палочкой: пол-улицы как не бывало, в придачу дюжина мёртвых

маглов да один волшебник! Как тебе? А дальше он… — Голос Стэна опустился до тревожного шёпота.
— Что он? — спросил Гарри.
— Громко рассмеялся! Стоял и ржал как лошадь. Вскоре приехало подкрепление из Министерства. А он, представляешь, никакого сопротивления! Идёт себе смирно и ржёт без остановки. Совсем придурок! Слышь, Эрн?
— Ну до Азкабана, может, был и нормальный, а теперь точно придурок, — протянул Эрни. — Я бы лучше сам себя взорвал, чем попасть в Азкабан! Но ему так и надо за все его злодеяния!
— Н-да. Небось у Министерства работёнки было по горло, — сказал Стэн. — Пол-улицы тютю и куча мёртвых маглов. Как они это объяснили?
— Взрыв газа, — отрезал Эрни.
— И вот теперь побег, — продолжал Стэн, махнув на измождённое лицо в газете. — Раньше никому не удавалось бежать из Азкабана. Во дела! И как он всё это провернул? Эрни, а, Эрни! Как он с охраной сладил?
Эрни передёрнуло.
— Будь другом, Стэн, смени пластинку. Ну не могу я слышать об охранниках Азкабана!
Разочарованный, Стэн отложил газету, а Гарри прильнул к окну. Настроение лучше не стало. Стэн — болтун. Когда узнает, кого подвозил, такое понарасскажет пассажирам! «Ого! Слыхали?! Гарри Поттер свою тётку раздул! Эрн! Мы же его подвозили!!! Он удирал от…»
А ведь он, Гарри Поттер, такой же преступник, как и Сириус Блэк. Может, и ему за тётушку Мардж светит Азкабан? Гарри ничего не знал про эту волшебную тюрьму, но слышал, с каким ужасом о ней говорят. Хагрид, лесничий Хогвартса, в прошлом году отсидел в Азкабане два месяца. Как сейчас, перед глазами его искажённое страхом лицо, когда он узнал, что его отправят в эту тюрьму. А ведь Хагрид — храбрец, каких поискать.
Автобус катил в темноте, разгоняя с пути кусты, мусорные баки, телефонные будки и деревья. Гарри с тяжёлым сердцем лежал на мягкой перине. Автобус сделал остановку в Англии. Стэн наконец вспомнил, что Гарри оплатил горячий шоколад, и принёс кружку. Тут автобус рванул, держа курс на Абердин, и Стэн весь шоколад вылил ему на подушку. С верхних этажей потянулись волшебники и волшебницы. В халатах и шлёпанцах они спешили к выходу, радуясь, что поездка завершилась.
Под конец в автобусе остался лишь один пассажир. Стэн потёр руки:
— Так-так, Невилл, где тебя в Лондоне высадить?
— Косой переулок.
— Косой так Косой, — хмыкнул Стэн. — Будет сделано.
Автобус взревел и, грохоча, покатил по Чаринг-Кросс-Роуд. Гарри сидел, наблюдая, как от автобуса прыгают в стороны здания и скамейки. Светало. Придётся Гарри переждать пару часов до открытия «Гринготтса». Потом снова в путь. А куда — неизвестно.
На полном ходу Эрни затормозил, и автобус остановился у маленького невзрачного паба «Дырявый котёл», за которым находился волшебный ход в Косой переулок.

Поблагодарив Эрни, Гарри спрыгнул и помог Стэну вытащить чемодан с клеткой на тротуар.
— Пока, Стэн! — помахал рукой Гарри.
Но кондуктор как не слышал. Он стоял на подножке автобуса и во все глаза таращился на тёмный вход в паб.
— Ну, наконец-то, Гарри, — произнёс чей-то голос.
Не успел он повернуться, как на его плечо легла рука.
— Во чёрт! — раздался крик Стэна. — Эрн, двигай сюда!!! Сюда!!!
Повернув голову, Гарри увидел обладателя руки, сжимавшей его плечо, и его словно окатило ледяным душем. Это был сам Министр магии — Корнелиус Фадж.
Рядом с ними тут же приземлился взбудораженный Стэн.
— Министр, так выходит, это не Невилл?!
Фадж — полненький невысокий человек в длинной полосатой мантии — выглядел усталым и замёрзшим.
— Невилл? — вскинул он брови. — Нет. Это Гарри Поттер.
— Я так и думал! — радостно завопил Стэн. — Эрн! Эрн! Знаешь, кто такой Невилл?! Это Гарри! Гарри Поттер! Вон шрам! Смотри!
Фадж без особого восторга промолвил:
— Примите мою благодарность за то, что ваш автобус доставил сюда Гарри. Но нам пора идти.
Фадж ещё крепче сжал плечо Гарри и повёл его в паб. В дверях возник беззубый, сутулый старик-волшебник с фонарём в руке. Это был Том, хозяин «Дырявого котла».
— Вы нашли его, министр! — воскликнул Том. — Не желаете ли чего выпить? Пива, бренди?
— Принесите лучше чаю, Том, — сказал Фадж, не выпуская плеча Гарри.
Топая и отдуваясь, Стэн с Эрни внесли в паб чемодан с клеткой. Оба, не скрывая любопытства, вертели головами по сторонам.
— Невилл, чего ж ты скрыл от нас своё имя? — расплылся в улыбке Стэн. Из-за его плеча с любопытством смотрело совиное лицо Эрни.
— Том, отдельный кабинет, пожалуйста, — велел Фадж.
Том показал, куда идти.
— Прощайте, — чуть не с отчаянием произнёс Гарри.
— Пока, Невилл, — в свою очередь простился Стэн.
Пошли по узкому коридору: Том впереди с фонарём, за ним — сопровождаемый Фаджем Гарри. Скоро они очутились в небольшой гостиной. Щёлкнув пальцами, Том зажёг в камине огонь и, отвесив поклон, удалился. Фадж указал на стул возле камина:
— Садись, Гарри.
Мальчик сел. Огонь в камине пылал на славу, но по телу Гарри побежали мурашки. Фадж снял полосатую мантию, подтянул бутылочного цвета брюки и уселся напротив.
— Гарри, я министр магии — Корнелиус Фадж.
Гарри знал это. Он уже видел Фаджа, но тогда на нём была отцовская мантия-невидимка, а Фаджу это знать не полагалось.

Том, в переднике поверх ночной рубашки, принёс поднос с чаем и горячими тостами. Поставив его на стол между гостями, вышел и закрыл дверь.
— Признаюсь, Гарри, — начал Фадж, разливая чай, — мы все изрядно поволновались. Сбежать от родственников, да ещё подобным образом! Я уж думал… Слава богу, с тобой ничего не случилось!
Фадж намазал булочку маслом и протянул тарелку Гарри.
— Ешь, Гарри. Ты еле держишься на ногах. А у меня хорошая новость. Мы вернули мисс Марджори Дурсль в её обычное состояние. Несколько часов назад на Тисовую улицу прибыли два специалиста из отдела по устранению последствий случайно наложенных заклятий. Мисс Дурсль сделали прокол, и воздух из неё вышел, кроме того, изменили структуру её памяти, так что она всё начисто забыла. Словом, ничего страшного не произошло.
Фадж поднял чашку и ласково, как любимому племяннику, улыбнулся Гарри. Гарри же от удивления не мог слова вымолвить.
— Хочешь знать, что думают твои дядя с тётей? — поинтересовался Фадж. — Не скрою, они очень рассердились. Однако следующим летом они готовы тебя принять. А вот Рождество и пасхальные каникулы придётся провести в Хогвартсе.
Гарри обрёл дар речи:
— На Рождество и пасхальные каникулы я всегда остаюсь в Хогвартсе. А на Тисовую улицу я вообще не хочу возвращаться!
— Не говори так, Гарри. Ты просто переволновался, — озадаченно проговорил Фадж. — Они же твои родственники. Не сомневаюсь, в глубине души вы… любите друг друга.
Гарри спорить не стал. Не до того. Сейчас решается его судьба.
— А теперь подумаем, — Фадж намазывал вторую булочку, — где ты поживёшь последние две недели каникул. Я советую тебе остановиться в «Дырявом котле».
— А как… а как же наказание?
Фадж сощурился.
— Наказание? О чём ты, Гарри?
— Я же нарушил Закон о несовершеннолетних волшебниках! — горячо сказал Гарри.
— Ну что ты, мой мальчик! Да неужели мы станем наказывать тебя за такие пустяки?! — воскликнул Фадж, взмахнув булочкой. — Это был несчастный случай. За раздувание тётушек мы в Азкабан не сажаем!
Это у Гарри в голове никак не укладывалось: весь его прошлый опыт общения с Министерством магии говорил о том, что оно даже очень наказывает за подобные проступки.
— В прошлом году я получил от Министерства официальное предупреждение лишь за то, что к Дурслям в дом проник эльф и разбил блюдо с тортом! Министерство обещало отчислить меня из Хогвартса, если я ещё хоть один раз применю волшебство у них в доме!
Если глаза не обманывали Гарри, вид у Фаджа был весьма смущённый.
— Обстоятельства изменились, Гарри, и мы учли… в создавшемся положении… Ты же не хочешь, чтобы тебя исключили?

— Конечно нет!
— Ну, тогда из-за чего весь этот шум? — рассмеялся Фадж. — Съешь-ка ты лучше булочку, а я пойду спрошу у Тома, есть ли для тебя свободная комната.
Гарри смотрел вслед Фаджу. Невероятно! Почему же тогда министр ждал его в «Дырявом котле», раз никакого наказания не будет? И вообще странно, что сам министр магии лично занялся малолетним волшебником.
Фадж вскоре вернулся вместе с хозяином.
— Свободна одиннадцатая комната, Гарри, — сказал министр. — Тебе там понравится. Добавлю только одно. Уверен, ты меня поймёшь. Ни в коем случае не ходи в магловские кварталы. Гуляй по Косому переулку, и как только начнёт темнеть — сейчас же домой. Том будет за тобой присматривать.
— Хорошо, — протянул Гарри. — Но к чему всё это?
— Не хотим, чтобы ты снова потерялся, — весело рассмеялся Фадж. — Шучу, шучу. Просто нам спокойнее, когда мы знаем твоё местонахождение… Ну, в общем…
Фадж вдруг закашлялся и надел полосатую мантию.
— Так я пошёл. Меня ждут дела, сам понимаешь.
— А вы ещё не поймали Блэка? — вдруг спросил Гарри.
Пальцы Фаджа стиснули серебряную застёжку на мантии.
— Что-что? Так ты уже слышал? Увы, увы. Не удалось пока. Но мы его обязательно поймаем. Непременно. Такое в Азкабане приключилось впервые. Стражи вне себя! — Фаджа слегка передёрнуло. — До свидания, Гарри.
Они пожали руки. И тут Гарри вспомнил одну вещь.
— Г-господин министр, у меня есть одна просьба.
— Я тебя слушаю, — улыбнулся Фадж.
— Третьекурсники в Хогвартсе будут ходить в Хогсмид. Но мне тётя с дядей не подписали разрешение. А вы не могли бы подписать?
Фадж замялся.
— Нет, — со вздохом сказал он. — Сожалею, Гарри, но я не твой родственник и не опекун.
— Но вы министр магии, — умолял Гарри. — И ваше разрешение…
— Нельзя, Гарри. Правила есть правила, — твёрдо сказал Фадж. — Вот в будущем году ты наверняка будешь ходить в Хогсмид. Но, честно говоря, мне кажется, тебе бы лучше… вообще… Не будем об этом. Я пошёл. Счастливо оставаться, Гарри.
Улыбнувшись, он пожал Гарри руку и вышел.
— Мистер Поттер, пойдёмте. — Том тоже заторопится. — Я уже отнёс ваши вещи.
Они поднялись по красивой деревянной лестнице. Том отворил дверь с бронзовой табличкой № 11 и впустил Гарри. В комнате стояла мягкая, удобная кровать, отполированная до блеска дубовая мебель, в камине потрескивал огонь, а на шкафу…
— Букля! — ахнул Гарри.
Белоснежная сова щёлкнула клювом и опустилась ему на руку.
— У вас очень умная сова, — улыбнулся Том. — Прилетела через пять минут после вашего появления. Мистер Поттер, если вам что-нибудь понадобится, сразу обращайтесь ко мне.

Хозяин ещё раз поклонился и покинул комнату.
Гарри долго сидел на кровати и поглаживал Буклю. В окно смотрело небо, которое, подобно хамелеону, меняло цвет: из бархатного тёмно-синего стало серо-стальное. Потом медленно заалело, подёрнувшись золотыми прожилками. Гарри не верилось, что ещё несколько часов назад он был на Тисовой улице, что его не выгнали из Хогвартса и что две недели он проведёт вдали от Дурслей.
— Ну и ночка выдалась, Букля, — зевнул Гарри.
Не сняв очков, он повалился на подушку и крепко уснул.

Глава 4

Дырявый котёл

Несколько дней Гарри привыкал к неведомой доселе свободе. Когда ещё он просыпался и завтракал не по часам? А теперь даже гулял где хотел, правда только по Косому переулку. Но поскольку на этой длинной, мощённой булыжником улице теснилось множество чудесных волшебных магазинчиков, у Гарри не было ни малейшего желания нарушить данное Фаджу слово и отправиться назад, в магловские кварталы.

Завтракал Гарри в «Дырявом котле», с интересом наблюдая за постояльцами. Здесь останавливались забавные маленькие волшебницы, приехавшие из провинции за покупками; почтенные волшебники, которые за завтраком обсуждали последнюю статью в «Трансфигурации сегодня»; растрёпанные, диковатые на вид маги и хрипло перешёптывающиеся гномы; а однажды на завтрак спустилось существо, подозрительно похожее на лешего, и, не снимая чёрного шерстяного шлема с прорезями для глаз, заказало тарелку сырой печёнки.

Поев, Гарри выходил на задний двор, вынимал палочку, стучал по третьему кирпичу слева над мусорным ящиком, и в стене открывался проход в Косой переулок.

Стояли ясные, погожие дни. Гарри бродил по магазинам и подкреплялся в летних кафе под яркими зонтиками.

— Глянь-ка, старина, какой я луноскоп приобрёл — никаких лунных карт не надо, — хвастались покупками посетители.

Или обсуждали Сириуса Блэка:

— Я не позволю моим детям выходить из дому, пока его снова не отправят в Азкабан!

Гарри больше не надо было корпеть над домашней работой, лёжа с фонариком под одеялом. Он дописывал свои сочинения, сидя за столиком возле кафе-мороженого Флориана Фортескью. А хозяин, много чего знавший о сожжении ведьм в Средние века, помогал ему. И каждые полчаса угощал мальчика мороженым с фруктами.

В один из таких дней Гарри пополнил свой кошель для денег золотыми галлеонами, серебряными сиклями и бронзовыми кнатами из хранилища в «Гринготтсе», и ему стоило огромных усилий не истратить все деньги сразу.

«Тебе ещё пять лет в Хогвартсе учиться. Пустишь всё по ветру, и на книги не останется. Что тогда? У Дурслей будешь просить?» — напоминал он себе по нескольку раз в день.

Он еле удержался от покупки золотых шариков для игры в плюй-камни (эта волшебная игра похожа на обычные магловские камушки, только в плюй-камнях шарики брызгали в лицо проигравшему очко вонючей жижей). А движущаяся модель нашей Галактики внутри большого стеклянного шара! Купил — и на урок астрономии ходить не надо! Но самую желанную вещь Гарри увидел в любимом магазине «Всё для квиддича» через неделю после приезда в «Дырявый котёл».

Магазин был полон народу, и Гарри стало интересно, на что они там глазеют. Протиснувшись внутрь и с трудом пробравшись вперёд, он увидел новую витрину, а в ней метлу невиданной красоты.

— Новейшая модель, — сообщил волшебник с квадратной челюстью своему спутнику.

— Пап, это самая быстрая метла в мире, да? — пропищал парнишка младше Гарри, держа отца за руку.
— Ирландская международная ассоциация только что заказала семь таких красавиц! — вещал хозяин магазина. — А они фавориты Кубка мира!
Толстая колдунья, стоявшая перед Гарри, отошла в сторону, и тот прочёл табличку рядом с метлой.

«Молния»
Новейшая гоночная спортивная метла. Кленовая рукоятка обтекаемой формы отполирована алмазной крошкой. Каждая метла имеет собственный номер, выгравированный вручную. Каждый из берёзовых прутьев был тщательно отобран и идеально подогнан, что придаёт метле совершенные аэродинамические свойства, а также непревзойдённое равновесие и точность. «Молния» развивает скорость 150 миль в час за 10 секунд. В метлу встроен неломающийся волшебный тормоз. Цену спрашивайте у продавца.
«Цену спрашивайте у продавца…» И подумать страшно, сколько золотых галлеонов надо выложить за «Молнию». Ничего ещё Гарри не желал так страстно! Но и на «Нимбусе-2000» он пока не проиграл ни одного матча. Так какой прок ухлопать все деньги из гринготтского подземелья, когда у него уже есть отличная метла? Цену Гарри не узнал, но ежедневно заходил полюбоваться на «Молнию».
Кое-что ему всё же надо было купить. Гарри пополнил в аптеке запасы зельесоставляющих веществ. Да и школьная мантия маловата, так что пришлось посетить магазин мадам Малкин «Мантии на любой случай» и приобрести новую. А самое главное — покупка учебников, в том числе и для двух новых предметов: ухода за магическими существами и гадания.
Увидев витрину книжного магазина «Флориш и Блоттс», Гарри удивился. Вместо толстенных, как кирпичи, тиснённых золотом книг с заклинаниями там стояла большая железная клетка, а в ней сотня «Чудовищных книг о чудищах». По клетке летали рваные листья — книги сцепились в ожесточённой схватке и яростно щёлкали переплётами.
Гарри достал из кармана список книг и впервые просмотрел его. «Чудовищная книга» была обязательным учебником по уходу за магическими существами. Понятно, почему Хагрид написал, что книга ему понадобится. А он ещё удивлялся: зачем Хагрид такую жуть подарил, вдруг он завёл себе очередного монстра и теперь ему нужна помощь Гарри?
Гарри вошёл внутрь, и к нему тут же подлетел продавец.
— Хогвартс? — выпалил он. — Новые учебники?
— Да, мне нужно…
— Посторонись. — Продавец оттолкнул Гарри. Натянув толстенные перчатки, он взял большую узловатую трость и направился к клетке с чудищами.
— Подождите, — заторопился Гарри. — У меня уже есть такая книга.
— Уже есть? — Продавец несказанно обрадовался. — Спасибо, что предупредил. А то меня пять раз за утро покусали…
От громкого треска едва не заложило уши: две «Чудовищные книги» перетягивали, как канат, третью.

— Прекратите! Уроды зловредные! — вопил продавец, усмиряя книги тростью. — Никогда больше их не закуплю! Сумасшедший дом! Это даже хуже двухсот «Невидимых книг о невидимках»! Кругленькую сумму отвалили, а найти их так и не смогли! Ну, что ещё?
— «Как рассеять туман над будущим» Кассандры Ваблатски, — ответил Гарри, изучая список.
— Начали проходить прорицания? — догадался продавец.
Сняв перчатки, он повёл Гарри в отдел предсказаний. Маленький стол был заставлен стопками книг: «Предсказание непредсказуемого. Огради себя от потрясений» и «Магический кристалл треснул. Когда отворачивается удача».
— А вот и она. — Продавец встал на стремянку и снял толстую книгу в чёрном переплёте. — «Как рассеять туман над будущим». Отличное пособие по всем видам гадания: хиромантия, магические кристаллы, птичьи внутренности…
Гарри не слушал. Среди книг на маленьком столике он увидел «Предзнаменование смерти. Что делать, когда беда стучит в дверь».
— На твоём месте, я бы это не читал, — заявил продавец, заметив интерес Гарри. — Тебе начнёт повсюду мерещиться смерть, а это кого угодно в могилу сведёт.
Но Гарри не мог оторвать глаз от обложки. На ней была чёрная, большая, как медведь, собака со светящимися глазами. Странно, но кажется, он её где-то видел…
Продавец протянул Гарри «Как рассеять туман над будущим».
— Что-нибудь ещё?
— Да. — Гарри оторвался от собаки и невидящим взглядом уставился на список. — Мне ещё надо «Трансфигурацию. Средний уровень» и «Стандартную книгу заклинаний» для третьего курса.
С новыми учебниками под мышкой Гарри побрёл в «Дырявый котёл», с трудом соображая, куда держит путь, то и дело натыкаясь на прохожих. Поднялся к себе в комнату и кинул книги на кровать. В комнате прибрались, в открытые окна светит солнце. Где-то вдалеке по магловским улицам катят автобусы, а в Косом переулке шумит невидимая толпа. Он посмотрел в зеркало над умывальником.
— Предзнаменование смерти? Ерунда! Я просто ударился в панику тогда, на улице Магнолий, — бросил Гарри вызов своему отражению. — Это был бродячий пёс. Вот и всё.
И, подняв руку, пригладил по привычке волосы.
«Не пытайся сопротивляться, дорогой. Сражение проиграно», — ответило зеркало хриплым голосом.
Дни летели, как скоростная метла. Гарри заглядывал в лица прохожим — вдруг это Рон или Гермиона? Скоро в школу, и Косой переулок заполнялся учениками Хогвартса. В лавке «Всё для квиддича» Гарри встретил однокурсников Симуса Финнигана и Дина Томаса, они тоже не могли отвести глаз от «Молнии». А во «Флориш и Блоттс» он столкнулся с круглолицым и рассеянным Невиллом Долгопупсом. Поболтать не удалось: Невилл потерял список с книгами, и его бабушка — внушительная дама грозного вида — громко отчитывала внука. Гарри молил Бога, чтоб она не узнала, как, убегая от Министерства магии, он назвался Невиллом.

Наступил последний день каникул.
«Завтра, уже завтра я встречу Рона с Гермионой в „Хогвартс-Экспрессе“», — подумал, проснувшись поутру, Гарри.
Он встал, оделся, сходил в последний раз взглянуть на «Молнию» и уже подумывал, где бы перекусить, как вдруг:
— Гарри! Гарри!!!
Он обернулся. Вот они! Вдвоём сидят в кафе-мороженом Флориана Фортескью! Рон ещё больше усыпан веснушками, Гермиона очень загорела, оба что есть силы машут ему. Не веря своему счастью, Гарри уселся рядом с друзьями.
— Не прошло и года! — улыбнулся Рон. — Мы были в «Дырявом котле», но нам сказали, что ты куда-то ушёл. Мы и во «Флориш и Блоттс» заходили, и к мадам Малкин, и…
— Да я на той неделе всё купил, — пояснил Гарри. — А как ты узнал, что я в «Дырявом котле»?
— Папа сказал, — ответил Рон.
Мистер Уизли работал в Министерстве магии и слышал о происшествии с тётушкой Мардж.
— Гарри, ты и вправду раздул свою тётю? — серьёзно спросила Гермиона.
— Я не хотел, — промолвил Гарри. — Просто не сдержался.
Рон покатывался от смеха.
— Это не смешно, Рон, — укоризненно сказала Гермиона. — Знаешь, я удивлена, что тебя не отчислили.
— Я тоже, — признался Гарри. — Не сомневался, что меня отчислят.
Он посмотрел на Рона:
— Слушай, Рон, а твой папа не знает, почему Фадж не наказал меня?
— Наверное, ответ кроется в самом тебе, — пожав плечами, хихикнул Рон. — Знаменитый Гарри Поттер — вот и все дела. Мне трудно даже представить, что Министерство сделало бы со мной, надуй я свою тётушку… Причём им пришлось бы сначала выкопать мой труп, потому что мама прибила бы меня на месте… А если честно, узнаешь всё у папы вечером. Мы тоже остановились в «Дырявом котле». Гермиона тоже с нами. Завтра все вместе двинем на Кингс-Кросс!
Гермиона, улыбаясь, закивала.
— Родители привезли меня сюда утром со всеми вещами.
— Здорово! — воскликнул Гарри. — Так вы уже купили учебники?
— Смотри. — Рон вынул из сумки длинную, узкую коробку и открыл её. — Новая волшебная палочка. Четырнадцать дюймов, ива, волос из хвоста единорога. А там все учебники. — Он махнул рукой на большую сумку под креслом. — Что скажешь о «Чудовищной книге»? Продавец чуть не заплакал, когда я сказал, что нам надо две.
— А это у тебя что, Гермиона? — спросил Гарри, указав на три битком набитые сумки в соседнем кресле.
— Я же буду изучать гораздо больше предметов. У меня здесь всё по нумерологии, уходу за магическими существами, прорицанию, изучению древних рун, изучению маглов…
— Зачем тебе изучение маглов? — воскликнул Рон, закатывая глаза. — Ведь ты — урождённая магла! Твои родители маглы! Ты и так всё про маглов знаешь!

— Но маглов очень интересно изучать с волшебной точки зрения, — серьёзно возразила Гермиона.
— А есть и спать ты когда будешь? — спросил Гарри.
Рон всё хихикал.
Гермиона пропустила вопрос мимо ушей.
— У меня ещё есть десять галлеонов, — сказала она, вынув кошелёк. — У меня в сентябре день рождения, и родители заранее дали мне денег на подарок.
— И ты, конечно, купишь замечательную книгу? — невинно поинтересовался Рон.
— Нет, не книгу, — сдержанно ответила Гермиона. — Мне очень хочется сову. У Гарри есть Букля, у тебя Стрелка…
— Так Стрелка не моя сова, она семейная. Лично мне принадлежит только Короста. — Рон достал из кармана свою крысу. — Вот она, мне надо её показать специалисту. — Он положил Коросту на стол перед друзьями. — По-моему, в Египте ей не понравилось. Короста похудела и порядком облезла.
— Тут неподалёку есть зоомагазин, — произнёс Гарри, изучивший Косой переулок как свои пять пальцев. — Посмотри там чего-нибудь для Коросты, а ты, Гермиона, можешь купить там сову.
Расплатившись за мороженое, они пошли в «Волшебный зверинец».
Магазин был невелик, все стены заставлены клетками, смрад и галдёж стояли невообразимые. Обитатели клеток пищали, гоготали, бормотали или шипели. Пока ведьма за прилавком объясняла волшебнику, как ухаживать за сдвоенными головастиками, друзья разглядывали клетки. Пара огромных пурпурных жаб, влажно причмокивая, пировала дохлыми мясными мухами. У окна поблёскивала панцирем в драгоценных камнях гигантская черепаха. Ядовитые оранжевые слизняки медленно ползали по аквариуму, а толстый белый кролик то и дело с громким щелчком превращался в шёлковый цилиндр и обратно. Были кошки любых расцветок; клетка с каркающими воронами; корзина забавных гудящих мохнатых шариков кремового цвета, а в просторной клетке на прилавке лоснящиеся чёрные крысы прыгали через скакалку из собственных длинных гладких хвостов.
Волшебник со сдвоенными головастиками удалился. Рон подошёл к прилавку.
— Я насчёт крысы, — сказал он ведьме. — Мы были в Египте, и с тех пор ей не по себе.
— Клади на прилавок, — велела ведьма, вытаскивая из кармана чёрные очки.
Достав Коросту, Рон положил её рядом с клеткой, где прыгали несколько крыс. Они мигом угомонились и столпились у проволочной стенки, чтобы лучше видеть.
Короста, как почти всё имущество Рона, досталась ему в наследство от братьев. Крыса принадлежала когда-то Перси. Она была худая и старая, не сравнить с сородичами в клетке.
— Хм… — Ведьма взяла Коросту. — Сколько лет этой крысе?
— Не знаю, — протянул Рон. — Очень старая. Она перешла ко мне от брата.
— А какие у неё есть волшебные способности? — поинтересовалась ведьма, внимательно рассматривая Коросту.
— Ну-у, — замялся Рон. — По правде говоря, Короста никогда не проявляла ни малейших волшебных способностей.

Ведьма окинула взглядом драное левое ухо и переднюю лапу, где недоставало пальца, и громко зацокала языком.
— Видать, не раз побывала в переделке, — изрекла ведьма.
— Мне её Перси уже такую отдал, — оправдывался Рон.
— Обычные садовые крысы, вроде твоей, живут не дольше трёх лет. Хочешь долгожителя, — сказала ведьма, — выбирай из этих.
Она указала на чёрных крыс, которые тут же весело запрыгали.
— Выпендриваются, — буркнул Рон.
— Не хочешь новую крысу? Ладно. Тогда вот тебе крысиная микстура. — Ведьма извлекла из под прилавка маленький красный пузырёк.
— Спасибо. Сколько… ОЙ!!!
Он резко пригнулся. С высоченной клетки на голову Рона спрыгнуло нечто огромное, рыжее и с утробным фырканьем нацелилось на Коросту.
— ФУ, ЖИВОГЛОТ!!! НЕЛЬЗЯ!!! — завопила ведьма, но Короста, будто кусок мыла, выскользнула у неё из рук, и только мелькнули за дверью кривые лапки.
— Короста! — закричал Рон и вылетел вслед за крысой, Гарри за ними.
Короста вскоре нашлась. Бедняга спряталась в урне возле «Всё для квиддича». Рон спрятал дрожащую крысу в карман и, разогнувшись, потёр затылок.
— Что это было?
— Огромный кот или маленький тигр, — предположил Гарри.
— А где Гермиона?
— Наверное, присматривает сову.
По кишащей народом улице они вернулись к «Волшебному зверинцу». В этот момент в дверях лавки показалась Гермиона, но на руках у неё вместо совы был огромный ярко-рыжий кот.
У Рона отвисла челюсть.
— Ты купила этого урода?!
— Смотрите, какая лапочка! — восхищалась Гермиона.
«Это как сказать», — подумал Гарри. Шерсть у кота и вправду красивая, пушистая-пушистая, но лапы кривые, а морда приплюснутая, курносая, словно впечаталась в стену. Сейчас, когда Коросты не было видно, он блаженно мурлыкал.
— Твоя лапочка чуть с меня скальп не сняла! — вспыхнул Рон.
— Глотик не нарочно, — заступилась за кота Гермиона.
— А ты о Коросте подумала? — Рон похлопал по карману. — Она нуждается в тишине и покое. А с этим котярой ей никакого покоя не будет!
— Держи. Ты забыл крысиную микстуру. — Гермиона протянула ему красный пузырёк. — Ну хватит дуться. И не волнуйся, Глотик будет спать в моей спальне, а Короста в твоей. Бедная киса. Ведьма говорит, что Глотик несколько веков провёл в магазине. Никто его не покупал.
— Интересно почему? — съязвил Рон.
На этом спор закончился, и троица зашагала в «Дырявый котёл».

Мистер Уизли сидел в баре и читал «Пророк».
— Гарри! — улыбнулся он. — Как поживаешь?
— Хорошо, — ответил Гарри, и друзья, не распаковывая сумки, сели рядом.
Мистер Уизли отложил газету. С фотографии на Гарри смотрел Сириус Блэк.
— Его ещё не поймали? — спросил Гарри.
— Нет. — Мистер Уизли был необычайно серьёзен. — Министерство переключило всех нас на его поиски, но пока никакого результата.
— А если мы его поймаем, нас наградят? — загорелся Рон. — Получить бы побольше денег! Красота!
— Рон, не говори ерунды, — осёк его отец, которому было явно не до шуток. — Куда тринадцатилетним волшебникам до Блэка! Его проворонила стража Азкабана!
В бар вошла увешанная покупками миссис Уизли, следом пятиклассники-близнецы Фред и Джордж, новый староста школы Перси и самая младшая Джинни, единственная в семье девочка.
Джинни всегда смущалась при виде Гарри. В прошлом году в Хогвартсе он спас ей жизнь. И сейчас девочка разволновалась пуще прежнего.
— Привет, — заливаясь краской, пробормотала она.
Перси протянул Гарри руку и важно, будто они не знакомы, сказал:
— Рад тебя видеть, Гарри.
— Привет, Перси, — сдерживая смех, поздоровался Гарри.
— Надеюсь, у тебя всё в порядке? — Перси деловито пожал ему руку. Это походило на встречу с министром.
— Спасибо, всё хорошо.
— Гарри! — Фред отодвинул Перси и поклонился. — Отлично выглядишь, старина!
— Бесподобно, — вторил Джордж. Оттолкнув брата, он схватил руку Гарри и затряс её. — Ну просто потрясающе!
Перси нахмурился.
— Всё, хватит, — одёрнула близнецов миссис Уизли.
— Мама! — воскликнул Фред, словно только увидел её. — Как это потрясающе — тебя видеть…
— Я сказала, хватит, — отрезала миссис Уизли, выкладывая покупки на стол. — Гарри, дорогой, здравствуй! У нас замечательное событие, слышал? — Она показала на новый сверкающий серебряный значок на груди у Перси и преисполненным гордости голосом произнесла: — Второй староста школы и лучший ученик в семье!
— И последний, — шёпотом добавил Фред.
— Не сомневаюсь, — помрачнела миссис Уизли. — Никого из вас старостой факультета не назначили.
— А зачем это нам? — пожал плечами Джордж. — Чтобы лишить нашу жизнь всяческих удовольствий?
Джинни хихикнула.
— Какой ты подаёшь пример сестре! — возмутилась миссис Уизли.

— Мама, у Джинни есть и другие братья для подражания, — надменно молвил Перси. — Пойду переоденусь к обеду.
Он исчез. Джордж закатил глаза.
— Мы хотели запереть его в пирамиде, да мама не позволила, — сказал он Гарри.

* * *

Вечер удался на славу. Хозяин Том составил в маленькой гостиной три стола, и вся компания с удовольствием прикончила ужин из пяти восхитительных блюд. От пышного шоколадного пудинга было просто невозможно оторваться! И тут раздался голос Фреда:
— Пап, а как мы завтра доберёмся до Кингс-Кросс?
— Министерство предоставило нам пару машин, — сказал мистер Уизли.
Все взоры обратились к отцу семейства.
— Почему? — удивился Перси.
— Перси, ты же у нас староста, — важно пояснил Джордж. — Так положено. Две машины, на капотах флажки развеваются, а на них красуется «СШ»!
— Серьёзная Шишка, — расшифровал Фред. Все, кроме Перси и миссис Уизли, хихикнули, уткнувшись в тарелку с пудингом.
— Папа, но почему всё-таки Министерство предоставило нам машины? — важно повторил Перси.
— У нас ведь нет своей машины. А я работаю в Министерстве, вот оно и оказало мне такую любезность…
Мистер Уизли говорил беспечно, но Гарри заметил: уши-то у него покраснели, совсем как у Рона, когда тот что-то скрывает.
— И очень хорошо, — оживилась миссис Уизли. — Вы понимаете, сколько у вас всех поклажи? Представляю, как бы вы все выглядели в магловском метро… Ну, вы всё упаковали?
— Рон ещё не всё сложил, — недовольно заявил Перси. — И свалил свои вещи мне на кровать.
— Рон, ступай собирайся, утром будет некогда, — велела миссис Уизли.
А Рон бросил на Перси сердитый взгляд.
После отменного ужина всех клонило в сон. Ребята разошлись по комнатам — ещё предстояло сложить вещи. Комната Рона и Перси была рядом с Гарри. Собрав чемодан, он услышал за стеной сердитые голоса и пошёл узнать, что происходит. Дверь в двенадцатый номер была распахнута.
— Он лежал на тумбочке у кровати! Я снял его, чтобы отполировать! — кричал Перси.
— Я не трогал его, понял?! — кричал в ответ Рон.
— Что у вас стряслось? — спросил Гарри. Перси обернулся.
— Пропал мой значок старосты школы, — пояснил он.
— И крысиная микстура куда-то подевалась. — Рон вываливал вещи из чемодана. — Наверное, я оставил её в баре…
— Ты никуда не пойдёшь, пока не найдёшь значок! — возопил Перси.

— Я принесу лекарство Коросты, я уже всё собрал, — успокоил Гарри Рона и спустился вниз.
В коридоре, ведущем мимо маленькой гостиной в бар, в этот час было уже темно. Гарри прошёл до середины коридора, как из гостиной до него донеслись сердитые голоса. Это же мистер и миссис Уизли! Гарри остановился — он не хотел, чтобы они поняли, что он слышал их ссору.
Но тут он разобрал своё имя и подошёл ближе к двери.
— Как это не говорить ему? — возмущался мистер Уизли. — Гарри должен знать правду. Я пробовал поговорить с Фаджем, но он относится к Гарри как к ребёнку. А ведь ему уже тринадцать лет!
— Артур, правда поселит в нём страх, — резко сказала миссис Уизли. — Неужели ты хочешь, чтобы в школе Гарри вздрагивал от малейшего шороха? Он такой жизнерадостный мальчик. Зачем его запугивать?
— Пойми, я не хочу его запугивать. Но Гарри надо быть начеку, — возразил мистер Уизли. — Ты же знаешь: они с Роном постоянно где-то бродят… Да их уже дважды заносило в Запретный лес! А в этом году Гарри туда ни в коем случае нельзя! Страшно подумать, что могло с ним случиться той ночью, когда он убежал! Не подбери его «Ночной рыцарь», бьюсь об заклад, Министерство не нашло бы его живым!
— Но он жив и здоров, так что…
— Молли, говорят, Сириус Блэк — сумасшедший. Может, и так, однако у него хватило ума сбежать из Азкабана, чего никому не удавалось! Три недели прошло, а он как в воду канул. И что бы там Фадж ни говорил «Пророку», скорее изобретут самозаклинающиеся палочки, чем мы схватим этого злодея! Но за кем он охотится, нам известно…
— В Хогвартсе Гарри будет под надёжной охраной…
— Мы думали, что и Азкабан под надёжной охраной. А он оттуда сбежал, значит, проникнуть в Хогвартс ему не составит труда!
— Но ещё неизвестно, что Блэк охотится именно за Гарри…
Гарри услышал глухой стук. Наверняка это мистер Уизли ударил кулаком по столу.
— Молли, сколько можно тебе говорить? Репортёры ничего не пишут об этом, так распорядился Фадж. Ночью после побега Блэка он приехал в Азкабан. И охрана предупредила его, что Блэк постоянно бормотал во сне одни и те же слова: «Он в Хогвартсе… он в Хогвартсе…» Молли, Блэк спятил и хочет убить Гарри. Думает, что со смертью мальчика к Ты-Знаешь-Кому вернётся сила. В ночь победы Гарри над Ты-Знаешь-Кем Блэк потерял всё. Он двенадцать лет провёл в Азкабане, вынашивал…
Голоса смолкли. Прильнув к двери, Гарри с нетерпением ждал, что ещё они скажут.
— Хорошо, Артур, тебе виднее. Но ты забыл про Альбуса Дамблдора. Пока он директор Хогвартса, никто не причинит Гарри вреда. Надеюсь, Дамблдору всё это известно?
— Конечно. Мы попросили у него разрешения выставить у всех школьных ворот стражей из Азкабана. Он согласился, правда, без особой радости.
— Без особой радости? Но почему? А вдруг они поймают Блэка?
— Дамблдор не выносит стражей Азкабана, — тяжело вздохнул мистер Уизли. — Как и я, впрочем… Но, имея дело с таким злодеем, приходится объединяться с кем попало.

— Но если они уберегут Гарри…
— То я впредь и слова дурного о них не скажу, — устало молвил мистер Уизли. — Поздно уже. Пойдём-ка спать, Молли.
Услыхав скрип стульев, Гарри на цыпочках поспешил в бар, где его никто не заметит. Дверь гостиной отворилась, и в коридоре послышались удаляющиеся шаги четы Уизли.
Пузырёк с крысиной микстурой валялся под столом, где они ужинали. В комнате супругов Уизли хлопнула дверь, и Гарри помчался наверх.
На лестнице близнецы помирали от хохота, слыша, как в поисках значка Перси всё кверху дном перевернул у себя и у Рона.
— Это мы его взяли. И смотри, как усовершенствовали, — шепнул Фред Гарри.
На значке красовалось:
«СЕРЬЁЗНАЯ ШИШКА».
Гарри выдавил улыбку. Отнёс Рону крысиную микстуру и, придя к себе, лёг на кровать.
Вот оно что: Сириус Блэк охотится за ним. Всё ясно. Фадж был снисходителен, потому что обрадовался, что Гарри жив. Гулять велел лишь в Косом переулке. На завтра Фадж предоставил две министерские машины, чтобы Уизли присмотрели за ним, пока он не сядет в поезд.
В соседней комнате слышались приглушённые голоса. Гарри лежал на кровати и думал, что ему почему-то совсем не страшно, несмотря на то, что Блэк одним проклятием убил тринадцать человек. Мистер и миссис Уизли думают, что, узнав правду, Гарри испугается. Но миссис Уизли права: там, где Дамблдор, ему ничего не грозит. Говорят, Дамблдор — единственный, кого боялся лорд Волан-де-Морт. А Блэк — правая рука Тёмного Лорда, значит, и он его боится.
А потом ещё эти охранники Азкабана, о которых все постоянно говорят. Похоже, что при виде их люди теряют рассудок от ужаса. И эту стражу выставили вокруг школы! Вряд ли Блэку удастся пробраться внутрь. Куда больше Гарри беспокоило другое: на посещение Хогсмида не осталось никаких надежд и, покуда Блэк не пойман, ему шага не дадут ступить за стены замка.
Гарри сердито уставился в тёмный потолок: «Они думают, что я за себя не постою? Да я трижды остался жив после схватки с Волан-де-Мортом! Что я, трус какой-то беспомощный?!»
И тут в памяти всплыл таинственный зверь, наблюдавший за ним в ночной тьме на улице Магнолий.
«Что делать, когда беда стучит в дверь»…
— Я никому не позволю себя убить, — громко произнёс Гарри.
«Вот и молодец, дорогой», — сонно шепнуло зеркало.

Глава 5

Дементор

Утром Гарри разбудил улыбавшийся беззубой улыбкой Том с чашкой чая. Гарри оделся и подошёл к Букле. Сова никак не хотела лезть в клетку. Уговаривал он её, уговаривал, и тут в комнату влетел Рон, натягивая на ходу рубашку.

— Скорее бы на поезд, — выпалил он. — А то Перси совсем замучил! Слава богу, в Хогвартсе не с ним жить. Опять прицепился! Видите ли, я пролил чай на фото Пенелопы Кристал. Это его подружка, — хмыкнул Рон. — Ты её знаешь. Спряталась за рамку, потому что у неё на носу теперь пятна от чая…

— Мне надо тебе кое-что сказать, — начал Гарри, но их прервали Фред с Джорджем.

— Тысяча поздравлений, Рон! Тебе опять удалось вывести из себя нашего старосту!

Все вместе спустились завтракать. Мистер Уизли, сдвинув брови, читал первую страницу «Пророка». А миссис Уизли рассказывала Гермионе с Джинни о любовных зельях, которые она варила в юности, и все трое хихикали. Ребята сели за стол.

— Что ты хотел сказать? — спросил у Гарри Рон.

— Позже объясню, — шепнул Гарри, покосившись на вошедшего Перси.

В этой суете Гарри никак не удавалось выкроить минутку для разговора с друзьями. Столько хлопот! Таскали чемоданы по узкой лестнице и ставили к двери, рядом с клетками, где сидели на жёрдочках Букля и Гермес — ушастая сова Перси, — и плетёной корзиной, откуда неслось громкое фырканье.

— Глотик, не сердись, — ворковала у корзины Гермиона. — В поезде я тебя выпущу.

— Не выпустишь, — зашипел Рон. — Вспомни о бедной Коросте.

Он ткнул себя в грудь. Короста, судя по выпуклости, сидела у него в кармане под мантией.

Мистер Уизли, ожидавший во дворе министерские машины, открыл дверь и просунул голову в холл:

— Приехали. Идём, Гарри.

Мистер Уизли проводил его к первой из двух старых, тёмно-зелёных машин. За рулём в обеих сидели волшебники, надевшие для маскировки бархатные костюмы изумрудного цвета.

— Садись, Гарри, — произнёс мистер Уизли, окинув взглядом переполненную улицу.

Гарри сел на заднее сиденье, вскоре к нему присоединились Гермиона, Рон и, к огорчению последнего, Перси.

По сравнению с путешествием на «Ночном рыцаре» в поездке до Кингс-Кросс не было ничего примечательного. Министерские машины, казалось, не отличались от магловских, и всё же Гарри заметил, с какой лёгкостью они лавировали в пробках. Куда там новому автомобилю дяди Вернона! На вокзал прибыли за двадцать минут до отхода поезда. Водители нашли им тележки и погрузили чемоданы. Коснувшись кепок, попрощались с мистером Уизли и уехали, неведомо как проскочив в самое начало длинной очереди перед светофором.

Мистер Уизли всю дорогу до станции шагал рядом с Гарри.

— Пришли, — сказал он, оглянувшись по сторонам. — Разобьёмся на пары, а то нас многовато. Мы с Гарри идём первые.

Мистер Уизли направился к барьеру между девятой и десятой платформой, толкая тележку Гарри и не сводя глаз с электрички № 125, прибывшей на девятую платформу. Многозначительно глянув на Гарри, он как бы невзначай наклонился к барьеру. Гарри тоже. Мгновение — и металлический барьер позади, они на платформе № 9 и ¾, а вон и «Хогвартс-Экспресс». Алый паровоз пускал клубы дыма, окутывавшего платформу, полную детей и провожавших волшебников.

Позади Гарри появились Перси и Джинни, оба тяжело дышали, видимо, преодолели барьер бегом.

— Пенелопа! — Заметив девушку с длинными кудрями, Перси покраснел, пригладил волосы и зашагал ей навстречу, выпятив грудь, чтобы она непременно увидела сверкающий значок. Гарри с Джинни не выдержали и, отвернувшись, прыснули.

Вскоре подоспели остальные. Вместе прошли мимо забитых купе, нашли наконец пустое, внесли чемоданы и, поставив Буклю с Живоглотом на багажную полку, вышли проститься с мистером и миссис Уизли.

Миссис Уизли расцеловала своих детей, Гермиону и наконец заключила в объятия Гарри. Она долго его не отпускала, он даже смутился и всё-таки был искренне рад, когда она чуть не в десятый раз его чмокнула.

— Береги себя, Гарри, — сказала она, и ему показалось, что глаза у неё повлажнели. Миссис Уизли открыла большую сумку. — Я приготовила всем сандвичи. Это тебе, Гарри. Рон, ты возьми другие, с говядиной… Фред? Где Фред? А это, дорогой, твои…

— Гарри, — шепнул мистер Уизли, — пойди сюда на минутку.

Вдвоём отошли за колонну, оставив всю компанию с миссис Уизли.

— Пока ты ещё не уехал, я должен тебе кое-что рассказать, — волнуясь, начал мистер Уизли.

— Не беспокойтесь, мистер Уизли. Я всё знаю.

— Знаешь? Откуда?

— Я… ну… я слышал ночью ваш с миссис Уизли разговор. Случайно. — И быстро добавил: — Извините.

— Не самый лучший способ узнать столь важную вещь. — Вид у мистера Уизли был встревоженный.

— Всё хорошо, честно. И вы не нарушили данное Фаджу слово, и я уже всё знаю.

— Но ты, Гарри, наверное, очень испугался.

— Ни капли. — Гарри не соврал, но видел, что мистер Уизли ему не верит. — Я не строю из себя героя, но ведь Блэк не может быть опаснее Волан-де-Морта.

Услышав это имя, мистер Уизли вздрогнул, но сдержался.

— Гарри, я не сомневаюсь, что ты гораздо сильнее, чем думает Фадж. Я рад, что ты не боишься, но…

— Артур! — раздался голос миссис Уизли, провожавшей всех в вагон. — Что ты там делаешь? Поезд вот-вот отойдёт!

— Сейчас-сейчас, Молли, — ответил мистер Уизли и торопливо сказал Гарри, понизив голос: — Дай мне слово…

— Что буду пай-мальчиком, из замка ни на шаг? — нахмурился Гарри.
— Не только это. (Таким встревоженным Гарри ещё никогда не видел мистера Уизли.) Поклянись, Гарри, что не станешь сам искать Блэка.
— Что? — переспросил Гарри.
Раздался громкий свист. Дежурные по вокзалу обходили поезд и захлопывали двери.
— Обещай мне, Гарри, — скороговоркой произнёс мистер Уизли, — что бы ни случилось…
— Зачем мне искать того, кто хочет меня убить, — буркнул Гарри.
— Поклянись, что бы ты ни услышал…
— Быстрее, Артур! — крикнула миссис Уизли. Из паровоза повалил дым, и поезд тронулся. Гарри кинулся к вагону, Рон открыл ему дверь и протянул руку. Друзья высунулись из окна и махали мистеру и миссис Уизли, пока они не скрылись из виду.
Поезд набрал полный ход. Гарри подозвал Рона с Гермионой и шепнул:
— Мне надо рассказать вам один секрет.
— Иди в купе, — бросил сестре Рон.
— Очень мило, — с обидой сказала Джинни и отошла.
В поисках свободного купе Гарри с Роном и Гермионой пошли по коридору. Удача им улыбнулась в самом конце вагона.
В купе находился всего один пассажир, дремавший возле окна. Троица переступила порог. Странно. «Хогвартс-Экспресс» предназначен для школьников, и, кроме волшебницы, развозившей тележки с едой, взрослых они раньше не видели.
Незнакомец был одет в поношенную, штопаную-перештопаную мантию. Болезненного вида и измождённый, но совсем ещё не старик, светло-каштановые волосы едва тронуты сединой.
Ребята закрыли дверь и сели подальше от окна.
— А это кто такой? — шепнул Рон.
— Профессор Р. Дж. Люпин, — не замедлила с ответом Гермиона.
— Откуда ты знаешь?
— Посмотри на чемодан. — Она показала на полку над головой мужчины.
Маленький потрёпанный чемодан был перевязан верёвкой, аккуратно связанной из множества маленьких верёвочек. В одном из углов была надпись: «Профессор Р. Дж. Люпин».
— Интересно, что он преподаёт? — Рон, прищурившись, глядел на его бледный профиль.
— Защиту от тёмных искусств. Только по ней нет преподавателя.
У них было уже два учителя по защите, на первом курсе и на втором. Ходили слухи, что на эту должность наложено заклятие.
— А потянет ли он? — засомневался Рон. — Похоже, он и сам под заклятием… Ну, выкладывай, — повернулся он к Гарри.
И Гарри всё им поведал, включая предупреждение мистера Уизли. Рон сидел будто громом поражённый, Гермиона прижала руки к губам и, немного погодя, сказала:
— Значит, Сириус Блэк из-за тебя убежал из тюрьмы, Гарри… Ты должен быть очень… очень осторожен. Не ищи себе неприятностей.

— Я их не ищу, — буркнул Гарри. — Это они меня ищут.
— Надеюсь, у Гарри хватит ума не выслеживать этого психа, — сказал всё ещё не пришедший в себя Рон. — Блэк ведь хочет его убить.
Друзья восприняли известие хуже, чем ожидал Гарри. Испугались, похоже, не на шутку. Во всяком случае, гораздо сильнее, чем он.
— И как это он сбежал? — поёжился Рон. — Из Азкабана? При такой-то охране? Ведь он сверхопасный преступник.
— Его должны поймать. — Голос Гермионы был твёрд. — Я слышала, сейчас поднята на ноги даже полиция маглов.
— Что это? — вдруг насторожился Рон. Откуда-то донёсся слабый звенящий свист.
Они огляделись.
— Гарри, это у тебя в чемодане. — Рон встал, потянулся к багажной полке и извлёк из-под мантии карманный вредноскоп. Он вертелся у него на ладони, как сверкающая юла.
— Вредноскоп? Как интересно! — Гермиона поднялась, чтобы получше рассмотреть.
— Это самый дешёвый, — сказал Рон. — По-моему, он плохо работает. Я стал его привязывать к лапе Стрелки, а он как завертится. Это мой подарок Гарри на день рождения.
— Может, ты делал в этот момент что-то плохое? — предположила Гермиона.
— Да нет! Хотя, впрочем, нельзя было посылать Стрелку… Ну ты же знаешь, ей эти перелёты уже не под силу. Но как я ещё мог отправить Гарри подарок?
Вредноскоп свистел не умолкая.
— Убери его в чемодан, — посоветовал Гарри. — Ещё разбудит нашего соседа.
Он покосился на профессора Люпина. Чтобы заглушить вредноскоп, Рон сунул его в особенно ужасную пару старых носков дяди Вернона и захлопнул чемодан.
— Пойдём в Хогсмид и отдадим его починить. — Рон опять сел к друзьям. — Фред с Джорджем сказали, что купили точно такой в лавке «Дэрвиш и Бэнгз». Там продаются всякие волшебные инструменты.
— А что тебе известно про Хогсмид? — оживилась Гермиона. — Я читала, что это единственный населённый пункт во всей Британии, где не живут маглы.
— По-моему, да, — ответил без энтузиазма Рон. — Но я туда рвусь не поэтому. Мечтаю пойти в магазин «Сладкое королевство».
— «Сладкое королевство»? — удивилась Гермиона.
Лицо Рона расплылось в блаженной улыбке.
— Это кондитерская, там столько всяких сладостей! От перечных чёртиков дым идёт изо рта, а ещё шоколадные шары, полные земляничного мусса и сбитых сливок. А сахарные перья! Сидишь на уроке, посасываешь такое перо, а все думают, что ты размышляешь, что писать дальше…
— Но там очень много интересного, — гнула своё Гермиона. — В «Достопримечательностях исторического волшебства» сказано, что местная гостиница была в тысяча шестьсот двенадцатом году штабом восставших гоблинов, а Визжащая хижина считается самым опасным домом с привидениями во всей Англии…
— …а увесистые шарики мороженого! Лакомишься ими и паришь над землёй, правда не очень высоко, дюймах в пяти, — пропустил мимо ушей Рон все слова Гермионы.

Гермиона посмотрела на Гарри.
— Как это прекрасно! Будем хоть изредка уходить из замка. В Хогсмиде есть что изучать!
— Да, — грустно вздохнул Гарри. — А вернувшись, расскажете мне, что там и как.
— А ты? — спросил Рон.
— Я не пойду. Ни Дурсли, ни Фадж не подписали мне разрешение.
Рон ужаснулся.
— Как так? Постой, можно ведь попросить профессора МакГонагалл или ещё кого, найдём кому подписать…
Гарри рассмеялся. Профессор МакГонагалл, декан Гриффиндора, очень строга, никогда не нарушит правил.
— А в случае чего, спросим Фреда с Джорджем, они знают все тайные выходы из замка…
— Рон! — возмутилась Гермиона. — Гарри нельзя покидать замок, пока Блэк на воле.
— Вот именно это и скажет МакГонагалл, попроси я её подписать разрешение, — усмехнулся Гарри.
— Гарри, но с тобой будем мы! — Глаза у Рона сверкнули. — И никакой Блэк не посмеет…
— Рон, не говори глупости, — возразила Гермиона. — Блэк днём, на людной улице столько человек убил! Неужели он, увидев нас, испугается и оставит Гарри в покое?
Говоря это, она расстёгивала ремни на корзине с Живоглотом.
— Не выпускай! — крикнул Рон, но было поздно.
Живоглот легко выпрыгнул из корзины, потянулся и вскочил ему на колени. Внутренний карман у Рона задрожал, и Рон довольно грубо отшвырнул кота:
— Пошёл вон!
— Как не стыдно, Рон! — возмутилась Гермиона. Рон не остался бы в долгу, если бы профессор Люпин в эту минуту не зашевелился. Все трое замерли, но профессор повернул голову в другую сторону и, слегка приоткрыв рот, продолжал спать.
«Хогвартс-Экспресс» держал курс на север. Погода за окном помрачнела, небо заложило тучами. Реже появлялись поля и фермы. По коридору туда-сюда стали ходить люди. Живоглот обосновался на незанятом месте, повернув курносую морду к Рону, его жёлтые глазки буравили заветный карман.
В час дня пухлая волшебница покатила тележку с едой.
— Как по-вашему, надо его разбудить? — Рон с сомнением кивнул на профессора. — Ему не помешало бы поесть.
Гермиона осторожно приблизилась к профессору Люпину.
— Профессор! Простите за беспокойство, профессор!
Профессор не шелохнулся.
— Не волнуйтесь, дорогие мои, — сказала волшебница, протягивая Гарри коробку с пирожными. — Проснётся и захочет есть — я в первом вагоне, рядом с машинистом…
Она закрыла дверь и удалилась. Рон переполошился.
— Он и вправду спит? — шёпотом сказал он. — Уж не помер ли?
— Нет. Нет. Он дышит, — заверила Гермиона, беря протянутое Гарри пирожное.
С попутчиком, конечно, не очень повезло, но была в этом и польза. После полудня зарядил дождь, за окном проплывали расплывчатые очертания холмов, и ребят стало клонить ко

сну. В коридоре послышались шаги, у двери шаги смолкли, и сон как рукой сняло. В дверях появилась троица заклятых врагов — Драко Малфой, Винсент Крэбб и Грегори Гойл.
Драко Малфой и Гарри враждуют с самой первой поездки в Хогвартс. Лицо у Малфоя бледное, заострённое и с вечной ухмылочкой. Учится он в Слизерине. Гарри и Драко в своих командах ловцы. Мощные, мускулистые Крэбб и Гойл — что-то вроде малфоевской свиты. Крэбб повыше, со стрижкой под горшок и очень толстой шеей. У Гойла жёсткие, короткие волосы и длинные, как у гориллы, руки.
— Кого я вижу, — по обыкновению лениво протянул Малфой, шире открыв дверь. — Малявка и Лис!
Крэбб и Гойл дружно заржали.
— Слышал, твой отец в кои-то веки разжился кучей золота, — начал Малфой. — А что, твоя мамочка, случаем, на радостях не померла?
Рон вскочил, уронив на пол корзину Живоглота. Профессор Люпин всхрапнул.
— А это кто такой? — попятился Драко.
— Новый учитель. — Гарри тоже вскочил: вдруг будет нужна помощь. — Что ты сказал, Малфой?
Бесцветные глазки Малфоя сощурились. Драться перед носом учителя? Нашли дурака.
— Идём, — бросил он свите. И раздосадованные враги убрались восвояси.
Гарри с Роном вернулись на место. Рон в бешенстве сжимал кулаки.
— Я больше не намерен терпеть Малфоя! Ещё слово о моей семье, и его поганая башка…
Рон сделал в воздухе яростный выпад.
— Рон, пожалуйста, тише, — прошептала Гермиона, кинув взор на профессора Люпина.
Но профессор спал как ни в чём не бывало.
Дождь усилился, а «Хогвартс-Экспресс» мчал всё дальше на север. Окна закрыл густой туман. Стемнело. По всему вагону и над багажными полками загорелись лампы. Стучат колёса, по окнам барабанит дождь, завывает ветер, а профессору Люпину всё нипочём — спит себе и спит.
— Скоро должны приехать. — Рон пытался что-то разглядеть в тёмном окне.
Не успел он закрыть рта, как поезд замедлил ход.
— Прекрасно! — Рон вновь подал голос и, осторожно обойдя профессора, стал вглядываться в темноту за стеклом. — Умираю с голоду. Скорее бы за праздничный стол.
Гермиона посмотрела на часы.
— Но нам ещё далеко ехать, — заметила она.
— А чего же мы останавливаемся?
Поезд ехал всё медленнее. Шум двигателя утих, зато ветер и дождь за окном как будто усилились.
Гарри, находившийся ближе всех к двери, выглянул в коридор. Из других купе тоже высовывались любопытные.
Поезд дёрнулся и остановился. Судя по звукам в вагоне, с полок посыпались вещи.
Неожиданно погасли все лампы, и поезд погрузился в кромешную тьму.
— В чём дело? — раздался позади голос Рона.

— Ой! — вскрикнула Гермиона. — Рон, это моя нога!
Гарри добрался до своего сиденья.
— Может, авария?
— Не знаю…
Что-то зашуршало, и Гарри увидел на фоне окна смутный силуэт Рона, протиравшего запотевшее стекло.
— Там что-то движется, — сказал Рон. — По-моему, к нам спешат люди.
Дверь открылась, и кто-то стал Гарри на ногу.
— Простите! Вы не знаете, что случилось?
— Привет, Невилл! — Гарри протянул в темноте руку и схватил его за мантию.
— Гарри? Это ты? Что случилось?!
— Понятия не имею! Иди к нам, садись.
Раздалось сердитое шипение — Невилл сел на Живоглота.
— Пойду схожу к машинисту, узнаю, что произошло, — послышался голос Гермионы.
Гарри дал ей пройти. Дверь опять скользнула, звук столкновения, и два голоса вскрикнули:
— Кто это?
— А это кто?
— Джинни?
— Гермиона?
— Что ты делаешь?
— Ищу Рона.
— Иди, садись.
— Не сюда! — предупредил Гарри. — Здесь я.
— Ой! — крикнул Невилл.
— Тихо! — вдруг раздался хрипловатый голос. Профессор Люпин наконец проснулся. Гарри услышал шорох в углу. Все замолчали.
Слабый треск — и в купе забрезжил свет. В ладонях профессора Люпина подрагивал огонь, освещая усталое, серое лицо. Глаза его, однако, были ясны и настороженны.
— Оставайтесь на месте. — Голос был всё ещё сиплый после сна. Он медленно встал, держа перед собой пригоршню огня, и пошёл к двери, но та, опередив его, медленно открылась.
Дрожащее пламя в руках Люпина осветило упиравшуюся в потолок фигуру, закутанную в плащ. Лицо пришельца было полностью скрыто капюшоном.
Глаза Гарри метнулись вниз, к горлу подступила тошнота. Из-под плаща высунулась рука: лоснящаяся, сероватая, вся в слизи и струпьях, как у долго находившегося в воде утопленника.
Рука торчала наружу долю секунды: существо как будто почуяло взгляд Гарри и поспешно спрятало её в складке чёрной материи.
То, что было под капюшоном, протяжно, с хрипом не то взвыло, не то вздохнуло, словно хотело засосать не только воздух, но вообще всё вокруг.
Присутствующих обдало стужей. У Гарри перехватило дыхание. Мороз пробирался под кожу, в грудь, в самое сердце.

Глаза Гарри закатились. Он ничего не видел. Погрузился в холод. В уши хлынул поток воды. Его тащило вниз, вой усиливался.
Откуда-то издалека донёсся жуткий, пронзительный вопль мольбы. Гарри хотел помочь, всё равно кому, попытался шевельнуть руками, но не смог. Его окутал густой белый туман…
— Гарри! Гарри! Ты в порядке?
Кто-то шлёпал его по лицу.
— Что… что?
Гарри открыл глаза. Светят фонари, подрагивает пол. «Хогвартс-Экспресс» снова в пути, и горит свет. А он что, упал с сиденья? Рон с Гермионой склонились над ним, стоят на коленях, позади Невилл и профессор Люпин. Гарри хотел поправить очки, и его затошнило, на лбу выступил холодный пот.
Рон и Гермиона уложили его на сиденье.
— Ну, как ты? — забеспокоился Рон.
— Ничего. — Гарри бросил взгляд на дверь. Существо в капюшоне исчезло. — Что это было? Где тот… ну который выл?
— Никто не выл. — Рон недоумевающе покачал головой.
Гарри осмотрел освещённое купе. Бледные-бледные Джинни и Невилл таращили на него глаза.
— Но я слышал вой.
Что-то громко треснуло, и все вздрогнули. Профессор Люпин разломал на части большую плитку шоколада.
— Держи, — протянул он Гарри самый большой кусок. — Съешь и станет полегче.
Гарри взял, но есть не хотелось.
— Вы не знаете, кто это был? — спросил он Люпина.
— Дементор. — Люпин раздавал шоколад всем остальным. — Один из дементоров Азкабана.
Все смотрели на него, не веря ушам. Профессор Люпин скомкал пустую обёртку и сунул в карман.
— Ешь, — повторил он. — Увидишь, станет легче. Простите, я ненадолго уйду, мне надо кое-что сказать машинисту.
Люпин скрылся в коридоре.
— Гарри, ты и вправду в порядке? — Гермиона тревожно смотрела на друга.
— Я так и не понял, что произошло. — Гарри вытер пот со лба.
— Ну, понимаешь, этот дементор стоял здесь и осматривался (я так подумала, лица-то я его не видела), и ты, ты…
— Наверное, это был обморок. — Рон никак не мог успокоиться. — Ты вдруг обмер, упал и забился…
— А профессор Люпин подошёл к дементору, вынул палочку, — продолжила Гермиона, — и сказал: «Никто из нас не прячет Сириуса Блэка под мантией. Уходи». Но великан не шелохнулся. Тогда Люпин что-то пробормотал, и из палочки на дементора посыпались серебряные искры, тот развернулся и тотчас исчез.

— Ужас какой! — пропищал Невилл не своим голосом. — Когда это вошло сюда, почувствовали холод?
— Мне показалось, он явился с того света. — Рона передёрнуло. — Такой страх, как будто никакой радости никогда в жизни больше не будет.
Съёжившаяся в углу Джинни выглядела немногим лучше Гарри. Она вдруг громко всхлипнула, Гермиона нагнулась к девочке и обняла её.
— Но вы же не попадали с сидений, — неловко пробормотал Гарри.
— Нет, — подтвердил Рон и опять беспокойно глянул на него.
Джинни колотила дрожь…
Гарри ничего не понимал. Гриппом он не болеет, а такая слабость, и зуб на зуб не попадает… Этого дементора все видели — и ничего, а он упал в обморок! Стыд-то какой!
Вернулся профессор Люпин. Остановился рядом с Гарри и ласково улыбнулся.
— Съешь, пожалуйста, шоколад, он неядовитый.
Гарри откусил кусочек. Удивительно, но по жилам заструилось тепло.
— Через десять минут будем в Хогвартсе, — произнёс учитель. — Ну что, Гарри, полегче стало?
— Да. — Гарри недоумевал: откуда профессор знает его имя?
О происшедшем больше не вспоминали. Поезд прибыл на станцию Хогсмид. Высаживались долго и шумно. Совы ухали, коты мяукали. Любимая жаба Невилла громко квакала под его шляпой. Крошечная платформа после дождя обледенела.
— Первокурсники, сюда! — громыхнул знакомый голос.
Гарри, Рон и Гермиона обернулись и увидели высоченную фигуру Хагрида. Лесничий собирал первокурсников, чтобы переправить, согласно традиции, через озеро.
— Здорово, неразлучная троица! — Хагрид возвышался над головами.
Друзья рванули к нему, но их тут же оттеснила толпа. Гарри, Рону и Гермионе предстояло, как и всем остальным, ехать до замка в карете. На грязной, в колдобинах, дороге их было не менее сотни — и никаких лошадей. Хотя, говорят, в замке есть лошади — невидимки. Когда друзья забрались внутрь и захлопнули дверцу, карета и правда покатила сама, качаясь и трясясь на ухабах.
В карете попахивало навозом и соломой. После шоколада Гарри чувствовал себя лучше, но слабость ещё не отпустила. Рон и Гермиона сели по краям и всю дорогу украдкой поглядывали на него, опасаясь повторения припадка.
Карета подкатила к великолепным чугунным воротам, слева и справа высились каменные колонны, увенчанные крылатыми кабанами, рядом стояли два дементора, с ног до головы укутанные мантиями. Гарри ощутил подступающий озноб, откинулся на пухлую спинку сиденья и, пока ворота не остались позади, не открывал глаз. Карета покатилась по длинному извилистому подъезду к замку. Гермиона высунулась в окошко и любовалась множеством приближающихся башен и башенок. Покачнувшись, карета остановилась, и Рон с Гермионой вылезли. Гарри сошёл следом.
— Ты хлопнулся в обморок, Поттер? Долгопупс не врёт? Ты и впрямь хлопнулся? — протянул ему в ухо довольный голос.

Малфой оттолкнул локтем Гермиону и загородил Гарри дорогу к каменным ступеням, ведущим в замок. Его распирало от ликования, бесцветные глазки злобно поблёскивали.
— Уйди, Малфой, — процедил Рон.
— А ты, Уизли? — крикнул Малфой. — Небось тоже испугался старины дементора?
— Что тут за шум? — мягко спросил профессор Люпин, выходя из подъехавшей кареты.
Малфой свысока глянул на профессора Люпина, приметил его латаную мантию, ветхий чемодан и сказал с еле заметной усмешкой:
— Никакого шума… э-э… профессор, — и, подмигнув Крэббу с Гойлом, двинулся впереди них по ступеням.
Гермиона толкнула Рона в спину, и друзья вместе со всеми вошли через высокие дубовые двери в огромный холл, освещённый факелами. Из холла наверх вела роскошная мраморная лестница.
Двери в Большой зал были гостеприимно распахнуты. Поток учеников понёс к ним Гарри, но он успел только увидеть волшебный, затянутый сегодня чёрными тучами потолок.
— Поттер! Грэйнджер! Подойдите ко мне! — раздался чей-то голос.
Гарри и Гермиона удивлённо обернулись. Профессор МакГонагалл, преподаватель трансфигурации и декан Гриффиндора, требовательно глядела на них поверх голов. Вид у неё был, как всегда, суровый. Волосы собраны в тугой пучок, сквозь квадратные очки в упор смотрят острые, живые глаза. Полный тяжёлых предчувствий, Гарри локтями прокладывал в толпе дорогу. Как-то так получалось, что при виде профессора МакГонагалл он всегда чувствовал себя виноватым.
— Не волнуйтесь. Я просто хочу поговорить с вами у себя в кабинете, — сказала она. — А вы, Уизли, идите в зал.
Рон посмотрел всем троим вслед и поспешил к праздничному столу. Профессор повела друзей через холл по мраморной лестнице к коридору, ведущему к ней в кабинет. Это была маленькая комната с большим, ярко пылающим камином. Профессор пригласила гостей сесть у камина, сама расположилась за письменным столом.
— Профессор Люпин послал с совой сообщение, — начала она, — что вы, Поттер, потеряли сознание в поезде.
Гарри не успел ответить, в дверь кто-то постучался, и в кабинет ворвалась мадам Помфри, врач из больничного крыла.
Гарри покраснел. Упасть в обморок само по себе плохо, а тут ещё все с тобой нянчатся, как будто бог весть что случилось.
— Со мной всё в порядке.
— А-а, это ты! — Мадам Помфри не обратила внимания на его слова. Наклонившись, она внимательно посмотрела на него. — Тебе опять угрожала опасность?
— Это был дементор, Поппи, — пояснила МакГонагалл.
Они, нахмурившись, переглянулись.
— Выставили дементоров вокруг школы, — недовольно закудахтала мадам Помфри, откинув Гарри волосы и коснувшись лба. — Одним обмороком дело не кончится. Да он весь мокрый! Такая страсть, а проку от них чуть. Да если ещё учесть, какое действие они оказывают на людей хрупкого здоровья…

— У меня здоровье не хрупкое! — вспыхнул Гарри.
— Конечно нет, — рассеянно произнесла мадам Помфри, щупая у него пульс.
— Что вы сейчас ему рекомендуете? — Голос профессора МакГонагалл был твёрд. — Постельный режим? Может быть, вечером отправить в больничный отсек?
— Я здоров! — подскочил Гарри. Можно представить, что скажет Малфой, попади он в больницу!
— Ладно, тогда хотя бы пусть поест шоколада, — молвила мадам Помфри, проверяя его глаза.
— Я уже поел. Мне дал профессор Люпин. Он всех нас угостил ещё в поезде.
— Правда? — обрадовалась мадам Помфри. — Ну наконец-то появился преподаватель защиты от тёмных искусств, который знает своё дело.
— Поттер, вы уверены, что хорошо себя чувствуете? — строго спросила профессор МакГонагалл.
— Уверен.
— Отлично. А теперь, будьте так любезны, подождите нас в коридоре. Мне надо сказать несколько слов мисс Грэйнджер о её расписании, после чего все вместе пойдём на праздник.
Гарри и мадам Помфри вышли в коридор, и та, что-то бурча себе под нос, удалилась в больничный отсек. Вскоре появилась сияющая Гермиона в сопровождении МакГонагалл, и все трое отправились в Большой зал.
Их встретило целое море чёрных остроконечных шляп; тысячи свечей парили в воздухе, бросая свет на лица учеников за длинными столами. Профессор Флитвик, крошечный волшебник с целой шапкой седых волос на голове, выносил из Большого зала старую Шляпу и трёхногую табуретку.
— Распределение уже кончилось, — заметила Гермиона.
Новых учеников в Хогвартсе распределяла по факультетам Волшебная шляпа. Её надевали на голову очередному новичку, и она выкрикивала название факультета, по её мнению, наиболее для него подходящего (Гриффиндор, Когтевран, Пуффендуй и Слизерин). Профессор МакГонагалл поспешила к своему месту за преподавательским столом. Гарри и Гермиона — в противоположную сторону к гриффиндорскому. Они шли тихо, стараясь не привлекать к себе внимание. И всё-таки многие провожали Гарри любопытным взглядом, а некоторые даже показывали на него пальцем. Неужели история с обмороком так быстро разнеслась по Хогвартсу?
Сели рядом с Роном, занявшим для них места.
— Зачем вас вызывали? — спросил он Гарри. Гарри зашептал ему, но тут на ноги поднялся директор школы.
Хотя профессор Дамблдор был очень стар, энергия била в нём ключом. У него были серебряные волосы до плеч и такая же борода, очки-половинки и необычайно длинный крючковатый нос. О нём часто говорили, что он самый великий волшебник, но Гарри особенно его уважал не за это. Дамблдор у всех вызывал доверие. И, увидев, какими сияющими глазами он смотрит на учеников, Гарри впервые, после того как столкнулся в купе с дементором, ощутил настоящее спокойствие.

— Приветствую всех! — сказал директор школы. — Приветствую и поздравляю с началом нового учебного года в Школе чародейства и волшебства «Хогвартс»! Мне надо многое вам сказать. Начнём с самого важного и серьёзного, чтобы уж больше к этому не возвращаться. Это не самое приятное известие, но зато нас сегодня ждёт отменное пиршество. — Дамблдор кашлянул и продолжал: — Как вам уже хорошо известно, в нашу школу прислали на время несколько стражей Азкабана — дементоров, которые находятся здесь по поручению Министерства магии. Сегодня вечером они производили обыск в «Хогвартс-Экспрессе».

Дамблдор секунду-другую молчал. А Гарри вспомнились слова мистера Уизли, что Дамблдор не очень-то рад такой охране.

— Они будут стоять у всех выходов с территории школы, — продолжал директор. — И пока они здесь, — запомните хорошенько! — никто не должен даже пытаться покинуть Хогвартс без разрешения. Дементоров не проведёшь ни переодеванием, ни какими-либо ещё фокусами, не помогут даже мантии-невидимки. — Последние слова он произнёс как бы между прочим, а Гарри с Роном переглянулись. — Дементоров тщетно умолять, тщетно просить прощения. Поэтому я вас очень прошу, всех и каждого, не давайте им повода причинить вам вред. Я уже говорил со старостами факультетов и двумя нашими новыми старостами школы, они будут следить, чтобы никто никогда не затевал с дементорами опасной игры.

Перси, сидевший недалеко от Гарри, снова выпятил грудь и горделиво огляделся.

Дамблдор опять замолчал, окинул внимательным взглядом сидящих — никто не шелохнулся, не произнёс ни слова.

— Закончу на более приятной ноте, — продолжил он. — Счастлив представить двух наших новых преподавателей. Во-первых, профессор Люпин, который любезно согласился занять должность преподавателя защиты от тёмных искусств.

Послышались редкие хлопки, известие было принято без особого энтузиазма. Горячо хлопали только те, кто ехал сегодня в одном купе с профессором Люпином, включая Гарри. Профессор выглядел особенно жалко среди преподавателей, одетых в свои лучшие мантии.

— Посмотри на Снегга, — шепнул на ухо Гарри Рон.

Профессор Снегг, специалист по зельеварению, смотрел через весь стол на профессора Люпина. Все знали, что Снегг давно мечтал о должности, которую занял Люпин, но даже Гарри, ненавидевший Снегга, был поражён тем, как исказилось его худое, землистого цвета лицо. В нём читались не зависть или гнев, оно выражало сильнейшее отвращение. Гарри хорошо знал это его выражение. Оно появлялось в лице Снегга всякий раз, как он смотрел на Гарри.

— Что касается второго назначения, — заговорил Дамблдор после того, как стихли жидкие аплодисменты, — должен, к сожалению, напомнить, что профессор Кеттлберн, наш специалист по уходу за магическими существами, в конце прошлого семестра подал прошение об отставке, чтобы провести больше времени с оставшимися у него руками и ногами. Так вот, с большим удовольствием сообщаю вам, что его должность согласился принять сам Рубеус Хагрид. Он будет совмещать работу лесничего с преподаванием.

Гарри, Рон и Гермиона не поверили своим ушам. И тут же присоединились к буре аплодисментов, которые были особенно сильны за столом гриффиндорцев. Гарри подался вперёд, чтобы лучше видеть Хагрида. Лесничий был красный как свёкла, глядел, опустив глаза, на свои огромные ручищи, а в его чёрной всклокоченной бороде играла широкая довольная улыбка.
— Как же это мы не догадались! — ударил кулаком по столу Рон. — Кто ещё мог рекомендовать нам эту кусачую книгу?
Гарри, Рон и Гермиона последние кончили хлопать. Дамблдор заговорил опять, и друзья увидели, что Хагрид вытирает глаза скатертью.
— Ну вот, кажется, и всё, — заключил Дамблдор. — Во всяком случае, самое главное. А теперь будем праздновать!
Золотые тарелки и кубки наполнились едой и питьём. Гарри почувствовал, что умирает от голода, и положил себе на тарелку всё, до чего мог дотянуться.
Пир был хоть куда! Зал наполнился смехом, разговорами, звоном ножей и вилок. Но Гарри и его друзья не могли дождаться, когда праздник кончится, — так им хотелось поговорить с Хагридом. Они знали, как много означает для него должность преподавателя. Ведь у него даже не было диплома волшебника. На третьем курсе его безвинно исключили из школы за преступление, которое он не совершал. Гарри и Рон с Гермионой в прошлом году вернули ему доброе имя.
Наконец последние куски тыквенного пирога исчезли с золотых блюд и Дамблдор намекнул всем, что пора идти спать. Друзья сейчас же бросились к Хагриду.
— Хагрид, поздравляем! — воскликнула Гермиона, когда они очутились у преподавательского стола.
— Привет, привет всем троим, — ответил Хагрид, вытирая салфеткой с лица пот. — Не верится! Великий человек Дамблдор… Пришёл ко мне в хижину… сразу, как профессор Кеттлберн сказал, что больше не может… Я так об этом мечтал всю жизнь…
Чувства переполнили его, и он спрятал лицо в салфетку. Подошла профессор МакГонагалл и погнала всех спать.
Гарри, Рон и Гермиона вместе со всеми гриффиндорцами, сытые сверх меры и усталые, поднялись по мраморной лестнице, свернули в один коридор, другой, поднялись по сотне ступенек и очутились наконец у своей башни. Полная Дама в розовом платье спросила у них пароль.
— Входите, входите, — раздался из-за спин голос Перси. — Новый пароль — «Фортуна Майор»!
— Опять я не запомню, — чуть не плакал Невилл Долгопупс. Он вечно забывал пароли.
Вошли в гостиную, девочки пошли в свои спальни по одной лестнице, мальчики — по другой. Гарри поднимался по винтовой лестнице с одним чувством: какое счастье, что он опять здесь. Вошли в такую знакомую круглую спальню, вот и пять кроватей под пологами на четырёх столбиках. Гарри подошёл к своей. Наконец-то он дома.

Глава 6

Когти и чаинки

Войдя на другой день утром в Большой зал, Гарри, Рон и Гермиона первым делом увидели Драко Малфоя, который рассказывал окружившим его слизеринцам какую-то забавную историю. Заметив Гарри, Драко смешно изобразил обморок, и вся компания схватилась за бока от хохота.

— Не обращай внимания на этого идиота, — шепнула Гарри шедшая за ним Гермиона. — Просто не обращай, и всё…

— Эй, Поттер! — взвизгнула похожая на мопса Пэнси Паркинсон. — Поттер! Оглянись! Сзади тебя дементоры! У-у-у-у-у!

Гарри, нахмурившись, сел за стол гриффиндорцев рядом с Джорджем Уизли.

— Вот, возьми расписание уроков для третьекурсников. — Джордж протянул несколько кусков пергамента. — Что с тобой, Гарри?

— Это всё Малфой, — сказал Рон, садясь рядом с Джорджем по другую сторону и кивнув на соседний стол слизеринцев.

Джордж взглянул на Малфоя — тот опять закатил глаза в притворном ужасе.

— Гнусный тип, — сказал он спокойно. — Вчера вечером в поезде, когда в вагон вошли дементоры, он так не петушился. Вбежал к нам в купе, весь трясся от страха. Помнишь, Фред?

— Чуть в штаны не наложил. — Фред бросил на Малфоя полный презрения взгляд.

— Честно говоря, — сказал Джордж, — я и сам испугался этих красавцев.

— Смотришь на них, и как будто все внутренности у тебя заморозило, — подхватил Фред.

— Но ведь никто в обморок не упал, — тихо проговорил Гарри.

— Выкинь из головы, — ободрил Джордж Гарри. — Отцу однажды пришлось поехать в Азкабан, помнишь, Фред. Он говорит, что страшнее места на земле нет. Несколько дней не мог опомниться. Дементоры, сказал, высасывают из живого человека все крохи тепла и радости. Большинство узников по-настоящему сходят с ума.

— Посмотрим, как Малфой будет веселиться после первой игры, — сказал Фред. — Ведь первый матч сезона — Гриффиндор против Слизерина.

Единственный раз, когда Гарри столкнулся с Малфоем на поле лицом к лицу, вид у того действительно был плачевный. Гарри повеселел и налёг на сосиски с жареными помидорами. Гермиона углубилась в расписание уроков.

— Прекрасно! Сегодня у нас несколько новых предметов, — радостно сообщила она.

— По-моему, Гермиона, они что-то напутали с твоим расписанием. — Рон заглянул ей через плечо. — У тебя по десять уроков в день. Столько в учебное время не умещается.

— Я справлюсь. Мы всё обсудили с профессором МакГонагалл.

— Нет, ты только посмотри, — рассмеялся Рон. — Сегодня утром в девять часов у тебя прорицание, а под ним, тоже в девять, изучение маглов. И вот ещё. — Рон пониже нагнулся над расписанием, не веря глазам. — Чуть ниже нумерология, и тоже в девять. Конечно, ты у нас самая умная. Но не до такой же степени, чтобы присутствовать на трёх уроках одновременно.

— Не говори глупостей, — сказала Гермиона. — Разумеется, я не буду в одно время сразу на трёх уроках.
— Ну, а как же тогда…
— Передай мне, пожалуйста, джем, — прервала его Гермиона.
— Но…
— Скажи, Рон, почему тебя так волнует моё расписание? Я ведь тебе уже объяснила, что мы всё обсудили с профессором МакГонагалл.
Как раз в эту минуту в Большой зал вошёл Хагрид. На нём была кротовая шуба, в огромной ручище он держал за хвост дохлого хорька и рассеянно им помахивал.
— Привет! — помедлил он у стола гриффиндорцев. — Вы мои первые в жизни ученики. Сразу после обеда. Я сегодня, это, как его… с пяти утра на ногах… Готовлюсь к уроку… Волнуюсь, конечно… Учитель!.. Нет, честно…
Большой зал быстро пустел, ученики спешили на первый урок. Рон посмотрел в расписание.
— Надо спешить. Прорицание на самом верху Северной башни. Туда идти минут десять, не меньше.
Допили чай, попрощались с Фредом и Джорджем и пошли к выходу. Когда проходили мимо слизеринцев, Малфой опять изобразил обморок, а его подпевалы разразились хохотом.
К Северной башне идти и идти. За два года в Хогвартсе друзья не успели исследовать все закоулки замка, а в Северной башне и вообще не были.
— Наверное, есть более короткий путь, — задыхаясь, проговорил Рон на площадке восьмого этажа.
На одной из стен висел большой холст, на котором ничего не было, кроме зелёного луга без всяких признаков жизни.
— Наверное, нам сюда, — махнула рукой Гермиона в сторону коридора, идущего вправо.
— Вряд ли, — возразил Рон. — Он ведёт к Южной башне. Видишь, из этого окна видна часть озера…
Гарри с любопытством рассматривал полотно с лугом. Справа появился толстенький серый в яблоках пони, мирно пощипывающий траву. Гарри уже привык к картинам, персонажи которых покидают рамы по собственному усмотрению, но каждый раз не мог от них глаз отвести. Следом за пони вышел упитанный коротышка, бряцая рыцарскими доспехами. Он, как видно, только что упал со своего пони — из бронированных наколенников торчали зелёные травинки.
— Эй! — закричал он, увидев Гарри, Рона и Гермиону. — Как смеете вы, подлые людишки, вторгаться в мои владения? Пришли поглазеть, как я упал? Прочь отсюда, негодяи! Бешеные псы!
Друзья с изумлением глядели, как крошечный рыцарь, обнажив меч, стал яростно им потрясать. Но меч был слишком велик, рыцарь замахнулся, не рассчитав силы, потерял равновесие и пал ничком на траву.
— Вы не сильно ушиблись? — спросил Гарри, подойдя ближе к картине.
— Пошёл отсюда, подлый трус! Жалкий проходимец!
Крошка рыцарь поднялся на ноги, схватил рукоять меча, дёрнул, но меч глубоко ушёл в землю и, как он ни тянул, не поддавался. Рыцарь опять плюхнулся на траву, поднял забрало

и отёр с лица пот.
— Послушайте, — воспользовался Гарри передышкой в борьбе с мечом. — Мы ищем Северную башню. Может, вы знаете, как туда пройти?
— Вы сбились с пути! — Гнев рыцаря как рукой сняло. Он вскочил на ноги, клацнув доспехами. — Следуйте за мной, друзья! Мы достигнем цели или геройски погибнем в схватке с врагом!
Ещё раз безуспешно дёрнул меч, попытался влезть на толстяка-пони — не смог, но это не остудило его пыл.
— Тогда пешком, сэры и прекрасная леди! За мной!
И он помчался, бряцая доспехами, к левому краю полотна. Выскочил из рамы — только его и видели.
Троица сорвалась с места, следуя за удаляющимся лязгом. Иногда рыцарь появлялся, вбежав в очередную картину, и опять исчезал, слышался только шум его доспехов.
— Крепите дух пред тяжким испытанием! — крикнул на высокой ноте рыцарь, объявившись среди растревоженных дам в кринолинах. Полотно с дамами висело на стене в самом начале узкой винтовой лестницы.
Шумно отдуваясь, Гарри, Рон и Гермиона потопали вверх по крутой спирали ступенек и наконец услыхали над головой многочисленные голоса — значит, кабинет прорицаний где-то совсем рядом.
— Прощайте, друзья! — крикнул рыцарь, ныряя головой в картину со зловещего вида монахами. — Прощайте, мои соратники! Если когда-нибудь вам понадобится благородное сердце и стальные мускулы, кликните сэра Кэдогана!
— Кликнем, — сказал Рон, едва рыцарь пропал из виду. — Когда понадобится сумасшедший.
Ещё несколько ступеней, и они очутились на тесной площадке, где столпился весь класс. На площадку не выходила ни одна дверь. Рон толкнул Гарри и указал на потолок — там была круглая дверца люка с бронзовой табличкой. «Сивилла Трелони, профессор прорицания», — прочитал Гарри.
— Как же мы туда попадём?
И точно в ответ на его недоумённый вопрос, дверца люка внезапно открылась и прямо к ногам Гарри опустилась серебристая верёвочная лестница. Класс в изумлении притих.
— Только после тебя, — улыбнулся Рон.
И Гарри полез первый. Он очутился в очень странном классе. Скорее это был не класс, а что-то среднее между мансардой и старомодной чайной. В комнате, погружённой в красноватый полумрак, теснились примерно двадцать круглых столиков в окружении обитых пёстрой тканью кресел и мягких пуфиков. Шторы на окнах задёрнуты, многочисленные лампы задрапированы тёмно-красным шёлком. Было очень тепло и душно, в камине под заставленной странными вещицами каминной полкой горел огонь, издавая тяжёлый дурманящий аромат. На огне закипал большой медный чайник. Круглые стены опоясаны полками. Чего только на них не было: запылённые птичьи перья, огарки свечей, пухлые колоды потрёпанных карт, бесчисленные магические кристаллы и полчища чайных чашек.

За Гарри из люка показался Рон, скоро к ним присоединился весь класс, говоривший почему-то шёпотом.
— Где она? — спросил Рон.
Откуда-то из полумрака раздался приглушённый, почти неземной голос:
— Добро пожаловать. Как приятно видеть вас наконец в вашем физическом облике.
Гарри сначала показалось, что в свете камина появилась большая блестящая стрекоза. Профессор Трелони была очень худа, толстые стёкла очков многократно увеличивали и без того огромные глаза, на плечах газовая в серебряных блёстках шаль. С тонкой шеи свисают бесчисленные цепочки и ожерелья, пальцы и запястья украшены перстнями и браслетами.
— Садитесь, деточки, садитесь. — Профессор приглашала учеников, как дорогих гостей. Толкаясь, стали рассаживаться: кто в кресло, кто на пуф. Гарри, Рон и Гермиона сели вокруг одного стола.
— Приветствую вас на уроке прорицания. — Сама Трелони села в широкое кресло возле камина. — Меня зовут профессор Трелони. Скорее всего, вы до сих пор ещё меня не видели. Я редко покидаю свою башню. Суета и суматоха школьной жизни затуманивают моё внутреннее око.
Никто ничего не ответил на это неожиданное заявление. Сивилла Трелони лёгким движением плеч поправила шаль и продолжала:
— Так, значит, вы избрали прорицание, самое трудное из всех магических искусств. Должна вас с самого начала предупредить: я не смогу научить многому тех, кто не обладает врождённой способностью ясновидения. Книги помогают только до определённых пределов…
Гарри с Роном, улыбнувшись, взглянули на Гермиону, которую слова профессора прорицания ошеломили: как это книги хоть в чём-нибудь бессильны помочь?! А Трелони тем временем продолжала:
— Многие ведьмы и колдуны, как бы талантливы ни были в своей области, скажем, внезапных исчезновений, не способны рассеять туман, застилающий будущее. — Профессор переводила взгляд с одного возбуждённого лица на другое. — Этот дар даётся немногим. Вот вы, — неожиданно обратилась она к Невиллу, который чуть не свалился с пуфа, — не могли бы вы сказать, как себя чувствует ваша бабушка? Здорова?
— Надеюсь, — дрожащим голосом ответил Невилл.
— Я бы на вашем месте не была столь уверена, — сказала профессор Трелони, и пламя камина заиграло на её длинных изумрудных серьгах.
Невилл прерывисто вздохнул. А профессор невозмутимо продолжала:
— В этом году мы будем изучать основополагающие методы прорицания. Первый семестр посвятим гаданию по чаинкам. Во втором семестре займёмся хиромантией. Между прочим, моя крошка, — Трелони метнула взгляд на Парвати Патил, — вам следует опасаться рыжеволосых.
Парвати бросила испуганный взгляд на Рона, который сидел прямо за ней, и подвинула своё кресло в сторону.
— В летнем семестре перейдём к магическим кристаллам, если к тому времени закончим с предсказаниями по языкам пламени. К сожалению, в феврале занятий из-за вспышки

сильнейшего гриппа не будет. У меня самой совсем пропадёт голос. А на Пасху один из нас навеки нас покинет…
Класс напряжённо притих, а профессор Трелони продолжала, ничего не замечая:
— Вы, деточка, не могли бы… — обратилась она к Лаванде Браун, сидевшей к ней ближе всех, та в страхе съёжилась, — дать мне самый большой серебряный чайник?
Лаванда с облегчением вздохнула, встала с кресла, взяла с полки огромный чайник и поставила его на стол перед профессором.
— Спасибо, милая. Да, между прочим, то, чего вы больше всего опасаетесь, случится в пятницу шестнадцатого октября.
Лаванду пробрала дрожь.
— А теперь я попрошу вас разбиться на пары, взять с полки чашку и подойти ко мне. Я вам налью чай, вы сядете и будете пить, покуда на дне не останется гуща. Левой рукой поболтайте её круговым движением, затем переверните чашку на блюдце, подождите, пока жидкость стечёт, и передайте чашку напарнику. Оставшиеся на стенках чашки чаинки кое-что ему скажут. Растолковать увиденное поможет учебник «Как рассеять туман над будущим», страницы четвёртая и пятая. А я буду ходить между столами и помогать вам.
Мой мальчик! — воскликнула Трелони, схватив за руку Невилла, который встал с пуфа и потянулся за чашкой. — Пожалуйста, после того как разобьёте первую чашку, возьмите вторую из голубого сервиза. Розовый мне жалко. Это мой любимый.
И конечно, не успел Невилл взять в руки чашку с блюдцем, как раздался звук разбившегося фарфора. Профессор бросилась к нему со щёткой и совком для мусора.
— Возьмите голубую. Очень вас прошу. Большое спасибо.
Гарри и Рон с полными чашками вернулись за свой столик, быстро выпили обжигающий чай. Поболтали чашки, как сказала профессор Трелони, опрокинули на блюдце и обменялись ими. Оба открыли учебники на указанной странице.
— Нашёл, — сказал Рон. — Посмотри, Гарри, что ты видишь в моей чашке.
— Коричневую жижу. — Тяжёлый дурманящий дух в комнате нагонял сон, и Гарри с трудом соображал, что происходит.
— Раскиньте хорошенько мозгами, мои славные. Пусть ваш взгляд проникнет сквозь покровы обыденного. — Голос Трелони долетал как из густого тумана.
Гарри пытался сосредоточиться.
— Кажется, вижу, — наконец сказал он. — Что-то вроде неясного креста… — Гарри склонился над учебником. — Это значит, что тебя, к сожалению, ждут «всякие беды и испытания». А ещё, кажется, солнце. Но солнце, наоборот, означает «огромную радость»… Понятно, значит, ты скоро будешь страдать и чувствовать радость…
— По-моему, у тебя с внутренним оком что-то неладно. Не мешает проверить.
И оба подавили смешок, заметив, что профессор смотрит в их сторону.
— А теперь моя очередь. — Наморщив лоб, Рон уставился в чашку Гарри. — Вижу тёмное пятно, похожее на цилиндр. Может, ты хочешь работать в Министерстве магии?
Рон перевернул чашку.
— А теперь точь-в-точь жёлудь. Давай посмотрим, что это значит. — Он пробежал открытые странички. — «Нежданная радость. Внезапно пролившийся золотой дождь». Красота!

Надеюсь, ты со мной поделишься. — Рон опять перевернул чашку. — А теперь вижу какое-то животное. Допустим, это голова… похоже на беге… нет, скорее на овцу…
Гарри прыснул, профессор Трелони обернулась.
— Дайте-ка я взгляну, — сказала она, укоризненно глядя на Рона. Подошла к нему и взяла у него из руки чашку Гарри. Весь класс притих, ожидая её объяснения.
Профессор вращала чашку против часовой стрелки, внимательно рассматривая узоры на её стенках.
— Это сокол… Мой мальчик, у тебя есть смертельный враг.
— Кто этого не знает? — громко прошептала Гермиона. Профессор Трелони воззрилась на неё сквозь свои огромные очки. — Да все. Всем известно про Гарри и про Того-Кого-Нельзя-Называть.
Гарри и Рон смотрели на Гермиону с восторженным изумлением. Гермиона никогда ещё не позволяла себе так говорить с учителями. Профессор Трелони предпочла ничего не ответить. Она приблизила огромные глаза к чашке Гарри и снова вперилась в неё, продолжая вращать.
— Дубинка… нападение… Боже мой, какая несчастливая чашка!
— А по-моему, это был цилиндр, — неуверенно протянул Рон.
— Череп… опасность в дороге…
Все смотрели на профессора Трелони, затаив дыхание. Она последний раз покрутила чашку и вскрикнула. В тот же миг опять раздался звук бьющегося фарфора — Невилл разбил ещё одну чашку. Профессор Трелони опустилась в ближайшее кресло, смежив веки и прижав к сердцу поблёскивающую самоцветами руку.
— Мой мальчик, мой бедный мальчик… Нет, милосерднее промолчать… Не спрашивайте меня…
— Что вы там видите, профессор? — тут же спросил Дин Томас.
Весь класс повскакал с мест, сгрудившись у стола Гарри и Рона, каждый старался заглянуть в чашку Гарри.
— Мой мальчик, — профессор распахнула огромные глаза. — У тебя здесь Грим.
— Что? — не понял Гарри.
Но не понял не только он. Дин пожимал плечами, у Лаванды был явно недоумённый вид, остальные в ужасе прижали к губам ладони.
— Грим, мой мальчик! Грим! — Профессора Трелони поразила непонятливость Гарри. — Огромный пёс, вестник беды, кладбищенское привидение! Мой дорогой мальчик, это самое страшное предзнаменование, оно сулит смерть.
У Гарри оборвалось сердце. Собака на обложке «Предзнаменований смерти» во «Флориш и Блоттс», собака ночью на улице Магнолий. Лаванда тоже зажала рот ладонью. Взгляды всех устремлены на него, всех, кроме Гермионы. Гермиона встала и подошла сзади к креслу, где сидела профессор Трелони.
— По-моему, ничего общего с Гримом, — твёрдо произнесла она.
Трелони смотрела на девочку с растущей неприязнью.
— Простите меня, милая, за то, что я вам сейчас скажу. Мой мысленный взор видит вокруг вас совсем слабую ауру. Очень слабая восприимчивость волн, идущих из будущего.

Симус Финниган так и эдак склонял голову. Даже сощурил глаза почти до щёлочек.
— Кажется, и правда похоже на Грима. А если отсюда взглянуть, — он подвинулся влево, — то больше смахивает на осла.
— Да перестанете вы гадать, умру я скоро или не умру! — вдруг воскликнул Гарри неожиданно для самого себя. И все сразу потупились.
— На этом наш урок сегодня закончен, — произнесла Трелони своим самым потусторонним голосом. — Соберите, пожалуйста, все ваши вещи…
Ученики молча поставили на место чашки, собрали учебники и закрыли сумки. Даже Рон старался избегать взгляда Гарри.
— До встречи, дорогие мои, — замогильным голосом выдохнула Трелони. — И да сопутствует вам удача. Ах, да, Невилл, ты в следующий раз опоздаешь. Пожалуйста, прочитай по учебнику, что пропустишь на уроке. А то можешь отстать.
Друзья молча спустились по винтовой лестнице и поспешили на урок трансфигурации профессора МакГонагалл. Они долго искали её класс и не опоздали только потому, что Трелони отпустила их раньше.
Гарри выбрал место в самом конце класса и всё равно чувствовал, как будто на него направлены огни рампы — то и дело ловил на себе чей-нибудь взгляд. Уж не ожидают ли однокурсники, что он в любую минуту может упасть замертво? Он почти не слышал, что профессор МакГонагалл рассказывала про анимагов — волшебников, которые могут по желанию обратиться в зверя. И даже не смотрел, как она превратилась у всех на глазах в полосатого кота со следами от очков вокруг глаз.
— Что сегодня такое со всеми вами? — спросила профессор МакГонагалл, приняв под звук лёгкого хлопка свой обычный облик. — Это, разумеется, неважно, но ещё никогда не было, чтобы превращение в кота и обратно не вызвало аплодисментов.
И хотя все взгляды опять обратились к Гарри, класс как в рот воды набрал. Гермиона подняла руку.
— Дело в том, профессор, что у нас первый урок был прорицание, мы гадали по чаинкам. Ну и…
— Ах, вот оно что! Тогда всё ясно. — МакГонагалл нахмурилась. — Можете, мисс Грэйнджер, ничего больше не говорить. Так кто же в этом году должен умереть?
Опять молчание.
— Я, — наконец сказал Гарри.
— Ну что ж! — МакГонагалл буравила Гарри взглядом. — Так вот знайте, Поттер, Сивилла Трелони с первого дня появления в школе ежегодно предсказывает скорую смерть одному из студентов. Никто, однако, до сих пор не умер. Знакомство с классом она начинает с предзнаменований смерти. Очень это любит. Я никогда не говорю плохо о моих коллегах. — Профессор умолкла, и ноздри у неё побелели. Справившись с собой, она продолжала: — Прорицание — самая неточная ветвь магических знаний. Не стану от вас скрывать, я к ней отношусь недостаточно терпимо. Настоящие ясновидцы чрезвычайно редки, и профессор Трелони…
МакГонагалл опять умолкла и затем обратилась к Гарри своим обычным деловым тоном:

— Вы прекрасно выглядите, Поттер. Так что не будьте на меня в обиде, если я не освобожу вас от домашнего задания. Но не сомневайтесь, в случае смерти выполнять его не обязательно.
Гермиона рассмеялась. Гарри стало легче дышать. Не так страшно бояться предсказания чаинок в красноватом свете и дурманящем аромате чайной комнаты. Другое дело — осознанный страх среди бела дня. Но не всех успокоили слова профессора МакГонагалл. Рон сидел как на иголках, а Лаванда вдруг сказала:
— Но ведь Невилл всё-таки разбил чашку! Как это объяснить?
Урок трансфигурации окончился, и гриффиндорцы вместе со всей голодной публикой устремились в Большой зал.
— Да успокойся ты, Рон. — Гермиона придвинула ему большую миску с рагу. — Ты же слышал, что сказала профессор МакГонагалл.
Рон положил себе в тарелку рагу, взял вилку, но есть не стал.
— Гарри, — сказал он тихим серьёзным голосом, — а тебе не случалось видеть где-нибудь большого чёрного пса?
— Случалось, — кивнул Гарри. — Я его видел тем вечером, когда убежал от Дурслей.
У Рона выпала вилка из рук
— Наверное, какая-нибудь бродячая собака, — пожала плечами Гермиона.
Рон взглянул на неё, как на спятившую.
— Гермиона, — сказал он, — если Гарри видел Грима, это… это очень плохо. Мой дядя Билиус однажды увидел его и спустя сутки умер.
— Совпадение, — отмахнулась Гермиона, наливая себе тыквенного сока.
— Ты просто не знаешь, о чём говоришь, — начал сердиться Рон. — Большинство волшебников умирает от страха, увидев Грима.
— Вот-вот. Именно от страха, — задрав нос, проговорила Гермиона. — Грим — не предзнаменование смерти, а её причина. И Гарри сейчас с нами именно потому, что он не такой дурак — увидел чёрного пса и не помер.
Рон что-то беззвучно прошептал, глядя на Гермиону. А Гермиона вынула новенький учебник по нумерологии, раскрыла и поставила на стол, прислонив к кувшину с тыквенным соком.
— По-моему, прорицание — довольно путаный предмет, нет в нём ясности, — сказала она, ища заданную страницу. — Сплошное гадание.
— С Гримом в той чашке всё было ясно, — отстаивал своё Рон.
— Но на уроке ты не был так в этом уверен. Сам сказал Гарри: не то бегемот, не то овца.
— Профессор Трелони сказала, что у тебя слабая аура! Просто тебе неприятно, что и ты иногда можешь сморозить глупость.
Последние слова Гермиону явно задели. Она захлопнула учебник и так швырнула его на стол, что мясо и морковь из тарелки разлетелись во все стороны.
— Если на уроках прорицания надо притворяться, что видишь в чаинках предзнаменования, так я лучше совсем перестану на них ходить. И никто не будет меня упрекать, что я сморозила глупость. Этот урок — просто чушь по сравнению с моей любимой нумерологией.
Гермиона схватила сумку и гордо удалилась.

* * *

Было приятно после обеда выйти на свежий воздух. После вчерашнего дождя небо ясное, бледно-серое, влажная трава пружинит под ногами. Друзья шли на свой первый урок по уходу за магическими существами.

Рон и Гермиона друг с другом не разговаривали. Гарри тоже молчал. Шли через луг, спускающийся к Запретному лесу, где на опушке стояла хижина Хагрида. Впереди замаячили три слишком хорошо знакомые спины, значит, предстоящие два урока они будут заниматься со слизеринцами. Малфой о чём-то вдохновенно разглагольствовал, а Крэбб и Гойл похохатывали. Гарри не сомневался, что знает, о чём у них идёт речь.

Лесничий ожидал учеников перед дверью хижины. Он стоял в своей кротовой шубе, сзади него — охотничий пёс Клык. Весь его вид выражал нетерпение — ведь это был первый в его жизни урок.

— Скорее идёмте! — закричал он, когда ученики подошли метров на десять. — Какой урок я для вас приготовил! Сейчас увидите. Все за мной, вперёд!

На какой-то миг Гарри подумал с содроганием, что Хагрид ведёт их в Запретный лес. Прогулки по этому лесу были для него столь тяжким испытанием, что он до конца дней их не забудет. Но Хагрид повёл их вдоль опушки, и скоро они оказались у ограды просторного загона. В нём никого не было.

— Прошу всех встать вдоль изгороди! — распорядился Хагрид. — Чтобы всем… э-э… было хорошо видно. А теперь первым делом откройте книжки…

— Что-о? — изумился Малфой. — Как это откройте?

— А? — не понял Хагрид.

— Как мы будем их открывать? — членораздельно повторил Малфой.

Он вынул свой учебник, который был крепко-накрепко перевязан длинной верёвкой. Все остальные тоже достали опасные книжки. Одни, как Гарри, стянули свою ремнём, многие засунули в тесную папку с молнией, кто-то усмирил огромными скрепками.

— Кто-нибудь… э-э… может открыть? — спросил Хагрид упавшим голосом.

Весь класс отрицательно замотал головами.

— Это совсем просто… Надо только её погладить. — Хагрид говорил так, точно речь шла о самой естественной вещи.

Он взял у Гермионы учебник и содрал с него широкую клейкую ленту. Учебник тотчас клацнул страницами, нацелясь откусить Хагриду палец, но лесничий огромным указательным пальцем успел погладить его корешок. Книга вздрогнула, раскрылась и послушно легла на его широкую ладонь.

— Ах, какие мы все глупые! — насмешливо воскликнул Малфой. — Оказывается, всего только надо погладить! А мы и не знали!

— Я… я… думал, они такие милые, — неуверенно сказал Хагрид, взглянув на Гермиону.

— Просто милашки! — издевался Малфой. — Хороша шутка, рекомендовать учебник, готовый оттяпать руку.

— Заткнись, Малфой, — тихо сказал Гарри. У Хагрида был такой несчастный вид, а Гарри очень хотелось, чтобы его первый урок прошёл как нельзя лучше.

— Ну… ну вот… — Хагрид, очевидно, потерял нить дальнейших действий. — Теперь у вас… это, значит… есть учебники. Но главное — волшебные существа. Пойду сейчас приведу. Подождите…
Лесничий пошёл в лес и скоро скрылся за деревьями.
— Ну и ну! — воскликнул Малфой. — Школа летит ко всем чертям! Этот олух будет нас учить! Я расскажу отцу, его удар хватит!
— Заткнись, — повторил Гарри.
— Потише, Поттер. Сзади тебя дементор!
— Ой-ой-ой! — взвизгнула Лаванда, махнув в сторону дальнего конца загона.
Оттуда к ним галопом приближалось около дюжины самых странных существ. Ничего подобного Гарри в жизни не видел. Туловище, задние ноги и хвост коня, передние лапы, крылья и голова — орлиные; сильный стального цвета клюв и огромные блестящие, как апельсины, глаза. Когти на передних лапах величиной в треть метра — настоящее орудие убийства. На каждом животном кожаный ошейник, вместо поводка — длинная цепь. Концы поводков крепко зажаты в огромных ручищах Хагрида, который рысью следует за «волшебными существами».
— Но! Но! Вперёд! — оглушительно кричал Хагрид, гремя цепями и направляя упряжку к изгороди, за которой стояли ученики.
Подъехав ближе, Хагрид привязал зверей к частоколу, ученики опасливо попятились.
— Знакомьтесь! Гиппогрифы! — восторженно махал рукой лесничий. — Красавцы, а!
Гарри мог, в общем, его понять. Изумление при виде коней-орлов быстро сменилось восхищением, вызванным их изяществом и игрой красок. Одетые перьями голова и холка плавно переходили в лоснящийся торс. И все они были разные — сизые, рыжие, красные, каштановые и аспидно-вороные.
— Ну как? — Хагрид потёр ручищи одну о другую. Лицо его сияло восторгом. — Если хотите, можете подойти ближе.
Желающих, кроме Гарри и Рона с Гермионой, не нашлось. Друзья осторожно приблизились к изгороди.
— Перво-наперво запомните, — сказал Хагрид. — Это зверь гордый. Никогда ему не грубите. Не то и с белым светом проститься недолго.
Малфой, Крэбб и Гойл не слушали: они о чём-то шептались. Наверняка готовятся сорвать урок, с тревогой подумал Гарри.
— Гиппогриф всё делает по своему хотению и очень любит блюсти церемонию, — продолжал Хагрид. — Подойдёшь к нему, поклонись. И жди. Он в ответ поклонится, можешь его погладить. Если на поклон не ответит, не тронь и скорее отойди подальше: когти у него как сталь. Кто первый хочет познакомиться?
Ученики ещё на шаг отступили от изгороди. Даже трое друзей не горели желанием пообщаться с крылатыми красавчиками. Гиппогрифы вскидывали свирепые морды и шевелили могучими крыльями. Им, похоже, не очень нравилось сидеть на цепи.
— Никто не хочет? — умоляющим голосом спросил лесничий.
— Я хочу, — решился Гарри.

Сзади кто-то взволнованно задышал, и Лаванда с Парвати прошептали в один голос:
— Не делай этого, Гарри. Вспомни про чаинки!
Гарри как будто не слышал и перемахнул через изгородь.
— Молодец, Гарри! — кричал Хагрид, — Я уверен, ты с Клювокрылом поладишь!
Он отвязал сизого гиппогрифа и снял с него ошейник. Школьники по другую сторону забора затаили дыхание, Малфой злобно прищурился.
— Спокойно, Гарри, — громыхал Хагрид. — Гляди ему прямо в глаза, называется «глазной контакт». Старайся не моргать. Гиппогрифы не верят тому, кто часто моргает.
И конечно, глаза у Гарри тут же стали слезиться. Но он всё равно держал их широко открытыми. Клювокрыл повернул огромную с тяжёлым клювом голову и воззрился на Гарри немигающим оранжевым глазом.
— Хорошо, Гарри, хорошо, — говорил Хагрид. — Теперь кланяйся.
Гарри не очень-то хотел подставлять шею грозному клюву гиппогрифа, но сделал, как было велено. Быстро поклонился и опять взглянул на полузверя-полуптицу.
Гиппогриф не шевельнулся, продолжая высокомерно глядеть на мальчика.
— Гарри! — забеспокоился Хагрид. — Ступай назад, скорее, но не резко…
И тут, к великому удивлению Гарри, гиппогриф согнул чешуйчатые колени передних лап и безо всякого сомнения отвесил поклон.
— Здорово, Гарри! — ликовал Хагрид. — Теперь можешь подойти к нему, погладить клюв!
Для Гарри, конечно, лучшей наградой было бы разрешение покинуть загон, но делать нечего, он медленно подошёл к гиппогрифу, протянул руку и несколько раз погладил его по клюву. Гиппогриф лениво зажмурился и даже как будто улыбнулся от удовольствия.
Все захлопали, кроме Малфоя и его дружков, вид у которых был явно разочарованный.
— Молодчина, Гарри. Думаю, он тебя покатает!
Ну уж это, пожалуй, слишком! Такого уговора не было. Гарри привык летать на метле. А между гиппогрифом и метлой большая разница.
— Лезь сюда, между крыльев. Смотри не дёргай за перья, он это не любит.
Гарри поставил ногу на крыло и вскочил гиппогрифу на спину. Птица-зверь выпрямилась. Гарри не знал, за что держать, — вокруг были одни перья.
— Вперёд! — приказал Хагрид, хлопнув Клювокрыла повыше хвоста.
Клювокрыл, не подав знака, раскрыл четырёхметровые крылья, Гарри едва успел ухватиться за шею и взмыл в небо. Да, с метлой ничего общего. И Гарри знал, чему отдаёт предпочтение. По обе стороны бились два огромных крыла, задевая колени, казалось, гиппогриф вот-вот его сбросит. Точно покрытые лаком, перья скользили из-под пальцев, а сильней вцепиться опасно. Как всё-таки славно летать на «Нимбусе-2000», точно паришь в воздухе. А здесь бросает то вверх, то вниз вместе с крупом, в такт взмахам крыльев.
Клювокрыл облетел загон и пошёл на посадку — этого Гарри боялся больше всего.
Гиппогриф резко нагнул гладкую, как шёлк, шею, и Гарри чуть не перелетел через клюв, хорошо, что успел откинуться назад. В тот же миг раздался крепкий удар о землю разномастных передних и задних ног. Гарри сумел удержаться на крупе и выпрямился, как в седле.

— Ты великий наездник, Гарри! — восхищался Хагрид. — Кто ещё хочет?
Гарри приветствовали как победителя все, кроме ненавидящей его троицы. И всем тоже захотелось полетать на удивительных чудищах.
Перелезли через забор, Хагрид отвязал гиппогрифов, и скоро весь загон представлял собой удивительное зрелище — мальчишки и девчонки, немного побаиваясь, кланялись, пёстрые чудища приседали, Невиллу несколько раз пришлось бежать от своего крылатого партнёра, не желавшего отвесить поклон. Рон с Гермионой облюбовали гиппогрифа каштановой масти, Гарри стоял поодаль и смотрел.
Малфой с приятелями тоже решили прокатиться. Выбор их пал на Клювокрыла. Клювокрыл любезно поклонился Малфою в ответ на приветствие, и Малфой стал гладить его клюв, не проявляя особого почтения.
— Это совсем просто, — говорил он, растягивая слова, но так, чтобы слышал Гарри. — Я в этом не сомневаюсь. Раз даже Поттер справился… Держу пари, — обратился он к гиппогрифу, — ты ничуть не опасен! Ты глупый, огромный, уродливый зверь.
В какую-то долю секунды сверкнули стальные когти, и Малфой издал душераздирающий крик. Хагрид бросился к Клювокрылу, не без борьбы надел на него ошейник, а тот так и рвался у него из рук нанести обидчику ещё удар. Малфой, скорчившись, лежал на траве, мантию расцвечивали ярко-красные пятна крови.
— Я умираю! — громко стонал Малфой, окружённый испуганными одноклассниками. — Да, умираю! Видите, он меня убил!
— Не умираешь! — сказал бледный как полотно Хагрид. — Помогите мне кто-нибудь. Его надо унести отсюда.
Гермиона бросилась открывать ворота паддока. Хагрид как пушинку поднял Малфоя, Гарри успел увидеть у него на руке длинный глубокий порез, из раны на траву лилась кровь. Хагрид со всех ног бежал к главному входу.
Потрясённые ученики медленно возвращались в замок. Слизеринцы ругали Хагрида.
— Его надо немедленно выгнать! — кричала Пэнси Паркинсон, заливаясь слезами.
— Малфой сам виноват! — вступился за Хагрида Дин Томас.
Крэбб с Гойлом угрожающе заиграли мускулами.
Всей группой поднялись по каменным ступеням в пустой холл.
— Пойду узнаю, как он там, — сказала Пэнси и побежала вверх по мраморной лестнице.
Остальные слизеринцы пошли вниз к себе в гостиную, не переставая честить Хагрида.
Гарри и Рон с Гермионой поспешили к себе в башню.
— Как вы думаете, с ним всё будет в порядке? — Гермиона была очень встревожена.
— Конечно, Мадам Помфри в одну секунду справится с такой раной, — сказал Гарри.
В прошлом году она сотворила чудо, поставив Гарри на ноги после заклинания профессора Локонса.
— Всё-таки лучше бы этого не случилось во время первого урока Хагрида. — Рон был явно обеспокоен. — Вот увидите, Малфой раздует из этого историю.
Они первые пришли на обед в Большой зал, надеясь увидеть Хагрида, но его там не было.
— Неужели его за это выгонят? — Гермиона даже не притронулась к пирогу с говядиной и почками.

— Наверное, нет. — Рон тоже ничего не ел.
Гарри следил, что делается за столом слизеринцев. Несколько человек во главе с Крэббом и Гойлом о чём-то шушукались — наверняка сочиняют свою версию произошедшего на уроке Хагрида.
— Во всяком случае, скучным первый день занятий не назовёшь, — подвёл Рон мрачный итог знакомству с гиппогрифами.
После обеда отправились в гостиную готовить домашнее задание для профессора МакГонагалл. Но работа не шла, все трое то и дело отрывались и шли к окну.
— У Хагрида зажёгся свет, — вдруг сказал Гарри.
Рон взглянул на часы.
— Если поторопимся, — сказал Рон, — можем пойти повидать его. Ещё совсем рано.
— Не знаю, — протянула Гермиона и поглядела на Гарри.
— Мне никто не запрещал ходить по территории школы, — сказал Гарри, поняв её взгляд. — Сириус Блэк ведь не сможет преодолеть заслон из дементоров.
И компания, отложив в сторону учебники, вышла через портретный проём и двинулась в сторону холла. К счастью, никто по дороге не встретился — они ведь не были совсем уж уверены, что поступают правильно.
Трава была ещё влажная и в густеющих сумерках казалась чёрной. Подойдя к двери хижины, они постучали. Голос внутри прохрипел: «Войдите!»
Хагрид сидел в рубахе с короткими рукавами за чисто выскобленным столом, охотничй пёс Клык стоял рядом, положив морду ему на колени. Им хватило одного взгляда, чтобы понять — Хагрид пьян. На столе перед ним красовался огромный кувшин, величиной с доброе ведро. Глаза разбегались, казалось, он никак не может поймать гостей в фокус.
— Поставил… э-э… рекорд, — севшим басом произнёс он, узнав троих друзей. — Уч… учительствовал всего, один день…
— Тебя ещё никто не увольнял, Хагрид! — поспешила сказать Гермиона.
— Пока не увольнял. — Хагрид в полном расстройстве чувств отхлебнул из кувшина хороший глоток. — За немногим стало… Полегчает Малфою…
— Как он? — спросил Рон, когда все уселись. — Рана, по-моему, несерьёзная.
— Мадам Помфри сделала что надо… лучшим образом. А он всё голосил, помираю, мол, лежит весь в бинтах, стонет… — уныло покачал головой лесничий.
— Притворяется, — сказал Гарри. — Мадам Помфри может вылечить что угодно. Она в прошлом году вырастила во мне половину костей. Малфой уж постарается, раздует из мухи слона.
— Школьному начальству наверняка сообщили… — горевал Хагрид. — Они скажут, не с того начал. Рано гиппогрифов-то… Лучше бы флоббер-черви… или ещё кто… Хотелось как лучше… первый урок всё же… Моя ошибка…
— Ничего подобного. Малфой сам виноват, — твёрдо сказала Гермиона.
— Мы будем свидетелями, — прибавил Гарри. — Ты сказал, если гиппогрифа оскорбить, он набросится. А Малфой в это время не слушал. Кто в этом виноват! Мы расскажем Дамблдору, как всё было.

— Конечно, расскажем. Так что ты не волнуйся! — присоединился к друзьям Рон.
Из чёрных, как агат, глаз Хагрида покатились слёзы. Он схватил Гарри с Роном и сжал их в стальных объятиях.
— Я думаю, Хагрид, — не допускающим возражения тоном сказала Гермиона, — больше тебе пить нельзя.
Взяла со стола кувшин и вышла из комнаты.
— Наверное, она права, — прохрипел Хагрид, отпустив Рона и Гарри, которые, пошатываясь, стали растирать рёбра. Лесничий вылез из своего кресла и нетвёрдой походкой последовал за Гермионой. Снаружи раздался громкий всплеск.
— Что он там делает? — занервничал Рон.
— Сунул голову в бочку с водой, — сказала вернувшаяся с пустым кувшином Гермиона.
Хагрид вернулся, с длинных волос и бороды текли ручьи, смывая слёзы, которые всё ещё текли у него из глаз.
— Так-то оно лучше, — сказал он и затряс головой, как намокшая собака, окатив всех троих брызгами. — Хорошо, что пришли ко мне, я, правда…
Хагрид вдруг осёкся и уставился на Гарри, как будто только сейчас до него дошло, что у него в хижине Гарри.
— Что вы себе такое позволяете! — прогремел он, так что все трое подпрыгнули. — Тебе, Гарри, запрещено, как стемнеет, выходить из замка! А вы двое! Как смели его с собой взять!
Хагрид подскочил к Гарри, схватил за руку и потащил к двери.
— Идём! — сказал он сердито. — Я тебя… э-э… отведу… И чтоб больше никогда не ходил… э-э… ко мне… по ночам. Я того не стою…

Глава 7

Боггарт в шкафу

До четверга Малфой на уроках не появлялся. Утром в четверг у слизеринцев и гриффиндорцев было подряд два урока зельеварения. Малфой явился на второй с видом героя, раненного в жестокой битве: рука забинтована и на перевязи.

— Как рука, Драко? — нарочито заботливо спросила Пэнси Паркинсон. — Болит?

— Болит, — насупился Малфой, подмигнув за спиной Пэнси верным телохранителям Крэббу и Гойлу.

— Садитесь скорее, — бросил как бы между прочим Снегг.

Гарри и Рон хмуро переглянулись: явись они с таким опозданием, Снегг оставил бы их после уроков. А Малфою всё сходит с рук, ведь Снегг декан у Слизерина и своим прощает всё.

Проходили новое зелье, уменьшающее. Малфой поставил котёл на огонь рядом с котлами Гарри и Рона и уселся за стол напротив них.

— Сэр, — обратился он к Снеггу, — у меня болит рука, я не могу нарезать коренья маргаритки.

— Уизли, нарежьте Малфою, — не взглянув на Рона, приказал Снегг.

Рон покраснел до ушей.

— Врёшь ты всё, ничего у тебя не болит! — прошипел он.

Малфой самодовольно ухмыльнулся.

— Слышал, что сказал профессор Снегг? Давай, режь.

Рон схватил нож, подвинул коренья к себе и наскоро порубил на крупные неровные куски.

— Профессор, — пожаловался Малфой, — Уизли кое-как их нарезал.

Снегг подошёл, свесил над ними длинный крючковатый нос и криво улыбнулся из-под чёрных, засаленных косм:

— Отдайте свои коренья Малфою, Уизли, а его возьмите себе.

— Но, сэр… — Рон целую четверть часа старательно трудился над своими кореньями.

— Сейчас же! — рявкнул Снегг.

Что оставалось делать? Рон подвинул к Малфою красиво нарезанные коренья, снова взял нож и принялся исправлять собственный брак.

— Сэр, мне не справиться с сушёной смоквой. — Малфой не скрывал в голосе злобной насмешки.

— Поттер, помогите Малфою почистить смокву. — Снегг ненавидяще глянул на Гарри и отошёл от их парты.

Гарри молча протянул руку за смоквой, наскоро снял с неё кожицу и швырнул обратно Малфою. Тот расплылся в улыбке.

— Как там ваш дружок Хагрид?

— Не твоё дело, — отрезал Рон, не поднимая головы.

— Недолго ему осталось нас учить, — с притворной жалостью вздохнул Малфой. — Папа так беспокоится за меня. Рука-то всё не заживает…

— Заткнись, Малфой, а то тебе правда не поздоровится! — прорычал Рон.

Но Малфой как не слышал:
— Он пожаловался попечительскому совету. И в Министерство магии. У него там большие связи, они для него всё сделают. Ведь как знать, — опять притворно вздохнул он, — может, я на всю жизнь останусь калекой.
— Так вот зачем этот маскарад! Ты хочешь, чтобы Хагрида выгнали. — У Гарри от гнева дрогнула рука, и он случайно отрезал голову сушёной гусеницы.
— И за этим, Поттер, и ещё кое за чем, — прошептал Малфой. — Уизли, порежь-ка мне гусениц.
Профессор Снегг тем временем накинулся на Невилла Долгопупса. Ему всегда доставалось на уроках зельеварения. Он ненавидел этот предмет, очень боялся Снегга и от страха всегда всё путал. Зелье, которому по рецепту полагалось быть ядовито-зелёным, у Невилла получилось…
— Оранжевое, Долгопупс! — Снегг на глазах всего класса зачерпнул немного зелья, высоко поднял черпак и опрокинул обратно в котёл. — Оранжевое! У вас в одно ухо влетает, в другое — вылетает. Я ведь яснее ясного сказал: одна крысиная селезёнка! Две капли пиявочного сока! Когда вы, наконец, станете слушать, что вам говорят?
Невилл покраснел, задрожал от страха, казалось, вот-вот заплачет.
— Сэр, — вмешалась Гермиона, — позвольте, я помогу Невиллу исправить зелье.
— По-моему, я вас не спрашивал, мисс Грэйнджер, и нечего выскакивать. — Снегг напустился на Гермиону, и она тоже залилась краской. — В конце урока, Долгопупс, мы дадим отведать это зелье вашей жабе. Может, тогда вы поумнеете. — И Снегг отправился дальше.
У Невилла от ужаса спёрло дыхание, он обернулся к Гермионе и простонал:
— Гермиона, помоги.
Симус Финниган попросил у Гарри латунные весы.
— Гарри, слышал, что пишут в «Пророке»? Сириуса Блэка видели, — с тревогой сообщил он.
— Где? — Гарри с Роном широко раскрыли глаза. Малфой тоже навострил уши.
— Совсем недалеко отсюда. Его видела одна магла. Она, конечно, приняла его за обычного преступника и позвонила в полицию. Когда из Министерства магии примчались, Блэка и след простыл.
— Значит, недалеко… — повторил Рон, многозначительно взглянув на Гарри. И, заметив, что Малфой подслушивает, прибавил: — Чего тебе? Ещё что-нибудь нарезать?
Малфой сощурил глаза и подался вперёд.
— Что, Поттер, хочешь сам поймать Блэка?
— Конечно, — отмахнулся Гарри.
Тонкие губы Малфоя скривились в усмешке, и он шёпотом продолжал:
— Будь я на твоём месте, я уж давно бы его нашёл. Не стал бы строить из себя паиньку.
— Отвяжись, Малфой! — вскипел Рон.
— А ты что, Поттер, разве не знаешь? — Малфой сузил белёсые глаза.
— Чего не знаю?

Малфой ехидно засмеялся.
— Ты просто струсил! Надеешься, что его поймают дементоры? А я бы на твоём месте отомстил. Сам бы его выследил.
— О чём это ты? — нахмурился Гарри. Перепалку прекратил голос Снегга:
— У вас в котлах все необходимые вещества. Пусть зелье покипит, а вы пока уберите со столов. В конце урока проверим раствор Долгопупса…
Невилл лихорадочно размешивал зелье, даже вспотел. Глядя на него, Крэбб с Гойлом на весь класс расхохотались. Гермиона украдкой шептала Невиллу, что делать. Гарри с Роном убрали со стола коренья, гусениц и пошли мыть черпаки под струями фонтана в углу класса.
— Что такое нёс Малфой? — спросил Гарри Рона, подставив руки под ледяную струю, льющуюся из пасти каменной гаргульи. — За что мне мстить Блэку? Он мне пока ничего плохого не сделал.
— Это он нарочно, подначивает тебя. Хочет, чтоб ты сделал какую-нибудь глупость.
Перед самым концом урока Снегг подошёл к Невиллу. Невилл всё ещё сидел на корточках у котла.
— Идите все сюда, — позвал Снегг, поблёскивая глазами. — Поглядим, что будет с жабой Долгопупса. Правильно сваренное зелье превратит её в головастика. Если же Долгопупс испортил варево — а я в этом не сомневаюсь, — его жаба сдохнет.
Гриффиндорцы с опаской ждали, что будет. Слизеринцы ликовали. Снегг взял Тревора, зачерпнул ложечкой каплю зелья — оно было теперь зелёное — и влил жабе в рот. Воцарилась мёртвая тишина. Тревор сглотнул — хлоп! — превратился в головастика и завертелся у Снегга на ладони
Гриффиндорцы захлопали. Снегг с кислой миной вытащил из кармана пузырёк, капнул на Тревора какой-то жидкости, и головастик снова стал жабой.
— Минус пять очков Гриффиндору, — объявил Снегг, и улыбки с лиц гриффиндорцев исчезли. — Помнится, мисс Грэйнджер, я запретил помогать Долгопупсу. Урок окончен.
Гарри и Рон с Гермионой вышли из класса. Поднимаясь по лестнице в холл, Гарри думал о словах Малфоя. А Рон всё ещё кипел от гнева:
— Отнять у нас пять баллов за прекрасное зелье! Почему ты, Гермиона, промолчала? Сказала бы, что Невилл сам его сварил. Подумаешь, один бы раз соврала!
Гермиона не ответила, и Рон обернулся.
— А где Гермиона?
Друзья остановились. Мимо шли на обед гриффиндорцы, слизеринцы и ученики других факультетов. Гермиона как сквозь землю провалилась.
— Она ведь шла с нами, — нахмурился Рон.
В сопровождении Крэбба и Гойла прошествовал Малфой. Поравнявшись с Гарри, он презрительно ухмыльнулся.
— Вон она, — увидел её Гарри на нижней площадке сзади.
Гермиона, отдуваясь, поднималась по лестнице, неся в одной руке набитый учебниками портфель, другой придерживала под мантией ещё какую-то ношу.

— Как это ты сумела? — удивился Рон.
— Что? — спросила Гермиона.
— Только что была рядом, и вдруг опять внизу.
Гермиона смутилась.
— Я… м-м… забыла кое-что в классе. Ай! — Портфель Гермионы лопнул по шву, и все книги вывалились.
Как портфелю не порваться, подумал Гарри, от таких тяжеленных книг.
— Зачем ты таскаешь с собой столько учебников? — удивился Рон.
— У меня ведь уроков больше, чем у вас, — тяжело дыша, объяснила Гермиона. — Подержи, пожалуйста.
— Но у нас нет сегодня этих уроков. — Рон вертел книги в руках и читал названия. — После обеда только защита от тёмных искусств.
— Верно, — согласилась Гермиона, снова набила сумку учебниками и как ни в чём не бывало добавила: — Интересно, что у нас на обед? Умираю от голода!
С этими словами Гермиона бодро зашагала в Большой зал.
— Тебе не кажется, что она что-то от нас скрывает? — заметил Рон.
После обеда был первый в этом году урок защиты от тёмных искусств. Ученики вошли в класс, расселись по местам, достали книги, пергамент, перья и в ожидании профессора перекидывались шутками. Он наконец вошёл, улыбнулся и бросил на стол видавший виды портфель. Одежда на нём была та же, потрёпанная и заплатанная, но выглядел он лучше, чем в поезде, как будто поздоровел после нескольких сытных обедов.
— Добрый день, — приветствовал он учеников. — Учебники можете убрать. Сегодня у нас практическое занятие, оставьте только волшебные палочки.
С любопытством переглянувшись, ученики спрятали книги и бумагу с перьями.
Практическое занятие по защите от тёмных искусств было у них всего один раз, они его хорошо помнили: профессор Локонс принёс клетку с шалунами пикси, выпустил их, и они перевернули всё в классе вверх дном.
— Ну что, готовы? — спросил Люпин. — Пойдёмте со мной.
Школьники сгорали от любопытства. Вышли за профессором из класса, пошли по коридору и свернули за угол. У ближайшей двери висел в воздухе вниз головой, растопырив кривые пальцы на ногах, полтергейст Пивз и замазывал жвачкой замочную скважину.
Заметив Люпина, полтергейст задёргал ногами в воздухе и заорал:
— Глупый Люпин, глупый Люпин, глупый Люпин…
Пивз был известный грубиян и дразнила, но учителей вообще-то побаивался. Ученики поглядели на Люпина, как он отнесётся к выходке Пивза. Люпин улыбался.
— Я бы на твоём месте отлепил жвачку с замочной скважины, Пивз, — приветливо сказал он. — Мистер Филч весьма огорчится, ведь там его щётки.
Филч, школьный завхоз со скверным характером, тоже учился когда-то в школе «Хогвартс», но волшебник из него не вышел, и Филч из зависти вечно воевал со студентами, перепадало и Пивзу. Пивз, однако, пропустил слова Люпина мимо ушей, издав губами непристойный звук.

Профессор Люпин вздохнул и вынул волшебную палочку.
— На этот случай есть одно полезное заклинание, — сказал он ученикам через плечо. — Смотрите внимательно.
Он быстро вытянул руку на уровне плеч, навёл палочку на Пивза и произнёс:
— Ваддивази!
Жвачка пулей выскочила из замочной скважины и прямо Пивзу в левую ноздрю, Пивз перекувырнулся и, бранясь, умчался прочь.
— Здорово, сэр! — в восторге воскликнул Дин Томас.
— Спасибо, Дин. — Люпин спрятал волшебную палочку. — Ну что, идём дальше?
Люпин сразу вырос во мнении учеников, и они с уважением поглядывали на него и на поношенную одежду. Пройдя следующий коридор, Люпин остановился перед учительской.
— Ну вот мы и пришли. Заходите. — И он открыл дверь.
В отделанной деревянными панелями просторной учительской стояло много старых разномастных кресел. В одном из них у камина сидел профессор Снегг. Он обернулся на шум и криво улыбнулся, блеснув глазами. Профессор Люпин вошёл последний и хотел было закрыть за собой дверь, но Снегг остановил его:
— Постойте, Люпин, я, пожалуй, пойду. Зрелище предстоит не из приятных.
Снегг поднялся и широким шагом прошествовал мимо учеников, его мантия развевалась, словно чёрный парус на ветру. В дверях он остановился, круто развернулся и с усмешкой сказал:
— Хочу вас предупредить, Люпин, в этом классе учится Невилл Долгопупс. Так вот, советую ничего ответственного ему не поручать, он не справится, если только мисс Грэйнджер не нашепчет ему на ухо, что и как делать.
Невилл покраснел. Гарри исподлобья глянул на Снегга: мало ему унижать Невилла на своих уроках, так он науськивает на него и других учителей.
Профессор Люпин удивлённо поднял брови:
— А я надеялся, что именно Невилл мне сегодня поможет. Уверен, он превосходно справится с заданием.
Невилл побурел, как свёкла. Снегг презрительно скривился, вышел и громко хлопнул дверью.
— Поглядите на гардероб, — сказал профессор Люпин и жестом указал на дальний конец комнаты, где стоял старый гардероб для мантий.
Люпин подошёл к гардеробу, внутри что-то завозилось, и гардероб покачнулся, ручка дверцы задёргалась. Ученики в переднем ряду отшатнулись.
— Там всего-навсего обычный боггарт, — успокоил их учитель. — Так что бояться нечего.
Большинство всё-таки полагало, что боггарта стоит бояться. Невилл с ужасом глядел на профессора Люпина. Симус Финниган не сводил опасливого взгляда с дверцы: только бы не открылась.
— Боггарты любят темноту, — рассказывал Люпин. — И чаще всего прячутся в гардеробе, под кроватью, в ящике под умывальником, одного я нашёл в футляре напольных часов. Этот появился здесь только вчера. Я попросил директора оставить его для нашего сегодняшнего урока. Кто ответит, что такое боггарт?

Гермиона подняла руку.
— Боггарт — это привидение, которое меняет свой вид. Он превращается в то, чего человек больше всего боится.
— Замечательно, даже я не ответил бы точнее, — похвалил Гермиону Люпин, и та зарделась. — Так вот, боггарт в гардеробе ещё ни на что не похож. Он не знает, кого и чем станет пугать. Как он выглядит, неизвестно, но стоит его выпустить, он тут же станет тем, чего мы боимся больше всего на свете.
Невилл дико вытаращил глаза и что-то забормотал.
— А это значит, — продолжал профессор, не обращая на Невилла внимания, — что у нас перед боггартом огромное преимущество. Можешь сказать, Гарри, какое?
Гермиона вскинула руку и даже на мыски приподнялась, чтобы её вызвали. Это сбивало с толку, но Гарри всё же решился ответить:
— Ну-у… нас здесь много.
Гермиона огорчённо опустила руку.
ридикулус!
— Ридикулус!
— Замечательно! Но это самая лёгкая часть. Волшебное слово само по себе вам не поможет. Тут-то как раз мне и понадобится, Невилл, твоя помощь. Подойди сюда.
Гардероб снова задрожал, Невилла затрясло от ужаса. К гардеробу он шёл, как на эшафот.
— Встань вот здесь. Скажи, чего ты боишься больше всего на свете?
Невилл невнятно что-то пробормотал.
— Что ты сказал, Невилл? Я не расслышал.
Невилл умоляюще оглянулся в сторону товарищей и шёпотом произнёс:
— Профессора Снегга.
Все дружно засмеялись. Невилл виновато улыбнулся. Профессор Люпин задумался.
— Так-так… профессора Снегга… ты ведь, Невилл, кажется, живёшь у бабушки?
— Д-да. Только я не хочу, чтобы боггарт обернулся моей бабушкой.
— Нет, нет, я тоже этого не хочу, — улыбнулся профессор Люпин. — Скажи, во что обычно одета твоя бабушка?
Невилл удивился, но ответил:
— Ну… всегда одна и та же высокая шляпа, на ней чучело грифа. Длинное платье, зелёное… иногда лисий палантин…
— И конечно, сумочка, — подсказал профессор.
— Да, большая красная.
— А теперь постарайся как можно ярче вообразить себе всё, что носит бабушка. Вообразил?
— Да-а, — неуверенно ответил Невилл: что-то будет дальше?
«Ридикулус!»
Гриффиндорцы дружно захохотали. Гардероб заходил ходуном.
— Если у Невилла получится, боггарт станет пугать всех по очереди, — сказал Люпин. — Вспомните теперь, чего вы больше всего боитесь, и придумайте, как страшилище превратить в посмешище.

Все притихли.
«Чего я больше всего на свете боюсь? — задумался Гарри. — Волан-де-Морта, вернувшего себе былое могущество?»
И стал перебирать в голове, как лучше его высмеять. И тут в памяти всплыло…
Из-под чёрного плаща высовывается рука… из-под капюшона вырывается хриплое протяжное дыхание… пронизывающий холод словно засасывает в трясину…
Гарри содрогнулся и посмотрел кругом: не заметил ли кто? Весь класс, зажмурившись, воображал самое-самое ужасное. Рон буркнул: «Оторвать ему ноги…» Рон, конечно, думает о пауках: он их боится до смерти.
— Ну что, придумали? — спросил Люпин. Гарри вдруг стало страшно. Он ещё ничего не придумал. Да и что придумаешь против дементора? Но стыдно просить ещё минуту, все уже кивали и закатывали рукава.
— Невилл, мы немного отойдём, чтобы тебе было свободней действовать. Потом я вызову следующего, — сказал Люпин. — Все назад, не мешайте Невиллу.
Ученики попятились и прижались к стене. Невилл остался у гардероба один-одинёшенек. Он побледнел от страха, но закатал рукава и крепко сжал палочку.
— Начнёшь, Невилл, на счёт «три». — Профессор Люпин нацелил палочку на дверь гардероба. — Раз, два, три!
Из волшебной палочки вырвалась струя искр и ударила в ручку двери. Гардероб распахнулся, из него прямо на Невилла, сверкая глазами, нос крючком, шагнул как живой профессор Снегг.
Невилл отшатнулся, но волшебной палочки не опустил, шепча заклинание одними губами. А Снегг всё надвигался, тянул к Невиллу руки, вот-вот схватит.
— Ри-ри-ридикулус!
Раздался щелчок, и Снегг покачнулся. На нём красовалось длинное, отделанное кружевами платье, на голове огромная шляпа, увенчанная грифом, основательно побитым молью, на руке вместительная дамская сумка.
Все так и покатились со смеху. Боггарт растерялся и замер как вкопанный.
— Парвати, теперь вы! — крикнул профессор Люпин.
Парвати уверенно вышла вперёд. Снегг двинулся на неё. Щелчок — и вместо него появилась обвитая пеленами в кровавых пятнах мумия. Она слепо уставилась на Парвати, вытянула руки и, медленно волоча ноги, поплелась к девочке…
— Ридикулус!
Путы на ногах мумии развились, заплели ноги, и мумия ничком грохнулась на пол, голова оторвалась и покатилась по полу.
— Симус, — вызвал Люпин.
Симус стрелой выскочил к привидению.
Щелчок — и вместо мумии появилась банши, костлявая ведьма — привидение с длинными, до пола, волосами и зелёным лицом — вестница смерти. Она широко раскрыла рот, и комната огласилась пронзительным воплем, от которого волосы на голове у Гарри встали дыбом.

— Ридикулус!
Банши захрипела, схватилась за горло: совсем пропал голос.
Щелчок — вместо неё крыса гонится за своим хвостом. Ещё щелчок — и мышь обернулась гремучей змеёй, извивалась, извивалась и вдруг превратилась в окровавленный глаз.
— Смотрите, он растерялся! — крикнул профессор Люпин. — Скоро совсем сгинет. Дин, ваша очередь!
Дин выбежал к боггарту. Щелчок — на полу запрыгала оторванная рука и по-крабьи поползла к Дину.
— Ридикулус!
Хлоп — руку захлопнула мышеловка.
— Браво, Дин! Теперь Рон.
Рон выскочил на середину комнаты.
Щёлк! Огромный, ростом выше взрослого человека, косматый паук, угрожающе клацая жвалами, пошёл на Рона. Кто-то взвизгнул, Рон на мгновение оцепенел и вдруг как взревёт:
— Ридикулус!
И ног у паука как не бывало, он покатился к Лаванде Браун. Та, пискнув, отскочила. Паук покатился к Гарри. Гарри поднял палочку…
— Позвольте мне! — крикнул вдруг профессор Люпин и встал между Гарри и пауком. «Ридикулус!»
— Идите сюда, Невилл, докончите его, — позвал Люпин.
Щелчок превратил таракана в Снегга. Невилл — на этот раз уверенно — ринулся на боггарта.
— Ридикулус!
— Превосходно! — похвалил Невилла профессор Люпин под аплодисменты учеников. — Превосходно, Невилл! Все молодцы. Оценки: по пяти баллов каждому, кто сражался с боггартом. Невиллу — десять за два раза. И по пять баллов Гермионе и Гарри.
— Но ведь я ничего не сделал, — смутился Гарри.
— Вы с Гермионой правильно ответили на вопросы, — пояснил Люпин. — Молодцы, замечательный урок. Домашнее задание: прочитать в учебнике о боггартах, законспектировать и сдать в понедельник. Всё.
Ученики загалдели и повалили вон из учительской. Вот это да! Вот это урок! Только Гарри приуныл. Профессор Люпин не дал ему сразиться с привидением. Неужели из-за того обморока в поезде? Неужели профессор думает, что он просто слабак? И при виде дементора снова грохнется в обморок?
Но никто, по-видимому, ничего такого не заподозрил.
— Видели, как ловко я сладил с этой ведьмой — банши! — кричал Симус.
— А я с рукой! — старался перекричать Симуса Дин.
— А Снегг-то! Снегг в шляпе с грифом! Вот потеха!
— А моя мумия!
— Интересно, почему профессор Люпин боится хрустального шара? — задумчиво произнесла Лаванда.

— Вот это урок! Лучше у нас ещё не было, — сказал Рон по пути в класс, где они оставили сумки с учебниками.
— Очень хороший учитель, — одобрила Гермиона. — Только мне бы тоже хотелось сразиться с боггартом.
— Вот бы поглядеть! — хихикнул Рон. — Он наверняка обернулся бы домашней работой, за которую тебе поставили не пять, а четыре.

Глава 8
Побег полной дамы

Третьекурсники любили уроки защиты от тёмных искусств. Только Драко Малфой со своей шайкой не упускали случая сказать о профессоре Люпине гадость.

— Вот так лохмотья! — громко шептал Малфой, завидев Люпина. — Точь-в-точь наш домашний эльф!

Одежда у Люпина и правда потрёпана и в заплатах, зато уроки — один лучше другого. После оборотня сражались с красными колпаками. Эти свирепые карлики водились всюду, где когда-то проливалась кровь — в затканных паутиной закоулках замков, в оврагах на месте сражений, — и дубинами убивали заблудившихся путников. Потом изучали ползучих водяных. Они были вылитые обезьяны, только в чешуе, жили в прудах и душили перепончатыми лапами всех, кого им удавалось заманить к себе.

Самым ненавистным уроком для Гарри было зельеварение профессора Снегга. Вся школа мгновенно узнала, как боггарт предстал в виде Снегга, одетого в платье и шляпу бабушки Невилла. Ученики и кое-кто из профессоров держались за животы от смеха, только Снегг ходил чернее тучи. При одном упоминании профессора Люпина у него мстительно загорались глаза; Невиллу на его уроках в отместку доставалось вдвойне.

Ещё Гарри начал бояться уроков профессора Трелони. В освещённой камином, насыщенной благовониями комнате класс искал тайный смысл в смутных фигурах и символах. А у Трелони, стоило ей взглянуть на Гарри, огромные глаза заволакивало слезами. Он старался не замечать её взгляда. Нет, профессор Трелони не нравилась ему, хотя многие испытывали к ней чуть ли не благоговение. Парвати Патил и Лаванда Браун то и дело бегали в башню к профессору Трелони на переменах и возвращались с таким высокомерным видом, будто они узнали что-то неведомое остальным. А случись им беседовать с Гарри, они приглушали голос, будто он уже лежал в предсмертной горячке.

Уроки ухода за магическими существами на всех наводили тоску. Хагрид после случая с Клювокрылом потерял веру в себя. Теперь урок за уроком класс занимался флоббер-червями, а существ скучнее, как известно, нет во всём мире.

— Кому надо за ними ухаживать? — ворчал Рон, второй час запихивая в слюнявую глотку червяка нарезанный лентами салат.

Наступил октябрь. Скоро начнутся матчи, и скучные уроки легче будет терпеть. В четверг вечером Оливер Вуд, капитан команды Гриффиндора, созвал игроков обсудить новую тактику.

В команде по квиддичу семь человек: три охотника, два загонщика, ловец и вратарь. Все летают на мётлах. Поле для квиддича большое, на противоположных сторонах по два длинных шеста, на которых на высоте пятнадцати метров укреплены ворота-обручи. Охотники забивают в обручи голы красным, величиной с футбольный, мячом. Загонщики битами отбивают чёрные мячи — бладжеры, которые летают по полю и норовят сбить игроков с мётел. Голкипер защищает ворота. Задача ловца самая трудная — поймать золотой снитч, крылатый мячик размером с грецкий орех. Игра кончается, когда ловец схватит снитч. Его команда получает сто пятьдесят очков и обычно выигрывает.

Команда Гриффиндора собралась в холодной раздевалке. Солнце садилось, и на поле стало темнеть. Капитан команды, Оливер Вуд, семнадцатилетний здоровяк-семикурсник, кончал в этом году школу. Обращаясь сегодня к команде, он волновался чуть не до слёз.
— Это наш, точнее, мой единственный шанс выиграть Кубок школы, — начал Оливер, вышагивая перед командой из угла в угол. — Я играю с вами последний сезон. Это мой последний шанс. Команда Гриффиндора проигрывала семь лет подряд. Нам не везло: были травмы, в прошлом году турнир отменили. — Вуд сглотнул, будто в горле у него всё ещё стоял комок после прошлогоднего разочарования. — Но наша команда самая классная во всей школе! — Взгляд его сверкнул, и он ударил кулаком в ладонь. — У нас три превосходных охотника. — Вуд поглядел на Алисию Спиннет, Анджелину Джонсон и Кэти Белл. — Два непревзойдённых загонщика.
— Ну что ты, Оливер! Будет тебе! — притворно смутились Фред и Джордж.
— И у нас ловец, который ни разу ещё не упустил снитча! — Гордость у него в голосе прозвучала как раскат грома. Вуд помолчал и скромно добавил: — И, наконец, я.
— Ты у нас лучше всех, Оливер! — сказал Джордж.
— Обалденный вратарь! — похвалил Фред.
— Наши имена уже два года должны стоять на Кубке. — Вуд снова замаячил туда-сюда. — Когда Гарри пришёл в команду, я сказал себе: Кубок у нас в кармане. Не вышло. Но в этом году, моем последнем…
В голосе у него звучала такая горечь, что даже Фреду с Джорджем стало его жаль.
— В этом году, Оливер, Кубок наш как пить дать! — сказал Фред.
— Мы выиграем, Оливер! — заверила Анджелина.
— Можешь не сомневаться, — прибавил Гарри. Тренировались три раза в неделю с огромным воодушевлением. Дни становились короче и холоднее, зарядили дожди, но ни грязь, ни ветер, ни дождь не затмевали блестящей картины, постоянно всплывающей перед глазами Гарри, — он держит в руках литой серебряный Кубок.
После одной из тренировок продрогший, но довольный Гарри зашёл в гостиную, полную возбуждённых гриффиндорцев. Рон и Гермиона сидели в креслах у камина и готовили карты звёздного неба для урока астрономии.
— Что стряслось? — спросил Гарри друзей.
— Видишь объявление? — Рон махнул в сторону свежего куска пергамента на древней доске объявлений. — Конец октября. Посещение Хогсмида.
Через портретный проём вслед за Гарри вошёл Фред.
— Вот здорово! — обрадовался он. — Загляну в лавку «Зонко». У меня как раз кончаются драже-вонючки.
Гарри, погрустнев, откинулся на спинку кресла.
— Не расстраивайся, пойдёшь в следующий раз, — прочитала его мысли Гермиона. — Блэка скоро поймают, его ведь уже видели.
— Блэк не такой дурак, в Хогсмиде ему делать нечего. Попроси МакГонагалл, может, она разрешит тебе пойти с нами. Когда-то ещё будет «следующий раз»?
— Ты что, Рон! — опешила Гермиона. — Гарри нельзя ни на шаг выходить из школы.

— Да что ему одному здесь сидеть, что ли! Давай, Гарри, обязательно попроси МакГонагалл…
— Наверное, попрошу.
Гермиона хотела было возразить, но к ней на колени прыгнул Живоглот, у него в зубах корчился большой паук.
— Он что, обязательно должен жрать его на наших глазах? — поморщился Рон.
— Умница, Глотик. — Гермиона погладила кота, не обращая на Рона внимания. — Ты его сам поймал?
Живоглот принялся медленно жевать паука, не сводя жёлтых глаз с Рона.
— Не пускай его ко мне, — пробурчал Рон и склонился над картой. — У меня в сумке Короста.
Гарри зевнул. Сейчас бы лечь спать, а надо ещё закончить карту. Он подтянул свою сумку, вынул пергамент, чернила с пером и принялся за работу.
— Можешь срисовать мою, если хочешь, — предложил Рон, пометив последнюю звезду завитушкой, и придвинул работу к Гарри.
Гермиона поджала губы: она терпеть не могла, когда списывают. Живоглот, не мигая, глядел на Рона и помахивал кончиком хвоста. Рон на миг отвернулся, кот вдруг бросился на его сумку и стал рвать когтями.
— Брысь, брысь, дурацкий кот! — завопил Рон, схватил сумку и стал бешено трясти кота, но кот намертво вцепился в неё и грозно шипел.
— Рон, ему больно, — взвизгнула Гермиона. Вся гостиная с интересом наблюдала за сражением. Рон тряс сумкой, кот держался крепко. И тут из сумки вылетела крыса Короста…
— Хватай кота! — взревел Рон.
Живоглот выпустил порванную сумку и, перепрыгнув через стол, помчался за перепуганной насмерть Коростой.
Джордж бросился ему наперерез, но опоздал. Короста стремглав прошмыгнула между множеством ног и исчезла под старым шкафом. Живоглот с ходу затормозил и запустил под шкаф переднюю лапу.
Подоспели Рон с Гермионой. Гермиона схватила кота поперёк туловища и оттащила. Рон, распластавшись на полу, за хвост вытянул Коросту.
— Ты посмотри на неё! — Рон затряс крысой перед лицом Гермионы. — Кожа да кости! А твой Живоглот на неё кидается. Держи его подальше от моей крысы!
— Рон, Глотик не понимает, что это плохо, — оправдывалась Гермиона дрожащим голосом. — Все кошки охотятся за крысами.
— Это не простая кошка, — не унимался Рон, запихивая крысу в нагрудный карман. — Он понял мои слова, что Короста у меня в сумке.
— Глупости! Глотик почуял её, как же ещё он…
— Твой кот взъелся на Коросту, — не отступал Рон. Вокруг захихикали, но он ничего не слышал. — Короста появилась здесь раньше. И она больна!
Рон повернулся на каблуках и ушёл в спальню.

Назавтра Рон весь день дулся на Гермиону. На уроке травологии все трое срезали с одного цветка пузатые розовые стручки. Рон, надувшись, молчал.
— Как Короста? — робко спросила Гермиона, раскрыла стручок и вытряхнула блестящие бобы в деревянную кадку.
— Забилась под одеяло и дрожит от страха, — сердито ответил Рон, кинул бобы в кадку, промахнулся, и бобы рассыпались по полу.
— Аккуратнее, Уизли! — сказала профессор Стебль: бобы тут же лопались и превращались в цветки.
Со звонком друзья вышли из оранжереи. Следующий урок — трансфигурация профессора МакГонагалл. Гарри попросит у неё разрешения пойти в Хогсмид, но вот как лучше к ней обратиться? В конце коридора столпились возбуждённые одноклассники, и Гарри на время отвлёкся от своих мыслей.
Окружённая учениками, Лаванда Браун горько рыдала, а Парвати Патил, обняв подругу за плечи, что-то объясняла Симусу Финнигану и Дину Томасу, вид у них был самый серьёзный.
— Что случилось, Лаванда? — встревожилась Гермиона.
— Ей утром пришло из дома письмо, — тихо ответила за подругу Парвати. — Её кролика, Пушистика, задрала лиса.
— Бедная Лаванда, — пожалела Гермиона.
— Как же я могла забыть? — всхлипывая, корила себя Лаванда. — Ты помнишь, какое сегодня число?
— Какое?
— Шестнадцатое октября! «То, чего ты боишься, случится шестнадцатого октября». Помнишь? Она была права, так и вы-ышло!
Вокруг Лаванды столпился весь класс. Симус сокрушённо качал головой. Гермиона, помолчав, спросила:
— Так ты… так ты всё это время боялась, что Пушистика съест лиса?
— Ну… ну, не обязательно ли-лиса, — ответила Лаванда, сквозь слёзы глядя на Гермиону. — Я бо-боялась, что он умрёт.
— А что, Пушистик был старый?
— Не-нет, о-он был совсем ещё детёныш.
Парвати крепче обняла подругу.
— Тогда почему ты боялась, что он скоро умрёт?
Парвати метнула на Гермиону сердитый взгляд.
— Давай рассуждать логически. — Гермиона обвела весь класс взглядом. — Ведь Пушистик умер даже и не сегодня? Сегодня пришло письмо. — Лаванда разрыдалась ещё громче. — Как же Лаванда могла бояться, ведь это произошло внезапно…
— Не слушай её, Лаванда, — перебил Гермиону Рон. — Ей плевать на чужих животных.
Рон с Гермионой обменялись грозными взглядами, но тут очень кстати появилась профессор МакГонагалл. Друзья сели по разные стороны от Гарри и весь урок не проронили ни слова.
Прозвенел звонок, Гарри встал и пошёл к столу МакГонагалл, но профессор сама заговорила о Хогсмиде, обратившись к классу:

— Задержитесь ненадолго. Вы все на моём факультете, поэтому сдайте мне до Хэллоуина разрешения от родителей. Не будет разрешения, не будет Хогсмида.
Невилл поднял руку:
— Профессор, я, кажется, потерял…
— Ваша бабушка, Долгопупс, послала разрешение прямо мне. Решила, что так надёжнее. Всё, урок окончен.
— Пойди попроси её, — шепнул Рон.
— Гарри… — заикнулась было Гермиона.
— Ну, иди же, — подтолкнул его Рон.
Гарри подождал, пока все выйдут, и, нервно покусывая губу, подошёл к МакГонагалл.
— Что вам, Поттер?
Гарри набрал в грудь воздуха и сказал:
— Профессор, мои дядя с тётей забыли подписать разрешение.
Профессор МакГонагалл посмотрела на него поверх прямоугольных очков.
— Можно мне… как вы думаете… пойти в Хогсмид?
Профессор занялась бумагами на столе и, не глядя на Гарри, ответила:
— Боюсь, Поттер, что нет. Вы ведь слышали, что я сказала: нет разрешения, нет Хогсмида. Таково правило.
— Но… дядя и тётя, они маглы… они не понимают, зачем разрешение… и вообще… — не сдавался Гарри. Рон из-за двери отчаянно кивал в знак одобрения. — Если бы вы позволили…
— Но я не могу позволить. — МакГонагалл встала и аккуратно уложила бумаги в ящик стола. — Согласно правилам дают разрешение либо родители, либо опекун. — Она подняла глаза, в лице у неё появилось странное выражение. — Простите, Поттер, но я ничем не могу помочь. Поторопитесь, а то опоздаете на урок.
На этом разговор закончился. Рон ругал МакГонагалл не переставая. Гермиона с укором смотрела на него. Выражение её лица говорило: «Всё к лучшему», и это ещё больше сердило Рона. А Гарри тоскливо слушал, как однокурсники взахлёб обсуждают, что будут делать в Хогсмиде.
— Не унывай! — Рон хлопнул Гарри по плечу. — В этот день Хэллоуин, вечером в Большом зале праздничный ужин.
— Угу, — мрачно кивнул Гарри: праздник праздником, но поход в Хогсмид не заменит ничто.
Все пытались утешить Гарри, но тщетно. Дин Томас, умевший подделать любой почерк, предложил расписаться за дядю Вернона, но профессор МакГонагалл уже знала, что дядя Вернон отказался дать разрешение. А Рон вспомнил про мантию-невидимку, но Гермиона возразила на это, что дементоров маскарадом не проведёшь — они чувствуют человека через мантию. Менее всего утешили Гарри слова Перси.
— И чего столько шума подняли из-за Хогсмида? — сказал он вполне серьёзно. — Не стоит он этого. Магазин сластей ещё ничего, но в лавку диковинных штучек «Зонко» даже заходить опасно. Стоит, пожалуй, заглянуть в Визжащую хижину, но больше там делать нечего.

Утром Гарри встал вместе со всеми и пошёл завтракать. Настроение у него было скверное, но показывать этого не хотелось. Друзья старались приободрить его.
— Мы принесём тебе много-много сладостей, — обещала Гермиона, от всего сердца жалея Гарри.
— Воз и тележку! — подхватил Рон. Вчерашнее забылось. Было из-за чего расстраиваться, вот Гарри действительно не повезло.
— Да ладно, чего там, — небрежно отвечал Гарри, провожая друзей в холл.
— Счастливо. Увидимся вечером, на празднике.
Завхоз Филч стоял у дверей и по списку отмечал уходящих, пристально вглядываясь в каждое лицо: без разрешения мимо него не проскользнёшь.
— Что, Поттер, отсиживаешься в замке? — крикнул Малфой. Крэбб и Гойл осклабились. — Дементоров испугался?
Гарри сделал вид, что не слышал, и уныло поплёлся вверх по мраморной лестнице, через пустые коридоры в башню Гриффиндора.
— Пароль, — встрепенулась Полная Дама.
— Фортуна Майор, — вялым голосом назвал пароль Гарри.
Портрет открылся. В гостиной кишмя кишели первый и второй курсы, несколько старшекурсников степенно беседовали о чём-то, им походы в Хогсмид уже приелись.
— Гарри, Гарри! Иди к нам, — позвал Колин Криви. Он благоговел перед Гарри и не упускал случая поговорить. — Ты не идёшь в Хогсмид? А почему? — Колин сиял от счастья, что говорит со знаменитостью, и гордо глядел на товарищей. — Посиди с нами немного.
— Спасибо, Колин. — Гарри терпеть не мог, когда глазеют на его шрам. — Мне надо в библиотеку делать домашнее задание.
Раз сказал — нужно идти. И Гарри пошёл обратно через портретный проём.
— Зачем было меня будить из-за каких-то пары минут, — пробурчала вдогонку Полная Дама.
Гарри понуро поплёлся в библиотеку, но на полпути передумал: уроки на ум не шли. Он повернул назад и нос к носу столкнулся с Филчем. Филч только что выпустил из замка последнего ученика.
— Ты что тут делаешь? — подозрительно сощурился Филч.
— Ничего.
— Ничего?! — У Филча затряслась нижняя челюсть. — Хорошенькое дело! Почему ты не в Хогсмиде? Твои дружки забавляются драже-вонючками, рыгательным порошком и червями-свистелками, а ты тут шляешься. Что-то подозрительно!
Гарри молча пожал плечами.
— Сейчас же иди в гостиную! — скомандовал Филч и проводил Гарри взглядом до ближайшего поворота.
Гарри в гостиную не пошёл. Может, навестить Буклю? Поднялся по лестнице, вышел в коридор, ведущий в совятник. И тут кто-то его окликнул.
Гарри шага на два вернулся. Из дверей своего кабинета выглядывал Люпин.
— Ты что здесь делаешь? — спросил Люпин совсем другим тоном, чем Филч. — А Рон с Гермионой где?

— В Хогсмиде, — ответил Гарри, как будто это для него ровным счётом ничего не значило.
— Вот оно что!
Люпин немного помолчал.
— Не хочешь зайти? Мне как раз привезли гриндилоу для следующего урока.
— Что привезли?
Гарри вошёл в кабинет Люпина. В углу стоял огромный аквариум. Болотно-зелёного цвета чудище с острыми рожками, прильнув к стеклу, корчило рожи, сгибало и разгибало длинные костлявые пальцы.
— Водяной чёрт, — пояснил Люпин, внимательно его разглядывая. — С ним справиться не так трудно, особенно после ползучих водяных. Надо только сломать ему пальцы. Они у него длинные и сильные, но хрупкие.
Водяной чёрт оскалился, обнажив зелёные зубы, и зарылся в водоросли.
— Чаю хочешь? — Люпин поискал глазами чайник. — Я как раз подумывал о чашке чая.
— Да, пожалуйста, — робко ответил Гарри. Люпин коснулся чайника волшебной палочкой, и из носика сейчас же вырвалась струйка пара.
— Садись. — Люпин указал на стул и снял крышку с пыльной банки. — У меня только в пакетиках. Хотя, думаю, чайные листья тебе порядком надоели.
Гарри поглядел на учителя: глаза Люпина лукаво поблёскивали.
— Откуда вы знаете?
— Мне сказала профессор МакГонагалл. — Люпин подал Гарри кружку с отколотым краем. — Ты ведь не боишься предсказаний?
— Нет.
Может, рассказать Люпину о собаке на улице Магнолий? Нет, лучше не надо. Ещё подумает, что Гарри трус. И без того не дал сразиться с оборотнем.
Должно быть, эти мысли отразились у него на лице, потому что Люпин спросил:
— Тебя что-нибудь тревожит?
— Нет, — соврал Гарри и отхлебнул из кружки. Водяной чёрт показал ему кулак. — Тревожит, — сам того не ожидая, признался Гарри и поставил кружку на стол. — Помните, мы сражались с оборотнем?
— Да, конечно.
— Почему вы тогда не дали мне попробовать?
Люпин удивлённо поднял брови.
— Мне показалось, ты это понял.
Гарри опешил: он думал, что Люпин постарается уйти от ответа.
— Но всё-таки почему? — переспросил Гарри.
— Видишь ли… — Люпин слегка нахмурился. — Увидев тебя, оборотень принял бы облик Волан-де-Морта.
Гарри от удивления вытаращил глаза. Он меньше всего ожидал такого ответа. К тому же Люпин назвал Тёмного Лорда по имени, а ведь никто, кроме Дамблдора и Гарри, не осмеливается так его называть.
— Очевидно, я был не прав. Но я подумал, что в учительской ему нечего делать, — продолжал Люпин. — Все бы перепугались, и урок пошёл бы насмарку.

— У меня мелькнула мысль о Волан-де-Морте, — признался Гарри. — Но я тут же вспомнил дементора…
— Так вот оно что! — вслух рассуждал Люпин. — Поразительно! — Заметив недоумение в лице Гарри, Люпин улыбнулся и прибавил: — Выходит, больше всего на свете ты боишься страха. Это похвально!
Гарри не нашёлся что ответить и отхлебнул чаю.
— Так ты, значит, решил, что я считаю тебя трусом, не способным справиться с боггартом.
— Да. — У Гарри словно гора с плеч свалилась. — Профессор Люпин, вы ведь хорошо знаете дементоров…
В дверь постучали.
— Войдите, — сказал Люпин.
Вошёл Снегг с дымящимся бокалом в руках, увидел Гарри и сощурился.
— А, это вы, Северус, — улыбнулся Люпин. — Благодарю вас. Поставьте, пожалуйста, на стол.
Снегг поглядел на Гарри, на Люпина и поставил бокал.
— Я тут показываю Гарри водяного чёрта. — Люпин указал на аквариум.
— Прелестно, — даже не взглянув на аквариум, сказал Снегг. — Выпейте прямо сейчас, Люпин.
— Да, да, конечно.
— Если понадобится ещё, заходите, я сварил целый котёл.
— Пожалуй, завтра надо будет выпить ещё. Большое спасибо, Северус.
— Не стоит, — сухо ответил Снегг, но взгляд его Гарри не понравился. Настороженно, не улыбаясь, Снегг повернулся и вышел.
Гарри с любопытством посмотрел на бокал. Люпин улыбнулся.
— Профессор Снегг любезно приготовил для меня это питьё. Сам я не мастер их варить, а у этого зелья ещё и очень сложный состав. — Люпин взял бокал, понюхал, немного отпил, и его передёрнуло. — Жаль, нельзя добавить сахара.
— А от чего… — начал было Гарри, но Люпин прервал его на полуслове.
— Мне последнее время неможется. И помогает только это зелье. Его мало кто умеет варить, но мне посчастливилось: я работаю с профессором Снеггом. А равных ему в зельеваренье нет.
Люпин отхлебнул ещё. Гарри едва сдержался, чтобы не выбить из его рук бокал.
— Профессор Снегг очень интересуется тёмной магией, — сквозь зубы проговорил он.
— Правда? — Люпин сделал ещё глоток.
— Говорят даже… — Гарри помедлил и вдруг выпалил: — Говорят, он на всё готов, лишь бы самому преподавать защиту от тёмных искусств.
Люрин залпом выпил остатки зелья и поморщился.
— Гадость какая! Ладно, Гарри, делу время — потехе час. Увидимся в Большом зале на праздничном ужине.
— Спасибо за чай. — Гарри поставил на стол пустую кружку.
Пустой бокал Люпина всё ещё дымился.

* * *

— Вот ты где! — воскликнул Рон. — Гляди, сколько мы тебе всего принесли!

На колени Гарри посыпался дождь сладостей в пёстрых блестящих обёртках. Рон с Гермионой только что вошли в комнату отдыха, оба раскраснелись с холода и сияли от удовольствия.

— Спасибо. — Гарри взял в руки пакетик чёрных перечных упыриков. — Ну как там, в Хогсмиде? Где вы были?

Где только друзья не были! И в магазине волшебных принадлежностей «Дэрвиш и Бэнгз», и в лавке диковинных штучек «Зонко», и в пабе «Три метлы» — ах, какое там чудесное горячее сливочное пиво!

— А почта, Гарри! Двести сов, каждая на своей полке, у каждой свой цвет, чем сова быстрее, тем цвет ярче.

— А в «Сладком королевстве» новый сорт сливочной помадки! Всем дают бесплатно попробовать. Вот, держи.

— А в «Трёх мётлах» мы, кажется, видели огра… Кто только туда не заходит!

— Жаль, что нельзя было захватить сливочного пива. Так хорошо согревает!

— А ты что делал? — опомнилась Гермиона. — Готовил уроки?

— Да нет, так… пил с Люпином у него в кабинете чай. Потом пришёл Снегг… — И Гарри рассказал друзьям о зелье.

Рон раскрыл рот от удивления.

— И Люпин выпил? Он что, чокнутый?

Гермиона глянула на часы.

— Пора идти за праздничный стол, до начала пять минут. — Друзья выскочили через проём с Дамой и вместе со всеми поспешили в Большой зал.

— Вряд ли Снегг отравил бы Люпина на глазах у Гарри. — Гермиона опасливо огляделась: не подслушивает ли кто?

— От него можно всего ожидать, — ответил Гарри.

Миновали холл и вошли в Большой зал. Сотни тыкв светились зажжёнными внутри свечами, под затянутым тучами потолком парила стая летучих мышей, змеились молниями ярко-оранжевые транспаранты.

Столы ломились от яств, да таких, что Рон с Гермионой, объевшиеся в Хогсмиде сладостей, не только отведали всего, но ещё взяли добавки. Гарри то и дело кидал взгляд на профессорский стол. Профессор Люпин был весел и как ни в чём не бывало беседовал с учителем заклинаний Флитвиком. А Снегг что-то уж очень часто посматривал на Люпина. Но может, у Гарри разыгралось воображение?

После ужина привидения Хогвартса разыграли целое представление. Неожиданно вылетели из стен и столов, представляя сценки о том, как сделались привидениями. Огромный успех имел Почти Безголовый Ник, призрак колледжа Гриффиндор. Он очень живо изобразил, как ему безобразно отсекали голову.

Чудесный вечер не испортил даже Малфой.

— Привет от дементоров, Поттер! — крикнул он, выходя из зала.

Трое друзей вместе со всеми гриффиндорцами шли обычным путём в башню Гриффиндора. У портрета Полной Дамы почему-то образовался затор.
— Что это все стоят? — удивился Рон. Гарри поднялся на цыпочки: проём в гостиную был закрыт.
— Пожалуйста, расступитесь, — послышался голос Перси, и староста важно прошествовал сквозь толпу. — Почему такое столпотворение? Вы что, все забыли пароль? Извините, я староста школы…
И тут стало тихо. Сначала умолкли те, кто стоял ближе всех к проёму. Скоро молчали все.
— Скорее позовите профессора Дамблдора, — вдруг раздался пронзительный крик Перси, от которого словно повеяло холодом.
Все взгляды устремились к нему, стоявшие сзади поднялись на цыпочки.
— Что случилось? — спросила только что подошедшая Джинни.
Наконец появился профессор Дамблдор, гриффиндорцы расступились, Гарри и Рон с Гермионой протиснулись к самому входу. Гермиона ахнула и схватила Гарри за руку: Полная Дама с портрета исчезла, холст искромсан; пол усеян лоскутами; целый клок совсем вырван.
Дамблдор окинул взглядом обезображенную картину и повернулся к подоспевшим МакГонагалл, Люпину и Снеггу.
— Профессор МакГонагалл, пожалуйста, пойдите к Филчу. Пусть он немедленно осмотрит все портреты в замке. Надо найти Полную Даму.
— Найдёте, непременно найдёте, — прокудахтал кто-то.
Это был полтергейст Пивз. Он кувыркался под потолком, по обыкновению, радуясь чужой беде.
— Что ты хочешь сказать, Пивз? — спокойно спросил Дамблдор, и Пивз замер. Кого-кого, а Дамблдора он побаивался. Сменивший кудахтанье елейный голос было ещё противнее слышать.
— Она спряталась от стыда, ваше директорское величество. У неё неописуемый вид. Я видел, как она мчалась по лесам и долам на пятый этаж, колесила между деревьями и истошно вопила. — Он ухмыльнулся и с сомнительной жалостью прибавил: — Бедняжка.
— Она не сказала, кто это сделал? — всё так же спокойно спросил Дамблдор.
— Сказала, школьный голова, сказала! — Пивз не спешил с ответом, будто поигрывал ручной гранатой. — Она отказалась пропустить его без пароля, а он разозлился. — Пивз сделал кувырок и взглянул на Дамблдора, зажав лицо коленями: — Ох, и вредный же характер у Сириуса Блэка!

Глава 9

Зловещее поражение

Дамблдор велел гриффиндорцам немедленно вернуться в Большой зал. Минут через десять к ним присоединились все ученики школы, которые ничего не могли понять.

— Мы тщательно обыщем весь замок, — объявил Дамблдор, а МакГонагалл и Флитвик тем временем запирали все входы в Большой зал. — Боюсь, всем вам эту ночь безопасности ради придётся провести здесь. Старосты факультетов будут по очереди охранять дверь в холл. За главных остаются старосты школы — отделения девочек и отделения мальчиков. Обо всех происшествиях немедленно сообщать мне. — Директор повернулся к Перси, и тот важно выпятил грудь. — С донесениями посылайте привидений. — Дамблдор немного подумал и добавил: — Да, вам ещё вот что нужно.

Он легонько взмахнул волшебной палочкой, длинные столы, взлетев, выстроились у стен, взмахнул снова, и весь пол устлали пухлые фиолетовые спальные мешки.

— Спокойной ночи, — пожелал профессор, закрывая за собой дверь.

Зал загалдел: гриффиндорцы возбуждённо объясняли, что стряслось с Полной Дамой.

— Быстро все по спальным мешкам! — крикнул Перси. — Никаких разговоров. Через десять минут гашу свет.

— Идём, — позвал друзей Гарри; взяли по мешку и устроились на полу в углу зала.

— Как, по-вашему, Блэк ещё в замке? — боязливо шепнула Гермиона.

— Дамблдор, наверное, думает, что да, — отозвался Рон.

— Хорошо ещё, что Блэк явился сегодня, — заметила Гермиона. Все трое одетые забрались в мешки и продолжали беседовать. — Обычно в это время мы уже в башне…

— Может, Блэк утратил представление о времени, — предположил Рон. — Он ведь в бегах. А не то вломился бы прямо сюда.

Гермиона задрожала от страха.

Всех занимало одно: как Блэк проник в замок?

— А что, если он трансгрессировал? — высказал догадку когтевранец. — Взял да и перенёсся как по волшебству из одного места в другое?

— А может, переоделся? — предположил пятикурсник из Пуффендуя.

— Просто прилетел, и всё! — сказал Дин Томас.

— Похоже, одна я читала «Историю школы „Хогвартс“!» — фыркнула Гермиона.

— Наверняка! — воскликнул Рон. — А что?

— А то, что замок защищён кое-чем ещё, кроме стен. Он заколдован, сюда так просто не проникнешь. Трансгрессировать сквозь стены замка нельзя. Переодеванием дементоров не проведёшь. Дементоры охраняют все входы и выходы, они бы его заметили. А Филчу известны все потайные ходы, они наверняка давно заколочены…

— Гашу свет! — объявил Перси. — Всем забраться в мешки и не разговаривать.

Свечи погасли. Только слабо серебрились привидения, ведя серьёзный разговор со старостами, да на волшебном потолке мерцали созвездия, повторяя рисунок звёздного неба. Шелестели голоса, и Гарри казалось, будто он засыпает на поляне и у него над головой лёгкий ветерок шевелит листья.

Время от времени в зал заглядывал преподаватель — проверить, всё ли в порядке. Часа в три, когда почти все уже спали, пришёл Дамблдор, поискал глазами Перси. Перси расхаживал по залу и выговаривал болтающим ученикам. Он приблизился к углу, где лежали Гарри и Рон с Гермионой. Дамблдор подошёл к старосте школы.
Друзья притворились, что спят, и навострили уши.
— Нашли его, профессор? — прошептал Перси.
— Пока нет. Тут никаких происшествий?
— Всё в полном порядке, сэр.
— Хорошо. Пусть остаются здесь до утра. Я нашёл для гостиной Гриффиндора временного стража. — Дамблдор окинул взглядом спящих. — Завтра уже будут ночевать в своих спальнях.
— А что с Полной Дамой, сэр?
— Прячется на карте Аргиллшира, на третьем этаже. Она, видимо, не пускала Сириуса Блэка без пароля, он и напал на неё. Очень перепугал. Вот придёт в себя, и мистер Филч отреставрирует её холст.
Дверь Большого зала хлопнула, послышались чьи-то шаги. Гарри не смел шелохнуться.
— Господин директор, четвёртый этаж обыскан, — отрапортовал Снегг. — Его нигде нет. Филч обшарил башни.
— А в обсерватории смотрели? В кабинете профессора Трелони? В совятнике?
— Нигде нет.
— Хорошо, Северус. Впрочем, я и не думаю, что Блэк станет прятаться в замке.
— Как он, по-вашему, сюда пробрался, профессор?
Гарри приподнял голову, чтобы слышать и вторым ухом.
— Не знаю, Северус. У меня много догадок, одна невероятней другой.
Гарри чуть приоткрыл глаза: Дамблдор стоял к нему спиной, Перси — лицом, внимательно слушая. Снегг между ними, он явно сердился.
— Помните, профессор, наш разговор перед началом учебного года? — спросил Снегг едва слышно и покосился на Перси, его больше устраивал разговор без свидетелей.
— Помню, Северус, помню. — В голосе у Дамблдора прозвучало предостережение.
— Едва ли Блэк проник в замок без посторонней помощи. Не зря меня насторожило назначение…
— Никто в замке не стал бы помогать Блэку, — оборвал Снегга Дамблдор не допускающим возражения тоном. — Пойду к дементорам, сообщу им о результатах поисков. Я обещал им сообщить, когда всё будет осмотрено.
— Они предлагали свои услуги, сэр? — спросил Перси.
— Предлагали, — нахмурился Дамблдор. — Но пока я директор, ноги дементора в школе не будет.
Перси смутился, он впервые видел директора в таком раздражении. Дамблдор повернулся и неслышным шагом стремительно покинул Большой зал. Снегг проводил его недобрым взглядом и тоже ушёл.
Гарри обернулся к друзьям, те лежали с широко открытыми глазами, глядя на звёзды.

— Что же всё-таки происходит? — протянул Рон.
Несколько дней только о Сириусе Блэке и говорили. Одна за другой рождались немыслимые догадки. Ханна Эббот из Пуффендуя весь урок травологии уверяла, что Блэк превратился в розовый куст.
Искромсанный холст Полной Дамы сняли и на его место водрузили портрет сэра Кэдогана, восседавшего на толстом сером пони. Сэр Кэдоган только и делал, что вызывал всех и каждого на дуэль, выдумывал несуразные пароли и менял их два-три раза в день.
— Этот сэр Кэдоган чокнутый. Пусть нам дадут кого-нибудь другого, — потребовал Симус Финниган у Перси.
— Некого. Все другие портреты боятся. Только у сэра Кэдогана хватило смелости, — развёл руками Перси.
Гарри и без сэра Кэдогана было тошно: его ни на секунду не оставляли одного. Учителя под разным предлогом провожали из класса в класс, Перси (наверняка по наущению матери) ходил за ним по пятам — точь-в-точь гордый собой сторожевой пёс. В довершение всего профессор МакГонагалл вызвала Гарри к себе в кабинет. Вид у неё был траурный.
— Должна вам сообщить, Поттер, — только, пожалуйста, не волнуйтесь. Какой смысл дальше скрывать это от вас. Дело в том, что… гм… Сириус Блэк…
— Охотится за мной? Я знаю, — равнодушно сказал Гарри. — Я случайно слышал, как мистер Уизли говорил об этом с миссис Уизли. Мистер Уизли ведь работает в Министерстве магии.
МакГонагалл оторопела.
— Вот оно что! Значит, вы меня поймёте, Поттер. Я считаю, что вам не следует тренироваться по вечерам. На площадке без присмотра опасно…
— Профессор, в субботу у нас первый матч! — вспылил Гарри. — Как же без тренировок?!
МакГонагалл пристально на него поглядела. Она, как никто, хотела победы своей команды, ведь она сама привела Гарри в команду Гриффиндора. Но Сириус Блэк… Гарри ждал, затаив дыхание. МакГонагалл встала и подошла к окну. Лил дождь, и площадка для квиддича едва виднелась.
— Хм… Конечно, мне хочется, чтобы наша команда выиграла, и всё-таки… Ну ладно, тренируйтесь, только пусть на площадке будет мадам Трюк. Постоянно. Я попрошу её.
Погода всё портилась, но гриффиндорская команда — под присмотром мадам Трюк — тренировалась, как никогда, упорно. Накануне матча Оливер Вуд пришёл на тренировку чернее тучи: завтра они играют не со Слизерином.
— Флинт только что мне сказал, что вместо них с нами будет играть Пуффендуй.
— А почему не слизеринцы? — хором воскликнули игроки.
— Из-за ловца. У него, видите ли, ручка болит. Чушь! Просто Флинт не хочет играть в такую погоду. Меньше надежды на победу, — процедил Вуд сквозь зубы.
Ливень весь день не кончался, хлестал ветер. А сейчас ещё и громыхал гром.
— В порядке у Малфоя рука! — вскипел Гарри. — Он притворяется.
— Знаю. Да поди докажи! Мы ведь готовились играть со слизеринцами. У пуффендуйцев-то совсем другой стиль игры. Кстати, у них новый капитан, Седрик Диггори, он же ловец.

Анджелина, Алисия и Кэти захихикали.
— Что смешного? — нахмурился Вуд. — Нашли время для смешков!
— Такой высокий, симпатичный? — спросила Алисия.
— Сильный и не болтун, — прибавила Кэти, и три подружки снова прыснули.
— Двух слов связать не может, вот и молчит, — не утерпел Фред. — А обыграть пуффендуйцев — раз плюнуть. Вспомни, Оливер, как мы с ними разделались в прошлом году. Гарри поймал снитч через пять минут после начала игры.
— Тогда погода была лучше, да и ловец у них был другой. Диггори отличный капитан и ловец! Расслабляться нельзя! — кричал Вуд, вращая глазами. — Слизеринцы только на это и рассчитывают. Нам надо выиграть!
— Да не кипятись ты, Оливер. — Фред посерьёзнел. — Никто и не думал расслабляться. Честно.
Весь день перед матчем выл ветер и лил дождь. В коридорах и классах добавили факелов и фонарей. Игроки Слизерина, особенно Малфой, ходили довольные собой.
— Эх, если бы не рука… — притворно вздыхал Малфой под вой ветра и стук дождя в окно.
Гарри думал только о предстоящем матче. Оливер Вуд каждую свободную минуту донимал его наставлениями. На третьей перемене он так его заговорил, что Гарри минут на десять опоздал на урок защиты от тёмных искусств. Гарри стремглав помчался в класс, а Вуд всё ещё кричал ему вдогонку:
— Диггори силён на поворотах, Гарри, попробуй петлять…
Гарри домчался до класса, распахнул дверь и ворвался внутрь.
— Извините, профессор Люпин, я…
За учительским столом сидел Снегг.
— Урок начался десять минут назад, Поттер, минус десять очков Гриффиндору. Садитесь.
Гарри не двинулся с места.
— Где профессор Люпин?
— Ему нездоровится, — ухмыльнулся Снегг. — По-моему, я велел вам сесть.
— Что с ним? — продолжал допрос Гарри.
Сверкнув глазами, Снегг явно с сожалением ответил:
— Угрозы для жизни нет. Ещё минус пять очков Гриффиндору. И если вы сейчас же не сядете, вычту ещё пятьдесят.
Гарри медленно прошёл к своей парте. Снегг оглядел класс.
— Поттер прервал меня на том, что в журнале у профессора Люпина не записаны темы, которые вы прошли…
— Сэр, мы прошли боггартов, красных колпаков, ползучих водяных и гриндилоу, — перебила Снегга Гермиона. — Сегодня мы должны были приступить…
— Помолчите, мисс Грэйнджер, — оборвал её Снегг. — Я не спрашивал, что вы прошли. Мне лишь хотелось указать на безалаберность профессора Люпина.
— Люпин — лучший учитель защиты от тёмных искусств, — заявил Дин Томас, и со всех сторон послышался одобрительный шёпот.
Снегг ещё пуще засверкал глазами.

— Вам легко угодить. Люпин не утруждает вас домашними заданиями, а с красными колпаками и водяными справится и первокурсник. Сегодня мы будем проходить…
Снегг перелистал учебник и раскрыл последний параграф.
— …оборотней.
— Но, сэр, — не сдержалась Гермиона, — до оборотней ещё далеко, мы только-только добрались до…
— Мисс Грэйнджер, — ледяным голосом осадил Гермиону Снегг, — мне кажется, учитель здесь я, а не вы. Откройте учебники на странице триста девяносто четыре. — Снегг снова обвёл взглядом учеников. — Вы слышите, что я сказал!
Недовольно бурча и переглядываясь, класс открыл книги.
— Кто мне скажет, чем оборотень отличается от обычного волка?
Все молчали. Гермиона, как обычно, подняла руку.
— Ну, кто? — Снегг скривил губы, не удостоив Гермиону даже взглядом. — Ваше молчание, как видно, означает, что профессор Люпин не объяснил вам даже основных различий между…
— Вам же сказали, — не удержалась Парвати, — что до оборотней мы ещё не дошли…
— Молчать! Так-так. Вот уж не думал, что есть третьекурсники, которые не умеют отличить оборотня от волка. Вы так отстали! Надо будет сообщить об этом профессору Дамблдору.
— Сэр, — Гермиона не опускала руки, — оборотень отличается от простого волка очень немногим. Нос оборотня…
— Мисс Грэйнджер, вы уже второй раз выскакиваете с ответом, когда вас не вызывали, — перебил её Снегг. — За то, что среди вас имеется столь докучливая всезнайка, лишаю Гриффиндор ещё пяти очков.
Гермиона залилась краской, опустила руку и, едва сдерживая слёзы, уставилась в парту. Каждый в классе хоть раз назвал Гермиону всезнайкой, Рон, тот и вовсе повторял это раза два в неделю, но Снегга так не любили, что бросали на него пылающие от гнева взгляды.
— Вы задали вопрос, Гермиона знает на него ответ, — не выдержал Рон. — Зачем спрашивать, если ответ не нужен!
Весь класс притих: Рон перегнул палку. Снегг медленно подошёл к Рону, приблизил к нему лицо.
— Вы будете наказаны, Уизли, — прошипел он. — И если вы ещё когда-нибудь позволите себе критиковать мой стиль преподавания, то очень пожалеете. Я вам это обещаю.
До конца урока никто больше не проронил ни слова. Ученики скрипели перьями, конспектировали параграф об оборотнях. Снегг ходил от парты к парте, читая записи, сделанные на уроках Люпина.
— Объяснение никуда не годится, — то и дело слышались его замечания. — Неверно, ползучие водяные живут в Монголии… Профессор Люпин поставил за это четыре? Я бы пожалел и двойки…
Снегг задержал всех после звонка.
— Домашнее задание к понедельнику: написать два свитка о том, как распознать и обезвредить оборотня. Давно пора взять вас в руки. Уизли, останьтесь, я назначу вам наказание.

Отойдя от класса на безопасное расстояние, класс стал горячо обсуждать случившееся на уроке.
— Конечно, он метит на место Люпина, но он никогда ещё не позволял себе говорить в таком тоне о других преподавателях защиты! — сказал Гермионе Гарри. — Чего он так взъелся на Люпина? Может, из-за того боггарта?
— Не знаю. — Гермиону явно беспокоила какая-то мысль. — Очень надеюсь, что профессор Люпин скоро поправится…
Рон догнал их минут через пять, клокоча от злобы.
— Знаете, что этот… (он так обозвал Снегга, что Гермиона укоризненно воскликнула: «Рон!») заставил меня делать? Чистить утки в больничном крыле! И без волшебства! — Рон сжал кулаки. — Почему Блэку не пришло в голову спрятаться в кабинете Снегга? Прикончил бы его, и все бы ему только спасибо сказали.
Проснулся Гарри очень рано, ещё не светало. Он подумал, что его разбудил вой ветра. Но тут ощутил затылком холодное дуновение и резким движением сел. Рядом с ним висел полтергейст Пивз и изо всех сил дул ему в ухо.
— Ты что, спятил?! — рассердился Гарри. Пивз надул щёки, издал непристойный звук и, кувыркаясь, вылетел из спальни.
Гарри потянулся за будильником: половина пятого. Проклиная Пивза, он лёг и повернулся на бок, пытаясь заснуть. Но теперь уже ему мешала разбушевавшаяся стихия: раскаты грома, вой ветра за окнами, скрип деревьев в Запретном лесу. Ещё несколько часов, и он будет носиться над полем, сражаясь с бурей… Да, теперь уже не заснёшь. Гарри встал, оделся, взял свой «Нимбус-2000» и тихонько пошёл к двери.
Едва Гарри открыл дверь, мимо ног метнулось что-то пушистое. Он нагнулся и успел схватить Живоглота за кончик хвоста.
— А ведь Рон, похоже, прав. — Гарри выволок кота за дверь. — В замке полно мышей, их и лови. — И он ногой отправил кота вниз по винтовой лестнице. — Оставь Коросту в покое!
В гостиной буря была слышнее. Но матч всё равно состоится: из-за таких пустяков матчи не отменяют. Гарри, однако, забеспокоился: вспомнил Седрика Диггори. Они с Вудом недавно встретили его в коридоре. Диггори учится на пятом курсе и куда крупнее Гарри. Ловцы обычно маленькие, юркие, но в такую погоду вес Диггори — преимущество, легче противостоять порывам ветра.
Гарри до рассвета сидел в гостиной у камина. Живоглот рвался вон из гостиной, и Гарри то и дело вскакивал — Короста явно подвергалась опасности. Время тянулось медленно. Наконец кажется, пора завтракать. Гарри пошёл к портрету.
— Обнажи меч, жалкий трус! — заорал на него сэр Кэдоган.
— Да ну вас! — отмахнулся Гарри и зевнул.
В столовой Гарри взял большую тарелку овсянки и, ложка за ложкой, понемногу приходил в себя. Дошла очередь до тоста с джемом, и тут появилась вся команда.
— Сегодня круто придётся! — Вуд сидел за столом, не притрагиваясь к еде.
— Будет тебе, Оливер, — пыталась успокоить его Алисия. — Не сахарные, не растаем. Ливень как ливень.

Но такого ливня давно не было. Вся школа спешила на матч. Бежали через луг, нагнув головы навстречу свирепому ветру, рвавшему из рук зонтики. Перед раздевалкой Гарри увидел Малфоя, Крэбба и Гойла, укрывшихся под одним большим зонтом. Они смеялись, тыча пальцами в его сторону.

Переодевшись в алую гриффиндорскую форму, команда ждала от Вуда обычного напутствия, он начал было говорить, в горле у него булькнуло, он покачал головой и взмахом руки пригласил команду на поле.

Ветер сшибал с ног. Близкие раскаты грома заглушали крики болельщиков. Очки Гарри заливало дождём. Как тут разглядеть крошечный снитч?

На противоположной стороне поля появились канареечно-жёлтые пуффендуйцы. Капитаны обменялись рукопожатием. Диггори дружелюбно улыбнулся, а Вуд только кивнул, словно у него свело челюсть.

— По мётлам! — прочитал Гарри по губам мадам Трюк.

Гарри дёрнул ногу, грязь громко чавкнула, и он оседлал свою верную метлу. Мадам Трюк поднесла к губам свисток, сквозь шум дождя раздался далёкий-далёкий свист. И четырнадцать игроков взмыли в воздух.

Через пять минут Гарри продрог до костей и вымок — нитки сухой нет, товарищей по команде не различишь, а снитча и подавно не видно. Гарри носился туда-сюда, мимо мелькали красные и жёлтые пятна. Что происходит, какой счёт, непонятно — голос комментатора утонул в вое ветра. Вместо болельщиков — море мантий и истерзанные зонты. Уже два раза Гарри чуть не сбил с метлы бладжер: из-за воды, заливающей стёкла очков, Гарри не заметил его приближения.

Сколько уже длится игра? Метлу всё труднее держать прямо. Небо быстро темнеет, как будто ночь решила наступить раньше. Пару раз Гарри чуть не налетел на кого-то. Свой или чужой? Из-за плотной пелены дождя не разберёшь, да и форма на всех намокла, хоть выжимай.

При первой вспышке молнии раздался свисток судьи. Расплывчатая фигура Вуда махала рукой, веля приземлиться. Гарри спикировал вместе с остальными в огромную лужу.

— Я взял тайм-аут! — прокричал Вуд. — Бежим вон туда!

На краю поля торчал огромный зонт. Укрывшись под ним, Гарри снял очки и протёр их майкой.

— Кто ведёт?

— Мы, оторвались на пятьдесят очков, — ответил Вуд. — Скорее лови снитч, а то придётся играть ночью.

— Из-за этих очков я ничего не вижу! — Гарри в отчаянии потряс очками.

Откуда ни возьмись, вынырнула сияющая Гермиона, натянув на голову капюшон.

— Я кое-что придумала, Гарри. Дай сюда очки.

И не успел никто рта раскрыть, как она схватила очки, трижды стукнула по ним волшебной палочкой, крикнула:

Импервиус

Вуд чуть не бросился её целовать. Гермиона побежала на трибуну.

— Молодец! — крикнул он ей вдогонку. И приказал команде: — Взлетаем!
Заклинание сделало своё дело. Гарри занемел от холодной, мокрой одежды, но зато видел всё. Словно открылось второе дыхание, он уверенно вёл метлу сквозь воздушные вихри, ища глазами снитч, легко уклонялся от бладжера и нырял под Диггори, когда тот мчался навстречу.
Снова громыхнуло, блеснула раздвоенная молния. Играть становилось опасно, надо скорее поймать снитч!
Гарри развернул метлу и помчался к середине поля; новая вспышка осветила трибуны, и Гарри увидел в пустом верхнем ряду, на фоне неба неподвижную фигуру огромного лохматого пса.
Закоченевшие руки Гарри скользнули по мокрому древку метлы, и он провалился метра на два вниз. Тряхнул головой, откинул волосы и глянул на трибуны — собака исчезла.
— Гарри! — истошно завопил Вуд от колеса. — Гарри! Сзади!
Гарри оглянулся. Седрик Диггори нёсся вверх, между ними висел крохотный золотой шарик. Гарри словно ударило молнией, он прижался к древку и ринулся вниз.
— Давай же, давай! — хрипел он. — Быстрее!
И вдруг произошло что-то странное. На стадионе воцарилась мёртвая тишина. Ветер дул с той же силой, но беззвучно, словно звук кто-то выключил. Или Гарри внезапно оглох? Знакомая леденящая волна ужаса захлестнула его и пронзила насквозь: внизу по полю что-то двигалось…
Гарри забыл про всё на свете, оторвал взгляд от снитча и глянул вниз.
Около сотни дементоров устремили к нему задранные вверх скрытые капюшонами головы. Грудь у Гарри словно охватило ледяным обручем. И он снова услышал… кто-то кричит… голос женщины…
«Только не Гарри, пожалуйста, не надо!»
«Отойди прочь, глупая девчонка… Прочь…»
«Пожалуйста, только не Гарри… Убейте лучше меня, меня…»
Гарри оцепенел, белый туман клубился перед глазами… Что он делает? Куда летит? Он должен помочь… её убьют, её…
Гарри падал всё ниже, ниже сквозь ледяной туман.
«Пожалуйста, только не Гарри, пощадите…» Плач женщины… чей-то пронзительный хохот…
— Повезло ещё, что земля мягкая.
— Я подумал — всё, конец.
— А у него даже очки не разбились.
Гарри слышал чьи-то голоса, шёпот. И ничего не понимал. Где он? Как сюда попал? Что перед тем делал? Болело всё, как будто его сильно избили.
— Никогда ничего более страшного не видела. Ничего более страшного… страшные чёрные фигуры в капюшонах… холод… крик…
Гарри открыл глаза: он лежит в больничном крыле, вокруг его команда, все с головы до ног в грязи. Тут же и Рон с Гермионой, мокрые, словно только что из пруда, где купались в одежде.

— Как ты, Гарри? — спросил Фред. Он был бледен как полотно, это не могли скрыть даже потоки грязи.
В воображении у Гарри проносились картинки. Молния… лохматый пёс… золотой снитч… дементоры…
— Что случилось? — Гарри вдруг сел в постели, и у всех перехватило дыхание.
— Ты упал, — коротко объяснил Фред. — Метров с двадцати. — Он оглядел друзей, которые согласно закивали.
— Мы думали, ты умер. — Алисию до сих пор била дрожь.
Гермиона всхлипнула, глаза у неё были красные.
— А как же матч? Будем переигрывать?
Все молчали. Правда навалилась тяжёлым камнем.
— Мы что, проиграли? — прошептал Гарри.
— Диггори поймал снитч, — сказал Джордж. — Сразу после того, как ты упал. Он сначала ничего не понял. Посмотрел вниз и увидел тебя на земле. Он тут же попросил не засчитывать им победу, хотел переиграть матч. Но всё было честно. Даже Вуд признал.
— А где Вуд? — Гарри только что заметил, что Вуда нет.
— В душе, — ответил Фред. — Наверное, хочет утопиться.
Гарри спрятал лицо в коленях, запустив пальцы в волосы. Фред взял его за плечо и легонько потряс.
— Ладно тебе, Гарри, ты никогда ещё не упускал снитч!
— Надо же когда-нибудь и упустить, — рассудительно заметил Джордж.
— Можем ещё отыграться, — заметил Фред. — Мы проиграли сто очков, так? Значит, если пуффендуйцы проиграют Когтеврану, а мы у Когтеврана выиграем. Ну, и у слизеринцев…
— Пуффендуйцам надо проиграть с разницей в двести очков, — уныло возразил Джордж.
— А если они ещё и побьют когтевранцев… — Да нет, Когтевран им не по зубам. А вот если Слизерин продует Пуффендую…
— Всё будет зависеть от очков. Как ни считай, сто очков нам придётся…
Гарри лёг, не говоря ни слова. Проиграли… Он первый раз проиграл матч. Проиграл…
Минут через десять пришла мадам Помфри и распорядилась всем оставить палату.
— Мы ещё зайдём, Гарри, — пообещал напоследок Фред. — И не терзай себя, ты всё равно лучший ловец. Такого у нас никогда не было.
И вся команда, оставляя за собой грязные следы, вышла из палаты. Мадам Помфри с недовольным видом закрыла за ними дверь. Рон с Гермионой подошли поближе к кровати.
— Видел бы ты, как рассердился Дамблдор, — прерывающимся голосом сказала Гермиона. — Я никогда его таким не видела. Ты стал падать, он выбежал на поле, махнул палочкой, и падение замедлилось. Потом он нацелил палочку на дементоров. Из неё вылетело серебристое облако, дементоров как ветром сдуло… Он был вне себя от ярости, что они вошли на территорию…
— Дамблдор наколдовал носилки и положил тебя на них, — перебил Рон. — Носилки сами тебя несли, а он шёл рядом до самой школы. Все думали, что ты…
Рон замолчал, но Гарри его не слушал. Он думал о том, что с ним сделали дементоры, о голосе… Потом взглянул на Рона и Гермиону и опомнился. Он прочитал у них в лицах такую

тревогу, что тут же принялся лихорадочно искать нейтральную тему для разговора.
— А где моя метла? — спросил он. Рон с Гермионой переглянулись.
— Где она? Её подобрали?
— Она, понимаешь… её отнесло ветром, — издалека начала Гермиона.
— И что?
— И она упала… понимаешь, Гарри… угодила прямо в Гремучую иву.
У Гарри сжалось сердце. Гремучая ива — страшное дерево. Она одиноко высилась посередине луга и крушила всё, что попадалось под удары её ветвей.
— И что? — Гарри со страхом ждал ответа.
— Ну, ты ведь знаешь её, — ответил Рон. — Она всегда даёт сдачу.
— Профессор Флитвик только что принёс твою метлу, — едва слышно сказала Гермиона, нагнулась, подняла с пола мешок и вытряхнула на постель кучку щепок и поломанных прутьев — всё, что осталось от верного «Нимбуса-2000», непобедимого, но в конце концов всё-таки потерпевшего поражение.

Глава 10

Карта мародёров

По настоянию мадам Помфри Гарри пролежал в больнице все выходные. Он ни на что не жаловался, не спорил, но не позволил ей выкинуть щепки и прутики, оставшиеся от «Нимбуса». Он знал, что это глупо, что метлу не починить, но ничего не мог с собой поделать: как будто потерял самого лучшего друга.

Гарри навещали друзья, старались приободрить. В субботу вечером Хагрид прислал охапку жёлтых цветов, похожих на кочаны капусты. Джинни Уизли, отчаянно краснея, подарила самодельную открытку с пожеланием скорейшего выздоровления. Открытка сама собой раскрывалась и пела истошным голосом, так что Гарри пришлось придавить её вазой с фруктами. В воскресенье утром в палату ввалилась вся факультетская команда, и Оливер Вуд замогильным голосом сообщил, что ни в чём Гарри не винит. Рон и Гермиона сидели у Гарри с утра до ночи. А Гарри по-прежнему был в подавленном состоянии, и никто не догадывался, что дело не только в метле или проигрыше.

Он никому не рассказал о Гриме, даже Рону с Гермионой. Рон испугается, а Гермиона фыркнет: она не верила предсказаниям профессора Трелони. Но никуда не денешься: Грим уже дважды являлся, и дважды Гарри едва не погиб. Первый раз чуть не попал под волшебный автобус, теперь вот упал с такой высоты. Похоже, призрак пса не отстанет, пока Гарри не свернёт себе шею. Что же, так всю жизнь и оглядываться с опаской, нет ли Грима поблизости?

И дементоры… Мерзко на душе и стыдно. Их все боятся, но кто ещё при их появлении слышит голоса погибших родителей и падает в обморок?

Гарри догадался, что это кричит мама. Ночью он долго не мог уснуть, глядел на полосы лунного света на потолке и ему всё слышался её голос. Когда дементоры приблизились к нему, он услышал последние минуты её жизни; она пыталась защитить его от Волан-де-Морта, а тот, убивая её, смеялся. Гарри задрёмывал, но ему снились полусгнившие осклизлые руки и отчаянная мольба; Гарри просыпался и в ушах снова стоял крик матери.

В понедельник Гарри вернулся в школу. В школьном шуме и суете думать о голосе было некогда. Правда, приходилось сносить насмешки Драко Малфоя. Малфой был на седьмом небе от счастья, что гриффиндорцы проиграли матч. Он снял бинты и на радостях, что обе руки здоровы, вдохновенно изображал, как Гарри упал с метлы. На уроке зельеварения Малфой развлекался тем, что изображал дементора. Рон не выдержал и запустил ему в лицо огромное влажное крокодилье сердце. Снегг вычел у Гриффиндора пятьдесят баллов.

— Если защиту от тёмных искусств опять ведёт Снегг, я притворюсь, что болен, и не пойду, — сказал Рон после обеда. — Гермиона, погляди, кто в классе.

Гермиона заглянула в дверь и сказала:

— Заходи, не бойся.

За учительским столом сидел профессор Люпин. Он осунулся, потрёпанная одежда висела мешком, под глазами синели круги, но, когда все расселись по местам, он приветливо улыбнулся. Ученики первым делом стали жаловаться на Снегга.

— Это нечестно, он ведь только заменял вас, а задал такое домашнее задание!

— Мы ничего не знаем об оборотнях…
— …целых два свитка!
— Нужно было сказать профессору Снеггу, что вы ещё оборотней не проходили. — Люпин слегка нахмурился.
Класс загалдел громче:
— Да мы сказали, а он говорит, мы очень отстали…
— Он и слушать ничего не хотел…
— Целых два свитка!!!
Общее возмущение было велико, но Люпин только улыбнулся.
— Ничего, я поговорю с профессором Снеггом. А его задание можете не делать.
— Ну, вот! — огорчилась Гермиона. — А я уже сделала.
Урок прошёл замечательно. Люпин принёс стеклянный ящик с болотным фонарником. Это хрупкое и безобидное на вид одноногое существо, казалось, было составлено из струек дыма.
— Заманивает людей в болото, — диктовал Люпин. — Видите у него в руке фонарь? Он с ним прыгает по кочкам, путник идёт на свет, он всё дальше… А с трясиной шутки плохи… При этих словах фонарник изо всех сил скребнул ногой по стеклу, не хуже чем ножом, так что весь класс передёрнуло.
Прозвенел звонок. Собрав сумки, все двинулись к выходу.
— Одну минуточку, Гарри, мне нужно тебе что-то сказать.
Гарри вернулся, Люпин накрыл тряпкой ящик с болотным чудищем.
— Слышал о вашем матче. — Люпин стал запихивать в портфель книги. — Жаль твоей метлы. Её можно починить?
— Нет, — ответил Гарри. — От неё только щепки остались.
Люпин вздохнул.
— Гремучую иву посадили в тот год, когда я поступил в Хогвартс. Помню, мы придумали игру: кто первый подбежит к ней и коснётся ствола. Одному мальчику, по имени Дэйви Гаджен, она чуть не выбила глаз, и нам запретили к ней подходить. Её лучше не трогать. Никакая метла бы не уцелела.
— Вы и о дементорах слышали? — с трудом проговорил Гарри.
Люпин бросил на него внимательный взгляд.
— Да. Профессора Дамблдора в такой ярости ещё не видели. Дементоры уже давно проявляли недовольство… разъярились, что их не пускают на территорию школы… Ты из-за них упал?
— Да, — признался Гарри. И, сам того не ожидая, спросил: — Ну почему? Почему из-за них я падаю в обморок? Я что…
Люпин словно прочитал его мысли.
— Нет, ты не трус. Дементоры так сильно действуют на тебя, потому что ты пережил такое, чего другим и в страшном сне не снилось, — сказал Люпин.
На его молодое, хоть и в глубоких морщинах лицо, обрамлённое седыми волосами, упал косой луч зимнего солнца.

— Дементоры — самые отвратительные существа на свете. Они живут там, где тьма и гниль, приносят уныние и гибель. Они отовсюду высасывают счастье, надежду, мир. Даже маглы чувствуют их присутствие, хотя и не видят их. Когда ты рядом с дементором, в тебе исчезают все добрые чувства и счастливые воспоминания. Это их пища. Они съедают всё хорошее, что есть в человеке, и тот становится таким же, как они, воплощением зла. В нём остаются только самые страшные воспоминания. Если, конечно, это длится достаточно долго. Так что нет ничего удивительного, Гарри, что ты при их виде падаешь в обморок — страшнее того, что ты испытал, трудно придумать. Любой бы на твоём месте упал. И стыдиться тут нечего.
— Когда они рядом, — Гарри опустил глаза, в горле у него стоял комок, — я слышу, как Волан-де-Морт убивает маму.
Рука Люпина дёрнулась, будто он хотел взять Гарри за плечо, но передумал.
— И зачем только они явились на матч? — понурился Гарри.
— Они голодны, — ответил Люпин и защёлкнул портфель. — Дамблдор не пускает их в школу, и им не из кого сосать радость — они ведь ею питаются… А на стадионе собралось столько болельщиков! Ликование, радость, для дементоров это настоящий пир. Они и не удержались.
— В Азкабане, должно быть, ужасно, — глухо сказал Гарри.
Люпин нахмурился и кивнул.
— Да, крепость стоит в море на маленьком островке, но дементорам не нужны ни толстые стены, ни вода, узники и так не сбегут: они заточены в темнице собственных мыслей. Почти все очень скоро сходят с ума.
— Но ведь Сириус Блэк сбежал…
Портфель Люпина соскользнул со стола, и Люпин поймал его на лету.
— Да, сбежал, — ответил он, выпрямившись. — Блэк, похоже, нашёл способ с ними бороться. Ни за что бы не поверил… Дементоры высасывают из волшебника магические способности, если он надолго остаётся в их власти…
— А ведь вы прогнали дементора тогда, в поезде, — вспомнил вдруг Гарри.
— Есть… особые приёмы… Да и потом, в поезде был только один дементор. Чем их больше, тем труднее с ними бороться.
— Научите меня этим приёмам. Пожалуйста.
— Я, Гарри, вообще-то не мастер сражаться с дементорами…
— А вдруг они снова придут на матч?
Люпин нерешительно поглядел на умоляющее лицо Гарри.
— Ну ладно, — сказал он. — Я тебе помогу. Только, боюсь, придётся подождать следующего полугодия, у меня очень много дел. И угораздило же меня заболеть в самое неподходящее время!
Гарри повеселел: Люпин научит его отгонять дементоров, и, стало быть, он больше не будет слышать маминого предсмертного крика, от которого разрывается сердце. В ноябре когтевранцы наголову разбили пуффендуйцев, и у Гриффиндора ещё оставалась надежда выиграть Кубок школы, нельзя только проиграть следующий матч. Вуд неистово тренировал команду, несмотря на холодный дождь, который исправно лил в декабре изо дня в день.

Дементоры больше не появлялись: гнев Дамблдора был так велик, что они не осмеливались уходить со своих постов.
За две недели до начала каникул небо прояснилось, стало светло-опаловым, ударил лёгкий морозец, и, проснувшись как-то утром, студенты увидели на траве кружево инея. Замок окутывал знакомый аромат Рождества. Профессор заклинаний Флитвик украсил свой класс мерцающими огоньками, которые вдруг обернулись настоящими летающими феями.
Студенты в предвкушении каникул обсуждали, что будут делать дома. Рон и Гермиона решили остаться в замке. Рон клялся, что не вынесет две недели дома с Перси, а Гермиона уверяла, что ей нужно порыться в библиотеке, но Гарри-то отлично понял, что они остаются ради него, и был им за это благодарен.
К радости всех, кроме Гарри, объявили, что последний выходной семестра можно провести в Хогсмиде.
— Вот здорово! — захлопала в ладоши Гермиона. — Там и запасёмся подарками к Рождеству. Мама с папой очень обрадуются волшебным гостинцам!
Гарри снова весь день предстояло быть в замке единственным третьекурсником. Чтобы убить время, он взял у Вуда каталог «Выбери себе метлу». Он тренировался сейчас на допотопной школьной метле — медленном, тряском «Метеоре» и понимал, что нужна собственная новая метла.
В воскресенье утром Гарри проводил Рона и Гермиону до холла, помахал им из дверей и побрёл по мраморной лестнице в свою башню. За окнами падали крупные хлопья снега, в замке было всё спокойно и тихо.
— Гарри, — кто-то тихонько позвал его, когда он шёл по коридору четвёртого этажа.
Гарри обернулся и увидел за статуей горбатой одноглазой ведьмы Джорджа и Фреда.
— Почему вы здесь? — удивился Гарри. — Я думал, вы ушли со всеми в Хогсмид.
— Мы хотим сделать тебе праздничный подарок, чтобы ты не скучал, — ответил Фред и лукаво подмигнул. — Иди сюда… — И он кивнул на открытую дверь пустого класса.
Гарри вошёл вслед за близнецами, Джордж тихонько закрыл дверь и сияющими глазами взглянул на Гарри.
— Вот тебе наш подарок на Рождество. — Он вытащил из-под мантии большой квадратный лист старого пергамента и торжественно протянул Гарри.
Пергамент был совершенно чист, на нём не было ни единой строчки, и Гарри решил, что это очередная шутка близнецов.
— И что же это такое?
— Это, Гарри, секрет нашего успеха, — ответил Джордж и нежно погладил пергамент.
— Нелегко с ним расстаться, — сказал Фред. — Но мы решили, что тебе он нужнее.
— Мы-то его наизусть знаем, — прибавил Джордж. — Поэтому и вручаем тебе. Нам он больше ни к чему.
— И что я буду делать с куском старого пергамента?
— С куском старого пергамента?! — Фред зажмурился и скорчил рожу, как будто Гарри смертельно его обидел. — Объясни ему, Джордж.
— Когда мы учились на первом курсе, Гарри, мы тогда были совсем ещё зелёные, беззаботные и невинные…

Гарри хмыкнул.
— Во всяком случае, более невинные, чем сейчас. Ну так вот, мы как-то рассорились с Филчем.
— Взорвали в коридоре грязевую бомбу, а Филч почему-то на нас разозлился…
— …затащил в свой кабинет и, как водится, стал грозить…
— …наказанием…
— …четвертованием…
— …мы слушали, слушали и вдруг заметили особый ящик с табличкой: «Конфисковано, очень опасно».
— Только не говорите… — улыбнулся Гарри.
— Ну, а как бы ты поступил на нашем месте? — пожал плечами Фред. — Джордж кинул ещё одну бомбу, и, пока Филч суетился, я открыл ящик и взял вот этот кусок пергамента.
— Что тут плохого? — прибавил Джордж. — Филч не знал, как с ним обращаться. Хотя, раз отобрал его, наверное, догадывался, что это такое.
— И вы знаете, что с ним делать?
— Знаем. — Фред самодовольно улыбнулся. — Этот свиток научил нас такому, чему не научит ни один учитель.
— Ого!
— Что, здорово? То-то!
Фред достал волшебную палочку, слегка коснулся ею пергамента и произнёс:
— Торжественно клянусь, что замышляю шалость, и только шалость.
Тотчас на пергаменте, в том месте, которого коснулся Джордж, одна за другой стали появляться тоненькие чернильные линии. Линии соединялись, пересекались, расползались как паутина по краям пергамента, и скоро наверху распустились, как цветы, выведенные зелёными чернилами слова:
Господа Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост!
Поставщики вспомогательных средств для волшебников-шалунов с гордостью представляют своё новейшее изобретение — КАРТУ МАРОДЁРОВ.
На карте были видны все до единого закоулки замка и территория на много миль вокруг. Но, что самое удивительное, по ней двигались крошечные чернильные точки, каждая была подписана. Гарри в восхищении склонился над картой. В левом верхнем углу профессор Дамблдор вышагивал в своём кабинете; миссис Норрис, кошка завхоза, кралась на четвёртом этаже, полтергейст Пивз носился в Зале почёта. Были там ещё закоулки и потайные ходы, где он никогда не был. Некоторые из ходов вели…
— Прямо в Хогсмид. — Фред указал один из них. — Таких ходов семь. Филч знает об этих вот четырёх, об остальных — только мы. В тот, что за зеркалом на пятом этаже, можешь не ходить. Мы сунулись было прошлой зимой, а там потолок обвалился. И вот сюда тоже лучше не ходить: прямо над выходом Гремучая ива. Зато этот ведёт прямо в подвал «Сладкого королевства». Мы этим ходом частенько лазаем, он, кстати, начинается в горбу старой карги за дверью.
— Спасибо нашим предшественникам, — вздохнул Джордж и дружески похлопал по названию карты.

— Благородные, славные помощники новому поколению проказников, — провозгласил Фред.
— Верно. Да, Гарри, не забывай стирать карту… — предупредил Джордж.
— …а то кто-нибудь ещё узнает её секрет, — закончил за Джорджа Фред.
— Дотронься до неё волшебной палочкой и скажи: «Славная вышла шалость!» — и карта исчезнет.
— Ну, дорогой Гарри, — сказал Фред голосом Перси, — веди себя хорошо.
— Увидимся в «Сладком королевстве», — подмигнул на прощанье Джордж.
И близнецы, довольные собой, удалились.
Гарри любовался чудесной картой. Вот крохотная точка, миссис Норрис, повернула налево и принюхалась к чему-то на полу. Если Филч и вправду не знает… а мимо дементоров-то проходить теперь и не надо…
Гарри не помнил себя от восторга, но тут ему на память пришли слова мистера Уизли: «Не доверяй вещам, которые умеют думать; кто знает, что у них на уме?»
«вспомогательные средства для волшебников-шалунов»…
Гарри провёл указательным пальцем вдоль тайного хода от замка до «Сладкого королевства».
Потом быстро, будто кто ему приказал, свернул карту, сунул под мантию, подошёл к двери и сквозь щёлку выглянул в коридор. Пусто. Гарри осторожно вышел из класса и спрятался за статуей одноглазой ведьмы.
«Диссендиум!».
— Диссендиум!
Горб старухи открылся, и появилось отверстие, как раз такое, чтобы в него пролез мальчик. Гарри огляделся по сторонам, спрятал карту и нырнул в статую вниз головой.
«Люмос!»
Коридор петлял словно нора гигантского кролика. Гарри держал палочку с пламенем на конце над головой, но то и дело спотыкался.
Идти пришлось долго, и он уже подумывал, не вернуться ли, но вспоминал про «Сладкое королевство» и шёл дальше. Ему стало казаться, что он идёт уже целый час. Наконец коридор пошёл вверх. Гарри прибавил шагу, сердце у него забилось, лицо пылало, а вот ногам было холодно.
Скоро показались ступеньки, вырубленные прямо в земле, некоторые из них обвалились. Гарри стал подниматься, глядя под ноги, — как бы не упасть и не наделать шуму. Он принялся считать ступени, но скоро сбился со счёту и вдруг стукнулся головой обо что-то твёрдое.
Похоже было на люк. Потирая макушку, Гарри прислушался: всё тихо. Он медленно приоткрыл крышку люка.
Над ней оказался подпол, заставленный деревянными ящиками и корзинами. Гарри выбрался из подземелья и опустил крышку. Она легла так плотно, что если про неё не знать, то и не догадаешься, что в этом месте начинается подземный ход. На цыпочках прокрался к деревянной лестнице. Наверху отчётливо слышались голоса, скрип входной двери и звон колокольчика.

Гарри не решался идти дальше, но вдруг дверь в подпол распахнулась, и кто-то стал спускаться.
— И не забудь коробку желатиновых червячков, дорогой… — крикнул кому-то вдогонку женский голос.
Гарри притаился за большой корзиной, кто-то прошёл мимо и стал передвигать ящики в дальнем конце подпола. «Пора», — решил Гарри.
Тихонько вышел из-за корзины и поднялся по лестнице, глянул вниз: в ящике роется толстяк с блестящей лысиной. Гарри проскользнул сквозь полураскрытую дверь и очутился за прилавком «Сладкого королевства», пригнулся, выполз из-за прилавка и выпрямился во весь рост.
«Сладкое королевство» было битком набито учениками Хогвартса, никто не обратил на Гарри внимания, и он стал разглядывать полки со сладостями. Дадли перекосило бы от зависти, знай он, где сейчас Гарри.
Чего только не было на полках! Огромные куски нуги, грильяж с дроблёным кокосовым орехом, толстые медовые ириски, штабели всевозможных плиток шоколада. Посреди магазина громадный бочонок драже разных вкусов «Берти Боттс», бочонок сахарных свистулек, воздушное мороженое, о котором говорил Рон. Целый стеллаж «потешных угощений»: взрывающаяся жевательная резинка «Друббдс» (из неё можно выдувать огромные синие пузыри, которые потом несколько дней летают по комнате), мятные нитки для чистки зубов, перечные чёртики в пакетах с надписью «Дохни огнём!», мороженое «Зубом застучи, мышью запищи», мятная помадка в форме лягушат — «В желудке прыгают, ногами дрыгают», хрупкие сахарные перья и карамельные бомбы.
Гарри протиснулся сквозь толпу шестикурсников. В дальнем углу магазина под надписью: «О вкусах не спорят!» — стояли Рон с Гермионой и разглядывали леденцы. Гарри незаметно подкрался и встал позади.
— Фу, — поморщилась Гермиона, — гадость какая! Гарри они уж точно не понравятся. И цвет, и вкус скорее для упырей, чем для людей.
— А может, возьмём вот это? — Рон сунул под нос Гермионе банку с тараканами.
— Ещё чего! — возмутился Гарри. Рон чуть не выронил банку.
— Гарри! — Гермиона вздрогнула от неожиданности. — Ты что тут делаешь? Как ты сюда…
— Вот это да! — Рон раскрыл от удивления рот. — Ты что, научился трансгрессировать?
— Нет, конечно, — ответил Гарри и шёпотом — рядом стояли шестикурсники — рассказал друзьям о Карте Мародёров.
— Надо же, мне Джордж с Фредом ни разу её не показали! — обиделся Рон. — А я им всё-таки брат.
— Какая разница? — пожала плечами Гермиона. — Гарри всё равно не оставит карту у себя, он отдаст её профессору МакГонагалл. Верно, Гарри?
— Ну нет! — ответил Гарри.
— Ты что, спятила? — выпучил глаза Рон. — Отдать такую ценность!
— Если её отдать, придётся объяснить, откуда она у меня, — сказал Гарри. — И Фреду с Джорджем влетит от Филча.

— А вдруг Сириус Блэк знает тайные ходы в замок? — не унималась Гермиона. — Нужно предупредить учителей!
— Никого предупреждать не нужно, — возразил Гарри. — На карте семь тайных ходов. По словам Фреда и Джорджа, Филч знает четыре. Из трёх других один завален, у входа во второй Гремучая ива. А тот, через который пришёл я, он… откуда Блэку знать, что вход в него в подсобке магазина?
Гарри подумал: «А что, если Блэк всё же знает о потайном ходе?» Рон важно кашлянул и указал на объявление на двери магазина:

По указу Министерства магии
Сообщаем покупателям, что дементорам приказано каждую ночь после заката солнца обходить улицы Хогсмида. Эту временную меру предосторожности отменят после поимки Сириуса Блэка. Советуем покупателям после захода солнца оставаться дома. Счастливого Рождества!
— Хотел бы я поглядеть, как Блэк проникнет в «Сладкое королевство», ведь в деревне дементоры кишмя кишат. Да и хозяева услышат шум, попробуй он сюда вломиться. Они живут во втором этаже.
— Но ведь… Но ведь… — Гермиона подыскивала возражение, которое воззвало бы к благоразумию друзей. — Гарри не дали разрешения ходить в Хогсмид. Если кто-нибудь узнает, что он здесь, его могут даже исключить. И солнце ещё не село, вдруг Блэк нагрянет в Хогсмид сегодня? Прямо сейчас?
— Да он в такую метель Гарри и не разглядит. — Рон кивнул в сторону улицы, за окнами магазина валил густой снег. — Будет тебе, Гермиона. Рождество на носу, что, Гарри хуже других, что ли?
Гермиона в тревоге закусила губу.
— Ты на меня наябедничаешь? — улыбнулся Гарри.
— Ну что ты! Нет, конечно. Но всё-таки, Гарри…
— Гарри, ты свистульки видел? — перебил Гермиону Рон, схватил Гарри за руку и потащил к бочонку с конфетами. — А желатиновые червячки? А кислые шипучки? Помню, Фред дал мне одну, мне было тогда семь лет, она мне язык насквозь прожгла. Мама его тогда здорово метлой отлупила! — Рон задумчиво уставился на корзину с шипучками. — А что, если угостить Фреда тараканьей гроздью и сказать, что это засахаренный арахис, он поверит?
Рон с Гермионой заплатили за сладости, и друзья вышли на завьюженную улицу.
Хогсмид походил на рождественскую открытку. Сказочные домики под соломенными крышами, магазины в снежных шапках, на дверях венки из остролиста, кроны деревьев украшены гирляндами волшебных свечек.
Гарри оставил мантию в замке и теперь ёжился от холода. Друзья шли по улице навстречу ветру, Рон и Гермиона сквозь шарфы кричали:
— Здесь почта…
— А там магазин «Зонко»…
— Можно пойти в Визжащую хижину…

— Пойдёмте лучше в «Три метлы», выпьем сливочного пива, — предложил Рон, стуча зубами от холода.
Гарри обрадовался: дул пронизывающий ветер, и у него совсем закоченели руки, было бы очень кстати посидеть в тепле. Друзья перешли на другую сторону улицы и вошли в уютный паб — первый этаж крохотной гостиницы.
В пабе было людно, шумно и дымно. За стойкой расположилась компания весельчаков, они смеялись и громко разговаривали, полная миловидная женщина едва успевала наполнять бокалы.
— Это мадам Розмерта, — сообщил Рон. — Пойду принесу нам всем по кружке, — прибавил он и слегка покраснел.
Гарри и Гермиона уселись за маленький столик в дальнем углу между окном и нарядной рождественской ёлкой. Рядом потрескивал камин, было очень тепло и празднично. Рон принёс три кружки пива. Оно было горячее и дымилось.
— Счастливого Рождества! — весело пожелал Рон и поднял кружку.
Гарри пил большими глотками: чудесный напиток согревал всё тело до кончиков пальцев. Вдруг входная дверь отворилась, и сквозняк взъерошил волосы на голове Гарри. Он глянул в сторону двери и чуть не захлебнулся.
В бар вошли МакГонагалл и Флитвик, за ними — Хагрид с министром магии Корнелиусом Фаджем, толстячком в тёмно-зелёном котелке и полосатой мантии. Все четверо увлечённо о чём-то беседовали.
В мгновение ока Рон с Гермионой оба нажали ладонями на макушку Гарри. Гарри соскользнул со стула и очутился под столом, вылив на себя остатки пива. Сжимая в руках кружку, он видел ноги вошедшей компании: вот они подошли к стойке бара, постояли немного и, развернувшись, двинулись прямо к нему.
Гермиона над его головой прошептала:
— Мобилиарбус!
Рождественская ёлка оторвалась от пола и, плавно покачиваясь, полетела. С глухим стуком приземлилась возле их столика и загородила его пушистыми ветками. Сквозь её нижние лапы Гарри видел, как к соседнему столику придвинулись восемь пар ножек четырёх стульев, и на стулья — кто крякнув, кто вздохнув — сели учителя и лесничий с Фаджем.
К ним сейчас же приблизились лаковые туфли бирюзового цвета на высоком каблуке.
— Маленькая кружка минеральной… — спросил женский голос.
— Это мне, — ответила профессор МакГонагалл.
— Горячий грог…
— Спасибо, Розмерта, — пробасил Хагрид.
— Содовая с вишневым сиропом и зонтиком…
— М-м-м… — чмокнул губами профессор Флитвик и протянул руку за бокалом.
— Стало быть, вам, господин министр, смородиновый ром.
— Спасибо, Розмерта. Рад вас видеть! Посидите с нами?
— Благодарю, господин министр, с удовольствием.
Блестящие каблуки ушли и снова вернулись. У Гарри сердце ушло в пятки: как это он забыл, что у учителей сегодня тоже выходной? Они ещё, чего доброго, здесь дотемна засидятся. А

ведь ему ещё надо вернуться в «Сладкое королевство», а то и в школу не попадёшь… Гермиона думала о том же и нервно постукивала ногой.
— Каким ветром вас сюда занесло, господин министр? — спросила мадам Розмерта.
Гарри увидел, как задвигалась нижняя часть упитанного туловища. Фадж, похоже, обернулся посмотреть, не подслушивает ли кто.
— Ясно каким. Сириуса Блэка, дорогая моя, ищем. Вы ведь слышали, что он учинил в школе на Хэллоуин?
— Слышала, слышала.
— Вы, Хагрид, всем успели рассказать, всему пабу? — с укоризной спросила МакГонагалл.
— Думаете, Блэк всё ещё поблизости? — тревожно спросила хозяйка гостиницы.
— Уверен.
— Дементоры уже дважды обыскивали мой паб, распугали всех клиентов, одни убытки…
— Розмерта, дорогая, мне и самому дементоры не по душе. Но что ж поделать? Как иначе прикажете вас охранять? Раз ваша гостиница стоит именно здесь, значит, дементоры ещё не раз к вам зайдут. Я только что с ними встречался, они в бешенстве: Дамблдор не пускает их в школу.
— И правильно делает, — вступилась за директора школы МакГонагалл. — Как мы стали бы преподавать в присутствии таких чудовищ?
— Верно, верно, — тоненьким голоском поддержал коллегу малыш Флитвик, не достававший ногами до пола.
— Что поделаешь… — сдержанно заметил Фадж. — Они охраняют вас от злодея. Блэк способен на всё…
— А мне как-то не верится, что Сириус Блэк мог переметнуться на сторону Тёмного Лорда. Это на него не похоже… — задумчиво сказала мадам Розмерта. — Помню его студентом Хогвартса… Скажи мне тогда кто-нибудь, что из него выйдет чёрный маг, я бы подумала, что этот человек выпил слишком много медовухи.
— Вы, Розмерта, и половины всего не знаете, — угрюмо ответил министр. — Люди не знают самых страшных его дел.
— Что может быть страшнее убийства невинных людей? — удивилась хозяйка.
— Кое-что может.
— Сомневаюсь.
— Вы, Розмерта, говорите, что помните его студентом, — заметила профессор МакГонагалл. — А помните, кто был его лучший друг?
— Ну, как же? — Розмерта усмехнулась. — Два неразлучных приятеля. Они часто бывали здесь. Столько от них было веселья! Друзья — не разлей вода. Так и стоят перед глазами — Сириус Блэк и Джеймс Поттер.
Гарри выронил кружку, и она грохнулась на пол. Рон ткнул его ногой.
— Верно, — подтвердила МакГонагалл. — Блэк и Поттер. Зачинщики всевозможных проказ. Оба блестящие ученики, на редкость блестящие, но отчаянные сорвиголовы! Таких ни раньше, ни позже не было!
— Ну это ещё неизвестно, — промычал Хагрид. — Фред с Джорджем Уизли, пожалуй, дадут им фору.

— И они были как братья, — вставил Флитвик. — Как два неразлучных брата.
— Именно, — подтвердил Фадж. — Поттер никому не доверял так, как Блэку. Они и после школы дружили. Блэк был шафером на свадьбе Джеймса и Лили. Потом родился Гарри, и Блэк стал его крёстным отцом. Гарри, конечно, ничего об этом не знает. Узнает, будет очень страдать.
— Из-за того, что Блэк стал сподвижником Сами-Знаете-Кого? — прошептала мадам Розмерта.
— Хуже… — Фадж понизил голос. — Не многим тогда было известно, что Поттеры знают: Вы-Знаете-Кто за ними охотится. У Дамблдора, который, разумеется, всегда боролся против Вы-Знаете-Кого, было много тайных агентов, и один из них сообщил, что Джеймсу и Лили грозит опасность. Дамблдор тут же дал им знать и посоветовал спрятаться в тайном укрытии. А для верности подсказал воспользоваться заклятием Доверия.
— Что это такое? — Мадам Розмерта слушала, затаив дыхание.
Профессор Флитвик откашлялся и стал тонким голосом объяснять:
— Заклятие Доверия — одно из самых сложных, оно запечатывает тайну в сердце человека — Хранителя Тайны, как его называют. Эту тайну раскрыть невозможно, разве что сам Хранитель её выдаст. Вы-Знаете-Кто мог годами искать Лили и Джеймса и не нашёл, даже если бы сунул нос в окно их дома.
— Значит, Блэк был Хранителем Тайны Поттеров? — догадалась мадам Розмерта.
— Да. Джеймс Поттер говорил Дамблдору, что Блэк скорее сам погибнет, чем их выдаст, что он и сам подумывает об укрытии, — ответила профессор МакГонагалл. — Но Дамблдор всё равно за них тревожился. Он даже сам себя предложил в Хранители Тайны.
— Значит, он подозревал Блэка?
— Не то чтобы подозревал, но ему сообщили, что кто-то из друзей Поттеров переметнулся на сторону Вы-Знаете-Кого и сообщает ему об их передвижениях. Он уже какое-то время знал, что среди нас завёлся предатель.
— Но Джеймс Поттер настоял на своём?
— Да, настоял, — вздохнул Фадж. — Заклинание Доверия применили, а две недели спустя…
— Блэк предал их? — выдохнула мадам Розмерта.
— Да. Ему надоело быть двойным агентом, он хотел открыто объявить, на чьей он стороне, потому и выдал Поттеров. А дальше вы знаете: Тот-Кого-Нельзя-Называть убил Джеймса и Лили. Хотел убить и малыша Гарри, но лишился волшебной силы. Мощь его исчезла, и он бежал. Блэк остался ни с чем: его патрон сгинул как раз, когда предательство его обнаружилось. Оставалось только спасаться бегством…
— Гнусный, смердящий душепродавец! — прорычал Хагрид на весь бар.
Соседи притихли и повернулись в их сторону. МакГонагалл зашикала на него.
— Я тогда его видел. — Хагрид понизил голос. — Наверное, самый последний перед тем убийством. Это я спас Гарри, вынес его из развалин, Лили-то с Джеймсом уже погибли. Я его тогда вытащил, а у него на лбу рана… а тут этот… Сириус Блэк на своём мотоцикле. Я-то тогда не знал, чего он явился… что он Хранитель Тайны. Я подумал, он… э-э… прилетел помочь. Бледный как смерть, весь трясётся. А я-то, я-то! Я его утешать стал! — Хагрид

разрыдался.
— Хагрид, пожалуйста, умерьте голос, — взмолилась МакГонагалл.
— Откуда мне было знать, что ему наплевать на Лили и Джеймс, что он шпион. А он ещё говорит: «Я крёстный Гарри, отдайте его мне, я, мол, о нём позабочусь…» Ха! Я Гарри не отдал, Дамблдор велел мне отвезти его к тётке. Блэк поспорил-поспорил и согласился. И дал мне свой мотоцикл отвезти Гарри: «Мне, говорит, он больше не нужен». И как это я не догадался! С чего это он отдаёт любимый мотоцикл? И как это он больше не нужен? Эх, дубина я, дубина! Дамблдор-то знал, что Блэк — Хранитель Джеймса. Блэк думал улизнуть в ту ночь, думал, у него есть часа два, пока Министерство узнает. А отдай я ему Гарри!.. Он бы повёз его на мотоцикле да и кинул бы в море. Сына-то лучшего друга! Да чо уж там, переметнулся волшебник на сторону тёмных сил, нет для него ни свата, ни брата…
Хагрид замолчал, и никто долго не решался заговорить.
— Но далеко он не убежал, — произнесла удовлетворённо мадам Розмерта. — Министерство магии сцапало его на другой день.
— Увы! — вздохнул Фадж. — Не мы его нашли, к сожалению. Его нашёл друг Поттера Питер Петтигрю. Он чуть с ума не сошёл от горя. Знал, что Блэк — Хранитель Тайны Поттеров, и сам стал искать Блэка.
— Петтигрю, Петтигрю… уж не тот ли толстячок, что ещё в Хогвартсе всюду таскался за Поттером и Блэком? — припомнила мадам Розмерта.
— Он самый, — подтвердила профессор МакГонагалл. — Он души не чаял в Блэке и Поттере. Он им был, конечно, не ровня, не те способности, а я была чересчур строга с ним. Как я теперь раскаиваюсь… — МакГонагалл всхлипнула.
— Ну будет, будет, Минерва, — похлопал её по плечу Фадж. — Петтигрю умер как герой. Очевидцы, маглы — мы потом стёрли им память, — уверяли, что Петтигрю со слезами укорял Блэка: «Как ты мог, Сириус! Лили и Джеймс наши друзья!» Потянулся за волшебной палочкой, но Блэк, разумеется, опередил его. От Петтигрю почти ничего не осталось…
Профессор МакГонагалл высморкалась и сказала севшим голосом:
— Глупый, глупый мальчишка… Дуэли никогда у него не получались! Зачем только он сам… Ведь есть же Министерство…
— Эх, добраться бы мне до Блэка раньше Петтигрю! — взревел Хагрид. — Уж я бы с ним не канителился, я бы его голыми руками на куски…
— Нет, Хагрид, вы бы с ним не справились, — покачал головой Фадж. — Схватить его могла бы только полиция маглов. Я в те времена был заместителем главы Департамента чрезвычайных ситуаций и прибыл на место происшествия одним из первых. Никогда не забуду того, что я там увидел: посреди улицы глубокая воронка, всюду искорёженные трупы, маглы кричат, а Блэк стоит и хохочет над тем, что осталось от Петтигрю — кучкой окровавленной одежды и… и… каких-то фрагментов…
Фадж замолчал. Все пятеро достали носовые платки.
— Вот, Розмерта, что содеял Блэк, — глухо продолжал министр. — Блэка забрал оттуда патруль волшебной полиции, Петтигрю посмертно получил орден Мерлина первого класса — слабое утешение для его бедной матери. А Блэка упрятали в Азкабан.

Мадам Розмерта протяжно вздохнула.
— А правда, что он лишился рассудка?
— По-моему, нет, — ответил министр, растягивая слова. — Могу одно сказать: поражение хозяина временно помутило его рассудок. Убийство Петтигрю и всех тех маглов, жестокое, бессмысленное, было действием отчаявшегося, загнанного в угол человека. Но недавно я был в Азкабане и разговаривал с ним. Все заключённые там явно безумны, сидят в темноте, что-то бормочут, а Блэк… он выглядит и говорит как нормальный. Даже мурашки по коже. Вид у него человека, которому всё надоело. Увидел у меня газету, спросил, прочитал ли я её и не могу ли дать ему, сказал, что соскучился по кроссвордам. Дементоры круглые сутки дежурят у двери, а ему хоть бы что.
— Как по-вашему, господин министр, зачем он сбежал из тюрьмы? — поинтересовалась мадам Розмерта. — Уж не хочет ли он вернуть Вы-Знаете-Кому силы и примкнуть к нему?
— Думаю, что это его… э-э… конечная цель, — уклончиво ответил Фадж. — Но мы надеемся поймать Блэка раньше. Вы-Знаете-Кто сейчас один, но… дайте ему преданного и способного слугу… Подумать страшно, что будет…
За соседним столиком помолчали. Гарри услышал, как кто-то поставил на стол свой бокал.
— Нам пора в замок, Корнелиус, — заметила профессор МакГонагалл. — Вы ведь не хотите опоздать на ужин к директору.
Стулья отодвинулись, запахнулись полы мантий, блестящие каблуки мадам Розмерты вернулись за стойку. Слышно было, как открылась входная дверь, в бар ворвался вихрь снега, и вся компания вышла.
— Гарри!
Рон с Гермионой заглянули под стол, все трое молча смотрели друг на друга, не находя слов.

Глава 11

«Молния»

Гарри смутно помнил, как добрался до подпола «Сладкого королевства», миновал тоннель и очутился в замке. Вот он ещё в «Трёх мётлах», а вот уже вылез из горба статуи. Всю дорогу он думал только о нечаянно подслушанном разговоре.

Как же так? Почему Дамблдор, Хагрид, мистер Уизли и Корнелиус Фадж молчали? Почему скрыли, что родителей предал их лучший друг?

За ужином Рон и Гермиона тревожно поглядывали на Гарри, не смея заговорить с ним — рядом сидел Перси. После ужина друзья поднялись в гостиную, а тут Фред и Джордж на радостях, что наступили каникулы, взорвали десяток бомб-вонючек. Гарри не хотелось рассказывать близнецам о походе в Хогсмид, и он тихонько выскользнул из гостиной и поднялся в пустую спальню. В спальне присел у тумбочки, вытащил книги и нашёл фотоальбом в кожаном переплёте, который ему подарил Хагрид два года назад. Там были фотографии мамы и папы. Гарри сел на постель, задёрнул полог и стал разглядывать снимки…

На свадебной фотографии папа машет ему рукой, на лице у него сияет улыбка, непослушные волосы на голове, такие же, как у сына, торчат в разные стороны. Папа держит под руку маму, и она тоже светится счастьем. А рядом — шафер папы… Гарри раньше не обращал на него внимания.

Если не знаешь, что это Блэк, то и не догадаешься. На фото он красив и весел, а теперь у него исхудалое, бледное лицо. Неужели он уже тогда переметнулся на сторону Волан-де-Морта? И замышлял убить лучших друзей? Понимал ли он, что его ждёт двенадцать лет в Азкабане, после которых он станет неузнаваем.

«Но ведь на Блэка дементоры не действуют!» — думал Гарри, а Блэк глядел на него с фото и улыбался. И когда они совсем близко, он не слышит крик его мамы…

Гарри захлопнул альбом и сунул в тумбочку, снял мантию и очки, плотнее задёрнул полог и лёг.

Кто-то отворил дверь спальни.

— Гарри, ты здесь? — спросил Рон.

Гарри притворился, что спит. Рон вышел, Гарри лёг на спину и стал глядеть в потолок. Впервые в жизни он почувствовал ненависть. Изображение Блэка словно вырезали из альбома и наклеили на потолок, и он в темноте смеялся над Гарри. Потом, как на экране кино, Блэк убил Питера Петтигрю (Петтигрю немного смахивал на Невилла Долгопупса). И у Гарри в ушах зазвучал тихий, взволнованный голос (хотя он никогда в жизни не слышал голоса Блэка): «Мой господин, наконец-то я — Хранитель Тайны Поттеров…» Его собеседник пронзительно захохотал, именно этот хохот Гарри слышал всякий раз, когда приближались дементоры.

— Гарри, на тебе лица нет!

Гарри заснул только под утро, а проснувшись, обнаружил, что спальня уже пуста. Он оделся и спустился по винтовой лестнице в гостиную. В гостиной были Рон с Гермионой. Рон жевал мятную жабу и поглаживал живот, Гермиона корпела над домашней работой, разложенной на трёх столах.

— А где все? — Гарри рассеянно огляделся.
— Разъехались. Сегодня первый день каникул, ты что, забыл? — Рон пристально поглядел на Гарри. — Скоро обед, я уже собирался пойти тебя будить.
Гарри сел в кресло у камина. За окнами всё ещё падал снег. Перед камином, как рыжий пушистый коврик, растянулся кот Живоглот.
— Тебе нездоровится? У тебя правда больной вид. — Гермиона обеспокоенно взглянула на Гарри.
— Нет, всё в порядке.
— Послушай, Гарри, — Гермиона и Рон переглянулись, — ты, конечно, расстроился из-за того, что вчера услышал. Но всё равно нельзя делать никаких глупостей.
— О чём ты?
— Нельзя самому охотиться за Блэком, — сорвалось с языка у Рона.
Гарри промолчал: разговор был явно подготовлен, пока он спал.
— Ты ведь не станешь, правда? — с надеждой спросила Гермиона.
— Блэк не стоит того, чтобы из-за него умирать, — добавил Рон.
Гарри поглядел на Рона, на Гермиону. Ну как же они не понимают?!
— Знаете, что я слышу, когда рядом дементор?
Рон с Гермионой в предчувствии чего-то страшного покрутили головами.
— Я слышу, как перед смертью кричит мама, умоляет Волан-де-Морта пощадить меня. Если бы вы вот так услышали последние слова мамы, вы бы их навсегда запомнили. Такое не забывается. А если бы вдруг узнали, что выдал её Тёмному Лорду их лучший друг…
— Ты ведь ещё учишься, а Блэк уже взрослый волшебник! — воскликнула Гермиона. — Его поймают дементоры, увезут в Азкабан, там он понесёт наказание!
— Ты ведь слышала, что сказал Фадж. На Блэка Азкабан не действует, как на обычных людей. Какое это для него наказание!
— И что ты задумал? — Рон был явно встревожен. — Хочешь его убить?
— Что ты, Рон! — испугалась Гермиона. — Гарри никого не хочет убить, правда, Гарри?
Гарри снова промолчал. Он и сам не знал, чего хочет. Одно было ясно: нельзя сидеть сложа руки, покуда Блэк на свободе.
— А Малфой всё это знает, — вдруг сказал он. — Помнишь, Рон, его слова на зельеварении? «Будь я на твоём месте, я бы его выследил… Уж я-то бы отомстил!»
— И ты не нас послушаешь, а Малфоя? — рассердился Рон. — Вспомни, что получила мама Петтигрю после его гибели от рук Блэка? Орден Мерлина первого класса и кончик мизинца в коробочке. Папа сказал, больше ничего не нашли. Этот Блэк чокнутый и очень опасен…
— Должно быть, Малфою сказал отец, — не слушал Гарри. — Он хорошо знал Волан-де-Морта…
— Зови его «Вы-Знаете-Кто»! — взорвался Рон.
— …значит, Малфои знали, что Блэк на стороне Волан-де-Морта…
— …и Малфой будет скакать от радости, если Блэк тебя прикончит, как Петтигрю! Пойми ты, Малфою только того и нужно, чтобы тебя укокошили к следующему матчу!

— Гарри, опомнись. Ну, пожалуйста! — со слезами взмолилась Гермиона. — Блэк страшный человек. Ну зачем тебе лезть на рожон! Ты мгновенно попадёшь ему в руки, он только того и ждёт… Твои мама с папой не позволили бы тебе самому искать Блэка. Они хотели, чтобы ты жил.
— Я никогда не узнаю, чего они хотели. Я никогда — спасибо Блэку! — с ними не разговаривал.
Живоглот потянулся и выпустил длинные когти. Карман Рона задрожал. Воцарилось молчание.
— Послушайте, ведь сейчас каникулы! — воскликнул Рон. — Скоро Рождество. Идёмте к Хагриду, мы у него сто лет не были.
— Нельзя, — возразила Гермиона. — Гарри не должен выходить из замка…
— Идёмте, — сказал Гарри, выпрямляясь в кресле. — Заодно спрошу его, почему он, рассказывая мне о родителях, никогда не упоминал Блэка.
Разговор о Блэке принимал явно нежелательный оборот.
— Может, лучше сыграем в шахматы? — поспешно предложил Рон. — Или в плюй-камни? Перси оставил мне игральный набор…
— Нет, пойдём к Хагриду, — твёрдо решил Гарри.
Друзья сходили за мантиями, вышли сквозь портретный проход («К барьеру, гнусные желтопузики!» — крикнул сэр Кэдоган вдогонку) и пошли по опустевшему замку, их шаги гулко отдавались в коридорах. Миновали дубовые двери и вдохнули свежий морозный воздух.
Спускавшийся вниз луг серебрился пушистым снегом, и шаги друзей оставляли в снегу дорожку. Носки и полы мантий скоро промокли и заиндевели. Запретный лес стоял как заколдованный, каждая ветка одета белой сверкающей опушкой, хижина Хагрида походила на глазированный торт.
Рон постучал. Хагрид не отозвался.
— Его что, нет дома? — спросила Гермиона, стуча зубами от холода.
Рон прижался ухом к двери.
— Слышу какой-то странный звук. Кто-то там есть. Может, Клык?
Гарри и Гермиона тоже приникли к двери. Внутри слышались глухие рыдания.
— Может, за кем-нибудь сбегать? — предложил Рон.
— Хагрид! — Гарри забарабанил в дверь. — Хагрид!
Раздались тяжёлые шаги, и дверь отворилась. Глаза у Хагрида покраснели и опухли, по кожаному жилету струились слёзы.
— Вы уже слышали! — прорыдал Хагрид и кинулся обнимать Гарри.
Лесничий был ростом с двух мужчин, его объятия были делом нешуточным. Гарри наверняка бы упал, если бы Рон с Гермионой вовремя не схватили лесничего под руки. Друзья все втроём втащили его в хижину, усадили за стол, он уронил голову на руки и разрыдался ещё громче. Лицо его всё было залито слезами, намокла и нечёсаная борода.
— Что стряслось, Хагрид? — спросила испуганно Гермиона.
Гарри заметил на столе письмо.

— Что это, Хагрид?
Хагрид подтолкнул письмо к Гарри. Гарри раскрыл его и прочитал:
— «Уважаемый мистер Хагрид!
Сообщаем, что расследование по делу о нападении гиппогрифа на ученика во время урока закончено. Постановлено принять заверения профессора Дамблдора, что Вы в этом прискорбном инциденте невиновны».
— Да ведь это здорово! — Рон похлопал лесничего по огромному плечу. Хагрид всхлипнул и махнул Гарри рукой, чтобы читал дальше.
— «Тем не менее мы обязаны выразить наше беспокойство по поводу вышеупомянутого гиппогрифа. Мы получили жалобу от мистера Люциуса Малфоя и передаём дело в Комиссию по обезвреживанию опасных существ. Слушание состоится 20 апреля. Просим Вас прибыть в указанный день в Комиссию с Вашим гиппогрифом. До начала слушания Вам надлежит держать гиппогрифа на привязи в отдельном помещении.
С уважением, Ваши коллеги…»
Ниже шёл список школьных попечителей.
— Но ведь ты говорил, что Клювокрыл очень хороший, — вспомнил Рон. — Держу пари, всё обойдётся…
— Нет, не обойдётся! Знаю я этих упырей из Комиссии по обезвреживанию. — Хагрид утёр рукавом слёзы. — У них зуб на самых интересных животных.
В углу кто-то громко зачавкал. Гарри, Рон и Гермиона обернулись. На полу врастяжку лежал гиппогриф и что-то жевал.
— Ну как оставить его снаружи, ведь ужас сколько намело снегу! — всхлипывая, объяснил Хагрид. — Теперь Рождество, а он будет там один-одинёшенек и на привязи.
Друзья переглянулись. Они расходились с Хагридом во взгляде на «самых интересных животных», которых другие люди называют «опасными чудовищами». Впрочем, Клювокрыл и вправду выглядел безобидным. Хагрид же и вовсе считал его милашкой.
— Тебе надо хорошенько подумать, как его защитить. — Гермиона села рядом с Хагридом и погладила его по огромной ручище. — Необходимо доказать Комиссии, что он неопасен.
— Ничего не выйдет! — рыдал Хагрид. — Комиссия в кармане у Люциуса Малфоя. Все его боятся. Я проиграю дело, и тогда Клювика…
Хагрид чиркнул пальцем по шее и с плачем рухнул на стол.
— Может, Дамблдор поможет? — вслух подумал Гарри.
— Он и так мне очень помог. А у него самого забот полон рот: эти дементоры, Сириус Блэк…
Рон и Гермиона взглянули на Гарри, как будто хотели сказать: вот он, подходящий момент укорить Хагрида, умолчавшего о роли Блэка в гибели его родителей. Но Хагрид был так несчастен, так боялся за судьбу гиппогрифа, что Гарри просто не мог ещё усугублять страдания своего друга.
— Хагрид, нельзя сдаваться, — твёрдо сказал он. — Гермиона права, надо хорошенько продумать защиту. Мы будем свидетелями…
— Я где-то читала о суде над гиппогрифом, его тоже раздразнили, и он напал на обидчика, — задумалась Гермиона. — Того гиппогрифа оправдали. Обязательно найду этот

случай.
Хагрид только громче зарыдал. Гарри с Гермионой обернулись к Рону, как к якорю спасения.
— Заварю-ка я чаю, — сказал тот. Гарри вытаращил глаза.
— Мама всегда предлагает чашку чая, когда кому-нибудь плохо, — развёл руками Рон.
Наконец, выслушав многочисленные заверения о помощи и увидев перед собой кружку горячего чая, Хагрид высморкался в платок размером с добрую скатерть и сказал:
— Всё правильно. Нечего раскисать… надо взять себя в руки…
Огромный волкодав Клык застенчиво вылез из-под стола и положил морду Хагриду на колени.
— И чего я расквасился? На себя не похож. — Хагрид погладил Клыка по холке, потрепал за ухо. — Сам не свой последнее время… беспокоюсь о Клювике, да и уроки мои никому не нравятся…
— Нам очень нравятся! — соврала Гермиона.
— Отличные уроки, — поддакнул Рон. — Как, кстати, поживают флоббер-черви?
— Все передохли, — сник Хагрид. — Салата объелись.
— Бедные… — У Рона от сдерживаемого смеха затряслись губы.
— Да ещё эти дементоры… мороз по коже. — Хагрида передёрнуло. — Как иду в «Три метлы» промочить горло, каждый раз их вижу. Как в Азкабан вернулся.
Хагрид умолк и отхлебнул чаю. Гарри, Рон и Гермиона затаили дыхание: Хагрид впервые упомянул о заключении в волшебной тюрьме.
— А в Азкабане страшно? — осторожно спросила Гермиона.
— Ещё как! — Хагрид глядел в одну точку. — Другого такого места во всём свете нет. Я думал, с ума сойду. В голове всякие ужасы вертелись… всё вспоминал, как меня выгнали из школы… как умер отец… как я отпустил Норберта…
На глазах у него опять выступили слёзы. Норбертом звали дракончика, которого Хагрид выиграл в карты.
— Посидишь там и забываешь, кто ты, зачем живёшь. Я всё мечтал, помереть бы, пока сплю… А потом меня выпустили. И я будто снова родился, всё вокруг новое, лучший день в жизни. А дементоры-то меня отпускать не хотели.
— Ты же был не виноват! — с удивлением воскликнула Гермиона.
Хагрид горько усмехнулся.
— Им-то что? Им нужно пару сотен заключённых, а кто виноват, кто нет, их это не трогает. — Хагрид молча уставился в чашку, потом тихо прибавил: — Хотел я было отпустить Клювика… пусть бы себе улетел… да как ему втолкуешь, что надо улепётывать? Да и закон страшно нарушить… как бы опять… — Хагрид поглядел на Гарри, Рона и Гермиону полными слёз глазами. — Не хочу обратно в Азкабан.
Хотя вечер у Хагрида был не очень весёлый, всё же он оказал на Гарри то действие, на которое Рон с Гермионой рассчитывали. Гарри теперь лишь изредка вспоминал Блэка и ревностно взялся готовить оправдательную речь для суда над гиппогрифом.
На другое утро друзья отправились в библиотеку, принесли оттуда по охапке книг и в пустой гостиной засели за поиски. Весь день они сидели у пылающего камина, перелистывая

пыльные тома страницу за страницей в надежде найти похожий случай. Книги были полны отчётов о знаменитых судах над опасными чудовищами. Время от времени кто-нибудь говорил:
— Вот тут есть кое-что. В тысяча семьсот двадцать втором был случай… правда, гиппогрифа признали виновным и казнили, вот, поглядите…
— А вот это, пожалуй, подойдёт: в тысяча двести девяносто шестом на кого-то напала мантикора, её оправдали и отпустили на волю… ой, нет, не годится: её все боялись и потому отпустили…
Замок тем временем прихорашивался к Рождеству, несмотря на то что любоваться волшебными украшениями было почти некому. В коридорах висели гирлянды остролиста и омелы, щели и прорези доспехов сияли таинственным светом, а в Большом зале, как обычно, поблёскивали золотыми звёздами двенадцать огромных ёлок. По замку поплыли ароматы праздничных яств, и в сочельник даже Короста высунула нос из кармана Рона: так вкусно пахло.
Рождественским утром Рон кинул в Гарри подушкой, и Гарри проснулся.
— С Рождеством тебя! Смотри, прибыли подарки.
Гарри сощурился и потянулся за очками, на полу у кровати в полутьме спальни высилась куча коробок. Рон уже разглядывал свои подарки.
— Ещё один свитер от мамы… как всегда, тёмно-бордовый… Тебе она тоже наверняка прислала…
Гарри развернул первый пакет. Ему миссис Уизли связала ярко-красный с гриффиндорским львом на груди, а ещё напекла пирожков с изюмом и миндалём, не забыла прислать коробки с пирожными и ореховыми леденцами. Отодвинув всё это, он увидел на полу длинную плоскую коробку.
— Что это? — бросил Рон любопытный взгляд.
— Не знаю…
Гарри раскрыл подарок и не поверил глазам — это была чудесная новенькая метла. Рон выронил носки и спрыгнул с кровати.
— Вот это да! — Он даже охрип от восхищения.
И не просто метла, а та самая «Молния», которой Гарри каждый день любовался, когда жил в Косом переулке. Он взял метлу в руки. Древко блеснуло, метла задрожала, Гарри отпустил её, и она повисла в воздухе — садись и лети. На кончике древка золотился регистрационный номер, гладкие прямые берёзовые прутья были как на подбор.
— Кто это тебе прислал?
— Погляди, может, в коробке есть записка?
Рон разорвал упаковку.
— Ничего нет. Потрясающе! Кто же это дарит такие дорогие подарки?..
— Готов поспорить, что не Дурсли. — Гарри налюбоваться не мог на подарок.
— Знаю, наверное, Дамблдор. — Рон разглядывал метлу со всех сторон. — Помнишь, он прислал тебе мантию-невидимку и не подписался?
— Мантия-невидимка была папина, — возразил Гарри. — Он мне её просто передал. Он не может выбросить на меня сотни золотых галлеонов. Так и разориться недолго.

— Да, вряд ли он. Ещё и Малфой бы сказал, что у директора завелись любимчики. Ты только представь себе, что будет с Малфоем! — Рон чуть не захлебнулся от смеха. — Его от зависти скрючит! У тебя теперь метла международного класса!
— Даже не верится, — затаив дыхание, Гарри провёл рукой по метле, а Рон рухнул от хохота на кровать, воображая позеленевшего от злости Малфоя. — От кого же…
— А я знаю от кого. — Рон перестал хохотать. — От Люпина.
— От Люпина? — Тут уж настала очередь Гарри смеяться. — Да будь у него деньги, он бы себе новый костюм купил.
— Это конечно, но он тебя любит. Он тогда пропустил матч, его вообще не было в школе, но ему, наверно, кто-то сказал о «Нимбусе», и он в Косом переулке купил тебе «Молнию».
— Как это не было в школе? Он ведь болел.
— Может, и болел, только в больничном крыле его не было. Помнишь, Снегг влепил мне наказание, я чистил утки в палатах, и Люпина там не было.
Гарри нахмурился.
— Да нет, Люпину такая метла не по карману.
— Над чем это вы смеётесь?
На пороге стояла Гермиона в домашнем халате и с рыжим любимцем на руках. На шее у кота красовался бант из мишуры, и Живоглот недовольно ворчал.
— Унеси его отсюда! — Рон поскорее вытащил Коросту из-под одеяла и сунул в карман пижамы. Но Гермионе было не до Рона, она посадила кота на постель Симуса и, раскрыв рот, глазела на «Молнию».
— Гарри, кто это тебе подарил?
— Не знаю, в посылке не было поздравительной открытки.
Гермиона вдруг посерьёзнела и задумчиво закусила губу.
— Что это с тобой? — удивился Рон.
— Странно как-то, — ответила Гермиона. — Это ведь очень хорошая метла, да?
— Самая лучшая в мире! — Восторгу Рона конца не было.
— Значит, она дорого стоит…
— Ещё бы! Да она дороже всех мётел слизеринцев, взятых вместе.
— Кто же это мог подарить Гарри такую дорогую вещь и даже не назвать себя?
— Что нам за дело, кто её прислал? — воскликнул беспечный Рон. — Гарри, дашь полетать, а?
— На этой метле летать нельзя! — отрезала ни с того ни с сего Гермиона.
Рон и Гарри недоумённо взглянули на неё.
— И что же Гарри с ней делать? Пол ею мести, что ли?
Гермиона раскрыла было рот, но в этот миг Живоглот прыгнул с постели Симуса и вцепился в грудь Рону.
— Убери своего кота! — заорал Рон.
Кот рвал когтями его пижаму, Короста выскользнула из кармана и взобралась на плечо. Рон ухватил её за хвост, сбросил кота и хотел было пнуть ногой, но промахнулся, угодил в чемодан у кровати Гарри, взвыл от боли и запрыгал на одной ноге.

Тут из старого носка дяди Вернона выкатился вредноскоп, закрутился на месте, засверкал и пронзительно засвистел металлическим свистом. У Живоглота шерсть встала дыбом.
— Совсем забыл про него. — Гарри нагнулся и поднял вредноскоп. — Я же сам его засунул в носок, а носки эти я не ношу.
Вредноскоп вертелся и свистел на ладони, кот выгнул спину дугой и грозно зашипел.
— Сейчас же убери своего кота, Гермиона, а то я за себя не отвечаю, — отчеканил Рон, сидя на кровати и потирая ушибленную ногу.
Гермиона подхватила Живоглота — он жёлтым глазом злобно глядел на Рона — и вышла из спальни.
— Спрячь ты эту штуку, — попросил Рон.
Гарри сунул вредноскоп в носок, а носок запихал на самое дно чемодана. В комнате воцарилась тишина, только Рон пыхтел от боли и злости. Короста съёжилась у него в руках. Гарри давно её не видел, и сердце у него зашлось от жалости: крыса похудела и осунулась, кое-где вылезла шерсть.
— Она что-то совсем зачахла, — заметил Гарри.
— Не зачахла бы, не будь тут этого рыжего недоумка. Это у неё стресс.
Гарри промолчал. Обычные крысы живут только три года, вспомнились ему слова хозяйки волшебного зоомагазина. Короста была, видно, лишена волшебной силы и, стало быть, жить ей осталось совсем недолго. А Рон, хоть и жалуется, что Короста ему надоела и толку от неё чуть, всё равно любит её.
Друзья встретились в гостиной. В это Рождество им было невесело. Гермиона заперла кота в спальне и дулась на Рона: как не стыдно, хотел пнуть Глотика ногой. Рон всё ещё кипел: Живоглот опять чуть не съел его крысу. Гарри взялся мирить их, но махнул рукой и стал изучать свой подарок. Гермиона почему-то дулась и на метлу, ничего не говорила, но поглядывала на неё с недоверием, как будто и метла невежливо обошлась с её любимцем.
Наступило время обеда, и друзья спустились в Большой зал. Факультетские столы опять отодвинуты к стенам; посреди зала один общий стол, на котором накрыто на двенадцать человек. За столом уже сидят Дамблдор, МакГонагалл, Снегг, Стебль, Флитвик и завхоз Филч в старомодном поношенном фраке вместо обычной коричневой куртки, двое робких первоклашек и мрачного вида слизеринец-пятикурсник.
Гарри, Рон и Гермиона подошли к столу.
— Весёлого Рождества! — поздравил их Дамблдор и добавил: — Нас мало, и мы решили, что глупо сидеть за разными столами. Садитесь, мы вас ждём.
Друзья все трое уселись на дальнем конце стола…
— Хлопушки! Берите, Северус. — Дамблдор протянул Снеггу большую серебряную.
Снегг неохотно протянул руку. Дёрнул её за шнурок, хлопушка взорвалась, и в руке у Снегга очутился островерхий колпак на верху которого красовалось чучело грифа.
Гарри и Рон с улыбкой переглянулись. Снегг изобразил корявое подобие улыбки и передал колпак Дамблдору, Дамблдор тут же нахлобучил его вместо своей обычной шляпы волшебника.
— Ну, что вы? Угощайтесь! — Дамблдор с сияющей улыбкой оглядел сидящих.

Едва Гарри протянул руку к блюду с жареным картофелем, как дверь в зал снова открылась и вплыла — по-другому не скажешь — профессор Трелони. На ней было длинное зелёное платье, расшитое блёстками, в нём она ещё больше походила на стрекозу-переростка.
— Сивилла! Вот так сюрприз! — воскликнул Дамблдор и привстал.
— Я глядела в магический кристалл, господин директор, — ответила Трелони мистическим, потусторонним голосом. — И к своему вящему удивлению, увидела себя: я покидаю своё одинокое убежище и спускаюсь к вам. Разве могу я бросать вызов судьбе? И я поспешила сюда. Прошу вас простить мне опоздание…
— Ну, разумеется, какой разговор?.. — У Дамблдора в глазах заплясали лукавые огоньки. — Позвольте начертать вам стул.
И директор на самом деле начертал в воздухе волшебной палочкой стул, он медленно завертелся, повисел немного и приземлился между Снеггом и МакГонагалл. Трелони, однако, не села, она обвела сидящих взглядом огромных глаз и вдруг вскикнула:
— Я не смею, профессор! Если я сяду, нас будет тринадцать. Не забывайте: когда вместе обедают тринадцать человек, кто первый встанет, тот первый умрёт.
— Давайте, Сивилла, забудем сегодня эту примету, — нетерпеливо ответила МакГонагалл. — Садитесь скорее, индейка остынет.
Профессор Трелони немного помедлила, смежила веки, поджала губы и опустилась на стул с таким видом, как будто предвидела — стол сейчас поразит молния. Профессор МакГонагалл тотчас запустила разливную ложку в ближайшую супницу.
— Не желаете супу с потрохами, Сивилла? — спросила она.
Трелони как не слышала. Открыла глаза и снова оглядела присутствующих
— А где же любезный профессор Люпин?
— Ему опять нездоровится, — ответил Дамблдор и жестом пригласил всех начинать трапезу. — Бедный Люпин, надо же заболеть на Рождество!
— Вы, конечно, знали об этом, Сивилла? — спросила МакГонагалл, подняв брови.
Трелони бросила на соседку ледяной взгляд.
— Разумеется, знала, Минерва. Но не в моих правилах выставлять напоказ всеведение. Обычно я себя веду так, словно у меня нет Третьего глаза. Зачем волновать людей?
— Это многое объясняет.
— Должна сказать, Минерва, — в голосе Трелони вдруг пропала потусторонность, — профессор Люпин недолго пробудет с нами. И кажется, он сам знает, что время его на исходе. Я как-то предложила ему поглядеть в магический кристалл, так он просто сбежал…
— Его можно понять, — сухо отозвалась МакГонагалл.
— Едва ли профессору Люпину в ближайшее время что-то грозит, — вмешался Дамблдор приветливым, но всё же слегка повышенным голосом, что положило конец пререканиям профессоров. — Северус, вы ведь сварили ему ещё одну порцию зелья?
— Да, господин директор.
— Вот и прекрасно! Стало быть, он скоро поправится. Дерек, вы ещё не пробовали свиных сарделек? Попробуйте, очень рекомендую, — обратился Дамблдор к первокурснику.
Тот отчаянно покраснел и дрожащими руками приблизил к себе миску с сардельками.

До самого конца пиршества Трелони вела себя вполне сносно. Сидели за столом ещё два часа, Гарри и Рон, в рождественских колпаках из хлопушек, перепробовали все кушанья. Они первые встали из-за стола, и профессор Трелони громко вскрикнула:
— Мои дорогие! Кто из вас встал первый?
— Не знаю. — Рон смущённо глянул на Гарри.
— По-моему, это не имеет никакого значения, — холодно заметила профессор МакГонагалл. — Если только за дверью не стоит сумасшедший с топором, готовый отрубить голову первому, кто выйдет в холл.
Все, даже Рон, засмеялись. Трелони была оскорблена до глубины души.
— Ты идёшь? — спросил Гарри Гермиону.
— Нет, — буркнула Гермиона. — Мне надо поговорить с профессором МакГонагалл.
— Наверное, хочет нагрузить себя ещё уроками, — зевая, сказал Рон по дороге в холл.
Сумасшедшего с топором в холле не было. На портрете у входа в гостиную Гриффиндора сэр Кэдоган праздновал Рождество с парой монахов, своим толстым пони и двумя-тремя предшественниками Дамблдора. Сэр Кэдоган поднял забрало шлема и поприветствовал друзей кружкой, полной мёда.
— Весёлого Рождества!.. Ик!.. Пароль?
— «Подлый трус!»
— Вам того же, сэр! — крикнул рыцарь, и проём открылся.
Гарри поднялся в спальню за новой метлой и набором для ухода за мётлами, который Гермиона подарила ему в день рождения. Спустившись вниз, он тщательно осмотрел «Молнию»; нет ни одного сломанного прутика, и древко блестит так, что и полировать не надо. Гарри отложил набор и стал с Роном просто любоваться метлой. Скоро дверной проём отворился и вошла Гермиона, за ней профессор МакГонагалл.
МакГонагалл была деканом Гриффиндора, но в гостиную факультета захаживала редко. Гарри видел её только раз, она тогда пришла с очень неприятным известием. Гарри и Рон, держа в руках «Молнию», глядели на неё не без удивления. Гермиона обошла их, села за стол, взяла первую попавшуюся книгу и спрятала в неё лицо.
— Это и есть та самая метла? — спросила МакГонагалл, подозрительно глядя на «Молнию». — Мисс Грэйнджер только что сообщила мне, что вам, Поттер, подарили метлу.
Гарри и Рон обернулись к Гермионе. Из-за книги — Гермиона держала её вверх ногами — был виден только её покрасневший до корней волос лоб.
— Вы позволите? — МакГонагалл, не дожидаясь согласия, взяла метлу и тщательно оглядела. — Если я правильно поняла, ни письма, ни открытки в посылке не было.
— Да, не было, — кивнул головой Гарри.
— Боюсь, Поттер, что мне придётся забрать её у вас.
— Забрать? — Гарри вскочил с места. — Почему?
— Нужно проверить, не наложены ли на неё чары. Сама я в мётлах не разбираюсь, но, думаю, мадам Трюк вместе с профессором Флитвиком сумеют её разобрать…
— Разобрать? — повторил Рон таким тоном, как будто заподозрил, что профессор МакГонагалл сошла с ума.

— Это займёт всего несколько недель. Как только убедимся, что метла чиста от заклятий, мы вам сразу её вернём.
— Метла в порядке, профессор… — Голос Гарри чуть заметно дрожал. — Честно…
— Откуда вам знать, Поттер? — мягко возразила МакГонагалл. — Вы ведь на ней ещё не летали, и пока мы не убедимся, что метла не заколдована, боюсь, летать на ней вам не придётся. Я буду вам сообщать, как подвигается дело.
Профессор МакГонагалл развернулась на каблуках и вышла из гостиной. Гарри глядел ей вслед, сжимая в руке жестянку с полиролью. Рон повернулся к Гермионе.
— Кто тебя просил говорить МакГонагалл про новую метлу Гарри?!
Гермиона отбросила книгу. Краска ещё не сошла с её лица, но она встала и смело поглядела в глаза Рона.
— Потому что я подумала, и профессор МакГонагалл со мной согласилась, метлу мог прислать Гарри Сириус Блэк!

Глава 12

Патронус

Конечно, Гермиона хотела как лучше, но Гарри всё равно злился. Каких-то несколько часов он держал в руках самую лучшую в мире метлу, а теперь даже не знал, увидит ли ещё когда-нибудь свою «Молнию». И всё из-за Гермионы. Гарри был уверен, что сейчас метла в полном порядке. Но что с ней станет после проверок, страшно подумать!

Рон же был просто в ярости. Разобрать на части совершенно новую «Молнию»! Да это настоящее преступление! А Гермиона не сомневалась, что поступила правильно, и перестала бывать в общей гостиной. Наверное, сидит в библиотеке, решили Рон с Гарри, но не пошли мириться. К счастью, каникулы кончились, и вскоре после Нового года башня Гриффиндора снова наполнилась людьми и шумом.

Вечером перед началом нового семестра к Гарри подошёл Вуд.

— Как прошло Рождество? — поинтересовался он и, не дожидаясь ответа, тихо продолжил: — Я тут на каникулах кое о чём размышлял… Ну, о том, что случилось во время последнего матча. Дементоры ведь могут снова явиться на матч… Я хочу сказать… Мы не можем позволить тебе…

Вуд смутился и замолчал.

— Я тоже об этом думал, — быстро произнёс Гарри. — Профессор Люпин сказал, что научит меня противостоять дементорам, после Рождества у него будет время. Начнём заниматься на этой неделе.

— Прекрасно! — просиял Вуд — Тогда другое дело… Я не хочу терять такого ловца, как ты, Гарри. А ты заказал новую метлу?

— Нет, — качнул головой Гарри.

— Нет?! — недоумённо переспросил капитан. — Пора бы уже заказать! В матче против Когтеврана на «Комете» и делать нечего!

— Ему подарили на Рождество «Молнию», — сообщил сидящий рядом Рон.

— «Молнию»? — Вуд изменился в лице. — Не может быть! Нет, ты серьёзно? Настоящую… настоящую «Молнию»?

— Не радуйся, Оливер, — мрачно произнёс Гарри. — У меня её больше нет. Забрали проверить, не заколдована ли она.

И он объяснил Оливеру, что произошло в рождественский вечер.

— Заколдована? — с недоверием переспросил Вуд. — Но кто мог её заколдовать?

— Сириус Блэк, — вздохнул Гарри. — Говорят, он охотится за мной. И МакГонагалл решила, что это он прислал метлу.

Вуда, кажется, не очень взволновало известие, что за его ловцом охотится знаменитый убийца.

— Но Блэк не смог бы купить «Молнию»! — выпалил он. — Он ото всех скрывается! Вся страна его ищет! Он что, просто так зашёл в магазин товаров для квиддича и купил метлу?

— Я это понимаю… — махнул рукой Гарри. — А МакГонагалл — нет. Она хочет всю её разобрать на части…

Вуд побледнел.

— Я пойду и поговорю с ней, Гарри, — пообещал он. — Попробую ей объяснить… «Молния»… настоящая «Молния» в нашей команде… Она ведь не меньше меня хочет, чтобы мы победили… Она должна понять… «Молния»…
На следующий день начались занятия, первый был урок Хагрида. Гарри и его однокурсникам совсем не хотелось дрожать под открытым небом два часа в холодное январское утро. Но урок оказался на удивление весёлым. Хагрид-таки придумал, чем развлечь класс, принёс целую кучу саламандр и разжёг костёр. Ребята весь урок подбрасывали в пламя сухие ветки и листья, а огнелюбивые ящерицы, извиваясь, сновали среди раскалившихся добела поленьев.
Зато урок прорицания был куда менее весёлым.
Профессор Трелони учила гадать по руке. Взглянув на ладонь Гарри, она без обиняков сообщила ему, что такой короткой линии жизни она отродясь не видела.
А вот защиты от тёмных искусств Гарри ждал с нетерпением, особенно после разговора с Вудом. Ему хотелось как можно быстрее приступить к дополнительным занятиям с Люпином.
— Да, да, — кивнул профессор, когда в конце урока Гарри напомнил ему о его обещании. — Дай подумать… Как насчёт четверга? Скажем, в восемь часов вечера? Думаю, кабинет истории магии нам подойдёт, он достаточно просторный. Надо хорошенько обмозговать, как будем практиковаться… ведь настоящего дементора в замок не приведёшь…
— А вид у него всё такой же нездоровый, — сказал Рон по дороге в трапезную. — Как ты думаешь, что с ним такое?
За спинами у них раздалось громкое насмешливое хмыканье. Друзья обернулись. У ног рыцаря в латах сидела Гермиона и пыталась втиснуть в сумку учебники, которых было так много, что сумка не закрывалась.
— Что это ты хмыкаешь? — обиделся Рон.
— Ничего я не хмыкаю, — с важным видом ответила Гермиона, закидывая сумку на плечо.
— Я слышал, — настаивал Рон. — Мне интересно, что происходит с Люпином, а ты тут хмыкаешь…
— А разве это не ясно? — На лице Гермионы было написано такое превосходство, что Рон буквально взбесился.
— Не хочешь говорить, не надо! Просить не будем!
— Ну и прекрасно! — И Гермиона, пройдя мимо них, с надменным видом удалилась по коридору.
— Ничего она не знает, — Рон бросил ей вслед презрительный взгляд. — Просто вид делает.
В четверг ровно в восемь вечера Гарри вышел из башни Гриффиндора и направился в кабинет истории магии. Там было темно и пусто, он достал палочку и зажёг лампы. Через пять минут в кабинет вошёл профессор Люпин и водрузил на стол профессора Бинса большой ящик.
— Что это? — спросил Гарри.
— Ещё один боггарт, — пояснил Люпин, снимая мантию. — Я два дня прочёсывал замок. И мне повезло: в шкафу у мистера Филча нашёл вот этого. Заменит нам дементора. Увидит

тебя и сразу превратится в монстра, так что мы сможем на нём практиковаться. А в перерывах между занятиями боггарт будет жить в моём кабинете; у меня там есть один шкаф, который придётся ему по вкусу. Жаловаться не будет.
— Хорошо, — кивнул Гарри и, пытаясь скрыть волнение, изобразил, что очень обрадовался найденной замене.
— Итак… — Профессор Люпин вытащил свою волшебную палочку, жестом показав Гарри, чтобы он сделал то же самое. — Заклинание, которому я собираюсь тебя научить, Гарри, — это магия высшей категории, которую не изучают в школе. Оно называется заклинание Патронуса.
— А как оно действует? — занервничал Гарри.
— Если всё сделать правильно, заклинание вызовет Патронуса, — пояснил Люпин. — Патронус — что-то вроде покровителя, будет тебе щитом против дементора. В общем, антидементор.
Гарри вдруг ясно представил себе, как он съёжился за гигантской фигурой, сжимающей в руке огромную дубину.
— Патронус — это вид положительной силы, воплощение всего, что дементоры пожирают — надежду, счастье, стремление выжить. Но в отличие от человека, Патронус не знает, что такое отчаяние, и поэтому дементор не в состоянии причинить ему вреда, — продолжил профессор Люпин. — Однако я должен предупредить, что заклинание может оказаться для тебя слишком сложным. Оно бывает не по силам даже опытным волшебникам.
— А на что похож Патронус? — полюбопытствовал Гарри.
— У каждого волшебника получается свой Патронус, — ответил Люпин.
— А как вы его вызываете?
— Надо сосредоточиться на одном-единственном, самом счастливом воспоминании и произнести магические слова, — объяснил профессор.
Гарри, погрузившись в себя, начал искать в памяти счастливое воспоминание. Разумеется, семейство Дурслей не подарило ему ни одной счастливой минуты. А что было самое приятное в Хогвартсе? Ну, конечно, первый полёт на метле!
— Есть, — произнёс он, стараясь как можно острее пережить заново то фантастическое ощущение.
Экспекто патронум!
— Экспекто патронум
Экспекто патронум.
— Ты хорошо сосредоточился на счастливом воспоминании? — спросил Люпин.
Экспекто патроно…
патронум…
экспекто патронум, экспекто патронум.
Внезапно из волшебной палочки вырвалось что-то похожее на струю серебристого газа.
— Вы видели? — обрадовался Гарри. — Видели? У меня получилось!
— Очень хорошо, — улыбнулся Люпин. — Ну что ж, ты готов опробовать заклинание на дементоре?

— Да, — ответил Гарри, стиснув в руке волшебную палочку.
Он вышел на середину кабинета и попытался сосредоточиться на полёте, но что-то мешало ему… В любой миг он может снова услышать мамин голос… Нельзя об этом думать, иначе он услышит её, а он не хочет этого… Или всё же хочет?
Люпин взялся за крышку ящика и рывком поднял её.
Из ящика медленно поднялся дементор, его закрытое капюшоном лицо повёрнуто к Гарри, а блестящая чешуйчатая рука крепко вцепилась в мантию. Лампы замигали и погасли. Дементор, хрипло дыша, медленно поплыл к нему. И на Гарри накатилась волна ледяного холода…
— Экспекто патронум!
Экспекто патронум! Экспекто.
Но и кабинет, и дементор уже растворялись в знакомом густом белом тумане. В голове эхом отдавались крики матери, и звучали они куда громче, чем раньше.
«Только не Гарри! Только не Гарри! Пожалуйста, я сделаю всё, что угодно…»
«Отойди… Отойди, девчонка…»
— Гарри! — позвал откуда-то голос.
Гарри вернулся в реальность. Он лежал на полу ничком. В комнате горел свет. И ему даже не надо было спрашивать о том, что случилось.
— Извините, — прошептал он, садясь. Пот, обильно выступивший на лбу, застилал глаза.
— Как ты себя чувствуешь? — встревожено спросил Люпин.
— Ничего… — ответил Гарри. Ухватившись за ближайший стол, кое-как встал на ноги и прислонился к нему.
— Съешь. — Люпин протянул ему шоколадную «лягушку». — Надо съесть перед следующей попыткой. Я знал, что с первого раза не получится. Более того, я был бы крайне удивлён, если бы получилось.
— Хуже, чем тогда, — проговорил Гарри, откусывая у «лягушки» голову. — В тот раз её голос был громче. И ещё голос Волан-де-Морта…
Лицо Люпина заметно побледнело.
— Гарри, если ты не хочешь продолжать…
— Хочу! — отчаянно крикнул Гарри, отправляя в рот остатки «лягушки». — Я должен! Вдруг дементоры явятся на следующий матч с Когтевраном? Нельзя, чтобы я снова упал с метлы. Проиграем мы этот матч, не видать нам Кубка по квиддичу!
— Ладно… — понимающе произнёс Люпин. — Тогда тебе, наверное, лучше выбрать другое счастливое воспоминание… Похоже, что первое оказалось недостаточно сильным…
Гарри задумался и решил, что, наверное, самое счастливое воспоминание о том, как в конце прошлого года он получил двести очков и благодаря ему Гриффиндор занял первое место в соревновании между факультетами. Он снова стиснул палочку и вернулся на середину кабинета.
— Готов? — спросил Люпин, опуская руки на крышку ящика.
— Готов, — ответил Гарри, изо всех сил пытаясь заполнить голову счастливыми воспоминаниями о победе Гриффиндора, а не мрачными мыслями о том, что случится, когда ящик откроется.

— Начали! — выкрикнул Люпин, откидывая крышку.
В комнате снова воцарились темнота и ледяной холод. Дементор поплыл на Гарри, хрипло дыша и протягивая к нему свою гниющую руку…
— Экспекто патронум!
Экспекто патронум! Экспекто пат…
Перед глазами вновь появился густой белый туман… вокруг него двигались большие размытые тени… а затем появился новый голос, голос мужчины, в котором отчётливо слышалась паника.
«Лили, хватай Гарри и беги! Это он! Беги! Быстрее! Я задержу его…»
Гарри слышал, как кто-то выбегает из комнаты, как громко распахивается дверь, как раздаётся высокий визгливый хохот…
— Гарри! Гарри! Очнись…
Гарри открыл глаза и понял, что Люпин с силой бьёт его по щекам. На этот раз ему понадобилась целая минута, чтобы сообразить, почему он лежит на пыльном полу.
— Я слышал голос папы, — пробормотал Гарри. — Я в первый раз его услышал… Он пытался задержать Волан-де-Морта, он хотел выиграть время… дать маме возможность скрыться…
Гарри внезапно осознал, что по его лицу течёт не только пот, но и слёзы. Он тут же наклонился и сделал вид, что завязывает шнурки, а сам старался как можно незаметнее утереть слёзы рукавом.
— Ты слышал Джеймса? — странным голосом спросил Люпин.
— Да… — Гарри, утерев лицо, поднял голову. — А почему… разве вы знали моего папу?
— Я… Да, я его знал, — ответил Люпин. — Мы были друзьями, когда учились в Хогвартсе. Послушай, Гарри, наверное, на сегодня хватит. Заклинание крайне сложное… Напрасно я предложил тебе…
— Нет! — воскликнул Гарри, вставая на ноги. — Я попробую ещё раз! Наверное, я думаю о не слишком счастливых вещах, всё дело именно в этом… Подождите…
Он снова погрузился в мысли. Ему нужно было по-настоящему счастливое воспоминание… Такое, которое могло бы превратиться в сильного Патронуса…
Гарри вдруг замер, а потом поднял голову и поглядел на Люпина. Он нашёл то, что искал, — день, когда он узнал, что он волшебник и что он уедет от Дурслей в Хогвартс! Если это нельзя было назвать счастливым воспоминанием, тогда в его жизни вообще не было счастливых минут… Гарри, собрав все силы, сосредоточился на своих чувствах, когда он понял, что покинет дом на Тисовой улице, и снова вышел на середину кабинета.
— Готов? — спросил Люпин. Судя по его виду, он уже жалел о том, что разрешил Гарри сделать ещё одну попытку. — Сосредоточился? Ну что ж, начали!
Он в третий раз поднял крышку, и из ящика поднялся дементор — комната наполнилась темнотой и холодом, и…
— ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!
ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ! ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!
В его голове снова раздались крики, только сейчас они звучали так, словно доносились из плохо настроенного приёмника. Они становились то тише, то громче, то снова тише, но

Гарри по-прежнему отчётливо видел перед собой дементора. Фигура в капюшоне замерла… и вдруг из палочки Гарри вырвалась огромная серебристая тень и зависла между ним и дементором… У Гарри дрожали ноги, но он ещё держался на них, хотя и не знал, как долго ему удастся простоять…
Ридикулус
Раздался громкий треск, и Патронус и дементор исчезли. Ноги у Гарри подкосились, и он рухнул на ближайший стул. Он чувствовал себя так, словно только что пробежал несколько километров. Скосив глаза, он наблюдал, как профессор Люпин наставил свою палочку на боггарта, как тот (как всегда, при виде Люпина) превратился в серебристый шар и как профессор загнал боггарта обратно в ящик.
— Великолепно! — произнёс Люпин, подходя к Гарри. — Просто великолепно, Гарри! Вот это начало!
— Может, попробуем ещё? — переведя дыхание, спросил Гарри. — Всего один раз?
— Нет, — твёрдо ответил Люпин. — На этот вечер с тебя хватит. Вот, держи…
Люпин протянул Гарри большую плитку самого лучшего шоколада.
— Съешь его весь, иначе мадам Помфри меня убьёт, — улыбнулся он. — Ну что, встречаемся через неделю в это же время?
— Хорошо, — кивнул Гарри и развернул плитку. Он ел шоколад и наблюдал, как Люпин гасит лампы, которые после исчезновения дементора снова вспыхнули. И вдруг ему в голову пришла мысль, которую он просто не мог удержать в себе.
— Профессор Люпин, — позвал он. — Если вы знали моего отца, вы должны были знать и Сириуса Блэка.
Люпин тут же обернулся.
— Почему ты так думаешь? — резко спросил он.
— Ну… просто… — растерялся Гарри, удивлённый реакцией профессора. — Просто я знаю, что они дружили, когда учились в школе…
Выражение лица Люпина смягчилось.
— Да, я его знал, — коротко ответил он. — Точнее, думал, что знаю. Тебе лучше вернуться в свою спальню, Гарри. Уже поздно.
Гарри вышел из кабинета, прошёл по коридору и свернул за угол. А потом вернулся к стоявшему на постаменте рыцарю и присел на постамент, чтобы доесть шоколадку. Несмотря на то что от плитки осталось уже совсем немного, он чувствовал себя утомлённым и абсолютно опустошённым
И жалел о том, что упомянул Блэка, потому что было яснее ясного — профессору Люпину эта тема не понравилась.
Но уже через минуту мысли Гарри переключились на его родителей. С одной стороны, слышать их предсмертные крики было ужасно, но с другой стороны, это были голоса его родителей, которых он никогда не слышал. Точнее, слышал, но не помнил этого, потому что тогда он был грудным ребёнком. Но он знал: если в нём будет жить пусть даже небольшое желание услышать их снова, ему никогда не удастся победить дементоров…
— Они умерли, — твёрдо произнёс он, обращаясь к самому себе. — Они умерли, и даже если ты будешь слушать их голоса, это не вернёт их к жизни. Пойми это наконец, если

хочешь выиграть Кубок школы по квиддичу.
Гарри встал, запихнул в рот последний кусок шоколадки и двинулся в сторону башни Гриффиндора.
Через неделю после начала семестра состоялся первый матч. Слизерин встречался с Когтевраном и выиграл с небольшим перевесом. По мнению Вуда, этот результат вполне устраивал гриффиндорцев. Теперь, победи они когтевранцев, второе место им обеспечено. Вуд довёл количество тренировок до пяти в неделю. Для Гарри это значило, что на домашние задания у него остаётся всего один вечер, ведь по четвергам Люпин учил его вызывать Патронуса, и это было куда труднее тренировок. Но всё равно он не уставал так, как Гермиона. Она столько всего на себя нагрузила, что, похоже, нервы её стали сдавать. Каждый вечер она сидела в углу Общей гостиной, разложив на нескольких столах учебники, карты с колонками цифр, рунические справочники, схемы, иллюстрирующие способность маглов поднимать тяжести, кипы исписанных пергаментных свитков. Она ни с кем не разговаривала и довольно грубо пресекала все попытки оторвать её от работы.
— Как она всё это совмещает? — однажды вечером спросил Рон Гарри, который корпел над скучнейшим сочинением для профессора Снегга о ядах, не оставляющих следа.
Гарри оторвался от своего пергамента. Гермиону почти не было видно за горой наваленных друг на друга книг.
— Что совмещает?
— Уроки. Она учит сразу столько предметов! — сказал Рон. — Я сам слышал, как она сегодня утром обсуждала с профессором Вектор, ну, с той, которая преподаёт нумерологию, вчерашний урок. Но Гермиона не могла на нём быть, она ведь была с нами на уходе за магическими существами! А Эрни МакМиллан сказал, что она никогда не пропускает и изучение маглов, хотя половина этих уроков совпадает с прорицанием. Но и прорицание она посещает без пропусков!
У Гарри сейчас не было времени поразмыслить над загадкой расписания уроков Гермионы — он маялся над сочинением для Снегга. А минуту спустя его опять прервали, на этот раз Вуд.
— Плохие новости, Гарри. Я только что говорил с профессором МакГонагалл о твоей «Молнии». Она очень на меня рассердилась. Сказала, что у меня перевёрнута вверх ногами система ценностей. Она думает, что меня больше волнует Кубок, чем твоё здоровье. А я всего-то и сказал: «Подумаешь, сбросит! Главное — схватить снитч». — Вуд удивлённо покачал головой. — Ты не представляешь, как она на меня накинулась. Как будто я сказал что-то ужасное. Я спросил, сколько ещё они будут эту «Молнию» изучать… — Вуд сдвинул брови и продолжал, передразнивая суровый голос профессора: — «Столько, сколько потребуется». Вот и весь ответ… По-моему, Гарри, пора тебе заказывать метлу. На последней странице «Выбери себе метлу» есть купон заказа. Хорошо бы ты заказал «Нимбус-2001», как у Малфоя.
— Я никогда ничего не буду покупать, как у Малфоя, — категорически заявил Гарри.

* * *

Январь незаметно сменился февралём, а холода всё ещё держались. Матч с Когтевраном приближался, давно пора было заказать метлу, но Гарри всё надеялся, что получит обратно свою бесценную «Молнию». После каждого урока трансфигурации он спрашивал профессора МакГонагалл, готова ли метла. Рон, волнуясь, стоял рядом, а Гермиона, отвернувшись, стремительно проходила мимо.
— Нет, Поттер, не готова, — сказала МакГонагалл после двадцатого раза, не успел ещё Гарри открыть рта. — Мы исследовали метлу на обычные заклятия, всё в порядке, но профессор Флитвик хочет испытать её ещё на Молниеносный бросок. Вот всё закончим, и я сразу вам сообщу. Так что, пожалуйста, перестаньте меня терзать.
Но хуже всего было то, что занятия с Люпином проходили не так успешно, как Гарри хотелось. В конце концов, он научился при появлении дементора вызывать неотчётливую серебристую тень, но этот его Патронус всё же был слабоват и не мог дементора прогнать. Он только маячил впереди матовым облаком, питаясь энергией Гарри и истощая его. Гарри злился на себя: он никак не мог подавить в душе тайное желание ещё раз услышать голос родителей.
— Ты слишком требователен к себе, — наставительно заметил Люпин на четвёртом занятии. — Для тринадцатилетнего волшебника даже призрачный Патронус — поразительное достижение. Ты ведь больше не теряешь сознания!
— Я думал, Патронус может уложить дементора на лопатки или совсем прогнать. — Гарри явно упал духом.
— Более мощные Патронусы всё это умеют, — подбодрил его Люпин. — Но ты действительно многого достиг за такой короткий срок. Если дементоры явятся на следующий матч, ты сумеешь сдержать их и благополучно приземлиться.
— Но вы сказали, когда их много, с ними труднее справиться.
— Я совершенно в тебе уверен, — улыбнулся Люпин. — Отведай-ка этого питья, ты его заслужил. Это из «Трёх мётел». Ты ещё не скоро сам сможешь его купить…
С этими словами Люпин вынул из портфеля две бутылочки.
— Сливочное пиво! — не подумав, брякнул Гарри. — Я очень его люблю.
У Люпина удивлённо поползли вверх брови.
— Рон с Гермионой приносили мне из Хогсмида, — не моргнув глазом, соврал Гарри.
— А-а, — протянул Люпин. Но во взгляде у него ещё какой-то миг оставалось подозрение. — Что ж, давай выпьем за победу Гриффиндора над Когтевраном! Но, конечно, мне, как учителю, не положено отдавать предпочтение какому-то факультету, — прибавил он поспешно.
Пили лимонад молча, но у Гарри на языке вертелся один вопрос.
— А что у дементора под капюшоном? — наконец не выдержал он.
Профессор Люпин, оторвавшись от бутылочки, нахмурился.
— Видишь ли, те немногие, кто это знает, не в состоянии поведать об этом. Дело в том, что дементоры откидывают капюшон только для того, чтобы применить своё последнее и самое страшное оружие…
— Какое оружие?

— Его называют Поцелуй дементора, — сказал Люпин, тяжело усмехнувшись. — Дементоры его применяют к тем, кого хотят совершенно уничтожить. Думаю, что под капюшоном у них что-то вроде рта, они прижимают челюсти ко рту жертв и высасывают из них душу.
Гарри поперхнулся, напиток попал не в то горло.
— Что? Это они так убивают?
— Нет, гораздо страшнее. Тебе известно, что без души человек может жить, пока у него работают мозг и сердце? Но он ничего больше не чувствует, ничего не помнит… И поправить это нельзя. Человек просто существует. Пустой, как выеденное яйцо. Душа навсегда покинула тело. Навсегда. — Люпин сделал ещё несколько глотков. — Такая судьба ожидает и Сириуса Блэка. Об этом сегодня написано в утреннем выпуске «Пророка». Министерство дало разрешение применить Поцелуй, если они его найдут.
Гарри какой-то миг оторопело думал о людях, у которых через рот высосали душу. И тут же мысли перекинулись на Блэка.
— Он это заслужил, — тихо проговорил он.
— Ты так полагаешь? — деликатно спросил Люпин. — Ты и в самом деле думаешь, что существуют люди, которые заслуживают такого наказания?
— Да! — с отчаянной решимостью воскликнул Гарри. — Есть ведь совсем особые преступления.
Как ему хотелось рассказать о разговоре про Блэка, который он подслушал в «Трёх мётлах». О том, что Блэк предал его отца и мать. Но тогда придётся поведать, что он без разрешения побывал в Хогсмиде, а это вряд ли понравится Люпину. Поэтому он благоразумно промолчал, допил сливочное пиво, поблагодарил Люпина и покинул кабинет истории магии.
Гарри ругал себя, что задал этот вопрос о капюшонах. Ответ был такой ужасный, что он не шёл у него из головы. Гарри представлял себе, как дементоры высасывают из человека душу и что он при этом испытывает. Воображение разыгралось, и Гарри столкнулся со спускавшейся вниз МакГонагалл.
— Надо, Поттер, смотреть, куда идёте! — попеняла ему профессор.
— Простите, профессор МакГонагалл…
— А я искала вас в гостиной. Мы только что закончили исследование. Ну, кажется, в вашей «Молнии» нет ничего опасного. У вас, Поттер, есть где-то очень хороший друг…
Гарри не поверил глазам: профессор МакГонагалл протягивала ему целёхонькую «Молнию» и тепло улыбалась.
— Я… я могу взять её? — У него даже сел голос. — Правда?
— Конечно, можете, — сказала профессор МакГонагалл. — Хорошо бы успеть до матча на ней полетать. И пожалуйста, Поттер, постарайтесь в субботу поймать снитч. Иначе мы восьмой год не будем чемпионами, как мне любезно напомнил профессор Снегг вчера вечером.
Онемев от радости, Гарри взял красавицу «Молнию» и понёс её обратно в гостиную. Завернув за угол, он увидел бегущего навстречу Рона, который улыбался во всё лицо.

— Она отдала её тебе? Вот здорово! А можно, я завтра немножко на ней полетаю?
— Конечно, когда хочешь! — Наконец-то у него отлегло от сердца, весь последний месяц он места себе не находил. — Знаешь что, Рон, давай помиримся с Гермионой. Ведь она хотела как лучше…
— Помиримся хоть сейчас. Она в гостиной, работает.
Друзья свернули в коридор, ведущий в их гостиную, и увидели Невилла Долгопупса. Он умолял сэра Кэдогана пропустить его, но тот со всей твёрдостью ему отказывал.
— Я записал их на бумажку. — Невилл чуть не плакал. — И где-то её выронил!
— Свежо предание! — громыхал сэр Кэдоган. Увидев же Рона и Гарри, милостиво им улыбнулся: — Приветствую вас, мои юные йомены! Поспешите заковать в железо этого бездельника. Он хочет силой ворваться в замок!
— Ну, хватит, — сказал Рон рыцарю, поравнявшись с Невиллом.
— Я потерял бумажку с паролями, — проговорил несчастный Невилл. — Выпросил у него все пароли на эту неделю. Он ведь их то и дело меняет. И теперь не знаю, куда они делись.
— «Острый кинжал», — сказал сэру Кэдогану Гарри, и тот разочарованно, с большой неохотой подвинулся в сторону и пропустил в гостиную всю компанию.
Головы присутствующих тотчас обратились к ним, гостиную наполнил взволнованный шёпот, все окружили Гарри, восхищённо глядя на «Молнию» и наперебой восклицая:
— Где ты её взял, Гарри?
— Дашь мне полетать?
— Ты уже пробовал летать на ней?
— Теперь когтевранцы проиграют! Они все летают на «Чистометах-7»!
— Гарри, дай немного подержать!
Минут десять «Молния» переходила из рук в руки, её вертели так и этак. Наконец всё более или менее угомонились и разошлись по своим местам. Гермиона единственная не подошла к ним. Она сидела, склонившись над работой, стараясь не глядеть в их сторону. Гарри с Роном остановились у её стола, и она оторвалась от книг.
— Мне вернули её. — Гарри улыбнулся и протянул ей метлу.
— Видишь, с ней всё в порядке! — сказал Рон.
— А могло быть и не в порядке! Во всяком случае, вы теперь уверены, что нет никакой опасности.
— Да, конечно, — кивнул Гарри. — Пойду отнесу её в спальню.
— Я отнесу! — вызвался с энтузиазмом Рон. — Мне всё равно надо пойти дать лекарство Коросте.
Он взял «Молнию» и, держа её, как будто она сделана из хрусталя, поспешил наверх в спальню мальчиков.
— Можно, я здесь сяду, рядом с тобой?
— Разумеется, — сказала Гермиона и убрала со стула целую гору пергаментных свитков.
Гарри оглядел заваленный книгами и сочинениями стол. Чего только на нём не было! Длиннющее эссе по нумерологии, на котором ещё не просохли чернила; ещё более длинное сочинение по изучению маглов на тему «Почему простецам нужно электричество»; перевод рун, над которым Гермиона сейчас трудилась.

— Как ты всё это успеваешь? — спросил Гарри.
— Просто я знаю цену времени, — ответила Гермиона.
Теперь, когда Гарри смотрел на неё вблизи, было заметно, что выглядит она почти также измождённо, как профессор Люпин.
— А ты не могла бы всё-таки уменьшить количество предметов? — сказал Гарри, видя, как Гермиона перекладывает тяжёлые тома, ища словарь для перевода рун.
— Конечно нет! — покачала головой Гермиона.
— По-моему, нет ничего страшнее цифр. — Гарри взял карту со столбцами цифр, вид у которого был и правда устрашающий.
— А по-моему, нет ничего интереснее, — с чувством сказала Гермиона. — Это мой любимый предмет.
Но Гарри так и не узнал, что такого особенного было в нумерологии. В этот самый миг на лестнице из спальни мальчиков раздался душераздирающий вопль. Гостиная в ужасе притихла, взгляды всех устремились наверх. Тут же послышался быстрый топот шагов, становившийся всё громче. И в гостиную ворвался Рон, в руках которого белела скомканная простыня.
— ГЛЯДИ! — завопил он, подбегая к столу Гермионы. — Нет, ты гляди! — тряс он простыни перед её глазами.
— Рон, что случилось…
— КОРОСТА! БЕДНАЯ КОРОСТА!
Гермиона, ничего не понимая, отпрянула от Рона. Гарри взглянул на одну из простыней, она была испачкана чем-то красным, очень походившим на… кровь. Гарри всего передёрнуло.
— Это кровь! — кричал Рон в притихшей гостиной. — Короста исчезла! А знаете, что было на полу?
— Н-нет, — дрожащим голосом ответила Гермиона.
Рон бросил что-то на перевод рун. Гарри и Гермиона нагнулись над ним. Поверх странных имён и названий лежало несколько длинных рыжих кошачьих волосков.

Глава 13

Гриффиндор против Когтеврана

На этом, казалось, дружба Рона и Гермионы кончилась навсегда. Они так рассердились друг на друга, что Гарри и не надеялся их помирить.

Рона особенно возмущало, что Гермиона никогда не принимала попытки Живоглота сожрать Коросту всерьёз. Даже сейчас она отстаивала невиновность Глотика и посоветовала Рону хорошенько поискать крысу под кроватями в спальне. Гермиона категорически утверждала: у Рона нет никаких доказательств, что Живоглот съел крысу, рыжие волоски могли остаться там ещё с рождественских каникул. Рон вообще был настроен против кота — не мог забыть, как тот прыгнул ему на голову в зоомагазине.

Честно говоря, Гарри не сомневался, что Живоглот-таки сожрал крысу, всё говорило против него. Он попытался втолковать это Гермионе. Гермиона очень обиделась.

— Я так и знала, Гарри, что ты возьмёшь его сторону. Сначала «Молния», теперь Короста. Во всём виновата одна я! Не мешай мне, пожалуйста. У меня очень много работы.

Рон тяжело переживал пропажу Коросты.

— Хватит тебе, Рон, — уговаривал его Фред. Ты ведь всегда говорил, что Короста уже совсем старая, просто ходячая древность. Буквально на глазах тает. Ей же лучше, что её сожрал Глотик. Ам! — и нет. Не мучалась.

— Фред! — возмутилась Джинни. — Как тебе не стыдно!

— Ты сам говорил, что она только ест и спит, — поддержал близнеца Джордж.

— А помните, как она укусила Гойла? Хотела сделать нам приятное, — со слезами на глазах вспоминал Рон.

— Да, было такое, — подтвердил Гарри.

— Звёздный час Коросты. — Фреду едва удавалось сохранить серьёзную мину. — Пусть укушенный палец Гойла будет вечным памятником благородной Коросте. Ну что ты разнюнился, Рон! Будешь в Хогсмиде — купи себе новую крысу. Было бы из-за чего страдать!

Гарри прибегнул к последнему средству и позвал Рона с собой на тренировку — матч с Когтевраном предстоял уже завтра — и пообещал после тренировки дать полетать на «Молнии». Кажется, это подействовало, Рон перестал сокрушаться («Конечно, идём! Потренируюсь на ней забрасывать мячи в кольца».), и друзья отправились на стадион.

Мадам Трюк всё ещё опекала Гарри во время тренировок и, как все, пришла в восторг от «Молнии». Взяла её в руки и стала разглядывать как профессионал.

— Только гляньте на этот противовес! Если у «Нимбусов» есть какие-то недостатки, так только лёгкий крен хвоста. После нескольких лет их начинает немного заносить в сторону. И рукоять они усовершенствовали, она чуть тоньше, чем у «Чистометов». Напоминает старые «Серебряные стрелы», жаль, что их перестали делать. Я училась на «Стреле», просто замечательная была метла…

Казалось, мадам Трюк не остановится, и Вуду пришлось её прервать.

— Простите, мадам Трюк, можно Гарри возьмёт свою «Молнию»? Нам надо ещё немного потренироваться…

— Да, да, конечно, — протянула она Гарри метлу. — Пойду посижу наверху…
И они с Роном покинули поле, а команда собралась вокруг Вуда послушать его последние наставления перед завтрашним матчем.
— Я, Гарри, только что узнал, кто будет у наших противников ловцом. Чжоу Чанг с четвёртого курса. Она сильный игрок… Я надеялся, что она ещё не сможет играть, — у неё была серьёзная травма… — Излив негодование, вызванное несвоевременным выздоровлением Чжоу, Вуд прибавил: — Но, с другой стороны, она летает на «Комете-260», а «Комета» по сравнению с «Молнией» ползает как черепаха. — Он бросил восхищённый взгляд на метлу Гарри и скомандовал начать тренировку.
Наконец-то Гарри оседлал свою красавицу. Полёт на «Молнии» превзошёл все ожидания. Метла слушалась малейшего движения, казалось, она подчиняется не руке, а мелькнувшей мысли. Летала «Молния» с такой скоростью, что стадион превратился в сплошное серо-зелёное пятно. Гарри резко послал её в пике, так что Алисия Спиннет даже вскрикнула, выполнил идеальный вираж, коснувшись травы, и опять взмыл, высота вот уже тридцать, сорок, пятьдесят футов…
— Гарри, внимание, — раздался голос Вуда. — Выпускаю снитч!
Гарри повернул и погнался за одним из бладжеров, легко обогнал его, заметил за спиной Вуда снитч, ещё несколько секунд — и ладонь Гарри крепко его сжала.
Команда восторженно загалдела. Гарри выпустил мячик, дал ему фору одну минуту, затем ринулся следом, виляя между игроками, заметил его у колена Кэти Белл, догнал её, легко развернулся и опять снитч у него в руке.
Такой успешной тренировки ещё никогда не было. Команда, вдохновлённая присутствием ловца верхом на «Молнии», безупречно проделала все самые трудные движения. И когда наконец приземлились на поле, Вуд не сделал игрокам ни одного замечания. «Впервые за последние пять лет», — заметил Джордж.
— Завтра нам ничто не должно помешать. Мы обязаны выиграть, — сказал Вуд. — Как ты, Гарри? Проблемы дементоров больше не существует?
— Всё в порядке, — ответил Гарри, а про себя подумал: не мешало бы его Патронусу быть помощнее.
— Дементоры больше не появятся, Оливер, — уверенно бросил Фред. — Дамблдор этого не допустит.
— Надеюсь, — согласился Вуд. — На сегодня всё. Отличная работа, ребята. Немедленно возвращаемся в замок. Завтра рано вставать…
— Мы немного задержимся, — сказал Гарри. — Рон хочет полетать на «Молнии».
Все поспешили в раздевалку, а Гарри пошёл навстречу Рону, перепрыгнувшему барьер, который отделял трибуны от поля. Мадам Трюк тем временем досматривала на скамейке третий сон.
— Держи, — протянул Гарри другу метлу. Рон, сияя от счастья, вскочил на «Молнию» и воспарил в густеющую тьму, а Гарри пошёл по краю поля, наблюдая за полётом Рона. Когда мадам Трюк, вздрогнув, проснулась, было уже совсем темно. Побранив друзей за то, что они не разбудили её, она велела им немедленно идти в замок.

Рон и Гарри с «Молнией» на плече покинули тёмный стадион, обсуждая потрясающие качества «Молнии», — удивительную плавность, молниеносное переключение скоростей, предельную точность при поворотах.
На полдороге Гарри глянул налево, и сердце у него ушло в пятки: из кромешной тьмы на него глядели два горящих глаза. Гарри остановился как вкопанный.
— Что с тобой? — встревожился Рон. Гарри ткнул влево пальцем. Рон вынул из кармана волшебную палочку.
— Люмос,
Луч света метнулся по траве, корням дерева, по кроне. Там среди ветвей с уже набухшими почками сидел рыжий Живоглот.
— Брысь! — крикнул Рон, нагнулся и поднял с земли камень.
Но бросить его он не успел — Живоглот, грациозно махнув рыжим хвостом, растворился в темноте.
— Ты видел? — Рон опять разъярился. — Она продолжает выпускать его. Живоглот гуляет где хочет. Переварил, наверное, мою Коросту и сейчас решил закусить птичкой…
Гарри ничего не ответил. Страх отступил, и он вздохнул полной грудью. Ему даже было немного стыдно: он подумал, что горящие глаза принадлежат Гриму. Рону он ничего не сказал, но больше не глядел ни вправо, ни влево, и скоро они благополучно дошли до ярко освещённого главного входа.

* * *

На другое утро Гарри вошёл в Большой зал в сопровождении свиты: его спальня решила, что «Молния» достойна таких почестей. Все головы обернулись к ним, зал наполнился восхищёнными возгласами. Команда же Слизерина, с удовольствием отметил Гарри, была точно громом поражена.
— Ты видел его лицо? — спросил Рон, бросив ликующий взгляд на Малфоя. — У него даже рот перекосило!
Вуд тоже сиял в отражённых лучах славы.
— Давай положим метлу на середину стола, — предложил он Гарри и стал бережно укладывать её надписью вверх для всеобщего обозрения.
Скоро к столу начали подходить когтевранцы и пуффендуйцы. Седрик Диггори поздравил Гарри с приобретением, достойно заменившим погибший «Нимбус», а Пенелопа Кристал, подруга Перси из Когтеврана, попросила подержать «Молнию». Она долго и внимательно разглядывала её, так что Перси не без тревоги воскликнул:
— Смотри, Пенни, не испорть чего-нибудь! Мы с Пенелопой поспорили на десять галлеонов, кто выиграет.
Пенелопа положила метлу на место, поблагодарила Гарри и вернулась за свой стол. А Перси чуть не взмолился шёпотом:
— Гарри, постарайся выиграть! У меня нет десяти галлеонов… Да-да, Пенни, я уже иду! — И Перси поспешил присоединиться к ней за столом для старост.
— А ты уверен, Поттер, что эта техника тебе по зубам? — послышался насмешливый голос. — Жаль, что она не снабжена парашютом. Вдруг рядом очутится дементор!

Крэбб с Гойлом дружно заржали.
— Жаль, Малфой, что у тебя нет дополнительной пары рук, — сказал Гарри. — С четырьмя ты точно золотого мяча не упустишь.
Тут уж захохотали гриффиндорцы. Малфой злобно сощурил белёсые глазки и поспешно отошёл к своему столу. Взгляды всех слизеринцев обратились к нему: они наверняка спрашивали, настоящая ли у Гарри «Молния».
Без четверти одиннадцать команда Гриффиндора отправилась в раздевалку. День был прохладный и солнечный, дул лёгкий ветерок — полная противоположность осеннему дню, когда была игра с пуффендуйцами. Видимость была отличная. И Гарри, хоть и немного нервничал, чувствовал радостное возбуждение, какое может дать только матч по квиддичу. Наверху слышался шум — трибуны заполнялись зрителями. Гарри снял чёрную школьную мантию, вынул волшебную палочку и сунул её под майку, поверх которой натянул алую форму своей команды. Хорошо бы она сегодня не понадобилась. Внезапно в голове мелькнула мысль, пришёл ли на стадион профессор Люпин.
— Последнее напутствие, — сказал Вуд перед выходом на поле. — Если мы проиграем этот матч, мы выбываем из соревнований. Играйте так, как вчера на тренировке. И всё будет о’кей!
На поле выходили под оглушительные аплодисменты. Когтевранцы в голубых майках уже стояли посредине поля. Их ловец Чжоу Чанг была в команде единственной девушкой. Она была на голову ниже Гарри, и Гарри, несмотря на нервное возбуждение, заметил, что она очень красивая. Команды выстроились друг против друга, Чжоу улыбнулась Гарри, и у него ёкнуло сердце. Нет, так перед матчем не лихорадит, это что-то совсем другое.
— Вуд, Дэйвис, обменяйтесь рукопожатием, — сухим судейским тоном произнесла мадам Трюк, и капитаны пожали друг другу руки. — Седлайте мётлы… По свистку… Три… два… один!
Гарри на «Молнии» взлетел в небо выше и быстрее всех. Он парил над полем, высматривая золотой снитч и слушая краем уха, что говорит комментатор — друг близнецов Уизли Ли Джордан.
— Команды стартовали. Главное событие этого матча — «Молния», на которой летает ловец гриффиндорцев Гарри Поттер. Как пишет «Волшебная метла», в этом сезоне на мировом чемпионате по квиддичу все команды отдадут предпочтение именно этой модели…
— Вы не могли бы, Джордан, комментировать то, что происходит на поле, — прервал его голос профессора МакГонагалл.
— Перехожу к комментарию, профессор. Немного информации всегда полезно. Между прочим, «Молния» имеет встроенный автоматический тормоз…
— Джордан!
— Сейчас, сейчас… Гриффиндорцы ведут игру, Кэти Белл рвётся к кольцам Когтеврана… Гарри пронёсся мимо Кэти, высматривая, не мелькнёт ли где золотое оперение снитча. Чжоу, не отставая, висела у него на хвосте. Она, несомненно, потрясающе летает. Умеет подрезать противника, заставить его сменить направление полёта.

— Покажи ей свою скорость, Гарри! — крикнул Фред, пролетая мимо наперерез бладжеру, который стремительно приближался к Алисии.
Облетая ворота когтевранцев, Гарри резко прибавил скорость, и Чжоу заметно отстала. Как раз в это время Кэти закинула в кольцо первый мяч, трибуна гриффиндорцев взорвалась восторженными криками, и тут Гарри увидел его — снитч порхал над самой землёй у барьера, отделяющего трибуны от поля.
Гарри вошёл в пике, Чжоу увидела его манёвр и ринулась за ним. Гарри прибавил скорость, он ликовал — пике его любимая фигура высшего пилотажа. Снитч был всего метрах в трёх… Но под носом внезапно возник бладжер, посланный противником, Гарри свернул и потерял несколько драгоценных секунд — желанная добыча исчезла из виду.
По трибунам гриффиндорцев пронеслось разочарованное «о-ох!», когтевранцы же приветствовали своего загонщика бурными аплодисментами. Джордж Уизли в порыве чувств отправил второй бладжер в сторону обидчика, который избежал столкновения, сделав в воздухе сальто.
— Гриффиндор ведёт со счётом восемьдесят-ноль, — вещал комментатор. — Посмотрите, что вытворяет на «Молнии» Гарри Поттер! Он демонстрирует все её возможности! Особенно видна сейчас точно выверенная балансировка…
— ДЖОРДАН! ВАС ЧТО, НАНЯЛИ РЕКЛАМИРОВАТЬ «МОЛНИИ»? КОММЕНТИРУЙТЕ МАТЧ!
Когтевранцы начали выравнивать счёт, им удалось забросить три мяча, и теперь разрыв между командами составлял всего пятьдесят очков. Если Чжоу поймает снитч, когтевранцы выиграют. Гарри спикировал вниз, едва не столкнувшись с загонщиком противника. Он лихорадочно искал глазами маленький крылатый мячик. Ага, вот он! У самых ворот гриффиндорцев блеснула золотая вспышка…
Гарри прибавил скорость, глаза не отрывались от золотого пятнышка. Откуда ни возьмись, в двух шагах возникла Чжоу, и Гарри, сбросив скорость, вильнул в сторону.
— Гарри! Не время быть джентльменом! — рявкнул Вуд. — Сбрось её с метлы, если надо!
Гарри обернулся и увидел Чжоу, она лукаво улыбнулась. Снитч опять исчез. Гарри взвился вверх и окинул взглядом игру с высоты птичьего полёта. Чжоу не отрывалась от него. Гарри разгадал её тактику: не искать снитч самой, а пристроиться ему в хвост. Ну, раз так, пусть пеняет на себя.
Он снова вошёл в пике, Чжоу решила, что он заметил снитч, и рванула за ним. Гарри круто вышел из пике и опять взмыл с быстротой пули. Чжоу не успела повторить его манёвр и продолжала падать вниз. И тут он увидел снитч — в третий раз. Снитч парил над самой травой на половине когтевранцев.
Гарри развил бешеную скорость. Чжоу — у самой земли — тоже. Но где ей за ним угнаться! Снитч всё ближе с каждой секундой…
— А-а! — вдруг крикнула Чжоу, указав куда-то пальцем.
Гарри бросил туда взгляд.
Три дементора, три высокие чёрные фигуры в балахонах двигались прямо на него.
Ни секунды не медля, Гарри сунул руку за пазуху, мгновенно достал волшебную палочку и крикнул:

— Экспекто патронум!
Что-то огромное серебристо-белое выплыло из его палочки. Он знал, оно отпугнёт дементоров, и даже не стал оборачиваться, ум его был на удивление ясен. Гарри глядел вперёд, он был почти на месте. Протянул руку, всё ещё сжимавшую палочку, и пальцы сумели крепко схватить крошечный сопротивляющийся, снитч.
Прозвучал свисток мадам Трюк. Гарри круто развернулся и увидел, как шесть алых расплывчатых пятен несутся к нему. Команда набросилась на него с такой силой, что чуть не оторвала от метлы. А внизу на трибунах бушевали гриффиндорцы, кричали до хрипоты «ура!».
— Молодец! Молодец! — твердил как заведённый Вуд.
Алисия, Анджелина и Кэти зацеловали его, а Фред так крепко сжал в объятиях, что Гарри испугался — сейчас задушит. Таким спутанным клубком команда и приземлилась на поле. Гарри соскочил с метлы и двинулся навстречу бегущим на поле гриффиндорцам во главе с Роном. Не успел опомниться, как его окружила ликующая толпа.
— Хо-хо-хо! — кричал Рон.
— Отлично сработано, Гарри! — важно произнёс Перси, очень довольный. — Десять галлеонов мои! Прости, мне нужно найти Пенелопу.
— Ты, Гарри, просто гений! — орал Симус Финниган.
— Бриллиант, чисто бриллиант! — громыхал Хагрид поверх голов гриффиндорцев, отплясывающих танец дикарей.
— Это был настоящий Патронус, — шепнул кто-то Гарри в ухо.
Гарри обернулся и увидел профессора Люпина, который выглядел потрясённым и счастливым одновременно.
— Я нисколько не испугался дементоров, — сказал Гарри. — Просто вообще ничего не почувствовал.
— Скорее всего, наверное, потому, что они… они были ненастоящие. Пойдёмте посмотрим.
И профессор Люпин повёл Гарри в конец поля.
— Вы сильно напугали мистера Малфоя, — сказал он.
Гарри смотрел на груду чёрных балахонов, барахтающихся на траве. Это были Малфой, Крэбб, Гойл и Маркус Флинт, капитан команды слизеринцев. Малфой, кажется, взгромоздился на плечи Гойла. Четвёрка негодяев пыталась высвободиться из длинных чёрных балахонов. Рядом стояла профессор МакГонагалл, лицо её выражало крайнюю степень возмущения.
— Недостойное трюкачество! — кричала она. — Подлая и трусливая попытка вывести из игры ловца гриффиндорцев! Все вы будете строго наказаны. И минус пятьдесят очков Слизерину. Я буду говорить с профессором Дамблдором о вашем поведении. Вот он, кстати, сам идёт сюда.
Это был последний, завершающий штрих к победе гриффиндорцев. Рон, пробившийся сквозь толпу к Гарри, сложился пополам от смеха, глядя, как Малфой выползает из чёрного балахона, из-под которого всё ещё старался выбраться Гойл.
— Скорее, Гарри! — крикнул подоспевший Джордж. — Устроим грандиозный праздник! Все в нашу гостиную!

— Прекрасная идея! — подхватил Гарри. Никогда в жизни он не был так счастлив. Гриффиндорцы во главе с командой, которая всё ещё была в алых мантиях, покинули стадион и двинулись к главному входу замка.

* * *

Праздновали так, как будто выиграли Кубок, пиршество и веселье длились до глубокой ночи. Фред с Джорджем часа на два отлучились и вернулись нагруженные бутылочками со сливочным пивом, шипучим тыквенным соком и пакетами, полными сладостями из «Сладкого королевства». Счастливый Джордж стал разбрасывать «мятных лягушек» как конфетти.
— Как вы всё это достали? — изумилась Анджелина Джонсон.
— Нам немного помогли Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост, — шепнул Фред Гарри на ухо.
Только одна Гермиона не принимала участия в общем веселье. Она — невероятно! — сидела в углу и пыталась читать толстенную книгу «Быт и нравы британских маглов». Гарри вышел из-за стола, где Фред с Джорджем начали жонглировать бутылочками, и подошёл к ней.
— Ты хоть на матче-то была? — спросил он.
— Конечно, — ответила Гермиона странным тоненьким голосом, не отрывая взгляда от книги. — Я очень рада, что мы выиграли. Ты играл прекрасно, но мне надо к понедельнику прочитать всю эту книгу.
— Иди к нам, Гермиона, поешь чего-нибудь, — позвал её Гарри, бросив взгляд на Рона — в каком он расположении духа, готов ли зарыть в землю боевой топор.
— Я правда не могу, Гарри, мне ещё читать четыреста двадцать две страницы. — В голосе её теперь явно звучали слёзы. — И вообще… Рон не хочет сидеть со мной за одном столом.
На это нечего было возразить. Рон как раз в эту минуту высказался:
— Бедная Короста! Если бы её не съели, она бы сейчас полакомилась «пёстрыми пчёлками», она так их любила.
Гермиона расплакалась. Не успел Гарри открыть рот, она захлопнула книжищу, сунула её под мышку, рыдая, побежала к лестнице, ведущей в спальню девочек, и исчезла из виду.
— Не пора ли утихомириться, Рон? — не повышая голоса, сказал Гарри.
— Нет, — твёрдо ответил Рон. — Она хоть бы немножко раскаялась! Но Гермиона никогда не признает себя неправой. Ведёт себя, как будто с Коростой ничего не случилось, — гуляет где-то, или уехала на каникулы.
Праздник закончился в час ночи; пришла профессор МакГонагалл, одетая в домашний халат из шотландки и с сеточкой на волосах, и велела всем идти спать. Гарри с Роном всю дорогу в спальню не переставали обсуждать матч. И, только увидев свою кровать под пологом, Гарри понял, как он устал. Поскорее лёг, задёрнул плотнее полог, чтобы не проникал ни один лунный луч, устроился поудобнее и почти мгновенно уснул.
Ему снился очень странный сон. Он идёт по лесу с «Молнией» через плечо, старается догнать что-то длинное, молочно-белое, струящееся между деревьями, из-за стволов и веток Гарри не может разглядеть что. Прибавил шагу, и оно прибавило. Гарри побежал,

впереди послышался быстрый стук копыт. Он уже мчался что было духу, и оно помчалось. За следующим поворотом Гарри очутился на полянке и вдруг:
— А-а-а-а-а-а-а-а-а! Не-е-е-е-е-е-е-е-ет!
Гарри проснулся тут же, как будто его наотмашь ударили по щеке. Ничего не понимая спросонья — темнота кромешная, — Гарри путался в шторах полога: в спальне явно что-то происходило.
— Что случилось? — раздался в другом конце голос Симуса Финнигана.
Хлопнула дверь спальни. Найдя наконец края полога, Гарри раздёрнул их, и в тот же миг Дин Томас включил настольную лампу.
Рон с перекошенным от ужаса лицом сидел на кровати, полог его с одного края был разорван.
— Блэк! Сириус Блэк! С ножом! — кричал он без передышки.
— Что?!
— Был здесь! Только что! Разрезал полог! Разбудил меня!
— Тебе это не приснилось? — спросил Дин.
— Посмотрите на полог. Говорю вам, что он был здесь!
Все повскакали с кроватей. Гарри первый добежал до двери, и все ринулись вниз по лестнице. Позади них захлопали двери, послышались сонные голоса:
— Кто кричал?
— Что случилось?
Общая гостиная была освещена дотлевающими в камине углями, пол усеян мусором, оставшимся после праздника. В гостиной — никого.
— Ты уверен, Рон, что это тебе не приснилось?
— Говорю вам, я его видел!
— Почему такой шум?
— Профессор МакГонагалл велела всем идти спать!
В гостиную спустились девочки, зевая и поплотнее запахивая халаты. Прибывало и мальчиков.
— Прекрасно! Значит, продолжим праздновать! — провозгласил неунывающий Фред Уизли.
— Все марш наверх! — скомандовал ворвавшийся в гостиную Перси, прикалывая к пижаме значок старосты школы.
— Перси, здесь Сириус Блэк. Он был у нас в спальне. С ножом. Разбудил меня.
В гостиной стало тихо-тихо.
— Глупости! — сказал Перси, но было видно, что он потрясён. — Ты переел, и тебе приснился кошмар…
— Говорю тебе…
— Ладно, замолчи. Хватит!
В гостиную вернулась профессор МакГонагалл. Захлопнула за собой портрет с сэром Кэдоганом и обрушила на гостиную гневную тираду:
— Я, разумеется, счастлива, что Гриффиндор выиграл. Но всему есть предел! Перси, я от вас такого не ожидала!

— Я здесь ни при чём, профессор. Я только что приказал всем вернуться в спальни. Моему брату Рону приснился кошмар…
— Неправда, это был не кошмар! — обиделся Рон. — Я проснулся, профессор, а Сириус Блэк стоит надо мной с ножом в руке!
МакГонагалл повернулась к Рону.
— Это смешно, — сказала она. — Как он мог пройти в гостиную мимо нашего стража?
— А вы у него спросите. — Рон указал пальцем на изнанку портрета сэра Кэдогана. — Спросите, не видел ли он…
Глянув на Рона с подозрением, МакГонагалл толкнула портрет и вышла. Вся гостиная затаила дыхание.
— Сэр Кэдоган, вы вот только что никого не впускали в башню?
— Как же, добрая леди, впустил.
— Вы… впустили? А… а пароль?!
— А у него они были! — гордо сказал сэр Кэдоган. — На всю неделю, миледи. Целый список на кусочке пергамента. Он их мне прочитал!
Профессор МакГонагалл вернулась сквозь узкий проём в гостиную. Гриффиндорцы оторопело молчали, профессор была бледна как мел.
— Какой, — дрожащим голосом начала она, — какой неописуемый глупец написал на клочке пергамента все пароли недели и потом потерял его?
Гробовое молчание в гриффиндорской гостиной было нарушено слабым, испуганным всхлипом. Невилл Долгопупс, дрожа от макушки до носков пушистых комнатных тапочек, медленно поднял руку.

Глава 14
Месть Снегга

В ту ночь никто в башне Гриффиндора не спал. Все знали, что замок снова обыскивают сверху донизу. Собрались в Общей гостиной и ждали новостей. На рассвете в гостиную спустилась профессор МакГонагалл и сказала, что Блэк опять ускользнул.

На другой день по всему замку были приняты более жёсткие охранные меры. Профессор Флитвик учил главные входные двери распознавать Блэка по увеличенному портрету. Филч носился по всем закоулкам и коридорам, заколачивал все щели и мышиные норы. Сэра Кэдогана уволили, его портрет отправили обратно на пустынную площадку восьмого этажа. На входе в башню Гриффиндор опять появилась Полная Дама, отреставрированная специалистами. Она всё ещё нервничала и согласилась вернуться на работу при одном условии: ей дадут дополнительную охрану. Специально для неё наняли грозного вида троллей, которые ходили по коридору, злобно хрюкали и мерились дубинками.

Гарри обратил внимание, что одноглазая ведьма не охранялась и доступ к ней был открыт. Очевидно, Фред и Джордж правы: только они, а теперь ещё Гарри, Рон и Гермиона знали о тайном ходе прямо под ней.

— Как по-твоему, — спросил Гарри Рона, — не сказать ли о нём кому-нибудь?

— Нет, — помотал головой Рон. — Ведь он сюда проник не через «Сладкое королевство». Если бы магазин был ночью взломан, знаешь сколько было бы шуму!

Гарри был рад, что Рон одного с ним мнения. Забьёт Филч этот проход, и он никогда больше не сможет попасть в Хогсмид.

Рон в мгновение ока стал знаменитостью. Первый раз в жизни не Гарри, а он был в центре всеобщего внимания. И надо сказать, ему это нравилось. Хотя он всё ещё окончательно не пришёл в себя после ночных переживаний, он взахлёб рассказывал всем и каждому об этом происшествии, украсив его россыпью подробностей: «Сплю это я и вдруг слышу, как будто кто-то что-то рвёт. Я подумал — это во сне. Но тут, представляете, чувствую сквозняк… Проснулся, гляжу: полог с одной стороны сорван. Я повернулся, а он прямо надо мной стоит… как скелет. Волосы колтуном. В руке огромный нож, сантиметров тридцать, а то и сорок. Смотрит на меня, а я на него. Я как заору — и его как ветром сдуло.»

Прослушав эту душераздирающую историю, девочки со второго курса вернулись к своим делам. А Рон обратился к Гарри:

— Как ты думаешь, почему он исчез?

Гарри и сам ломал над этим голову. Почему Блэк, обнаружив, что выбрал не ту кровать, не прикончил Рона, поднявшего истошный крик, и не стал искать Гарри. Двенадцать лет назад он хладнокровно убил столько ни в чём не повинных людей, а тут пять безоружных мальчишек, и четверо из них крепко спят.

— Наверное, решил, что ты своим криком разбудил всю башню и ему надо скорее уходить из замка, — поразмыслив, сказал Гарри. — Помедли он немного, ему бы пришлось убить всех гриффиндорцев, иначе из гостиной не выбраться. Да ещё учителя…

А Невилл попал в опалу. Профессор МакГонагалл просто рассвирепела: навсегда отлучила его от Хогсмида, наложила наказание и запретила сообщать ему пароль. Бедный Невилл каждый вечер теперь ждал у портрета с Дамой, пока кто-нибудь подойдёт и проведёт его,

дежурные тролли, фланирующие по коридору, смотрели на него с большим подозрением. Но конечно, самому суровому наказанию Невилла подвергла бабушка — всё остальное было так, пустяки. Два дня спустя после вторжения Блэка она прислала ему Громовещатель. Эта позорная кара обрушилась на Невилла во время завтрака. Совы-почтальоны, как всегда, влетели в Большой зал, неся в клювах письма. На стол перед Невиллом приземлилась огромная амбарная сова, в клюве у неё был красный конверт. Сидевшие напротив Гарри и Рон сразу узнали Громовещатель — Рон в прошлом году получил такой же от миссис Уизли.

— Хватай его и скорее беги отсюда! — крикнул Рон.

Говорить дважды не надо было. Невилл схватил письмо и, держа его перед собой как бомбу, пулей вылетел в холл. Слизеринцы за своим столом покатились со смеху. Письмо взорвалось почти у самых входных дверей. Голос бабушки, стократ усиленный, наполнил замок:

«Так опозорить всё славное семейство Долгопупсов!»

Гарри было жаль Невилла, и он не сразу заметил, что и ему есть письмо. Опомнился он, когда Букля больно клюнула его в руку.

— Ой! — воскликнул он от неожиданности. — А, это ты, Букля!

Он взял у неё письмо и открыл конверт, а Букля тем временем принялась за хлопья, оставленные Невиллом. Записка была от Хагрида.

Дорогие Гарри и Рон!

Как вы насчёт того, чтобы выпить со мной чашку чая сегодня вечером около шести? Я зайду за вами в замок. ЖДИТЕ МЕНЯ В ХОЛЛЕ. ВАМ ОДНИМ ВЫХОДИТЬ ЗАПРЕЩЕНО.

Не вешайте носа.

Хагрид

— Он, наверное, хочет подробнее узнать про Блэка! — решил Рон.

Ровно в шесть друзья вышли из гриффиндорской гостиной, миновали чуть не бегом троллей и спустились в холл.

Хагрид уже их ждал.

— Привет, Хагрид! Ты, наверное, хочешь узнать, как всё было в ту ночь? — спросил Рон.

— Я знаю. — Хагрид отворил двери и выпустил их наружу.

— А-а, — слегка разочарованно протянул Рон. Первое, что они увидели в хижине Хагрида, был Клювокрыл. Он лежал, вытянувшись во всю длину на лоскутном одеяле Хагрида, плотно прижав крылья к бокам, и с наслаждением уплетал тушки хорьков, лежащие перед ним на большом блюде. Гарри поспешно отвернулся от малоприятного зрелища и увидел на дверце гардероба, на плечиках, огромный каштанового цвета костюм с премерзким оранжевым в жёлтую полоску галстуком, явно приготовленные для выхода.

— Ты куда-то собрался, Хагрид? — спросил Гарри.

— На слушание дела «Клювокрыл против Комиссии по обезвреживанию опасных существ». Оно будет в эту пятницу. Поедем в Лондон вместе, Клювокрыл и я. Я уже заказал два спальных места в «Ночном рыцаре».

У Гарри от стыда заныло сердце. Он совсем забыл, что суд над Клювокрылом так скоро. У Рона вид был такой же несчастный. Вылетело у них из головы и обещание подумать над

защитой Клювокрыла. Вновь обретённая «Молния» затмила все другие дела и заботы. Хагрид налил им чаю и предложил сдобных булочек с цукатами, но друзья от булочек отказались: им слишком хорошо была знакома стряпня Хагрида.
— У меня к вам… э-э… нелёгкий разговор, — на редкость серьёзно заявил Хагрид.
— О чём? — спросил Гарри.
— О Гермионе.
— А что с ней такое? — спросил Рон.
— Как бы это сказать… После рождественских каникул она частенько сюда захаживает. Уж больно ей одиноко. Сначала вы из-за «Молнии» перестали разговаривать. А теперь вот из-за кота…
— Он сожрал мою крысу, — взвился Рон.
— Так ведут себя все коты, — упрямо продолжал Хагрид. — Она часто плачет. У ней нелёгкое время, да. Сдаётся мне… она это… откусила слишком большой кусок. Ну, все эти предметы… А она ещё — представьте себе! — нашла время помочь мне и Клювокрылу. Такие дала… э-э… советы… Теперь у Клювокрыла есть надежда…
— Прости, Хагрид, это мы должны были помочь… — начал смущённо оправдываться Гарри.
— Тебя никто не винит! — прервал его Хагрид. — И тебе было нелегко. Я ведь всё вижу. Ты тренировался день и ночь. Но скажу честно: для вас крыса и метла дороже друга. Вот и всё.
Гарри с Роном смущённо переглянулись.
— Знаешь, Рон, как она расстроилась, когда Блэк чуть тебя не зарезал. Сердце у неё где надо, у Гермионы. А вы двое не разговариваете с ней…
— Если она избавится от этого кота, я опять буду с ней разговаривать, — не унимался Рон. — А она и слушать ничего не хочет! Этот кот — какое-то чудовище!
— Ну… это понятно. Люди частенько глупо себя ведут со своими любимцами, — изрёк мудрый Хагрид. За его спиной Клювокрыл выплёвывал кости хорьков прямо ему на подушку.
Остаток вечера проговорили о шансах Гриффиндора на победу в борьбе за Кубок. И в девять часов Хагрид отвёл друзей в замок.
В гостиной у доски объявлений толпилась оживлённая группа гриффиндорцев.
— На той неделе Хогсмид, — прочитал Рон, вытянув шею над их головами. — Что ты об этом думаешь? — спросил он у Гарри, выбирая место, где бы сесть.
— К счастью, Филч не забил досками горбунью. Ход в «Сладкое королевство» открыт.
— Гарри! — вдруг кто-то шепнул ему прямо в ухо. Гарри резко повернулся и увидел Гермиону, она сидела за столом позади них, просто её не было видно за горой книг. Теперь она чуть-чуть их раздвинула и шептала в щёлку: — Если ты снова пойдёшь в Хогсмид, я скажу про Карту профессору МакГонагалл.
— Кажется, кто-то что-то сказал, Гарри? — Рон так разозлился, что даже не взглянул на Гермиону.
— Как ты можешь, Рон, тащить его с собой, — возмутилась Гермиона, — после того, что случилось ночью! Я обязательно…
— Ну теперь ты хочешь сделать всё, чтобы Гарри исключили из школы! — зло прошипел Рон. — Ты уже причинила столько вреда в этом году!

Гермиона хотела что-то ответить, но в этот миг к ней на колени, тихо урча, вспрыгнул Живоглот. Гермиона испуганно глянула в лицо Рона, подхватила кота и побежала наверх в спальню.
— Так что ты об этом думаешь? — спросил Рон, как будто никакой перепалки с Гермионой не было. — В прошлый раз ты почти ничего там не видел. Ты даже не заходил в «Зонко»!
Гарри огляделся, нет ли поблизости Гермионы.
— Ладно, пойдём, — сказал он. — Только в этот раз возьму с собой мантию-невидимку.

* * *

В субботу утром Гарри уложил в сумку мантию-невидимку, сунул в карман Карту Мародёров и спустился со всеми в Большой зал. Гермиона то и дело подозрительно на него поглядывала, но Гарри старался избегать её взгляда. А когда все вышли в холл и двинулись к дверям, Гарри у неё на виду побежал вверх по мраморной лестнице, как будто к себе в спальню.
— Пока! — крикнул он Рону. — Увидимся, когда вернёшься!
Рон улыбнулся и подмигнул ему.
Гарри спешил на четвёртый этаж. По дороге вынул из кармана пергамент и, присев за одноглазой ведьмой, разгладил его на коленях. По направлению к нему двигалась какая-то точка, рядом с ней написано крошечными буквами «Невилл Долгопупс».
«Диссендиум!»
— Привет, Гарри! Я совсем забыл, что ты тоже не идёшь в Хогсмид.
— Привет, Невилл. — Гарри быстро вышел из-за статуи, пряча в карман Карту. — Что собираешься делать?
— Ничего, — пожал плечами Невилл. — Сыграем в хлопушки?
— Сейчас не могу, мне надо в библиотеку. У меня ещё не закончено сочинение о вампирах для Люпина…
— Я тоже пойду с тобой, — сияя, проговорил Невилл. — Я его ещё и не начинал.
— Как же это я забыл… Я ведь его вчера вечером закончил…
— Вот здорово! Значит, ты мне поможешь! — На лицо Невилла набежала тучка. — Я никак не могу разобраться с чесноком. Есть его надо, или что…
Невилл вдруг осёкся: к ним приближался профессор Снегг. Бедняга спрятался за спину Гарри.
— Что вы здесь делаете? — Снегг остановился, переводя взгляд с одного на другого. — Странное нашли место встречи.
Слева и справа от статуи были двери, ведущие в разные части замка. Гарри со страхом следил, как Снегг посмотрел на одну дверь, на другую и вперился в одноглазую ведьму.
— Мы не договаривались о встрече, мы случайно встретились, — сказал Гарри.
— В самом деле? Вам это свойственно, Поттер, возникать в неожиданных местах. И почти всегда на это есть особая причина. Советую вам немедленно вернуться в башню Гриффиндора, где вам сейчас и полагается быть.
Гарри с Невиллом, не говоря ни слова, отправились, куда было велено. А Снегг, оставшись один, тщательно ощупал рукой голову одноглазой горбуньи.

Гарри удалось отделаться от Невилла у портрета Полной Дамы. Сказал ему пароль, а сам, сделав вид, что забыл сочинение в библиотеке, остался снаружи. Подождав, пока дозорные тролли отойдут подальше, вынул Карту, внимательно в неё вгляделся и с облегчением обнаружил, что точка с именем Северус Снегг находится у себя в кабинете.
Не мешкая, Гарри помчался на четвёртый этаж, открыл горб, залез в него, скользнул по каменному скату на дно, где его ждала сумка, стёр с пергамента Карту и со всех ног бросился бежать по подземному ходу.

* * *

Закутавшись поплотнее в мантию-невидимку, Гарри вышел из «Сладкого королевства» на залитую солнцем улицу перед лавкой и ткнул Рона локтем в спину.
— Это я, — шепнул он.
— Что ты так долго?
— Снегг немного задержал…
И друзья отправились прямиком по Главной улице.
— Где ты? — то и дело шёпотом спрашивал Рон. — Никуда не делся? Странно это всё-таки…
Зашли на почту. Рон стал для виду прицениваться к совам — не послать ли одну в Египет Биллу. За это время Гарри успел всё хорошенько осмотреть. На полках сидело штук триста сов всех цветов и размеров: от серых гигантов до совсем крошечных («только местная доставка»), умещающихся на ладони. И все они ласково ухали, разглядывая Гарри.
Потом отправились к «Зонко». Лавка была битком набита школьниками, и Гарри приходилось соблюдать величайшую осторожность, что бы не наступить кому-нибудь на ногу. Вот поднялся бы переполох!
Каких только диковин там не было! Стоящие на полках штуковины могли бы удовлетворить самые немыслимые фантазии Фреда и Джорджа! Гарри шёпотом распорядился, что ему купить, и незаметно передал Рону несколько золотых монет. Вышли из лавки с похудевшими кошельками, зато карманы оттопыривали бомбы, заряженные навозом, икотные конфеты, мыло из жабьей икры, кружки, кусающие за нос.
День был ясный, дул лёгкий ветерок. Даже в «Трёх мётлах» сидеть не хотелось, и поэтому они двинулись в гору к Визжащей хижине, имеющей самую дурную репутацию во всей Британии. Хижина стояла на холме немного в стороне от деревни. И даже сейчас, при дневном свете, вид у неё был жутковатый: окна заколочены досками, одичавший промозглый сад.
— Даже хогвартские привидения здесь не бывают, — сказал Рон, прислонившись к забору и разглядывая хижину, — я спрашивал у Почти Безголового Ника. Он сказал, что здесь обитает лихая компания. Никто не может сюда войти. Фред с Джорджем пытались, но все двери крепко заперты.
После подъёма в гору Гарри стало жарко, и он хотел было минут на пять откинуть капюшон, как вдруг совсем близко послышались голоса. Кто-то поднимался к хижине с другой стороны.

Секунда-другая, и они увидели Малфоя в сопровождении Крэбба и Гойла.
— Вот-вот прилетит от отца сова с известием, — разглагольствовал Малфой. — Он поехал на суд свидетелем. Расскажет там про мою руку, как я три месяца не мог ничего делать…
Крэбб с Гойлом хохотнули.
— Как бы мне хотелось самому услышать выступление на суде этого патлатого безмозглого великана: «Не-е, честно, в ём ничаво опаснова нет». Гиппогрифу давно пора сдохнуть…
Неожиданно Малфой увидел возле хижины Рона. Лицо его расплылось в злобной ухмылке.
— А ты что здесь делаешь? — Малфой перевёл взгляд на покосившуюся хижину. — Наверное, ищешь, где жить? Ты ведь давно мечтаешь об отдельной комнате! Говорят, вы все спите в одной спальне. Это правда?
Гарри схватил Рона за шиворот, помешав броситься с кулаками на своего врага.
— Предоставь его мне, — шепнул он другу на ухо.
Да, грешно не воспользоваться таким случаем. Гарри неслышно перебежал за спину Малфоя и его верных телохранителей, нагнулся и поднял с дороги большой ком влажной земли.
— А мы тут обсуждаем твоего друга Хагрида, — продолжал паясничать Малфой. — Представляем себе, что он говорит на суде Комиссии по обезвреживанию опасных существ. Как, по-твоему, он заплачет, когда гиппогрифу отрубят…
Плюх!
Голова Малфоя мотнулась, его белобрысые волосы облепила мокрая грязь.
— Кто это?..
Рон ухватился за забор, чтобы со смеху не упасть наземь.
Злокозненная троица волчком завертелась на месте, Малфой счищал с волос грязь.
— Что призошло? Кто это сделал?
— В этом месте очень мощные привидения. — Рон говорил, как будто сообщал прогноз погоды.
Крэбб с Гойлом явно струсили: накачанные мускулы от привидений не спасут. Малфой окинул испуганным взглядом безлюдную местность.
Гарри тихонько прошёл по тропинке к особенно вязкой луже, полной густой зловонной жижи…
Плюх! Плюх! Плюх!
На этот раз досталось всем троим. Гойл бешено прыгал на месте, стараясь стряхнуть липкие комки с маленьких тупых глазок.
— Вон оттуда швыряют. — Малфой махнул метра на два в сторону от того места, где стоял невидимый Гарри. И стал рукой вытирать залепленное грязью лицо.
Растопырив руки, как зомби, Крэбб, спотыкаясь, двинулся вперёд. Гарри обежал его, схватил палку и швырнул в спину. Крэбб сделал в воздухе что-то вроде пируэта: откуда могла прилететь эта палка? Глядя на него, Гарри согнулся пополам от беззвучного смеха. Кроме Рона, никого рядом не было, и Крэбб пошёл прямо на него. Гарри подставил ему ножку, Крэбб споткнулся и полетел на землю. Его огромная ножища взмыла вверх и задела край мантии Гарри. Капюшон сполз, и голова Гарри открылась.

Какую-то долю секунды Малфой пялился на парящую в воздухе голову.
— А-а-а! — завопил он, тыча в неё пальцем. Повернулся и бросился наутёк, Крэбб с Гойлом не отставали.
Гарри нахлобучил капюшон обратно. Но было поздно.
— Гарри! — отчаянно крикнул Рон, подбегая к тому месту, где только что висела голова друга. — Немедленно беги отсюда! Малфой расскажет, что он здесь видел. Скорее обратно в замок!
— До скорого!
И, не прибавив ни слова, не чуя под собой ног, Гарри помчался в Хогсмид.
Поверит ли Малфой в то, что он видел? Поверят ли его рассказу? Никто не знает про мантию-невидимку. Никто, кроме Дамблдора. Сердце у Гарри оборвалось. Расскажи ему Малфой о случившемся, он сразу поймёт, что здесь было на самом деле.
Скорее в «Сладкое королевство», скорее по ступенькам в подпол, по каменному полу к люку! Гарри сорвал с себя мантию, сунул под мышку и припустил по подземному ходу…
Вдруг Малфой первый вернётся в замок? Сколько он будет искать кого-нибудь из учителей?
Задыхаясь, чувствуя боль в боку, Гарри не сбавлял скорости до самого ската. Мантию придётся оставить здесь, ведь Малфой может выдать его, сам того не подозревая. Гарри спрятал её в тёмный угол и полез наверх, потные руки скользят, а надо спешить, дорога каждая минута. Вот наконец и горб, Гарри коснулся его палочкой, высунулся, огляделся — никого. Он вылез наружу, горб сомкнулся, но только что он выскочил из-за статуи, как услыхал приближающиеся шаги.
Это был Северус Снегг. Он спешил к Гарри, и его чёрная мантия развевалась как пиратский флаг. Затормозив перед Гарри, он оглядел его с головы до ног.
— Ну? — едва скрывая торжество, произнёс Снегг.
А Гарри изо всех сил старался изобразить невинность, хотя понимал, как это глупо: лицо у него всё в поту, руки измазаны. Гарри поскорее сунул их в карманы.
— Следуйте за мной, Поттер, — приказал профессор Снегг.
Понурившись, Гарри пошёл за ним по лестнице вниз, незаметно вытирая руки об изнанку школьной мантии. Спустились в подвалы и вошли в кабинет Снегга.
Гарри был здесь всего один раз, тогда положение тоже было не из лучших. За полтора года банок с мерзкими слизнями на полках заметно прибавилось. Все они мерцали в огне камина, что придавало кабинету особенно зловещий вид.
— Садитесь, — сказал Снегг.
Гарри сел. Профессор остался стоять.
— Мистер Малфой только что был у меня. Он рассказал мне странную историю, Поттер.
Гарри промолчал.
— По словам мистера Малфоя, он стоял и разговаривал с Уизли, как вдруг огромный ком грязи ударил его по затылку. Что бы это могло быть?
— Понятия не имею. — Гарри постарался изобразить на лице лёгкое изумление.
Глаза Снегга впились в самые зрачки Гарри. Вот так следует смотреть на гиппогрифа — кто кого переглядит. Гарри изо всех сил старался не моргнуть.

— А потом мистер Малфой увидел весьма странное привидение. Можете вообразить, Поттер, что это было такое?
— Не могу. — Гарри старался держаться как можно естественнее.
— Это была голова, Поттер. Ваша голова, она парила в воздухе.
Воцарилось долгое молчание.
— Может, ему надо обратиться к мадам Помфри? — первым заговорил Гарри. — Раз ему мерещатся такие…
— Что же ваша голова могла делать в Хогсмиде? — мягко промолвил Снегг. — Вашей голове запрещено там появляться. Равно как и всем остальным частям тела.
— Я это знаю, профессор. — Гарри сделал над собой усилие и стёр с лица малейшие признаки виновности и страха. — Похоже, у Малфоя галлюци…
— Малфой не страдает галлюцинациями! — рявкнул Снегг и, опершись ладонями в подлокотники стула, на котором сидел Гарри, нагнулся к нему, так что их лица чуть не соприкоснулись. — Если ваша голова, Поттер, была в Хогсмиде, значит, и вы, весь целиком, там были.
— Я всё время находился в башне Гриффиндора, как вы мне велели.
— Кто-нибудь может это подтвердить?
На это Гарри ничего не ответил. Губы Снегга искривила ядовитая усмешка.
— Ну так вот. — Снегг выпрямился. — Весь волшебный мир, начиная от министра магии и кончая завхозом, делает всё, чтобы уберечь знаменитого Гарри Поттера от Сириуса Блэка. А знаменитый Гарри Поттер сам себе закон. Пусть простые смертные беспокоятся о его безопасности? Знаменитый Гарри Поттер ходит, где ему вздумается, не утруждая себя мыслями о последствиях.
Гарри не открывал рта. Снегг хочет вырвать у него признание. Этого не будет. У Снегга нет никаких доказательств — пока нет.
— Как вы похожи на своего отца, Поттер. Просто удивительно! — неожиданно сказал Снегг, и глаза у него сверкнули. — Он тоже был на редкость высокомерен. Немного удачливее других на площадке для квиддича, а гонору сколько! Так важно разгуливал по школе в окружении друзей и поклонников… Да, сходство прямо-таки сверхъестественное!
— Мой отец не важничал, — не сдержался Гарри. — И я тоже.
— И школьный устав был не про него писан, — продолжал Снегг по праву сильнейшего, его худое лицо искажала злоба. — Правила ведь для других, для людей попроще, а не для победителей в Кубке школы. Упивался собственным величием…
— Замолчите сейчас же! — Гарри вскочил на ноги. Его захлестнула ярость, какую он ни разу не испытывал с тех пор, как убежал с Тисовой улицы. Лицо у Снегга окаменело, чёрные глаза метали молнии.
— Что вы сказали, Поттер?
— Сказал, чтобы вы замолчали. Вы не смеете так говорить о моём отце! Я знаю о нём всю правду. Он спас вашу жизнь! Мне рассказал Дамблдор! Если бы не мой отец, вас бы вообще здесь не было!
Лицо Снегга, не отличавшееся яркостью красок, стало совсем серым.

— А директор школы не рассказал тебе, при каких обстоятельствах твой отец спас мне жизнь? — прошипел он. — Он, видно, посчитал, что подробности слишком ужасны для ушей бесценного Поттера.
Гарри прикусил губу. Он не знал подробностей и не хотел в этом признаться. Но Снегг это сразу понял.
— Я не допущу, чтобы у вас так и осталось неверное представление о вашем отце. — Лицо его передёрнула ненавидящая усмешка. — Вы, наверное, вообразили себе геройский поступок?! Тогда позвольте мне внести некоторую поправку в ваше представление. Ваш драгоценный отец и его друзья решили сыграть со мной весёлую шутку… Она могла бы кончиться моей смертью, если бы ваш отец в последнюю минуту не опомнился. Ничего доблестного он не сделал. Всего-навсего спасал свою шкуру вместе с моей. Удайся их шутка, он вылетел бы из школы.
Снегг оскалился, обнажив жёлтые неровные зубы.
— Выверните карманы, Поттер! — неожиданно приказал он.
Гарри не шевельнулся. Его точно оглушил ударом в ухо.
— Выверните карманы, иначе мы сейчас пойдём к директору школы!
Гарри повиновался. Похолодев, он достал и карманов пакет с побрякушками из «Зонко» и Карту Мародёров.
Снегг взял сначала пакет.
— Мне это дал Рон. — Хорошо бы Рона предупредить до того, как Снегг его увидит. — Он купил это, когда был там прошлый раз.
— Вот как! И вы с тех пор носите этот подарок в кармане? Как трогательно! Ну а это что?
Снегг взял Карту. Гарри собрал все свои силы, чтобы у него в лице не дрогнул ни один мускул.
— Просто кусок пергамента, — пожал он плечами.
Снегг перевернул его, не сводя с Гарри глаз.
— Зачем тебе этот ветхий пергамент? Не выбросить ли мне его в огонь? — Снегг протяиул руку к камину.
— Не надо! — живо отозвался Гарри.
— Ну что ж! — Ноздри у Снегга задрожали. — Это, наверное, ещё один драгоценный подарок от Уизли. А может, это некое послание, написанное невидимыми чернилами. Или инструкция, как проникнуть в Хогсмид, минуя дементоров?
Гарри потупился. Глаза у Снегга горели недобрым огнём.
— Посмотрим, посмотрим, — говорил он, вынимая волшебную палочку и разглаживая кусок пергамента на столе. — Поведай свой секрет! — Снегг коснулся палочкой пергамента.
Ничего не произошло. Гарри сжал руки, чтобы унять в них дрожь.
— Откройся мне. — Снегг постучал палочкой.
Пергамент оставался девственно-чистым.
Чтобы успокоиться, Гарри несколько раз глубоко вздохнул.
— Профессор Северус Снегг, декан этого факультета, приказывает открыть ему всю содержащуюся в тебе информацию! — Снегг изо всех сил ударил палочкой по Карте.

И по гладкой поверхности Карты вдруг побежали слова, как будто их выводила чья-то невидимая рука.
М-р Лунатик приветствует профессора Снегга и нижайше просит не совать длинного носа не в свои дела.
Снегг остолбенел. Гарри смотрел на послание как громом поражённый. Но Карта на этом не остановилась.
М-р Сохатый присоединяется к м-ру Лунатику и хотел бы только прибавить, что профессор Снегг урод и кретин.
Со смеху умрёшь, будь ситуация не столь серьёзной. А пергамент между тем строчил своё:
М-р Бродяга расписывается в своём изумлении, что такой идиот стал профессором.
Гарри в ужасе зажмурился. Когда он открыл глаза, на пергаменте появилась ещё одна надпись:
М-р Хвост кланяется профессору Снеггу и советует ему, чертовому неряхе, вымыть наконец голову.
Гарри замер в ожидании грозы, которая вот-вот должна была разразиться.
— Ну-с, — тихо проговорил Снегг. — Мы этим займёмся…
С этими словами профессор подошёл к камину зачерпнул из кувшина на полке горсть поблёскивающего порошка и бросил его в огонь.
— Люпин! — позвал он. — Вы мне нужны на пару слов!
Вконец оторопевший Гарри уставился на огонь. В пламени обрисовалась длинная фигура, которая быстро вращалась. Ещё несколько секунд — и из камина собственной персоной вылез профессор Люпин, отряхивая золу с потрёпанной одежды.
— Вы меня звали, Северус? — спросил он кротко.
— Разумеется, звал, — ответил Снегг с перекошенным от ярости лицом. — Я велел Поттеру вывернуть карманы, и вот что там было, — сказал он, вернувшись к столу.
И Снегг махнул рукой на пергамент, на котором всё ещё красовались послания господ Лунатика, Бродяги, Сохатого и Хвоста. На лице Люпина появилось странное отчуждённое выражение.
— Ну?
Люпин не отрываясь смотрел на карту. Гарри показалось, что он быстро что-то соображает.
— Ну? — повторил Снегг. — Пергамент полон чёрной магии. А это, Люпин, по вашей части, если не ошибаюсь. Как, по-вашему, где мог Поттер его взять?
Люпин оторвал глаза от пергамента и, глянув искоса на Гарри, дал ему понять, чтобы он ни во что не вмешивался.
— Полон чёрной магии? — повторил он невозмутимо. — Вы так полагаете, Северус? А мне кажется, это просто кусок пергамента. Он будет оскорблять каждого, кто захочет его прочесть, так уж его заколдовали. Детская проказа, но вряд ли опасная. Думаю, Гарри купил его в лавке шутливых розыгрышей.
— В самом деле? — Снегга трясло от гнева. — Вы думаете, такое могут продавать в лавке шутливых розыгрышей? Не кажется ли вам более вероятным, что он получил этот пергамент непосредственно от его изготовителей?

Гарри не понимал, о чём говорит Северус Снегг, Люпин, по-видимому, тоже.
— Вы подразумеваете господина Хвоста и других? — спросил он. — Гарри, вы знаете кого-нибудь из этих людей?
— Нет, — не раздумывая ответил Гарри.
— Вот видите, Северус. — Люпин опять повернулся к Снеггу. — Я уверен, что это штуки из «Зонко»…
И как раз в этот самый миг в кабинет ворвался Рон. Задыхаясь от бега, он остановился у стола профессора. И, несмотря на бешено стучащее сердце, проговорил:
— Это… я… дал… Гарри… Купил… в «Зонко»… сто… лет… назад…
— Ну вот, Северус, — довольно хлопнув в ладоши, сказал Люпин. — Дело прояснилось. Я отнесу пергамент обратно в «Зонко»? Не возражаете? — Люпин свернул Карту и сунул её куда-то в складки мантии. — Гарри, Рон, идёмте со мной, я хотел бы объяснить вам ещё кое-что про вампиров. Простите, Северус.
Гарри не смел поднять глаз на профессора Снегга. Все трое молча вышли из кабинета. Люпин заговорил только в холле. Посмотрев на Гарри, он хотел было что-то сказать, но Гарри его опередил.
— Профессор, я…
— Мне не надо никаких объяснений, — прервал его Люпин. И, оглядев пустой холл, понизил голос: — Я случайно знаю, что эта Карта много лет назад была конфискована кое у кого Филчем. Да, я знаю, что это Карта, — пояснил он, заметив изумлённые взгляды друзей. — Не хочу знать, как она попала к вам в руки. Меня вот что поражает: почему вы не отдали её преподавателям. Тем более после того случая с паролями. Мы все видели, что случается, когда важные сведения о замке валяются где попало. И я, Гарри, не верну тебе Карту.
Гарри этого ожидал и не стал возражать. Он сгорал от желания узнать, на что же намекал Снегг.
— Почему Снегг подумал, что я получил Карту прямо от её изготовителей? — выпалил он.
— Видишь ли… — Люпин как будто подыскивал ответ. — Наверное, решил, что этим изготовителям очень хотелось выманить тебя из замка. Наверное, их бы это порадовало.
— Вы их знаете? — спросил поражённый Гарри.
— Мы встречались, — коротко ответил Люпин, смотревший на Гарри как никогда строго. — Не ожидай, Гарри, что я когда-нибудь ещё приду тебе на выручку. Я не сумел тебе внушить, что Сириус Блэк — это очень опасно. Но я был уверен, что слова, которые ты слышал, когда дементоры приближались к тебе, всё-таки окажут на тебя воздействие. Твои родители, Гарри, отдали свои жизни, чтобы спасти твою. И чем же ты отплатил им? Поставил на кон против их великой жертвы пакет с магическими штучками.
И Люпин ушёл, оставив Гарри на растерзание совести. В кабинете Снегга ему так тяжело не было. Гарри и Рон медленно поднимались по мраморной лестнице. Проходя мимо одноглазой ведьмы, Гарри вспомнил про мантию-невидимку. Она всё ещё была там, в начале подземного хода, но Гарри не посмел спуститься за ней.
— Это я во всём виноват, — вдруг сказал Рон. — Я тебя уговорил идти в Хогсмид. Люпин прав: мы поступили глупо. Не надо было этого делать… — И Рон опять замолчал.

В коридоре, где ходили дозорные тролли, они увидели идущую навстречу Гермиону. По её лицу было видно — она знает, что произошло. Сердце у Гарри упало: сказала ли она профессору МакГонагалл про Карту? Гермиона подошла к ним и остановилась.
— Радуешься нашим неприятностям? — съязвил Рон. — Успела уже наябедничать?
— Нет, — сказала Гермиона, держа в руке письмо. Губы у неё дрожали. — Я просто подумала, вам надо это знать… Хагрид проиграл дело. Клювокрыла казнят.

Глава 15

Финальный матч

— Он… он вот, прислал мне, — сказала Гермиона, протягивая письмо.

Гарри взял кусок пергамента. Пергамент был мокрый, слёзы капали на слова, и чернила так расплылись, что некоторые слова только угадывались. Гарри прочитал:

Дорогая Гермиона!

Мы проиграли дело. Мне разрешили взять его в Хогвартс. День казни будет назначен. Клювику Лондон очень понравился. Никогда не забуду, как ты нам помогала.

Хагрид

— Они не посмеют, — сказал Гарри. — Не посмеют. Клювокрыл не опасен.

— Это всё отец Малфоя! — возмущалась Гермиона, вытирая слёзы. — Он запугал Комиссию, этих старых глупых болтунов. Они его боятся. Конечно, можно подать апелляцию. Так всегда делают. Но вряд ли это поможет. Приговор всё равно оставят в силе.

— Не оставят! — горячо возразил Рон. — Ты больше не будешь одна этим заниматься. Я тебе помогу, Гермиона.

— Ох, Рон!

Гермиона, чуть не в обмороке, бросилась ему на шею.

Рон сконфузился и стал неловко поглаживать Гермиону по голове. Наконец к Гермионе вернулись силы, и она выпустила Рона из объятий.

— Мне, Рон, правда, правда очень жалко Коросту, — рыдала она.

— Ну ладно, ладно, — успокаивал её Рон, явно счастливый, что Гермиона отпустила его. — Короста была очень старая. И в общем-то, от неё было мало проку. Кто знает, вдруг мама с папой позволят мне теперь завести сову.

Из-за мер безопасности, введённых после второго появления Блэка, Гарри, Рон и Гермиона не могли по вечерам навещать Хагрида. Теперь они беседовали с ним только после уроков ухода за магическими существами.

Суровый приговор подействовал на него как удар молнии.

— Эт моя вина, — говорил он как никогда косноязычно. — Я… ить весь онемел. А они таки важны, во всём чёрном. Я… это… значит, совсем запутался. Пергамент из рук валится… Твои-то цифры, Гермиона, из головы вон… К тому же Люциус Малфой встал и давай их, знамо дело, дурить. Чо он сказал, то они и решили.

— Ладно, подадим апелляцию! — кипел Рон. — Не сдавайся. Мы уже этим занимаемся.

Хагрид сопровождал класс в замок. Впереди, сразу перед ними, шёл Малфой, как всегда, в сопровождении Крэбба и Гойла. Малфой, издевательски смеясь, то и дело оглядывался.

— Навряд ли поможет, Рон, — грустно покачал головой Хагрид. — Поди-кось с ними справься. Комиссия у Малфоя в кулаке. Я вот чо думаю: пусть у Клювика последние-то денёчки будут самые что ни на есть вольготные. Мой это долг…

С этими словами Хагрид повернул обратно в хижину, спрятав лицо в огромный носовой платок.

— Ха-ха-ха! Разревелся!

Малфой с неизменными спутниками стояли, прислушиваясь, в главных дверях замка.
— Вы видели что-нибудь более жалкое?! — воскликнул Малфой. — И это наш учитель!
Гарри с Роном бросились к Малфою, но Гермиона их опередила.
Хлоп! Размахнувшись, она изо всех сил ударила Малфоя по щеке. Малфой покачнулся.
Гарри, Рон и Крэбб с Гойлом остолбенели. А Гермиона размахнулась ещё раз.
— Не смей так говорить о Хагриде, ты, злобная дрянь…
— Гермиона! — севшим голосом проговорил Рон, пытаясь отвести занесённую руку Гермионы.
— Не мешай, Рон! — Гермиона вынула волшебную палочку.
Малфой сделал шаг назад, Крэбб и Гойл, онемев, ждали распоряжений.
— Пошли, — буркнул Малфой. Компания вошла в замок и устремилась к лестнице, ведущей в подвалы.
— Гермиона! — ещё раз повторил Рон, не находя слов от восторга и удивления.
— Гарри, ты должен, должен выиграть финальный матч! — не могла успокоиться Гермиона. — Я не перенесу, если мы проиграем.
— У нас сейчас заклинания, — напомнил Рон, всё ещё таращась на Гермиону. — Идёмте скорее, а то опоздаем.
Почти бегом бросились по мраморной лестнице в класс профессора Флитвика.
— Вы опоздали, молодые люди, — слегка попенял профессор. — Садитесь скорее, доставайте палочки. Мы сегодня поупражняемся с Веселящими чарами. Уже разбились на пары.
Гарри с Роном пошли в конец класса, сели за последний стол и открыли сумки.
— А где Гермиона? — спросил Рон, оглядев класс. Гарри тоже огляделся. Гермионы в классе не было. Но ведь она стояла рядом, когда он открывал дверь!
— Как странно, — сказал Гарри Рону. — Может, она забежала в туалет?
Но Гермиона так на уроке и не появилась.
— Ей пошли бы на пользу Веселящие чары, — пошутил Рон по дороге в Большой зал.
Класс шёл на обед в превосходном настроении, лица у всех сияли.
Но Гермиона не пришла и на обед. К концу обеда после яблочного пирога Веселящие чары слегка повыветрились, и Гарри с Роном стали ощущать беспокойство.
— Как, по-твоему, не мог Малфой что-нибудь ей сделать? — спросил, нахмурившись, Рон по дороге к башне Гриффиндора. Прошли мимо дежурных троллей, сказали Полной Даме пароль («Флиббертигиббет») и протиснулись в проём гостиной.
Гермиона как ни в чём не бывало крепко спала, уронив голову на учебник нумерологии. Друзья сели по обе стороны, и Гарри толкнул её в бок.
— А? Что? — проснулась Гермиона, непонимающе озираясь по сторонам. — Пора идти? Какой сейчас урок?
— Прорицание, через двадцать минут, — вразумил её Гарри. — Гермиона, почему ты пропустила заклинания?
— Что? Не может быть! — вскрикнула Гермиона. — Я забыла пойти на заклинания!
— Но как ты могла забыть? Ты ведь дошла с нами до самого порога!

— Не могу этому поверить, — причитала Гермиона. — Профессор Флитвик очень сердился? Это всё Малфой! Я шла и думала о нём, и у меня как-то всё спуталось!
— Знаешь что, Гермиона, — сказал Рон, взглянув на толстенную «Нумерологию», которая послужила Гермионе подушкой. — По-моему, ты немного того… Слишком много на себя навалила.
— Ничего подобного! — возразила Гермиона, откинув с глаз волосы и безуспешно ища глазами сумку. — Я просто перепутала расписание. Пойду найду профессора Флитвика и попрошу прощения… Увидимся на прорицании.
Через двадцать минут она присоединилась к друзьям у первой ступени лесенки, ведущей в кабинет профессора Трелони. Вид у неё был явно огорошенный.
— Как же я могла пропустить Веселящие чары! Ведь они наверняка войдут в экзамены. Профессор Флитвик мне сейчас намекнул.
Они втроём поднялись по лестнице в кабинет профессора Трелони. Здесь, как всегда, было жарко и царил полумрак. На каждом столике матово поблёскивал хрустальный шар. Гарри, Рон и Гермиона сели за один шаткий столик.
— Я думал, мы будем глядеть в хрустальный шар в следующем семестре. — Рон осторожно оглянулся, нет ли поблизости профессора предсказаний.
— Не расстраивайся, — заметил Гарри. — Это значит, что мы покончили с хиромантией. Мне уже тошно от её фокусов, как возьмёт в руку мою ладонь, так и закатит глаза.
— Добрый день всем, — плавно пропел знакомый туманный голос, сопровождаемый явлением профессора Трелони откуда-то из густой тени.
Подружки Парвати и Лаванда задрожали от возбуждения, их лица освещало молочно-белое сияние, исходившее от магического кристалла перед ними.
— Я решила заняться магическим кристаллом немного раньше, чем планировала. — Профессор Трелони села спиной к огню и оглядела класс. — Богини судьбы поведали мне, что магический кристалл войдёт в ваш июньский экзамен.
Гермиона фыркнула.
— Богини судьбы ей поведали, ну, знаете ли! Она же сама готовит экзамен… Отличное предсказание! — Гермиона даже не потрудилась опустить голос до шёпота.
Лицо профессора всё время оставалось в тени, так что трудно было сказать, слышала ли она Гермиону. Как бы то ни было, она невозмутимо продолжала:
— Гадание по магическому кристаллу — утончённое искусство. Я не ожидаю, что хотя бы один из вас, — говорила она нараспев, — станет с первого раза Провидеть, вглядываясь в бездонную глубину кристалла. Начнём с упражнений. Прежде всего, надо научиться расслаблять сознание и наружные глаза…
Из груди Рона вырвался смешок, и он прижал кулак ко рту, чтобы не разразиться неудержимым хохотом. Между тем профессор Трелони продолжала мурлыкать:
— Тогда у вас откроется Третий глаз и заговорит подсознание. И возможно, уже сегодня в конце урока, если улыбнётся Фортуна, кто-нибудь из вас сподобится Увидеть. Итак, начнём.
Гарри чувствовал себя ужасно глупо: сидит и тупо смотрит внутрь хрустального шара, стараясь выгнать из головы назойливо вертящиеся слова «чушь собачья»! Слова не желали уйти, тем более что Рон то и дело хихикал, а Гермиона презрительно фыркала.

— Вы что-нибудь видите? — спросил он друзей после пятнадцати минут глазения.
— Да, вижу, — ответил Рон. — Прожжённое пятно на столе. Кто-то, наверное, уронил на этот стол свечу.
— Бессмысленная трата времени, — прошипела Гермиона. — Сколько можно было бы сделать полезного! Хотя бы, например, прочитать про Веселящие чары.
Мимо прошелестела юбками профессор Трелони.
— Помочь кому-нибудь расшифровать таинственные туманные знаки внутри кристалла? — пропела она под звяканье браслетов.
— Мне не надо, — прошептал Рон. — И так ясно, что они значат. Сегодня вечером будет туман.
Гарри с Гермионой не выдержали и прыснули.
— Пожалуйста, не мешайте, — кротко попросила профессор Трелони. И головы всех учеников повернулись к друзьям. Парвати с Лавандой возмущённо переглянулись. — Вы нарушаете вибрацию пространства ясновидения.
Профессор подошла к их столу, подсела к ним и всмотрелась в шар. Сердце у Гарри ёкнуло. Он точно знал, что сейчас произойдёт…
— Здесь что-то движется, — прошептала профессор, приблизив лицо к шару. — Что это?
Он был готов поспорить на что угодно, даже на свою «Молнию», — ничего хорошего Трелони не увидит. И действительно…
— Мой мальчик… — вздохнула профессор и посмотрела на Гарри. — Он здесь, это видно, как никогда раньше… Крадётся, всё ближе… Гр…
— О господи! — воскликнула Гермиона. — Неужели опять Грим? Просто смешно!
Профессор Трелони вскинула на Гермиону огромные глаза, Парвати что-то шепнула Лаванде, и обе тоже воззрились на бунтарку. В глазах профессора полыхнул гнев.
— К своему прискорбию, должна сказать, милочка, что с той минуты, как вы появились в классе, мне было абсолютно ясно, что в вас нет того, что необходимо для благородного искусства ясновидения. У меня до вас никогда не было ученика, в котором до такой степени отсутствует духовность.
На секунду в классе повисла абсолютная шина.
— Прекрасно! — Гермиона встала, взяла учебник «Как рассеять туман над будущим» и сунула его в сумку. — Прекрасно! — повторила она и, вскинув сумку на плечо, чуть не столкнула Рона вместе со стулом. — Моё терпение лопнуло. Я ухожу.
Ко всеобщему удивлению, Гермиона подошла к люку, пинком открыла его и покинула класс.
Спустя несколько минут все успокоились. Профессор Трелони, похоже, забыла про Грима и отвернувшись от Гарри с Роном, плотнее закуталась в свой лёгкий газовый платок.
— Профессор Трелони! — вдруг воскликнула Лаванда, так что все вздрогнули. — Профессор Трелони! Знаете, что я вспомнила? Вы ведь предсказали, что она уйдёт! Помните, профессор? «Накануне Пасхи один из нас навсегда нас покинет». Вы это очень давно сказали, профессор.
Профессор Трелони светло улыбнулась.
— Да, Лаванда, я знала, что мисс Грэйнджер покинет нас. Но всегда надеешься, что предсказанное не сбудется. Третий Глаз — тяжёлое бремя…

Парвати и Лаванда, глядя на профессора с величайшим почтением, подвинулись, чтобы она могла сесть с ними.
— Ну и денёк у Гермионы, а? — шепнул Гарри ошарашенный Рон.
— Это точно!
Гарри глянул в кристалл — ничего, кроме молочно-белого кружащегося тумана. Неужели профессор Трелони действительно опять видела Грима? Финал по квиддичу на носу, сейчас только очередного опасного приключения не хватало!

* * *

В пасхальные каникулы никакого отдыха не получилось. Третьекурсникам по всем предметам задали горы домашних заданий. Невилл Долгопупс был на грани нервного срыва. И не он один.
— И это называется каникулы! — взорвался на третий день Симус Финниган. — Экзамены ещё через сто лет! О чём только они себе думают!
Но труднее всего приходилось Гермионе. Даже без прорицания у неё было несравненно больше предметов, чем у остальных. Вечером она последняя покидала гостиную, наутро первая приходила в библиотеку. Под глазами у неё были синяки, как у Люпина, а глаза то и дело на мокром месте.
Рон засел за подготовку апелляции. Клювокрыла надо было спасать. Покончив с очередной порцией своих уроков, он брал толстенные тома с увлекательными названиями: «Психология гиппогрифов», «Дичь или хищник? Исследование злобности гиппогрифов» — и уходил в них с головой, забыв даже про свою ненависть к Живоглоту.
Гарри подстраивал выполнение домашних заданий к расписанию тренировок и бесконечным напутственным беседам Вуда. Матч Гриффиндора со Слизерином был назначен на первое воскресенье после каникул. Сейчас слизеринцы опережали все команды на двести очков. А это значило, что гриффиндорцы выиграют Кубок только в том случае, если наберут большее количество очков, о чём Вуд без конца им напоминал. Стало быть, победа во многом зависела от Гарри: только он может, поймав снитч, принести команде сразу сто пятьдесят очков.
больше
— Я ПОНЯЛ, ОЛИВЕР! — сорвался в конце концов Гарри.
Предстоящий матч буквально свёл с ума всех гриффиндорцев. Последний раз они выиграли Кубок семь лет назад, когда ловцом был легендарный Чарли Уизли (второй сын в семье Уизли). Но Гарри был готов побиться об заклад, что никто, даже Вуд, так страстно не желал победить, как он. Неприязнь между ним и Малфоем достигла своего пика. Малфоя до сих пор жгло воспоминание о комке грязи в затылок, тем более что Гарри как-то удалось избежать наказания. А Гарри всё ещё помнил лжедементоров, которыми Малфой хотел сорвать матч. Но больше всего он хотел отомстить Малфою за Клювокрыла — одержать над ним победу перед всей школой.
Ещё ни один матч не приближался в такой накалённой атмосфере. К концу каникул отношения между командами и факультетами достигли точки кипения. То и дело в коридорах возникали мелкие стычки, вылившиеся в грандиозное сражение между

четверокурсником из Гриффиндора и шестикурсником из Слизерина. В результате обоих пришлось отправить в больничный отсек — у них из ушей полез лук-порей.
Хуже всего приходилось Гарри. Слизеринцы подставляли ему подножки, да так, чтобы он обязательно упал. Крэбб с Гойлом пытались атаковать его, куда бы он ни пошёл, но, увидев его в окружении команды, сейчас же отступали. Вуд распорядился, чтобы Гарри никуда не ходил один, на случай, если слизеринцы решат вывести его из игры накануне матча. Гриффиндорцы лицом к лицу встретили опасность. И теперь Гарри, окружённый возбуждённой толпой, то и дело опаздывал на уроки. Самого Гарри куда больше заботила безопасность «Молнии». После тренировки он запирал её в чемодан и на переменах часто бегал наверх в башню, проверить, ничего ли с ней не случилось.

* * *

Накануне матча никто в гриффиндорской гостиной не занимался обычными делами. Даже Гермиона отложила на время книги.
— Не могу работать, — нервничала она. — Не могу сосредоточиться.
Шум в гостиной стоял невообразимый. Фред с Джорджем, чтобы дать выход обуревавшим их чувствам, орали и буйствовали сильнее, чем всегда. Оливер Вуд сидел в углу, склонившись над картой поля, и волшебной палочкой гонял по ней фигурки игроков, что-то про себя бормоча. Анджелина, Алисия и Кэти смеялись над проделками Фреда и Джорджа. Гарри сидел с Роном и Гермионой, отрешившись от всего и вся, стараясь не думать о завтрашнем дне, потому что всякий раз, как он о нём думал, что-то огромное и ужасное начинало шевелиться у него под ложечкой.
— Мы завтра непременно победим, — сказала ему Гермиона, хотя вид у неё был определённо непобедоносный.
— У нас же есть «Молния», — поддержал её Рон.
— Да… — кивнул Гарри, чувствуя, как у него засосало под ложечкой.
Все с облегчением вздохнули, когда Вуд наконец приказал:
— Команда! Отбой!

* * *

Этой ночью он спал очень плохо. Сначала ему приснилось, что он проспал и Вуд кричит ему: «Где ты был? Нам пришлось выпустить Невилла Долгопупса!» Затем Гарри приснилось, что Малфой и другие игроки Слизерина прилетели на матч на драконах. Гарри носился по полю с головокружительной скоростью, пытаясь уклониться от пламени, изрыгаемого драконом Малфоя, и тут вспомнил, что забыл свою «Молнию» в спальне. Гарри свалился с метлы, упал на землю и проснулся.
Прошло несколько секунд, прежде чем Гарри осознал, что матч ещё не начался, что он спокойно сидит в своей кровати и что слизеринцам ни в коем случае не разрешат играть в квиддич верхом на драконах. Гарри почувствовал, что его горло совершенно пересохло. Он тихо встал и подошёл к окну, у которого стоял серебряный кувшин с водой. Наполнив кубок и выпрямившись, Гарри выглянул в окно.

На улице было тихо и пусто. Верхушки деревьев в Запретном лесу неподвижно застыли, а у Гремучей ивы был абсолютно невинный и безобидный вид. Похоже, погода будет идеальной для квиддича.
Гарри допил воду, поставил кубок на столик и уже собирался отвернуться от окна, как вдруг что-то привлекло его внимание. По серебристому лугу крался какой-то зверь.
Гарри метнулся к кровати, схватил с тумбочки очки и поспешно вернулся к окну. Неужели это Грим… нет… только не сейчас… не за несколько часов до матча…
Он прильнул к стеклу и где-то через минуту отчаянных поисков наконец заметил то, что искал. Теперь этот зверь бежал по опушке леса… но это был вовсе не Грим… это был кот… Узнав высоко поднятый рыжий хвост, напоминающий ёршик для чистки бутылок, Гарри испытал такое облегчение, что еле успел ухватиться за щеколду, чтобы не упасть. Это всего лишь Живоглот…
Всего лишь Живоглот? Гарри прижался носом к стеклу. Кот наконец остановился. Гарри не сомневался, что видит, как кто-то ещё движется там, в тени деревьев.
В следующую секунду на опушке появился огромный лохматый чёрный пёс. Озираясь по сторонам, пёс, крадучись, побежал через луг, а рядом с ним бежал Живоглот. Гарри смотрел на них, выпучив глаза. Если это был Грим, то есть предзнаменование скорой смерти Гарри, то его не должен был видеть никто, кроме самого Гарри, но, судя по всему, Живоглот тоже видел Грима.
— Рон! — прошипел Гарри, повернувшись к спавшему другу. — Рон! Проснись!
— А? — сонно встрепенулся Рон.
— Я хочу, чтобы ты сказал мне, что именно ты видишь, — прошептал Гарри.
— Да сейчас же ночь, Гарри, — неразборчиво пробормотал Рон. — Что там у тебя случилось…
— Там, внизу… — начал Гарри, снова выглядывая из окна.
Живоглот и собака исчезли. Гарри залез на подоконник, но их нигде не было видно, и он никак не мог понять, куда они делись.
Сзади донёсся громкий храп, и стало ясно, что Рон снова уснул.

* * *

На следующее утро, когда Гарри вместе с другими игроками сборной Гриффиндора вошёл в Большой зал, их встретили огушительными аплодисментами. Гарри широко ухмыльнулся, увидев, что им аплодируют не только свои, но и ученики Когтеврана и Пуффендуя. Когда они проходили мимо стола Слизерина, раздался громкий свист. Гарри скосил глаза, заметив, что Малфой выглядит даже бледнее, чем обычно.
За завтраком Вуд требовал от всех игроков поесть как можно плотнее, хотя сам так и не притронулся к еде. А затем, не дав никому доесть, поспешно вывел команду из зала, прежде чем оттуда вышел хоть один человек. Вуд хотел, чтобы они первыми узнали, в каких погодных условиях им предстоит играть. Когда они выходили, снова разразились аплодисменты.
— Удачи, Гарри! — крикнула Чжоу Чанг, ловец сборной Когтеврана, и Гарри почувствовал, что краснеет.

— Отлично… никакого ветра… солнце чуть ярче, чем надо, будет бить в глаза, не забывайте об этом, — бормотал Вуд, прохаживаясь по полю взад и вперёд и озираясь по сторонам. — А земля достаточно твёрдая, и это хорошо… значит, мы сможем сильнее оттолкнуться и быстрее взлететь…
Наконец они увидели, как вдалеке распахнулись ворота замка и вся школа высыпала на лужайку.
— В раздевалку, — напряжённым голосом скомандовал Вуд.
Они молча переоделись в алую спортивную форму. Гарри было интересно, как чувствуют себя остальные; лично у него было такое ощущение, что он съел на завтрак нечто скользкое и извивающееся. Ему показалось, что прошло всего несколько секунд и Вуд громко объявил, что пришло время выходить на поле.
Когда они вышли из раздевалки, по трибунам прокатилось настоящее цунами приветствий. Три четверти зрителей размахивали алыми флагами с изображённым на них львом, эмблемой Гриффиндора, или транспарантами с надписями типа «ВПЕРЁД, ГРИФФИНДОР!» и «КУБОК — ЛЬВАМ!». На трибуне Слизерина сидело примерно двести болельщиков в зелёных одеждах, на их знамёнах поблёскивала зелёная змея, а в самом первом ряду, как и все вокруг него одетый во всё зелёное, сидел профессор Снегг и мрачно ухмылялся.
— А вот и сборная Гриффиндора! — завопил Ли Джордан, который, как обычно, выступал в роли комментатора. — Поттер, Белл, Джонсон, Спиннет, Уизли, Уизли и Вуд. Все признают, что это лучшая сборная факультета Гриффиндор за последние несколько лет…
Громкие недовольные выкрики, донёсшиеся с трибуны Слизерина, заглушили комментарий.
— А вот на поле появилась команда Слизерина, — продолжил Джордан, когда на стадионе воцарилась относительная тишина. — Её выводит капитан сборной Маркус Флинт. Он произвёл в своей команде некоторые замены и, похоже, предпочёл габариты мастерству…
Трибуна Слизерина снова неодобрительно завопила. Однако Гарри отчётливо видел, что у Джордана, в общем-то, имелись основания для такого заявления. Малфой был не просто самым маленьким игроком Слизерина — на фоне невообразимо огромных остальных игроков он был самым крошечным.
— Капитаны, пожмите друг другу руки! — скомандовала мадам Трюк.
Вуд и Флинт схватили друг друга за руки. Со стороны казалось, что каждый из них пытается сломать другому пальцы.
— Седлайте мётлы! — распорядилась мадам Трюк. — Раз… два… три!
Её свисток потонул в пронёсшемся по стадиону вопле, и четырнадцать игроков взмыли в воздух. Гарри ощутил, как ветер откидывает с его лба волосы. Оказавшись в небе, он сразу перестал нервничать. Оглянувшись, он заметил позади себя Малфоя и резко сорвался с места, озираясь по сторонам в поисках снитча.
— Мяч у сборной Гриффиндора, Алисия Спиннет, сжимая в руках квоффл, устремляется к кольцам Слизерина. Давай, Алисия! — начал комментарий Джордан. — О, нет — квоффл перехватывает Уоррингтон. Уоррингтон летит на половину поля Гриффиндора… БАМ! — его останавливает бладжер. Отличная работа, Джордж Уизли! Уоррингтон роняет квоффл, его подхватывает… да, это Джонсон, и мяч снова у гриффиндорцев! Ну давай же,

Анджелина! Она великолепно обводит Монтегю… осторожно, Анджелина, это бладжер! ГОЛ! ДЕСЯТЬ-НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ГРИФФИНДОРА!
Анджелина, победно вскинув сжатый кулак, облетела кольца Слизерина, а под ней бушевало от восторга алое море…
— ОЙ!
Анджелина чуть не слетела с метлы — в неё внезапно врезался Маркус Флинт.
— Извини! — буркнул Флинт, когда внизу раздался возмущённый рёв стадиона. — Я её не заметил!
В следующее мгновение подоспевший Фред Уизли обрушил свою биту на затылок Флинта. Флинт ткнулся носом в рукоятку собственной метлы, и на поле закапала кровь.
— Прекратите! — пронзительно завопила мадам Трюк, зависая в воздухе между ними. — Сборная Гриффиндора получает право на пенальти за беспричинное нападение на своего охотника! Сборная Слизерина получает право на пенальти за намеренное нападение на своего охотника!
— Бросьте, мисс! — проворчал Фред, но мадам Трюк дунула в свисток, и Алисия полетела к кольцам Слизерина, чтобы пробить пенальти.
— Давай, Алисия! — прервал воцарившуюся на стадионе тишину голос Ли Джордана. — ДА! ОНА ПЕРЕИГРЫВАЕТ ВРАТАРЯ! ДВАДЦАТЬ-НОЛЬ В ПОЛЬЗУ ГРИФФИНДОРА!
Гарри резко развернул метлу, чтобы посмотреть, как Флинт направляется выполнять штрафной бросок к кольцам Гриффиндора. Из носа Флинта текла кровь. Перед кольцами парил Вуд. Зубы его были крепко сжаты.
— Разумеется, Вуд — великолепный голкипер! — прокомментировал Ли Джордан, пока Флинт дожидался свистка мадам Трюк. — Просто потрясающий! Его очень сложно обвести, ужасно сложно. ДА! ПОВЕРИТЬ НЕ МОГУ! ВУД СПАСАЕТ СВОИ ВОРОТА!
Гарри с облегчением развернулся и полетел прочь, высматривая снитч, но при этом стараясь прислушиваться к комментарию Джордана. Сам он не мог поймать снитч до того момента, пока Гриффиндор не начнёт опережать Слизерин больше чем на пятьдесят очков, но он знал, что снитч не будет дожидаться этого и обязательно появится с минуты на минуту. Гарри предстояло помешать Малфою поймать его.
— Мяч у Гриффиндора… нет, уже у Слизерина, — продолжал Ли. — Нет, Гриффиндор снова перехватывает мяч. Квоффл у Кэти Белл, она устремляется к кольцам Слизерина… ЭТО БЫЛО НАМЕРЕННОЕ НАРУШЕНИЕ!
Монтегю, охотник слизеринцев, преградил Кэти путь и, вместо того чтобы выхватить из её рук мяч, схватил её за голову, Кэти завертелась в воздухе, и, хотя ей удалось не упасть, она выпустила квоффл.
Мадам Трюк, пронзительно свистнув, подлетела к Монтегю и начала что-то кричать ему. Минуту спустя Кэти отлично выполнила пенальти, переиграв вратаря Слизерина.
— ТРИДЦАТЬ-НОЛЬ! — завопил Джордан, — НУ ЧТО, ПОЛУЧИЛ ЗА СВОЮ НЕЧЕСТНУЮ ИГРУ, ГРЯЗНЫЙ…
— Джордан, если вы не можете комментировать непредвзято… — перебила его профессор МакГонагалл. Она, как всегда, сидела рядом с комментатором и контролировала его.

— Я только описываю то, что происходит, профессор! — возмутился тот.
Гарри ощутил внутренний толчок. Он уже заметил снитч — мячик парил у подножия шеста, на котором было установлено одно из трёх колец Гриффиндора, но ему ещё нельзя было ловить его, и надо было сделать так, чтобы его не заметил Малфой…
Гарри, внезапно изобразив на лице волнение, развернул «Молнию» и помчался в противоположную сторону, к кольцам Слизерина. Его уловка сработала. Малфой нёсся за ним, по-видимому не сомневаясь, что Гарри увидел снитч…
Над правым ухом Гарри просвистел бладжер, пущенный в него гигантским загонщиком Слизерина по фамилии Дерек. А в следующую секунду второй бладжер скользнул по его локтю. Второй загонщик Слизерина, Боул, тоже летел в направлении Гарри.
Гарри краем глаза заметил, как Дерек и Боул приближаются к нему с двух сторон, занося дубинки, и…
В последний момент перед столкновением он направил «Молнию» круто вверх, и Боул с Дереком врезались друг в друга. Раздался неприятный хруст.
— Ха-ха! — завопил Ли Джордан, увидев, как слизеринские загонщики разлетаются, держась за головы. — Опоздали, ребята! Сил у вас не хватит опередить «Молнию»! А теперь мяч снова у Гриффиндора, его перехватила Анджелина Джонсон, сбоку от неё летит Флинт… Ткни его в глаз, Анджелина! Профессор, это всего лишь шутка, просто шутка… О, нет, Флинт отбирает у неё мяч, разворачивается в сторону колец Гриффиндора… Давай, Вуд, останови его!
Но Флинт забросил квоффл в кольцо под громкие аплодисменты трибуны, где сидели болельщики Слизерина. А Джордан произнёс настолько нехорошее слово, что профессор МакГонагалл попыталась отобрать у него волшебный микрофон.
— Извините, извините, профессор! — затараторил Джордан. — Больше не повторится! Итак, Гриффиндор ведёт со счётом тридцать-десять, мяч у Гриффиндора, и…
Это был самый грязный матч, в котором когда-либо участвовал Гарри. Разъярённые тем, что сборная Гриффиндора сразу вышла вперёд, слизеринцы пытались овладеть мячом любыми средствами. Боул ударил Алисию битой и объяснил мадам Трюк, что перепутал её с бладжером. Джордж Уизли в отместку ударил Боула локтем в лицо. Мадам Трюк снова назначила два пенальти, и Вуд в зрелищном броске снова спас свои кольца, а разрыв увеличился до тридцати очков.
Снитч опять появился на поле и опять исчез. Малфой по-прежнему летал следом за Гарри, а Гарри парил над полем, оглядываясь по сторонам и убеждая себя, что Гриффиндор с минуты на минуту начнёт опережать Слизерин более чем на пятьдесят очков…
Кэти забросила ещё один мяч, и счёт стал пятьдесят-десять. Фред и Джордж Уизли, подняв биты, окружили её на тот случай, если кто-то из слизеринцев захочет отомстить ей за успех. Боул и Дерек воспользовались их отсутствием и направили оба бладжера в Вуда. Тяжёлые чёрные мячи один за другим врезались капитану гриффиндорцев в живот, и Вуд задохнулся, согнулся пополам и соскользнул с метлы. К счастью, он не разжал руки и потому не упал на землю, а просто повис на метле.
Мадам Трюк была вне себя от ярости.

— Нельзя атаковать вратаря, если квоффл находится за пределами штрафной площадки! — пронзительно завопила она, обращаясь к Дереку и Боулу. — Пенальти!
Анджелина безошибочно выполнила штрафной удар, и наконец разрыв составил пятьдесят очков. Несколько мгновений спустя Фред Уизли направил бладжер в Уоррингтона и выбил из его рук квоффл, а Анджелина подхватила его и забросила в кольцо Слизерина, увеличив счёт. Семьдесят-десять.
Зрители орали так громко, что охрипли. Преимущество Гриффиндора теперь составляло шестьдесят очков, и если бы Гарри сейчас удалось поймать снитч, то Кубок школы по квиддичу был бы в их руках. Гарри физически ощущал, как за ним следят сотни глаз; он летал над полем, оставив остальных игроков далеко внизу, а за ним, стараясь не отставать, летал Малфой.
И тут он заметил то, что искал. В семи-восьми метрах над ним поблёскивал золотой снитч. Гарри резко набрал скорость, в ушах засвистел ветер, он уже вытянул руку, но вдруг «Молния» замедлила ход, и…
Гарри в ужасе оглянулся и сразу понял, в чём дело. Отставший от него Малфой в отчаянии ухватился за прутья метлы Гарри и тянул её назад.
— Ты… — начал Гарри и захлебнулся от ненависти.
Он был настолько разъярён, что не раздумывая ударил бы сейчас Малфоя, но не мог до него дотянуться. Малфой, тяжело дыша и напрягаясь изо всех сил, удерживал «Молнию» на месте — лицо его было залито потом, но глаза злобно сверкали. И в результате он добился того, чего хотел, — снитч снова исчез.
— Пенальти! Пенальти! В жизни не видела такого грязного приёма! — закричала мадам Трюк, подлетая к скрючившемуся на своём «Нимбусе-2001» Малфою.
— ПОГАНЫЙ УБЛЮДОК! — завопил Ли Джордан, предусмотрительно вскочив с микрофоном в руках и отпрыгнув подальше от профессора МакГонагалл. — ПОГАНЫЙ, ГРЯЗНЫЙ…
Но профессор МакГонагалл вовсе не собиралась делать ему замечания. Она потрясала кулаком, со злобой глядя на Малфоя, и яростно выкрикивала что-то, не замечая, что её остроконечная шляпа упала на землю.
Алисия попыталась выполнить штрафной, но была так зла, что сильно промахнулась. Происшествие вывело гриффиндорцев из себя, а игроки Слизерина, воодушевлённые поступком Малфоя, наоборот, почувствовали себя куда увереннее.
— Мяч у Слизерина, Слизерин атакует; Монтегю забрасывает мяч, — простонал Ли Джордан. — Семьдесят-двадцать в пользу Гриффиндора…
Теперь Гарри старался не выпускать Малфоя из виду и летал рядом с ним так близко, что их колени время от времени соприкасались. Гарри не мог позволить Малфою поймать снитч.
— Отвали, Поттер! — в отчаянии завопил Малфой, после того как попытался развернуться и обнаружил, что Гарри перекрывает ему путь.
— Квоффл у Анджелины Джонсон, — донёсся до Гарри голос Ли Джордана. — Давай, Анджелина, ДАВАЙ!

Гарри огляделся. Все игроки Слизерина, кроме Малфоя, даже их вратарь, рванулись по направлению к Анджелине, пытаясь заблокировать её.
Гарри развернул «Молнию», пригнулся так низко, что практически улёгся на рукоятку метлы, и со скоростью пули устремился на слизеринцев.
— А-А-А-А! — донёсся до него испуганный вопль.
Сборная Слизерина разлетелась в разные стороны, и Анджелина устремилась вперёд — путь был расчищен.
— ОНА ЗАБИЛА! ОНА ЗАБИЛА! — завопил Джордан. — Гриффиндор ведёт со счётом восемьдесят-двадцать!
Гарри, едва не врезавшись в трибуны, затормозил в самый последний момент, развернулся и снова взмыл над центром поля. И тут он увидел нечто, что заставило его сердце сжаться. Малфой с видом триумфатора устремился вниз — там, в метре над травой, поблёскивал крошечный золотой мячик.
Гарри направил метлу вниз, но Малфой уже был слишком далеко.
— Давай! Давай! Давай! — отчаянно вопил Гарри, подгоняя метлу. Он постепенно приближался к Малфою. Гарри, распластавшись на метле, уклонился от бладжера, который послал в него Боул. Его голова уже была на уровне ног летевшего параллельно ему Малфоя… вот они поравнялись…
Гарри всем телом резко наклонился вперёд, отрывая от метлы обе руки. Одной он ударил Малфоя по тянущейся к мячу руке, а другой…
— ДА!
Он вышел из пике, вскинув руку в воздух, и стадион взорвался аплодисментами и криками. Гарри взмыл над ревущими трибунами, в ушах его стоял странный звон, а в кулаке был крепко зажат крошечный золотой мячик, беспомощно хлопающий серебряными крылышками.
Вуд, из глаз которого ручьями текли слёзы, подлетел к Гарри, обхватил его за шею и разрыдался, уткнувшись ему в плечо. Подлетевшие следом Фред и Джордж с силой захлопали его по спине, а затем до Гарри донеслись вопли Анджелины, Алисии и Кэти: «Кубок наш! Кубок наш!» Сборная Гриффиндора, превратившись в многорукое и многоногое чудовище, хрипло вопя, опустилась на землю.
И тут на поле начали одна за другой накатывать алые волны болельщиков. Их кулаки, как градины, забарабанили по плечам и спинам игроков. У Гарри было такое впечатление, словно он оказался посреди бурного моря тел и вот-вот утонет в нём. А затем толпа подняла его и других игроков сборной на руки.
Гарри, взлетев над толпой и наконец оказавшись на свету, сразу увидел Хагрида, с головы до ног обвешанного алыми розетками.
— Ты разбил их, Гарри, ты их разбил! — вопил великан. — Я ещё расскажу об этом Клюву!
Потом Гарри увидел Перси Уизли, который, позабыв о своей привычной напыщенности и важности, прыгал как безумный. А профессор МакГонагалл рыдала громче, чем Вуд, вытирая лицо огромным флагом Гриффиндора. Пробившиеся к Гарри сквозь толпу Рон и Гермиона даже не нашлись что сказать и просто улыбались, глядя на него. Толпа поднесла Гарри к трибуне, на которой с гигантским Кубком в руках стоял Дамблдор.

Когда всхлипывающий капитан передал Гарри Кубок и он поднял его в воздух, он подумал, что в этот момент он мог бы создать самого лучшего в мире Патронуса.

Глава 16

Пророчество профессора Трелони

Эйфория от завоевания Кубка растянулась у Гарри на целую неделю. Казалось, ликовала даже погода — с наступлением июня дни стали жаркие и безоблачные, природа словно приглашала прогуляться по лугам или поваляться в траве, прихватив с собой пару литров ледяного тыквенного сока, сыграть партию-другую в плюй-камни или хотя бы просто наблюдать, как гигантский кальмар лениво рассекает гладь озера.

Но никто и помыслить не мог ни о чём подобном — надвигались экзамены, и, вместо того чтобы прохлаждаться в окрестностях, гриффиндорцы безвылазно сидели в замке, отчаянно пытаясь сосредоточиться на учёбе и стараясь не обращать внимание на манящие порывы летнего ветерка, залетающего в окна. Даже Фреду и Джорджу Уизли пришлось унизиться до зубрёжки — им предстояло сдавать экзамены по Суперотменному Волшебству. У Перси задача была куда серьёзнее — он готовился к сдаче ЖАБА (Жутко Академической Блестящей Аттестации). Это была самая высокая степень, получаемая в Хогвартсе. Перси собирался поступать на службу в Министерство магии, и ему требовались высшие оценки. Он становился всё раздражительней и строго наказывал тех, кто по вечерам нарушал тишину в Общей гостиной. Лишь один человек, пожалуй, выглядел ещё более озабоченным — Гермиона.

Гарри и Рон давно уже махнули рукой на расспросы, как это ей удаётся посещать несколько занятий одновременно. Но когда они увидели расписание экзаменов, составленное Гермионой для самой себя, сдержаться было уже свыше сил. Первая колонка гласила:

Понедельник

9:00 — Нумерология

9:00 — Трансфигурация

Обед

13:00 — Заклинания

13:00 — Древние руны

— Гермиона, — очень осторожно поинтересовался Рон, помня, что, отвлекая её от занятий, в последнее время легко попасться под горячую руку, — ммм… ты уверена, что правильно записала время вот здесь?

— Что? — Гермиона сердито схватила своё расписание и пробежала глазами. — Да, уверена.

— Наверное, нет смысла выяснять, как это ты собираешься быть на двух экзаменах одновременно? — спросил Гарри.

— Наверное, нет, — коротко ответила Гермиона. — Никто не видел моей «Нумерологии и грамматики»?

— Ну разумеется, это я её одолжил — почитать перед сном, — едва слышно пробормотал Рон.

В поисках книги Гермиона принялась рыться в грудах пергамента по всему столу, но тут из окна послышался шорох и влетела Букля, сжимая в клюве записку.

— Это от Хагрида, — сказал Гарри, разворачивая послание, — апелляция назначена на шестое.

— Это последний день экзаменов, — заметила Гермиона, всё ещё погружённая в поиски книги.
Гарри читал дальше:
— «Состоится здесь. Приедет кто-то из Министерства и… и палач».
Гермиона испуганно подняла глаза:
— Они везут на апелляцию палача? Но ведь это… это означает, что у них уже всё решено!
— Да, похоже, — медленно проговорил Гарри.
— Они не посмеют! — закричал Рон. — Я нашёл в пользу Хагрида такой материал! Столько убил времени! Они не имеют права просто так отмахнуться!
Но у Гарри было скверное предчувствие, что под давлением мистера Малфоя Комиссия по обезвреживанию опасных существ уже приняла решение. К Драко, поутихшему после гриффиндорского триумфа в Кубке по квиддичу, в последние дни явно вернулись прежняя наглость и апломб. По ехидным замечаниям, случайно долетевшим до Гарри, было ясно, что у Малфоя нет сомнений в предстоящей казни Клювокрыла, и он весьма доволен тем, что способствовал этому. При теперешних обстоятельствах единственное, что мог сделать Гарри — изо всех сил сдерживать себя, чтобы вслед за Гермионой не закатить ему хорошую оплеуху. Но хуже всего было то, что у друзей не было ни времени, ни возможности навестить Хагрида, поскольку драконовские меры безопасности никто не отменял, а у Гарри не хватало духа пойти и забрать мантию-невидимку из подземелья под одноглазой горбуньей.
С началом экзаменационной сессии на замок опустилась удивительная, почти неестественная тишина. В понедельник, ближе к обеду бледные и замученные третьекурсники выходили с экзамена по трансфигурации, обсуждая результаты и горько жалуясь на трудность заданий — требовалось, например, превратить фарфоровый чайник в черепаху. Сетования Гермионы из-за того, что её черепаха получилась уж очень похожей на морскую вместо обычной, вызывали только всеобщее раздражение; остальным подобные проблемы казались откровенно смехотворными.
— У моей носик от чайника так и остался вместо хвоста, вот кошмар-то…
— Кто-нибудь слышал: могут черепахи дышать паром?
— Смотрю, а на панцире синий узор от чайника. Думаете, снизят за это баллы?
Затем торопливый ленч и снова, без передышки, наверх, на экзамен по заклинаниям. Гермиона оказалась права: профессор Флитвик и в самом деле решил вынести на экзамен Веселящие чары. Гарри, разволновавшись, слегка переборщил и довёл Рона, на котором демонстрировал своё искусство, до припадков истерического хохота, так что беднягу на целый час пришлось поместить для успокоения в отдельную комнату, прежде чем он сам смог взяться за выполнение задания. После ужина студенты поспешили в Общую гостиную, но не отдыхать, а готовиться к следующим экзаменам — по уходу за магическими существами, зельям и астрономии.
Утром первым был уход за магическими существами. Лесничий пребывал в полном расстройстве чувств, его мысли были явно где-то далеко. Он принёс в класс объёмистый чан с флоббер-червями и объявил, что экзамен сдаст тот, чьи черви будут всё ещё живы к концу часа. А поскольку эти малосимпатичные существа для своего благоденствия

нуждались лишь в том, чтобы их не трогали, то экзамен получился самый лёгкий из всех, а Гарри, Рон и Гермиона наконец-то получили долгожданную возможность переговорить с Хагридом.
— Клювик что-то загрустил, — вполголоса поведал лесничий, наклонившись к Гарри словно бы затем, чтобы проверить самочувствие его червей. — Взаперти, верно, слишком долго сидит… А там… Послезавтра так или иначе решится — одно или… или уж другое.
В тот же день их ожидал и экзамен по зельям, который обернулся полным провалом. Как Гарри ни бился, он не смог сгустить Морочащую закваску, и Снегг, наблюдавший за ним с мстительным удовольствием, нацарапал в своих записях нечто, подозрительно похожее на ноль.
Затем была астрономия — тёмной ночью, на площадке самой высокой из башен. За ней в среду история магии. Писали сочинение, где Гарри спешно припоминал всё, что слышал от Флориана Фортескью о средневековой охоте на ведьм, и в душном классе ему нестерпимо хотелось мороженого с фруктами, каким Фортескью угощал его. После обеда в среду сдавали травологию — экзамен проходил в оранжереях, на солнечном пекле, и у многих обгорели шеи. И, вернувшись в Общую гостиную, все только и мечтали о блаженном часе завтрашнего дня, когда всё будет позади.
Предпоследним экзаменом — в четверг утром — была защита от тёмных искусств. Профессор Люпин устроил самое диковинное испытание, какое только можно вообразить, — полосу препятствий на пересечённой местности. Надо было перейти вброд глубокую заводь — в ней засел гриндилоу; преодолеть цепочку канав, полных красных колпаков; прошлёпать по участку болотной топи, не поддаваясь на сбивающие с пути хитрости фонарника. И в конце концов, забравшись в дупло старого дуба, сразиться с очередным боггартом.
— Превосходно, Гарри, — негромко заметил Люпин, когда мальчик, радостно улыбаясь, показался из дупла. — Высший балл.
Переполненный ощущением успеха, Гарри остался ждать Рона и Гермиону. У Рона всё шло прекрасно, пока он не добрался до фонарника, который умудрился-таки заманить его в трясину, куда Рон и провалился по пояс. Гермиона всё делала безупречно до самого дупла с боггартом. Побыв там минуту, она с визгом вылетела наружу.
— Гермиона! — поднял брови Люпин. — Что случилось?
— Там п-п-профессор МакГонагалл, — едва дыша, вымолвила та, указывая на дупло. — Она сказала, что я завалила все экзамены!
Успокоилась Гермиона не сразу. Едва она пришла в себя, друзья зашагали обратно в замок. Рона так и подмывало поострить в адрес боггарта Гермионы, но на парадной лестнице их ожидало зрелище, от которого все шутки одним махом выскочили из головы.
Там, наверху, слегка вспотевший под неизменной полосатой мантией, стоял Корнелиус Фадж собственной персоной и обозревал окружающий ландшафт. Увидев Гарри, он переступил с ноги на ногу.
— Рад приветствовать тебя, Гарри! С экзамена, как я понимаю? Уже почти всё сдали?
— Да, сэр, — ответил Гарри.

Гермиона и Рон, которым никогда ещё не доводилось беседовать с министром магии, в некотором замешательстве остановились сзади.
— Чудесный денёк, — продолжал Фадж, окидывая взглядом озеро. — Право, такая жалость, такая жалость…
Он печально вздохнул и вновь повернулся к Гарри:
— Я здесь с неприятной миссией, знаешь ли… Комиссии по обезвреживанию опасных существ требуется свидетель приведения в исполнение приговора взбесившемуся гиппогрифу. А так как я всё равно собирался в Хогвартс, проверить, как тут ситуация с Блэком, то меня попросили заодно принять участие…
— Значит, апелляция отклонена? — вмешался Рон, выходя вперёд.
— Нет-нет, рассмотрение назначено на сегодня. — Фадж с любопытством посмотрел на него.
— Так, может, вам вовсе и не придётся быть свидетелем! — с жаром воскликнул Рон. — Может, ещё гиппогрифа не казнят!
Не успел министр ответить, как из дверей замка вышли двое волшебников. Один был старец, такой древний, что, казалось, вот-вот рассыплется, второй — кряжистый верзила с тонкими чёрными усиками. Гарри сообразил, что это представители Комиссии по обезвреживанию, потому что старый волшебник, покосившись в сторону хижины Хагрида, пробормотал слабым голосом:
— Боже, боже, я слишком стар для подобных вещей… Так в два часа, я правильно понял, Фадж?
Тут только Гарри обратил внимание, что у черноусого детины заткнут за пояс жуткого вида топор с широким сверкающим лезвием — он любовно поигрывал пальцами по отполированной рукояти. Рон хотел было что-то сказать, но Гермиона чувствительно толкнула его локтем в бок и решительным кивком указала на двери замка.
— Зачем ты меня остановила? — возмущался Рон, когда они шли в Большой зал на обед. — Ты видела? Они даже топор приготовили! Какое тут, к чёрту, правосудие!
— Рон, твой отец работает в Министерстве магии. Тебе лучше в таком тоне не говорить с его начальником, — рассудительно ответила Гермиона, хотя и она была встревожена. — Если Хагрид на этот раз сохранит хладнокровие и будет ясно аргументировать свою позицию, возможно, они и не казнят Клювокрыла…
Но Гарри видел, что Гермиона и сама не очень-то верит своим словам. За обеденным столом царило радостное возбуждение: ведь сегодня последний день сессии! Но Рону, Гарри и Гермионе было не до веселья.
У Гарри с Роном последним экзаменом было прорицание, у Гермионы — изучение маглов. Они вместе поднялись по мраморным ступеням, на втором этаже Гермиона покинула друзей, а Гарри с Роном продолжили путь наверх до восьмого, где на ступеньках винтовой лестницы уже сидел почти весь класс: кто судорожно листал учебник, кто просто так вспоминал пройденное.
Рон и Гарри присели рядом с Невиллом.
— Она вызывает по одному, — понуро сообщил тот. На коленях у него лежал учебник «Как рассеять туман над будущим», открытый на странице, посвящённой магическому

кристаллу. — Ну хоть кто-нибудь видел что-то в этом хрустальном шаре? — спросил Невилл несчастным голосом.
— Ни разу, — мрачно ответил Рон, поглядывая на часы. Гарри знал, что Рон считает время, оставшееся до апелляции.
Очередь в кабинет предсказаний сокращалась медленно. Как только кто-то появлялся на серебряной лесенке, все бросались к нему и страшным шёпотом допытывались: «Сдал? Что она спрашивала?»
Но все в ответ молчали.
— Она сказала — ей поведал кристалл, — если я что-нибудь вам расскажу, со мной произойдёт ужасное несчастье! — пролепетал Невилл, сойдя вниз к Гарри и Рону, те уже приблизились к самой площадке.
— Ловко придумано! — фыркнул Рон. — Я начинаю думать, что Гермиона насчёт неё права. Старуха, — он ткнул большим пальцем в люк над головой, — просто обманщица…
— Скорее всего, — кивнул Гарри, тоже взглянув на часы: было уже два. — Хорошо бы она поторопилась…
Следующей спустилась Парвати, сияя от гордости.
— Она сказала, что у меня все задатки ясновидящей. Я столько всего увидела… Ну, желаю удачи.
И она сбежала по винтовой лестнице — внизу её ожидала Лаванда.
— Рональд Уизли! — раздался сверху знакомый глуховатый голос.
Рон состроил Гарри рожу и, поднявшись наверх, скрылся. Гарри остался один дожидаться своей участи. Он уселся на лестницу и привалился спиной к стене, слушая гудение мухи, колотящейся в залитое солнцем окно. Мысли его унеслись далеко, через луг, в избушку Хагрида.
Минут через двадцать на лестнице вновь показались сначала внушительного размера ноги Рона, а за ними и он сам во весь рост. Гарри поднялся навстречу:
— Ну как прошло?
— Полный бред. Ничего я не увидел, пришлось наплести с три короба… хотя не думаю, что она мне поверила.
— Ладно, встретимся в гостиной, — спешно сказал Гарри.
В этот миг над ними прозвучало: «Гарри Поттер!»
В кабинете наверху было очень жарко, шторы задёрнуты, в камине полыхал огонь. Гарри закашлялся, вдохнув приторно-тошнотворный запах, и пошёл к кафедре, пробираясь между столов и стульев. Профессор Трелони ожидала его, сидя перед большим хрустальным шаром.
— Здравствуйте, мой дорогой, — проворковала она. — Будьте так любезны, загляните внутрь шара… внимательно, не торопясь… и потом скажите мне, что вы там увидели.
Гарри склонился над магическим кристаллом и напряжённо уставился на него, от души желая увидеть что-нибудь кроме вращения белого тумана. Но все его старания были напрасны.
Молчание затягивалось.

— Ну что? — с деликатным нетерпением поинтересовалась профессор Трелони. — Что вы видите?
Духота становилась невыносимой, насыщенный благовониями дым из камина ел ноздри. Гарри вспомнил слова Рона и решил притвориться.
— Вижу… — начал Гарри, — что-то тёмное… М-м-м…
— На что оно похоже? — прошептала профессор Трелони. — Подумай, не спеши…
А Гарри как раз в спешке старался что-то изобрести и, конечно, подумал о Крылоклюве.
— Это гиппогриф, — уверенно заявил он.
— Вот как? — всё тем же шёпотом воскликнула профессор Трелони, с живостью делая пометки в пергаменте, лежащем у неё на коленях. — Мой мальчик, вероятно, вы видите исход конфликта между бедным Хагридом и Министерством магии! Присмотритесь внимательней… У этого гиппогрифа… у него голова на месте?
— Да, — твёрдо ответил Гарри.
— Вы уверены? — с нажимом спросила профессор Трелони. — Вы в самом деле уверены, мой дорогой? Не видите ли вы, скажем, его в судорогах на земле, а позади — мрачную фигуру с занесённым топором?
— Нет! — Гарри упрямо потряс головой, ему становилось дурно.
— И ни крови? Ни рыдающего Хагрида?
— Нет! — Гарри, как никогда, хотелось покинуть эту комнату с её духотой и пряной вонью. — Гиппогриф выглядит прекрасно, он улетает прочь…
Профессор Трелони вздохнула.
— Ну хорошо, мой дорогой, оставим это… Я немного разочарована, но уверена: вы сделали всё, что в ваших силах…
Гарри с облегчением встал, взял сумку и уже повернулся, чтобы уйти, но тут позади него прозвучал резкий, громкий голос:
— Это произойдёт сегодня ночью.
Гарри обернулся. Профессор Трелони деревянно выпрямилась в кресле, взгляд устремился неведомо куда, нижняя челюсть отпала.
— Прошу прощения? — растерялся Гарри. Но профессор Трелони не слышала его. Глаза её начали вращаться. Гарри в ужасе замер, казалось, прорицательница вот-вот забьётся в припадке. Скорее за помощью в больничное крыло! Но тут профессор Трелони снова заговорила тем же резким голосом, столь непохожим на её собственный:
— Тёмный Лорд одинок и брошен друзьями, покинут последователями. Его слуга провёл в заточении двенадцать лет. Сегодня вечером, до наступления полуночи, слуга обретёт свободу и выйдет в путь, чтобы воссоединиться с господином. С поддержкой верного слуги Тёмный Лорд воспрянет вновь, ещё более великим и ужасным, чем когда-либо доселе. Вечером… до полуночи… слуга… отправится… на воссоединение… с господином…
Профессор Трелони уронила голову на грудь и захрипела, опять встрепенулась и, очнувшись, посмотрела на Гарри.
— Ради бога, извините меня, дорогой мальчик, — сказал она, как будто ещё до конца не проснувшись, — сегодня такая жара… Я, кажется, задремала на минутку…

Но Гарри стоял как вкопанный, не сводя с неё глаз.
— Что случилось, мой дорогой?
— Вы… Вы только что сказали, что Тёмный Лорд воспрянет вновь… Что его слуга возвращается к нему…
Профессор Трелони, похоже, сильно испугалась.
— Тёмный Лорд? Тот-Кого-Нельзя-Называть? Мой дорогой, этим не шутят. «Воспрянет вновь!..» Надо же такое…
— Но вы это сказали! Сказали, что Тёмный Лорд…
— Думаю, вы тоже слегка вздремнули, мой дорогой, — прервала его профессор Трелони. — Разумеется никогда не позволила бы себе предсказать такую нелепость!
Ошеломлённый, сбитый с толку, Гарри пошёл к люку. Спускаясь по винтовой лестнице, он не переставал спрашивать себя: неужели он слышал сейчас настоящее предсказание? Неужели профессор Трелони и впрямь ясновидящая? Или просто задумала устроить эффектную концовку экзамена?
Слова пророчества всё ещё звучали у него в голове, когда минут через пять он пробежал мимо троллей-охранников ко входу в свою башню. Навстречу ему спешили на волю гриффиндорцы, они смеялись и шутили, предвкушая долгожданный отдых. Гарри, сказав Даме пароль, протиснулся в гостиную. Там, кроме Рона и Гермионы, уже никого не было.
— Профессор Трелони, — начал было Гарри, даже не переведя дыхания, — сказала мне только что…
Но, увидев их лица, осёкся на полуслове.
— Клювокрылу конец, — тихо произнёс Рон. — Смотри, что прислал Хагрид.
На сей раз послание не было залито слезами, пергамент сух, но рука лесничего тряслась так, что разобрать написанное было почти невозможно.
Проиграл апелляцию. Казнь на закате. Вы ничего не можете сделать. Не приходите. Не хочу, чтобы вы это видели.
Хагрид
— Мы обязаны пойти, — немедленно решил Гарри. — Нельзя допустить, чтобы он сидел и в одиночестве ждал палача!
— Да, но ведь на закате… — Рон уныло посмотрел в окно. — Нам ни за что не позволят… А уж про тебя, Гарри, и речи нет.
Гарри уткнул подбородок в ладони и, подумав, сказал:
— Вот если бы достать мантию-невидимку…
— А где она? — спросила Гермиона.
Гарри сказал ей где — в тоннеле под статуей одноглазой ведьмы.
— …Так что если Снегг ещё раз засечёт меня где-то поблизости, неприятностей у меня будет!.. — заключил он.
— Это точно, — согласилась Гермиона, вставая. — Но это если он засечёт тебя… А как этот горб открывается?
— Очень просто… — Гарри ещё не понимал, к чему она клонит. — Стукнешь по нему волшебной палочкой и говоришь: «Диссендиум». Но…

Гермиона не стала дожидаться конца фразы. Пересекла быстрым шагом гостиную, толкнула портрет Полной Дамы и исчезла.
— Она что, за мантией? — удивился Рон.
Да, именно так она и поступила. Спустя четверть часа Гермиона вернулась; у неё под мантией было спрятано аккуратно сложенное серебристое одеяние.
Рон был потрясён:
— Гермиона, что с тобой творится в последнее время? Ударила Малфоя, поскандалила с профессором Трелони…
Гермиона была явно польщена.
После ужина друзья не вернулись вместе со всеми в башню, а поспешили в холл. Гарри сунул плащ под мантию и шёл, прижав руки к животу чтобы прикрыть образовавшийся бугор. Троица прокралась в чулан, примыкавший к холлу, и затаилась, ожидая, когда холл опустеет. Вот донёсся звук шагов, хлопнула дверь… Гермиона осторожно выглянула.
— Порядок, — шепнула она. — Никого. Надеваем мантию…
Тесно прижавшись друг к другу — не дай бог, кто увидит летящую в воздухе руку или ногу, — они миновали холл и по каменным ступеням спустились на лужайку. Солнце уже коснулось Запретного леса, позолотив верхушки деревьев.
Добравшись до хижины, друзья постучали в дверь. Хагрид откликнулся не сразу. Наконец дверь отворилась, на порог вышел бледный и дрожащий лесничий и огляделся вокруг в поисках гостя.
— Это мы, — чуть слышно произнёс Гарри, — под мантией-невидимкой. Впусти нас скорее, мы её снимем…
— Эх, не след бы вам приходить, — вздохнул великан, но всё же посторонился, и они оказались внутри. Хагрид тут же захлопнул дверь, и Гарри сбросил мантию.
Хагрид не рыдал, не бросился друзьям на шею, он просто выглядел совершенно потерянным, не знал, что делать, что говорить. Смотреть на его беспомощность было во сто крат тяжелее, чем на потоки слёз.
— Может, это… чаю хотите? — предложил он, но его громадные ручищи дрожали, и он никак не мог совладать с чайником.
— А где Клювокрыл? — нерешительно спросила Гермиона.
— Я… я вывел его в огород, — пробормотал Хагрид. Наливая в кувшин молоко, он половину пролил на стол: — Привязал его… там, на тыквенной грядке. Пусть он… это… в общем… посмотрит на деревья, вдохнёт свежий воздух… перед тем, как…
Тут руки Хагрида затряслись так отчаянно, что кувшин выскользнул и осколки разлетелись по всему полу.
— Я сейчас всё уберу, Хагрид. — Гермиона бросилась наводить порядок.
— Там, в шкафу, ещё один есть. — Хагрид тяжело опустился на скамью, вытирая со лба рукавом пот.
Гарри взглянул на Рона, в ответном взгляде не было никакой надежды. Гарри сел рядом с Хагридом.
— Неужели никто ничего не может сделать? — Голос Гарри сорвался в крик. — А Дамблдор…

— Он пытался, — ответил Хагрид. — Но против Комиссии нет… это… их ему не пересилить. Он сказал им: Клювик не взбесился, но их там застращал этот… как его… А этот палач… как его… Макнейр… они с Малфоем… старые дружки… Но вроде всё будет быстро… и сразу начисто… И я буду рядом…
Хагрид шумно сглотнул. Он обвёл взглядом хижину, как будто искал хотя бы лучик надежды или утешения.
— Дамблдор хочет сам прийти… ну, то есть присутствовать на этом… этой… прислал сегодня утром письмо. Говорит, хочет быть со мной… в это время… Великий человек…
Гермиона, которая всё ещё искала в шкафу другой кувшин, сдавленно всхлипнула.
— Мы тоже останемся с тобой, Хагрид, — заговорила она, вернувшись к столу с найденным кувшином.
— Нет, — затряс лесничий косматой головой. — Вы вернётесь в замок. Я же… это… сказал: не надо вам видеть. Чтобы и духу вашего не было, потому ежели… ну, Фадж и Дамблдор вас застукают, тем более без разрешения — это для Гарри совсем пропащее дело.
Гермиона разлила чай, пряча от Хагрида бегущие по лицу слёзы. Взяв бутыль с молоком, чтобы плеснуть в кувшин, она неожиданно вскрикнула:
— Рон! Гляди! Это Короста!
— Что, что? — Рон непонимающе посмотрел на неё.
Гермиона поднесла кувшин к столу, перевернула. Оттуда с возмущённым писком, из последних сил цепляясь за гладкий фарфор, вывалилась старина Короста.
— Короста… — растерянно произнёс Рон. — Короста, что ты здесь делаешь?
Он схватил сопротивляющуюся крысу и вынес её на свет. Выглядела она ужасно — ещё больше исхудала, шерсть лезла клочьями, оставляя обширные плеши; в руках Рона она яростно извивалась, стараясь вырваться на свободу.
— Всё в порядке, Коросточка, — уговаривал её Рон. — Тут нет кошек. Никто тебя не тронет!
Хагрид внезапно вскочил, глаза устремились к окну. Его обычно багрово-красное лицо сделалось пергаментно-бледного цвета.
— Идут…
Гарри, Рон и Гермиона разом обернулись. Вдалеке по лестнице замка спускались несколько человек. Впереди шёл Альбус Дамблдор, его серебряная борода сверкала в лучах заходящего солнца. Рядом семенил Корнелиус Фадж, за ними браво вышагивал палач Макнейр, позади всех тащился дряхлый представитель Комиссии по обезвреживанию.
— Уходите скорее, — сказал Хагрид. У него, казалось, дрожала каждая жилка. — Не должны они вас тут видеть… идите… сей же миг…
Рон затолкал Коросту в карман, а Гермиона схватила мантию.
Хагрид тяжко вздохнул:
— Я вас выведу через чёрный ход…
Все пошли к двери, выходящей в огород позади дома. Гарри испытывал странное чувство нереальности происходящего, которое возросло ещё больше, когда в нескольких ярдах от себя он увидел Клювокрыла, привязанного к дереву за грядкой с тыквами. Гиппогриф, казалось, догадывался, что творится неладное: он поводил из стороны в сторону массивным клювом и беспокойно рыл землю когтями.

— Всё в порядке, Клювик, всё в порядке, — ласково обратился к нему Хагрид, потом повернулся к друзьям: — Торопитесь, скорее…
Но они были не в силах сдвинуться с места.
— Мы не уйдём…
— Мы им расскажем, как всё было на самом деле…
— Они не посмеют убить его…
— Идите! — взревел Хагрид. — Хватает бед и без ваших неприятностей!
Выбора не оставалось. Едва Гермиона накинула мантию на Гарри с Роном, у двери хижины послышались голоса. Хагрид взглянул на пустое место, где они только что исчезли из глаз.
— Бегите быстрее, — севшим голосом велел он. — Не слушайте…
И зашагал обратно в дом — в дверь уже стучали.
Медленно, словно в дурном сне, друзья побрели вокруг избушки Хагрида, и только они обогнули хижину, передняя дверь с треском захлопнулась.
— Пожалуйста, пойдёмте скорее, — прошептала Гермиона. — Я этого не выдержу, не смогу…
Пошли к замку вверх по склону лужайки; солнце быстро опускалось, всё небо окрасилось в бледно-пурпурный цвет, но на западе ещё пылал рубиново-красный отсвет.
Рон остановился, как будто налетел на столб.
— Пожалуйста, Рон, — взмолилась Гермиона.
— Это Короста… Вырывается… Да сиди же ты…
Рон скрючился, стараясь удержать Коросту в кармане, но крыса словно обезумела — дико пища, она крутилась, билась, пытаясь укусить Рона за руки.
— Короста, это же я, Рон, дура ты эдакая, — ругал крысу мальчик.
Со стороны хижины донёсся звук открывшейся двери и голоса людей…
— Рон, пожалуйста, идём, они уже вот-вот… — задыхаясь, просила Гермиона.
— Да, да, сейчас… Короста, сидеть!
Вся троица бросилась бежать. Только бы не слышать голосов за спиной. Но Рон опять остановился.
— Не могу справиться! Заткнись, Короста, нас могут услышать!
Крыса визжала так, словно её резали, но всё же звуков в огороде Хагрида она, конечно, не могла заглушить. Сначала мешанина мужских голосов, затем тишина, и вдруг неожиданно — то, что ни с чем не спутаешь — короткий свист и глухой удар топора.
Гермиона пошатнулась.
— Не… не может быть! — почти беззвучно выдохнула она. — Как они посмели…

Глава 17

Крыса, Кот и Пёс

Шок был настолько силён, что Гарри на минуту показалось, будто рассудок покидает его; всех троих ужас пригвоздил к месту, и они оцепенели, стоя под мантией. Последние лучи заходящего солнца заливали землю кровавым светом, в полях залегли длинные чёрные тени. Внезапно до их слуха долетел дикий вой.

— Это Хагрид. — прошептал Гарри. Не раздумывая над тем, что делает, он повернул назад, но Рон с Гермионой схватили его за руки.

— Нельзя! — Рон был белее бумаги. — Ещё хуже ему сделаем, если узнают, что мы с ним виделись…

На Гермионе тоже лица не было.

— Как… они… могли? — ловя воздух ртом, спрашивала она. — Как они могли?

— Пойдём, — сказал Рон. Зубы у него стучали. Они снова побрели к замку, стараясь двигаться как можно осторожнее. Быстро смеркалось, и к тому времени, когда друзья вышли на лужайку, свой плащ-невидимку на них набросила темнота.

— Короста, сиди спокойно, — приговаривал Рон вполголоса, придерживая нагрудный карман, — крыса неистово рвалась на волю. Рону пришлось ещё раз остановиться, чтобы запихнуть её поглубже. — Что с тобой, дурацкое ты животное? Сиди тихо! Ой! Она укусила меня!

— Рон, тише, — шикнула на него Гермиона. — Через минуту здесь будет Фадж…

— Ну не хочет она… сидеть в кармане…

Короста явно обезумела от страха. Она как бешеная рвалась из рук Рона.

— Да что с тобой?

И тут Гарри увидел: припадая к траве и зловеще мерцая во мраке жёлтыми глазами, к ним крался Живоглот. Как он здесь оказался? Учуял ли он их, услыхал ли писк Коросты, или каким-то образом увидел — этого Гарри сказать не мог.

— Глотик! — ужаснулась Гермиона. — Брысь! Пошёл прочь!

Но кот был уже совсем рядом.

— Короста! Стой!

Поздно! Крыса вывернулась из стиснутых пальцев Рона, соскочила на землю и припустила во весь дух. Великолепным прыжком Живоглот бросился за ней, и в тот же миг Рон, забыв о мантии-невидимке, тоже ринулся во тьму.

Гарри с Гермионой переглянулись и со всех ног помчались следом. Но, закутавшись в одну мантию, далеко не убежишь — друзья скинули её, и она теперь вилась за спиной как знамя. Впереди слышались топот Рона и его крики:

— Живоглот, пшёл отсюда! Короста, ко мне!

Возгласы сменил глухой звук падения.

— Коросточка! Брысь, чёртов кот!

Гарри и Гермиона едва не перелетели через Рона, затормозив перед самым его носом. Парень растянулся на земле, но крыса вновь была у него в кармане, и Рон обеими руками прижимал к себе съёжившийся дрожащий комок.

— Рон, скорее лезь под мантию… — Гермиона тяжело дышала. — Дамблдор… Министр… Они через минуту возвращаются…
Но не успели друзья укрыться мантией, едва перевели дух, как послышались тяжёлые шаги огромных мягких лап. Прямо на них из темноты скакал гигантский угольно-чёрный пёс со светящимися белёсыми глазами.
Гарри сунул руку под мантию за волшебной палочкой, но опоздал. Сделав прыжок, пёс передними лапами ударил его в грудь, Гарри опрокинулся навзничь, ощутив лицом волну густой длинной шерсти и горячее дыхание зверя, перед глазами сверкнули дюймовые клыки.
Толчок оказался столь сильный, что пёс перекатился через Гарри. Несмотря на головокружение и боль в боку (неужели сломал рёбра?), Гарри попытался встать; зверь рычал где-то совсем рядом, готовясь к новому нападению. Но Рон был уже на ногах и готов к бою. Пёс снова ринулся на них, Рон изо всех сил оттолкнул друга в сторону, и страшные челюсти, миновав Гарри, сомкнулись на вытянутой руке Уизли. Гарри бросился на зверя и обеими руками вцепился в мохнатую шкуру, но чудище стряхнуло его и унесло Рона с такой лёгкостью, словно тот был тряпичной куклой.
Невесть откуда на Гарри обрушился ещё один удар, на сей раз по лицу, и он опять упал. Где-то рядом Гермиона взвизгнула от боли и, кажется, тоже упала. Отерев кровь, попавшую в глаза, Гарри нащупал наконец волшебную палочку.
— Люмос!
Огонь на конце палочки высветил из темноты корявый ствол дерева — погоня за Коростой привела их прямо под сень Гремучей ивы, и её ветви, скрипя, словно под сильным ветром, хлестали во все стороны.
И там, у основания бугристого ствола, Гарри увидел чёрного пса; тот затаскивал Рона в широкий подземный провал меж корней. Рон отчаянно сопротивлялся, но его голова и полтуловища уже сползли в дыру.
— Рон! — закричал Гарри, кидаясь на подмогу, но здоровенная ветвь беспощадно просвистела в воздухе, и его опять отшвырнуло назад.
Теперь на поверхности осталась только нога Рона, которой он зацепился за корень, сопротивляясь собаке, тащившей его в подземелье; словно выстрел, прозвучал жуткий треск — нога сломалась и в ту же секунду пропала из виду.
— Гарри! — воскликнула Гермиона. Мантия её была в крови — ива рассекла ей плечо. — Бежим за помощью!
— Нет! Эта огромная тварь может сожрать Рона, помощь не поспеет!
— Нам одним туда не пробраться…
Свистнула ещё одна плеть, стараясь достать их, — тонкие ветви сплелись в узловатый кнут.
— Если смог пёс, сможем и мы, — пропыхтел Гарри, забегая то с одной, то с другой стороны, ища путь между злобных, полосующих воздух веток, но не мог приблизиться к корням ни на шаг.
— На помощь, на помощь, — отчаянно шептала Гермиона, переступая с ноги на ногу. — Хоть кто-нибудь…

Откликнулся, как ни странно, Живоглот. Он по-змеиному скользнул между свирепых ветвей и передними лапами упёрся в какой-то нарост на стволе Ивы.
И дерево, будто окаменев, замерло — не шевелился ни один листик.
— Глотик! — ошарашено воскликнула Гермиона, до боли сжав руку Гарри. — Как он мог это знать?
— Они с той собачкой друзья, — буркнул Гарри. — Я видел их вместе. Идём. Держи наготове волшебную палочку.
В считанные секунды они были у ствола Ивы.
Живоглот первый нырнул внутрь, призывно махнув распушённым по-лисьи хвостом. Гарри поспешил за ним — пролез в нору головой вперёд и по земляному накату соскользнул на пол низкого тоннеля. Глотик поджидал неподалёку, его глаза сверкали в свете волшебной палочки Гарри. Ещё мгновение — и рядом приземлилась Гермиона.
— Где Рон? — испуганно прошептала она.
— Вперёд! — позвал Гарри и, пригнувшись, бросился вслед за Живоглотом.
— Куда ведёт этот тоннель? — чуть слышно спросила Гермиона.
— Не знаю… Он отмечен на Карте Мародёров, но Фред с Джорджем говорили, что им никто никогда не пользовался. Он ведёт за пределы Карты, но кончается, скорее всего, в Хогсмиде…
Они очень спешили, хотя двигаться пришлось чуть не на четвереньках. Впереди маячил пушистый хвост Живоглота, то исчезая, то вновь появляясь. Подземный ход всё не кончался, и, казалось, он был ничуть не короче коридора, ведущего в «Сладкое королевство». Но Гарри не мог думать ни о чём, кроме Рона, и того, что исполинский пёс может с ним сделать. Идти, сложившись вдвое, было тяжело, друзья начали задыхаться и каждый вдох отзывался болью.
Но вот тоннель пошёл вверх, затем свернул, и Живоглот куда-то исчез. Сбоку Гарри увидел слабый свет, падающий из какой-то дыры. Они с Гермионой на мгновение замерли, переведя дух, подошли к ней, подняли волшебные палочки и заглянули внутрь.
С той стороны оказалась комната — пыльная и разорённая. Обои клочьями свисали со стен, весь пол в грязи, мебель сломана, словно кто-то её крушил, окна заколочены досками. Гарри взглянул на Гермиону, вид у неё был изрядно напуганный, но она согласно кивнула. Гарри протиснулся в проём и огляделся. Комната была пуста, но справа виднелась открытая дверь, ведущая в полутёмный коридор. Гермиона снова сжала руку Гарри, её широко открытые глаза пробежали по забитым окнам.
— Гарри, по-моему мы в Визжащей хижине.
Гарри тоже огляделся, рядом стояло разбитое деревянное кресло на трёх ножках и с выломанными подлокотниками. Гарри с сомнением покачал головой:
— Это не привидения натворили.
Над головами у них послышался какой-то скрип — на втором этаже явно что-то происходило. Друзья уставились в потолок, Гермиона с такой силой ухватилась за руку Гарри, что у него онемели пальцы. Обернувшись к ней, Гарри вопросительно поднял брови — Гермиона, соглашаясь, кивнула ещё раз.

Тихо вышли в прихожую и начали подниматься по шаткой лестнице. Всё вокруг покрывал толстый слой пыли, но на полу виднелась широкая чистая полоса: видно, что-то тащили наверх, и совсем недавно.
Поднялись на тёмную площадку.
— Нокс,
Твёрдой рукой выставив перед собой волшебную палочку, Гарри ударом ноги широко распахнул дверь. На великолепной кровати с пыльным пологом на четырёх столбах возлежал Живоглот. Увидев вошедших, он опять громко заурчал. А рядом с кроватью на полу, обхватив ладонями ногу, вывернутую под неестественным углом, сидел Рон.
Гарри и Гермиона бросились к нему.
— Рон, как ты?
— А где пёс?
— Это вообще не пёс, Гарри, — выдохнул Рон, скрипя зубами от боли. — Это ловушка…
— Что?
— Это он… Анимаг…
Взгляд Рона был устремлён поверх плеча друга. Гарри круто обернулся. Какой-то человек, скрытый тенью, громко захлопнул дверь в комнату.
Грива спутанных грязных волос свисала ниже плеч; не будь глаз, горевших в глубоких глазницах, его можно было бы принять за мертвеца — воскового цвета кожа так туго обтягивала кости лица, что оно походило на череп, жёлтые зубы оскалились в усмешке. Это был Сириус Блэк.
— Экспеллиармус!
Палочки Гарри и Гермионы вырвались из рук и, взмыв в воздух, оказались у Блэка. Не сводя глаз с Гарри, он подошёл ближе.
— Я так и знал, что ты придёшь помочь другу. — Голос Блэка звучал неровно, надтреснуто, как будто он давно разучился говорить. — Твой отец сделал бы то же самое для меня… Храбрый ты парень, не побежал за преподавателями… Прими мою признательность… это всё упрощает…
Издевательское упоминание об отце обожгло Гарри точно калёным железом. В душе поднялась кипящая ненависть, не оставившая места страху; впервые в жизни он захотел взять в руку волшебную палочку не для того, чтобы защититься, а чтобы напасть и убить. Не размышляя, Гарри рванулся вперёд, но его тут же оттащили две пары рук.
— Не надо, Гарри, — заплетающимся от ужаса языком прошептала Гермиона.
Рон же, поднявшийся на ноги несмотря на боль, повернулся к Блэку.
— Если ты хочешь убить Гарри, тебе придётся убить и нас вместе с ним! — яростно крикнул он, побледнел ещё больше и от слабости его шатнуло в сторону.
Что-то вспыхнуло в тёмных глазах Блэка.
— Ты лучше ляг, — спокойно сказал он. — А то ещё больше повредишь ногу.
— Ты слышал? — спросил Рон нетвёрдым голосом. С силой вцепившись в плечо Гарри, он как-то сумел удержаться на ногах. — Тебе придётся убить всех троих!
Усмешка Блэка стала шире.

— Только один умрёт этой ночью…
— Это почему же? — Гарри рванулся из рук Рона и Гермионы. — В прошлый раз тебя такие мелочи не волновали! Сколько ты тогда убил маглов, охотясь за Петтигрю? Что, подобрел в Азкабане?
— Гарри! — всхлипнула Гермиона. — Остановись!
— Он убил моих родителей! — Гарри бешеным усилием освободился от хватки приятелей и кинулся на Блэка.
Он забыл о магии, забыл, что мал ростом, хрупок, что ему всего тринадцать, тогда как Блэк — высокий взрослый мужчина. Единственное, что он сознавал — он хочет причинить Блэку боль, какую только сможет, и ему в этот миг было всё равно, какой силы удар он получит в ответ.
То ли ошеломлённый нелепостью атаки, то ли ещё по какой причине, но Блэк не воспользовался волшебной палочкой. Одной рукой Гарри крепко схватил высохшее запястье Блэка, стараясь его обезоружить, а вторая рука, сжатая в кулак, врезалась костяшками во вражескую скулу и они оба отлетели к стене.
Гермиона пронзительно завизжала, Рон испустил боевой клич. Полыхнула ослепительная вспышка — из волшебных палочек в руке Блэка хлестнула огненная струя, прошедшая в каком-то дюйме от лица Гарри. Мальчик чувствовал, как жилистая рука выворачивается из его пальцев, но держался из последних сил, другой рукой люто молотя Блэка по всему, до чего мог достать.
Но тут Блэк дотянулся до горла Гарри.
— Ну уж нет, — прошипел он. — Слишком долго я ждал…
Костлявые пальцы сжимались, Гарри задыхался, очки съехали набок. Краем глаза он увидел, как где-то рядом мелькнула нога Гермионы, и Блэк неожиданно отпустил его, вскрикнув от боли; Рон повис на руке Блэка, в которой были волшебные палочки, и Гарри услышал, как что-то стукнуло.
Напрягшись, он высвободился из клубка сцепившихся тел и вдруг увидел свою волшебную палочку, откатившуюся далеко в угол. Он кинулся за ней, но…
— Мяу!
В битву вступил Живоглот — все когти его передних лап глубоко впились в руку Гарри. Мальчик отшвырнул его, а кот сейчас же бросился к волшебной палочке.
— Брысь! — Гарри замахнулся пнуть Живоглота, но тот, возмущённо фыркнув, успел отпрянуть в сторону. Гарри схватил палочку и повернулся. — Отойдите! — скомандовал он Рону и Гермионе.
Им повторять дважды не требовалось. Гермиона, с кровоточащей губой, отдуваясь, отбежала прочь, не забыв, однако, по пути схватить свою и Рона палочки. Рон дополз до необъятной кровати и повалился на неё, придерживая сломанную ногу, — его лицо из просто бледного стало каким-то зеленоватым.
Блэк полулежал, прислонясь спиной к стене, его впалая грудь часто вздымалась и опускалась, глаза неотрывно следили за Гарри, который медленно подошёл к нему и направил волшебную палочку Блэку прямо в сердце.

— Что, Гарри, собираешься убить меня? — прохрипел тот.
Гарри остановился над врагом, палочка смотрела Блэку в грудь. Вокруг левого глаза беглеца расплывался багровый кровоподтёк, из носа текла кровь.
— Ты убил моих родителей. — Голос Гарри чуть дрожал, но рука с волшебной палочкой оставалась твёрдой.
Блэк смотрел на него запавшими глазами.
— Я и не отрицаю, — почти шёпотом сказал он. — Но если бы ты знал всю историю с начала до конца…
— Всю историю? — Ярость стучала у Гарри в висках. — Ты продал их Волан-де-Морту — вот всё, что мне нужно знать!
— Тебе придётся выслушать меня. — Голос Блэка зазвучал настойчивее. — Ты пожалеешь, если не… если не узнаешь…
— Я знаю гораздо больше, чем ты думаешь, — ответил Гарри, и его голос дрожал всё сильнее. — Ты ведь никогда не слышал, что она тогда кричала? Моя мама… Волан-де-Морт хотел убить меня… А она пыталась его остановить… Ты виноват во всём… И всё из-за тебя…
В этот самый миг мимо Гарри метнулась рыжая молния, Живоглот прыгнул на Блэка и распластался у него на груди, заслонив его. Блэк моргнул, скосил на него глаза.
— Уйди, — буркнул он, стараясь отцепить кота.
Но кот крепко вцепился когтями в мантию Блэка. Повернув к Гарри странную курносую морду, он уставился на него жёлтыми глазищами. Глядя на кота, Гермиона судорожно вздохнула.
Пальцы Гарри сильнее сдавили палочку. Что же, теперь убить заодно и кота? Он явно в сговоре с Блэком… Готов умереть, защищая его. Но Гарри какое дело до этого… Блэк хочет спасти кота, этот друг значит для него больше, чем родители Гарри…
Гарри поднял палочку. Надо действовать. Пробил наконец час отмщения. Он убьёт Блэка. Должен убить. Ему выпал редкий случай…
Секунды тянулись медленно. Гарри стоял с нацеленной палочкой, Блэк всё смотрел на него, Живоглот прижимался к груди беглого узника. На кровати гневно сопел Рон, Гермиона затаила дыхание.
Вдруг внизу послышались шаги, там явно кто-то ходил.
— Мы здесь! — неожиданно крикнула Гермиона. — Здесь, наверху! С нами Сириус Блэк! Скорее!
Блэк испуганно дёрнулся, так что Живоглот едва удержался. Гарри крепче стиснул палочку. «Немедленно убей!» — загремело у него в мозгу, но на лестнице уже звучали шаги, а он всё стоял, не в силах шевельнуться.
Дверь с грохотом распахнулась, Гарри стремительно обернулся. В потоке красных искр в комнату ворвался профессор Люпин — в лице ни кровинки, в поднятой руке волшебная палочка. Его горящий взгляд скользнул от Рона, лежавшего на кровати, к Гермионе, прижавшейся к стене, от неё — к Гарри, который замер с палочкой над Блэком, и остановился на самом Блэке, поверженном и окровавленном у ног Гарри.

— Экспеллиармус!
Гарри остался стоять на месте, испытывая внезапно подступившую опустошённость. Он не убил. Блэка теперь опять отдадут в руки дементоров.
Профессор Люпин заговорил необычным взволнованным голосом:
— Где он, Сириус?
Гарри поднял глаза на Люпина: что тот говорит? О ком? Мальчик снова посмотрел на Блэка. Лицо узника решительно ничего не выражало, минуту он лежал не шелохнувшись, потом очень медленно поднял руку и указал на Рона. Гарри озадаченно оглядел пространство справа и слева от приятеля, который был тоже явно сбит с толку.
— Но тогда… — Люпин глядел на Блэка так пристально, словно пытался прочитать его мысли. — Почему он до сих пор не открыл себя? Разве что… — Глаза Люпина расширились, как будто он увидел позади Блэка нечто такое, чего не видел никто другой. — Разве что это был он… Он, а не ты?.. Но ты не успел мне это сказать.
Блэк, не сводя с Люпина немигающего взгляда исподлобья, чуть приметно кивнул.
— Профессор Люпин, — не вытерпел Гарри, — что здесь…
Закончить вопрос ему не удалось, он увидел такое, от чего слова застряли у него в горле. Опустив волшебную палочку, Люпин подошёл к Блэку взял за руку и помог встать — Живоглот при этом слетел на пол, — после чего по-братски обнял Блэка.
У Гарри возникло ощущение, что его желудок куда-то провалился.
— Не может быть! — ахнула Гермиона.
Люпин отпустил Блэка и повернулся к ней. Гермиона вскочила, устремив на Люпина дикий взгляд
— Вы… вы…
— Гермиона…
— Вы с ним…
— Гермиона, успокойся…
— Я никому ничего не говорила! — взорвалась Гермиона. — Я скрывала правду ради вас!
— Гермиона, пожалуйста, выслушай меня! — гаркнул Люпин. — Я всё сейчас объясню…
Гарри заколотила дрожь, но уже не от страха, а от злости.
— Я верил вам! — от волнения у него срывался голос. — А вы всё это время были его другом!
— Это не так! — возразил Люпин. — Я не был ему другом двенадцать лет… Но теперь стал им снова… Дай мне объяснить…
— Не верь ему! — надрывалась Гермиона. — Не верь, Гарри. Это он помогает Блэку проникать в замок, он тоже хочет тебя убить. Он оборотень!
Наступила звенящая тишина. Теперь все взоры были прикованы к Люпину. А он оставался на удивление спокоен, хотя и побледнел.
— Не всё меряется обычной меркой, Гермиона. Ты угадала из трёх раз всего один. Я не помогал Сириусу проникнуть в замок и, уж конечно, не желаю Гарри смерти… — Непривычная судорога пробежала по его лицу. — Но не буду спорить — я действительно оборотень.

Рон предпринял ещё одну героическую попытку подняться, но, застонав, тут же повалился обратно. Люпин с тревогой поспешил к нему, но тот лишь с отвращением отпрянул: «Отойди от меня, оборотень!»
Лицо Люпина окаменело. С видимым усилием он повернулся к Гермионе и спросил:
— Давно ты узнала?
— Давно, — нехотя призналась та. — Когда писала реферат для профессора Снегга.
— Он будет в восторге, — холодно заметил Люпин. — Снегг и затеял этот реферат, потому что надеялся, кто-нибудь да сообразит, что означают симптомы моей болезни… Ты, наверное, проследила по лунному календарю, что я заболеваю всегда в полнолуние? Или обратила внимание на то, что, увидев меня, боггарт превращался в луну?
— И то и другое, — ответила Гермиона. Люпин невесело засмеялся.
— Для своих лет ты исключительно умная колдунья.
— Вовсе я не умная, — гневно отозвалась та. — Была бы поумнее, я бы давно всем рассказала, кто вы такой!
— Да все и так знают. По крайней мере, преподаватели.
— Дамблдор пригласил вас преподавать, зная, что вы оборотень? — Рон задохнулся от изумления. — Он что, с ума сошёл?
— Многие именно так и думают, — кивнул Люпин. — Как только он ни убеждал преподавателей, что я не опасен!
— На этот раз он ошибся! — не выдержал Гарри. — Вы всё время помогали ему! — Он указал на Блэка.
Тот подошёл к кровати и сел, закрыв лицо трясущимися руками. Живоглот вспрыгнул на постель рядом и, мурлыча, уселся беглецу на колени. Рон, придерживая ногу, отодвинулся.
— Я не помогал Сириусу, — повторил Люпин. — И если вы дадите наконец мне возможность, я вам всё объясню.
Определив, какая палочка кому принадлежит, он одну за другой бросил их хозяевам. Гарри растерянно поймал свою.
— Ну вот. — Люпин засунул собственную палочку за пояс. — Вы вооружены, мы — нет. Теперь вы готовы слушать?
Гарри не знал, что и думать. Может быть, это военная хитрость?
— Если вы не помогаете ему, как вы узнали, что он здесь? — спросил он, с ненавистью глядя на Блэка.
— Помогла Карта, — ответил Люпин. — Карта Мародёров. Я проследил по ней у себя в кабинете…
— Вы знаете, как она действует? — усомнился Гарри.
— Разумеется, знаю. — Люпин нетерпеливо взмахнул рукой. — Я ведь принимал участие в её создании. Лунатик — это я. Меня так называли друзья ещё в школе.
— Значит, это вы её создатель…
— Сейчас важно другое. Я весь вечер не отрывал от неё глаз, поскольку догадывался, что вы трое непременно попытаетесь тайком выбраться из замка и навестить Хагрида до казни гиппогрифа. И я оказался прав, не так ли?

Он прошёлся по комнате взад и вперёд, поднимая пыль и поглядывая на друзей.
— Скорее всего, вы укрылись старой мантией твоего отца, Гарри…
— Откуда вы знаете про мантию?
— Я много раз видел, как Джеймс исчезал с её помощью. Фокус в том, что даже если вы скрыты мантией-невидимкой, на Карте Мародёров вас всё равно видно. Я видел, как вы пересекли поле и вошли в хижину Хагрида. Через двадцать минут вы оттуда ушли и отправились обратно в замок. Но теперь с вами был ещё кое-кто.
— Никого больше не было! — возразил Гарри.
— Я не поверил своим глазам, — по-прежнему меряя комнату шагами и не обращая внимания на слова Гарри, продолжал Люпин. — Решил, что в Карте, должно быть, произошёл какой-то сбой. Как он мог оказаться с вами?
— Да не было с нами никого!
— И тут я заметил ещё одну точку. Она быстро приближалась к вам и была помечена именем Сириуса Блэка… Я видел, как вы столкнулись, наблюдал, как он затащил двоих под Гремучую иву…
— Одного из нас! — мрачно поправил его Рон.
— Нет, Рон. Двоих.
Люпин вдруг остановился, устремив взгляд на Рона.
— Не возражаешь, если я взгляну на твою крысу? — спросил он ровным голосом.
— Что? — на секунду Рон даже забыл о больной ноге. — При чём тут Короста?
— Очень даже при чём, — уверил его Люпин. — Пожалуйста, дай мне её.
Поколебавшись, Рон сунул руку под мантию, и на свет показалась Короста — она дико металась, и мальчику пришлось крепко ухватить её за длинный лысый хвост. Живоглот на коленях у Блэка вскочил и протяжно мяукнул.
Люпин подошёл к Рону. Казалось, он даже задержал дыхание — так внимательно рассматривал крысу.
— Ну что? — ещё раз спросил Рон. Он с трудом удерживал её, и ему было явно не по себе. — При чём здесь моя крыса?
— Это не крыса, — процедил сквозь зубы Сириус Блэк.
— Что вы такое говорите? Конечно, крыса.
— Нет, не крыса, — негромко подтвердил Люпин. — Ты держишь за хвост волшебника.
— По имени Питер Петтигрю, — добавил Блэк. — Он анимаг.

Глава 18

Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост

До друзей не сразу дошла вся абсурдность этого заявления. Минуты две все молчали. Наконец Рон произнёс вслух то, о чём Гарри только подумал:

— Вы оба просто сошли с ума.

— Ерунда! — упавшим голосом вымолвила Гермиона.

— Питера Петтигрю нет в живых! — сказал Гарри. — Он убил его двенадцать лет назад.

Лицо бывшего узника исказила гримаса.

— Я действительно хотел убить, — зарычал он, скаля жёлтые зубы. — Да малыш Питер оказался хитрее меня… Но на этот раз у него ничего не выйдет.

И Блэк кинулся на крысу. Живоглот очутился на полу, а Рон заорал не своим голосом; беглец придавил ему сломанную ногу.

— Сириус, осторожней! — Люпин метнулся вперёд и оттащил Блэка от Рона. — Подожди! Так просто нельзя с этим покончить. Надо им объяснить, пусть они знают!

— Потом объясним! — хрипел Блэк, оттолкнув Люпина. Скрюченные пальцы когтили воздух, стараясь дотянуться до крысы, а та извивалась и визжала не хуже поросёнка, царапая Рону лицо и шею.

— У них… есть… право… знать… правду! — Люпин уже задыхался, повиснув на Блэке. — Рон считает его домашним зверьком! Во всей этой истории много такого, чего даже я не понимаю! А Гарри? Ты обязан рассказать Гарри, как всё было на самом деле, Сириус!

Блэк утихомирился, но его ввалившиеся глаза неотступно следили за крысой, которая сжалась в комок под защитой искусанных, исцарапанных и окровавленных рук Рона.

— Ладно, согласен, начинай ты. Рассказывай, что хочешь. Но только побыстрее, Римус. Я хочу немедля покончить с убийцей, из-за которого столько лет провёл в Азкабане.

— Вы просто психи, вы оба. — Рон очумело потряс головой и оглянулся за поддержкой к Гарри и Гермионе. — С меня хватит, я в вашу игру не играю.

Он попробовал подняться, опираясь на здоровую ногу, но Люпин вновь достал волшебную палочку и направил её на Коросту.

— Тебе придётся выслушать меня до конца, Рон. И пока будешь слушать, держи покрепче Питера.

— Он не Питер, он моя Короста! — завопил Рон.

Он попытался сунуть крысу в карман, но не тут-то было: крыса сражалась так отчаянно, что Рон свалился бы с кровати, если бы Гарри не подхватил его.

— Многие видели, как Петтигрю погиб, — сказал он, повернувшись к Люпину. — Была целая улица свидетелей…

— Да ничего они не видели! Они только думают, что видели… — снова разъярился Блэк, мрачно наблюдавший, как крыса отбивается от Рона.

— Действительно, все были уверены, что Сириус убил Питера, — кивнул Люпин. — Я и сам так думал до этого вечера. Открыла мне глаза Карта Мародёров. Она никогда не лжёт. Питер жив. Рон держит его в руках.

Гарри с Роном переглянулись и тут же пришли к молчаливому согласию: Блэк и Люпин не в своём уме. В том, что они тут мелют, нет никакого смысла. Как это крыса может быть

Питером Петтигрю? Допустим, после Азкабана Блэк рехнулся, но почему Люпин поддерживает его в этом безумии?
И тут вмешалась Гермиона, голос её дрожал, но она говорила спокойно, взывая к благоразумию Люпина.
— Но профессор Люпин… Короста никак не может быть Петтигрю… Вы же понимаете, это совершенно невозможно…
— Почему невозможно? — мирно спросил Люпин, как будто они в классе и Гермиона столкнулась с какой-то сложностью в работе с Гриндилоу.
— Потому что… если бы Питер Петтигрю был анимагом, это знали бы все. Мы занимались анимагами у профессора МакГонагалл, и я много читала о них в учебниках, когда делала домашнее задание. Министерство магии ведёт учёт всем колдуньям и волшебникам, которые могут превращаться в животных; есть специальный реестр, в нём сказано, в каких животных они превращаются, даны их приметы и отличия… Я нашла там профессора МакГонагалл… В этом столетии было всего семь анимагов, и имени Петтигрю в этом в списке нет…
Гарри невольно восхитился: сколько же Гермиона знает! Не зря день и ночь сидит за книгами.
— Конечно нет! — профессор Люпин рассмеялся. — Ты опять права, Гермиона! Но, видишь ли, Министерству невдомёк, что в замке Хогвартс некогда чудили три не зарегистрированных анимага…
— Если ты собрался рассказывать им всё с сотворения мира, то поторопись, Римус, — проворчал Блэк, следя за безнадёжными потугами Коросты освободиться. — Я ждал целых двенадцать лет и дольше ждать не намерен…
— Хорошо-хорошо, Сириус, но тебе придётся кое-что добавить, я ведь знаю только, как всё начиналось…
Люпин прервал речь на полуслове — что-то громко скрипнуло позади него, и дверь в спальню открылась сама собой. Все пятеро уставились на неё, Люпин сделал несколько шагов и выглянул на площадку.
— Никого…
— В доме полно привидений, — заметил Рон. Но Люпин лишь махнул рукой.
— Нет тут никаких привидений. — Он всё ещё озадаченно смотрел на дверь. — Их и не было никогда в Визжащей хижине. Вой и стоны, которые когда-то слышали, местные жители, издавал я.
Он отбросил с лица седеющие волосы, задумался на мгновение и заговорил:
— Здесь, собственно, всё и началось. Из-за того, что я стал оборотнем. Ничего бы не произошло, если бы не моя безрассудная тяга к риску…
У Люпина был вид вполне здравомыслящего и очень усталого человека. Рон хотел было что-то сказать, но Гермиона толкнула его: «Шшшш!» Она слушала рассказ с неослабевающим вниманием.
— Меня укусил оборотень, когда я был совсем маленький. Родители перепробовали всё для моего исцеления, но в те дни таких лекарств, как сейчас, ещё не было. Зелье, которое готовит профессор Снегг, — совсем недавнее открытие. Оно делает меня безопасным для

окружающих. Я пью его неделю, предшествующую полнолунию, и… и после трансформации сохраняю разум. Лежу у себя в кабинете, как вполне безобидный волк, и спокойно жду, пока луна пойдёт на убыль.
Но до того, как волчье противоядие было изобретено, раз в месяц я становился настоящим монстром. И о Хогвартсе даже не мог мечтать. Какие бы родители согласились отдать ребёнка в школу, где он будет учиться вместе с оборотнем.
Но вот директором стал Дамблдор. Он отнёсся ко мне с сочувствием, сказал, что я должен учиться и что он примет все меры предосторожности.
Люпин вздохнул и задержал взгляд на Гарри.
— Помнишь, я тебе говорил, что Гремучую иву посадили в тот год, когда я поступил в Хогвартс. Дело в том, что её посадили именно потому, что я поступил в Хогвартс. Этот дом, — Люпин окинул комнату печальным взглядом, — и тоннель, ведущий к нему, были построены специально для меня. Раз в месяц меня тайком отправляли сюда из замка — на время превращения. А дерево поместили у входа в тоннель, чтобы никто не мог попасть ко мне в дом, пока я опасен.
Гарри понятия не имел, к чему клонит рассказчик, но всё равно увлечённо слушал, и единственным звуком в комнате, кроме голоса Люпина, был испуганный писк Коросты.
— В то время мои трансформации были ужасны. Превращение в оборотня очень болезненно; кусать было некого, и я царапал и грыз самого себя. Жители деревни слышали какой-то шум, завывания и думали, что это бушуют особенно неистовые призраки… Даже теперь, когда в доме уже много лет всё тихо, люди опасаются приближаться к нему.
Но если не считать превращений, то, пожалуй, я был счастлив, как никогда в жизни. Впервые у меня были друзья, трое верных друзей — Сириус Блэк, Питер Петтигрю и, разумеется, твой отец — Джеймс Потгер.
Естественно, мои друзья не могли не заметить, что раз в месяц я куда-то исчезаю. Я сочинял всевозможные истории — говорил, что у меня заболела мать и надо её навестить… Больше всего на свете боялся, что, узнав, кто я такой, они бросят меня. Но в конце концов они, как и ты, Гермиона, поняли, в чём дело.
Но друзья не покинули меня. Напротив, придумали нечто такое, отчего мои трансформации стали самыми счастливыми днями моей жизни — они сами стали анимагами.
— И мой отец тоже? — изумился Гарри.
— Конечно. Три года львиную долю свободного времени они тратили на то, чтобы научиться этому. Твой отец и Сириус были одни из самых одарённых студентов, да и вообще им повезло, ведь анимагическое превращение иногда приводит к ужасным последствиям. Министерство магии ещё и поэтому зорко следит за всеми, кто пытается стать анимагом. От Питера было мало толку, но он целиком положился на своих умных друзей и тоже благополучно стал анимагом. В конце концов, на пятом курсе им удалось осуществить свой замысел — отныне каждый мог по желанию трансформироваться.
— Но чем это могло помочь вам? — недоумевала Гермиона.
— Очень многим. В своём обычном виде им тоже приходилось избегать меня. Как животные — они составляли мне компанию. Ведь оборотни опасны только для людей… Раз в месяц они ускользали из замка, укрывшись мантией-невидимкой Джеймса, и совершали

превращение. Питер, как самый маленький, легко преодолевал ударную зону ветвей Ивы и нажимал сучок, который отключал дерево… Они спускались в тоннель, и мы вместе проводили время. Под влиянием друзей я становился не таким опасным — тело было волчье, но разум сохранялся…
— Давай быстрее, Римус, — сипло поторопил его Блэк, по-прежнему не сводя с Коросты жутковато-голодных глаз.
— Сейчас, Сириус, сейчас… Теперь, когда мы все могли превращаться в животных, открылись невероятные, захватывающие возможности. Мы покидали Хижину и всю ночь бродили в окрестностях школы или по деревне. Сириус и Джеймс перевоплощались в довольно крупных зверей и вполне могли при необходимости сдержать оборотня… Вряд ли в Хогвартсе был хоть один студент, знавший территорию школы и Хогсмид лучше, чем мы. Вот так нам и пришла в голову мысль составить Карту Мародёров и подписаться прозвищами. Сириус — Бродяга, Питер — Хвост, а Джеймс — Сохатый.
— А в какое животное… — начал было Гарри, но Гермиона перебила его:
— Но ведь это же очень опасно! Гулять в деревне и вокруг замка с оборотнем… А вдруг бы друзья не смогли вас удержать и вы укусили кого-нибудь?
— Эта мысль до сих пор мучает меня, — глубоко вздохнув, сказал Люпин. — Было, было много раз — ещё бы чуть-чуть и… Потом мы хохотали над этим. Мы были молоды, неразумны и в восторге от своего ума, ловкости… Конечно, иногда во мне шевелилась совесть. Ведь я обманул доверие Дамблдора… Он принял меня в Хогвартс, чего не сделал бы никакой другой директор, и, наверное, мысли не допускал, что я нарушаю правила, которые он установил для моей и чужой безопасности. Он не догадывался, что по моей милости трое однокурсников стали нелегальными анимагами… Но каждый раз, когда мы обсуждали план очередных похождений в ночь полнолуния, совесть угодливо молчала. И оказалось, что с тех пор я мало изменился.
Люпин нахмурился, и в его голосе зазвучало отвращение к самому себе:
— Весь этот год я боролся с собой, задавая один и тот же вопрос: рассказать ли Дамблдору, что Сириус Блэк анимаг? И не рассказал. Почему? Потому что я слишком малодушен. Ведь это значит признаться, что я ещё в школе обманывал его, что и других заманил на путь обмана, а доверие Дамблдора для меня — всё. Он дал мне возможность учиться в Хогвартсе, когда я был мальчишкой. Дал мне работу, когда я уже отчаялся найти хоть какой заработок. И я убедил себя, что Сириус проникает в школу благодаря тёмным искусствам, которым выучился у Волан-де-Морта, а то, что он анимаг, никакой роли не играет… Вот и выходит, что Снегг абсолютно прав насчёт меня…
— Снегг? — Блэк первый раз оторвал взгляд от крысы и посмотрел на Люпина. — А Снегг здесь причём? — резко спросил он.
— Снегг — профессор в Хогвартсе, — невесело ответил Люпин, взглянув на Гарри, Рона и Гермиону. — Профессор Снегг когда-то учился вместе с нами. Это он больше всех противился моему назначению на должность преподавателя защиты от тёмных искусств. Весь год он твердил Дамблдору, что мне нельзя доверять. И у него были основания… Видите ли, Сириус некогда сыграл с ним одну шутку, которая едва не убила его… Без меня там тоже не обошлось…

Блэк саркастически усмехнулся:
— Он это заслужил. Шнырял вокруг, вынюхивал, чем мы, четверо, занимаемся. Жаждал, чтобы нас исключили.
— Северуса очень интересовало, куда это я пропадаю каждый месяц, — продолжил Люпин. — Мы были однокурсниками, ну и… хм… слегка недолюбливали друг друга. Особенно он терпеть не мог Джеймса — виновата, я думаю, зависть. Джеймс замечательно играл в квиддич… Настоящий талант. И вот однажды Снегг подсмотрел, как в канун полнолуния мадам Помфри повела меня к Гремучей иве. Сириус Снегга заметил и шутки ради сказал ему, что всех-то и дел — ткнуть длинной палкой в шишку на стволе Ивы, и тогда он отроет мою тайну. Снегг, естественно, так и сделал. И отправился вслед за мной. Представляете себе, что его ожидало в Хижине: встреча с оборотнем со всеми вытекающими последствиями. Но твой отец, Гарри, узнав, что придумал Сириус, бросился за Снеггом и, рискуя жизнью, увёл его из подземного хода. Снегг всё же мельком увидел меня — в самом конце тоннеля. Дамблдор строго-настрого запретил ему разглашать мою тайну. Но с тех пор он знает мою особенность.
— Так вот почему Снегг вас не любит, — медленно произнёс Гарри. — Он, конечно, думает, что и вы участвовали в той шутке.
— Совершенно верно, — раздался холодный, насмешливый голос за спиной Люпина.
Это был Северус Снегг. Он сбросил с себя мантию-невидимку, его волшебная палочка была направлена прямо на Люпина.

Глава 19

Слуга лорда Волан-де-Морта

Гермиона взвизгнула, Блэк вскочил на ноги. Гарри подпрыгнул, словно его ударило током.
— Я нашёл это рядом с Гремучей ивой, — сказал Снегг, отбросив в сторону мантию-невидимку. Он всё время следил, чтобы волшебная палочка была нацелена в грудь Люпина. — Очень удобная вещь, Поттер, большое спасибо…
Снегг слегка запыхался, но на его лице сияло выражение плохо сдерживаемого триумфа.
— Возможно, вас удивляет, как я узнал, что вы здесь? — Глаза профессора сверкали. — Я как раз шёл в ваш кабинет, Люпин. Вы забыли вечером принять своё зелье, я понёс вам лекарство и тут, к большому счастью — к счастью для меня, разумеется, — увидел у вас на столе некую Карту. Я взглянул на неё и сразу всё понял. Вы бежали известным мне тоннелем и далее исчезли…
— Северус… — воззвал Люпин, но Снегга было не остановить.
— Сколько раз я говорил Дамблдору, что это вы помогаете старому другу Блэку проникать в замок. И вот оно, доказательство. Но мне и во сне привидеться не могло, что у вас хватит духа вновь воспользоваться этой развалюхой как убежищем…
— Северус, вы ошибаетесь, — настаивал Люпин. — Ведь вы слышали далеко не всё, я сейчас объясню… Сириус здесь вовсе не для того, чтобы убить Гарри…
— Этой ночью в Азкабане станет на двух узников больше. — Глаза Снегга пылали фанатичным огнём. — Вот интересно, как это понравится Дамблдору… Он был так уверен в твоей совершеннейшей безвредности, Люпин, вервольф ты наш домашний…
— Но это же глупо, — заметил Люпин мягко. — Неужели старая школьная обида стоит того, чтобы отправить невинного человека в Азкабан?
Хлоп!
Тонкие, гибкие, как змеи, шнуры вылетели из волшебной палочки Снегга и захлестнулись вокруг рта, запястий и лодыжек Люпина; он потерял равновесие и рухнул на пол, не в силах пошевелиться. Яростно взревев, Блэк бросился к Снеггу, но тот нацелил волшебную палочку точно ему в лоб.
— Только дай мне повод, — прошипел Снегг, — дай повод, и, клянусь, я убью тебя.
Блэк замер. Трудно было сказать, чьё лицо сильнее искажала ненависть.
Гарри оцепенело смотрел на них, не зная, что делать и кому верить. Он взглянул на друзей — Рон пребывал в полном смятении и продолжал бороться с Коростой; Гермиона, хотя и неуверенно, но всё же приблизилась к Снеггу и замирающим от волнения голосом спросила:
— Профессор Снегг… может… может, нет ничего страшного в том, чтобы выслушать… что они хотят… хотят сказать?
— Мисс Грэйнджер, вы уже на грани исключения из школы! — рявкнул Снегг. — А что касается вас, Поттер и Уизли, вы вообще перешли все границы, проводите время в компании закоренелого убийцы и оборотня. Так что раз в жизни придержите языки.
— Но если… если это ошибка…
— Молчать, глупая девчонка! — Снегга прорвало, он вдруг будто обезумел от злости. — Не рассуждай о том, чего не понимаешь!

С его волшебной палочки, направленной в лицо Блэку, слетело несколько искр, и Гермиона умолкла.
— Месть сладка, — шепнул Снегг Блэку. — Как же я мечтал, что сам поймаю тебя…
— Ты опять жертва шутки, Северус, — прохрипел Блэк. — До тех пор, пока этот мальчик будет находиться со своей крысой в замке, — он кивнул в сторону Рона, — я буду тихо пробираться…
— В замок? — вкрадчиво переспросил Снегг. — Зачем же так далеко? Вот выберемся из-под Ивы, и я сразу кликну дементоров. Они будут рады видеть тебя, Блэк, очень рады… Даже одарят тебя поцелуем…
Лицо Блэка стало мертвенно-бледным.
— Я… я всё-таки заставлю тебя выслушать, — хрипло проговорил он. — Вот эта крыса — посмотри на неё хорошенько…
Но в глазах Снегга плясали безумные огоньки, каких Гарри никогда раньше не видел. Было ясно: никакие доводы его не проймут.
— Все за мной! — скомандовал Снегг. Щёлкнул пальцами, и концы шнура, опутавшего Люпина, оказались у него в руке. — Я притащу и оборотня. У дементоров найдётся поцелуй и для него.
Не отдавая себе отчёта, Гарри в три прыжка пересёк комнату и загородил дверь.
— Прочь с дороги, Поттер, ты и так в серьёзной беде, — злобствовал Снегг. — Если бы я не подоспел сюда, чтобы спасти твою шкуру…
— Профессор Люпин в этом году мог бы сто раз со мной расправиться. — Гарри попытался урезонить Снегга. — Он учил меня защищаться от дементоров. Мы постоянно оставались с ним один на один. Если он помогает Блэку, почему он меня не прикончил?
— Я не собираюсь разгадывать, что там происходит в голове у оборотня! — зашипел Снегг. — Дай пройти, Поттер!
— Это глупо! — закричал Гарри. — Из-за какой-то дурацкой всеми забытой шутки вы сейчас не хотите ничего слушать!
— Молчи! Не смей так со мной разговаривать! — безумствовал Снегг. — Каков отец таков и сын! Я только что спас твою жизнь, Поттер, ты меня на коленях благодарить должен! А тебя стоило бы убить. Умер бы, как отец, слишком самоуверенным, чтобы допустить мысль, что Блэк тебя одурачил. А теперь прочь с дороги, Поттер, или я заставлю тебя убраться!
Решение созрело в долю секунды. Не успел Снегг сделать шага, Гарри вскинул волшебную палочку.
— Экспеллиармус!
Рон и Гермиона с удивительным единодушием приняли то же решение.
Грянуло сразу три заклинания, раздался оглушительный взрыв, затрещала дверь, едва удержавшись на древних петлях; Снегга сбило с ног и ударило о стену, он сполз на пол, потеряв сознание, из-под волос по лицу побежала струйка крови.
Гарри огляделся. Волшебная палочка Снегга взлетела под потолок и упала на кровать рядом с Живоглотом.
— Зря ты это сделал. — Блэк, сдвинув брови, взглянул на Гарри. — Надо было предоставить его мне…

Гарри отвёл глаза в сторону. Даже теперь он не был уверен, что поступил правильно.
— Мы напали на преподавателя… Напали на преподавателя… — в ужасе прошептала Гермиона, как зачарованная глядя на безжизненную фигуру Снегга. — Ох, какие нас ждут неприятности…
Люпин старался освободиться от пут. Блэк поспешно наклонился, развязал его, и тот поднялся, растирая запястья.
— Спасибо, Гарри, — поблагодарил он.
— Я ещё не сказал, что верю вам, — возразил Гарри.
— Значит, пора представить веские доказательства, — заявил Блэк. — Ты, парень, дай мне Питера.
Но Рон теснее прижал к груди Коросту.
— Не подходите. — Голос его был слаб, но решителен. — Вы что, сбежали из Азкабана только затем, чтобы свернуть ей шею? — Рон повернулся к Гарри и Гермионе, ища поддержки. — Ладно, допустим, Петтигрю мог превращаться в крысу. Но ведь крыс-то миллионы. Как же он в тюрьме ухитрился узнать, какая именно и есть Питер?
— А это законный вопрос, Сириус, — заметил Люпин, слегка нахмурившись. — В самом деле, как ты узнал, где Питер?
Блэк сунул под мантию крючковатые пальцы и вынул смятый клочок газеты, разгладил его и показал всем.
Это была фотография семейства Уизли, напечатанная прошлым летом в «Ежедневном Пророке». У Рона на плече сидела Короста.
— Как ты это достал? — поразился Люпин.
— Фадж дал, — ответил Блэк. — В прошлом году он приезжал инспектировать Азкабан и оставил мне газету. А там на первой полосе на плече у этого мальчика я увидел Питера. Я сразу его узнал, ведь я столько раз видел его превращения. В статье было сказано, что паренёк учится в Хогвартсе — там же, где и Гарри…
— Бог мой, — прошептал Люпин, переводя взгляд с живой Коросты на картинку и обратно. — Передняя лапа…
— Что с передней лапой? — резко спросил Рон.
— Нет одного пальца, — пояснил Блэк.
— Вот именно, — выдохнул Люпин. — Просто, как всё гениальное… Он сам себе его оттяпал?
— Перед последней трансформацией, — кивнул Блэк — Я загнал его в угол, и он заорал на всю улицу, что это я предал Лили с Джеймсом, и тут же, не успел я рта раскрыть, устроил взрыв, а палочку он держал за спиной. На двадцать футов вокруг всё в куски, все погибли, а сам он вместе с другими крысами шмыгнул в канализацию…
— Разве ты не знаешь, Рон? — сказал Люпин. — От Петтигрю нашли всего лишь палец.
— Но Короста могла подраться с другой крысой или ещё что-нибудь. Она живёт в нашей семье испокон веков…
— А точнее, двенадцать лет, — добавил Люпин. — Тебя никогда не удивляло подобное долголетие?

— Ну… мы о ней заботились…
— Хотя, пожалуй, сейчас крыса выглядит не слишком хорошо, а? — продолжал Люпин. — Думаю, она начала худеть, узнав, что Сириус вырвался на свободу…
— Её напугал этот чокнутый кот! — Рон мотнул головой в сторону Живоглота, который лежал на кровати, продолжая урчать.
«Но ведь это не так, — внезапно подумал Гарри. — Короста была явно больна ещё до появления Живоглота. Спала с тела после того, как Уизли вернулись из Египта, именно после побега Блэка…»
— Кот вовсе не чокнутый, — протянув костлявую руку, Блэк погладил рыжую пушистую голову Живоглота. — Таких смышлёных котов поискать. Он мгновенно почуял, что это за крыса. И сразу раскусил, что я не настоящий пёс. Какое-то время привыкал ко мне… в конце концов я растолковал ему, кого ищу, и он стал моим помощником.
— А как он помогал? — тихо спросила Гермиона.
— Пытался поймать Питера и принести мне. Но у него ничего не получалось. Тогда он выкрал для меня пароли в гриффиндорскую башню. Я понял: он взял их из тумбочки какого-то мальчика…
У Гарри от всего услышанного стали перегреваться мозги. Ведь бред же, абсурд — и всё же…
— Но Питер сообразил, чем запахло, и сбежал… Живоглот — вы так его называете? — сообщил мне, что Питер оставил кровь на простынях. Скорее всего, укусил себя. Что ж, фальсификация собственной смерти у него однажды сработала…
Последние слова подействовали на Гарри как удар хлыста.
— Хотите, объясню, зачем ему потребовалось имитировать собственную смерть? Да затем, что он знал: вы собирались его убить так же, как убили моих родителей!
— Да нет же, Гарри, — попытался успокоить его Люпин.
— А теперь вы здесь, чтобы прикончить его!
— Да, именно этого я и хочу! — Блэк с ненавистью взглянул на крысу.
— Значит, я зря помешал Снеггу схватить вас.
— Гарри! — торопливо вмешался Люпин. — Да пойми ты! Всё это время мы считали, что Сириус предал твоих родителей, а Питер выследил его. На самом же деле всё было наоборот: Питер предал твоих отца и мать, и Сириус это знал.
— Неправда! — Гарри судорожно сжал кулаки. — Он был их Хранителем Тайны! Он сам сказал до вашего прихода, что это он их убил!
Но Блэк медленно покачал головой, его ввалившиеся глаза ярко вспыхнули.
— Гарри… Я всё равно что убил их… В последнюю минуту я уговорил Лили и Джеймса переменить свой выбор, сделать Хранителем Тайны его. В этом моя вина… В ту ночь, когда они погибли, я хотел проверить, как там Питер, убедиться, в безопасности ли он. Приехал к нему в убежище, а его там нет. И никаких следов борьбы. Я заподозрил неладное и сразу же помчался к твоим родителям. Увидел их разрушенный дом, их тела и всё понял: Питер предал их. Вот в чём моя вина. — У Блэка сорвался голос, и он отвернулся.
— Довольно об этом, — суровым тоном, какого Гарри от него никогда не слышал, заговорил Люпин. — Существует лишь один способ выяснить, что произошло на самом деле. Рон, дай

мне крысу.
— А что вы с ней сделаете? — с опаской спросил Рон.
— Заставим принять истинное обличье. Если это действительно крыса, ей это не повредит.
После краткой борьбы с собой Рон всё же решился, протянул Коросту, и Люпин взял её. Короста визжала уже безостановочно, крутясь и барахтаясь; её маленькие чёрные глазки лезли из орбит.
— Готов, Сириус? — спросил Люпин.
Блэк взял с кровати волшебную палочку Снегга и подошёл к старому товарищу, держащему бьющуюся в руках крысу. Повлажневшие глаза Блэка запылали огнём.
— Давай вместе? — негромко произнёс он.
— Конечно. — Люпин крепко сжал крысу одной рукой, другой поднял волшебную палочку. — Действуем на счёт «три». Раз, два, три!
Всё кругом озарилось бело-голубой вспышкой из двух волшебных палочек; на какую-то секунду Короста зависла в воздухе, её чёрное тельце бешено извивалось, Рон взвыл, и крыса с негромким стуком упала на пол. Сверкнула ещё одна слепящая вспышка и тогда… Как будто они наблюдали за ростом дерева в замедленной киносъёмке. Проклюнулась и стала увеличиваться голова, появились побеги — конечности. Ещё миг — и на том месте, где только что была крыса, стоял человечек, скрючившийся от страха и заламывающий руки. Живоглот на кровати зашипел, заворчал, шерсть у него на спине встала дыбом. Перед ними предстал коротышка, едва ли выше Гарри и Гермионы; жидкие бесцветные волосы растрёпаны, на макушке изрядная лысина; кожа на нём висела, как на толстяке, исхудавшем в одночасье. Вид был облезлым, как у Коросты в последнее время. Да и вообще что-то крысиное сохранилось в остром носике, в круглых водянистых глазках. Прерывисто дыша, он оглядел комнату и бросил быстрый взгляд на дверь.
— Ну здравствуй, Питер, — приветливо произнёс Люпин, как будто в Хогвартсе по три раза на дню крысы превращались в старых школьных друзей. — Давненько не виделись.
— С-с-сириус… Р-р-римус… — даже голос у Петтигрю остался писклявым. Он вновь быстро покосился на дверь. — Мои друзья… мои добрые друзья…
Рука Блэка с волшебной палочкой взлетела, но Люпин перехватил её, послав Блэку предостерегающий взгляд, и, повернувшись к Петтигрю, снова заговорил в самом непринуждённом тоне.
— Мы тут, Питер, беседовали о том, как погибли Джеймс и Лили. И вообще о той ночи. Боюсь, ты пропустил кое-какие подробности, пока визжал на кровати…
— Римус, — задыхаясь, вымолвил Петтигрю, и Гарри увидел капли пота, выступившие на его одутловатом лице. — Ты ведь не веришь ему, правда? Он пытался убить меня, Римус…
— Это мы уже слышали, — ответил Люпин уже гораздо холоднее. — Мне хотелось бы прояснить с твоей помощью несколько мелочей, если не возражаешь.
— Он явился сюда, чтобы опять мучить меня и убить! — неожиданно завопил Петтигрю, указывая на Блэка. Гарри бросилось в глаза, что он ткнул в Блэка средним пальцем — указательный на правой руке отсутствовал. — Он убил Лили и Джеймса, а теперь охотится и на меня. Помоги мне, Римус…

Блэк устремил на Петтигрю ледяной взгляд, и лицо его стало особенно похоже на череп.
— Никто не станет тебя мучить и убивать, — успокоил школьного приятеля Люпин. — Прежде надо кое в чём разобраться.
— Разобраться? — взвизгнул Петтигрю, по-прежнему украдкой озираясь и бросая взгляды то на заколоченные окна, то на единственную дверь. — Я знал, что он будет преследовать меня! Знал, что вернётся! Я двенадцать лет этого ждал!
— Ты знал, что Сириус собирается бежать из Азкабана? — сдвинул брови Люпин. — Да ведь оттуда никто никогда не убегал!
— На его стороне тёмные силы, какие нам и не снились! — пронзительно завыл Петтигрю. — Как иначе он смог оттуда вырваться? Тот-Кого-Нельзя-Называть наверняка кое-чему его научил!
Комнату огласил невесёлый жутковатый смех Блэка.
— Значит, это Волан-де-Морт меня кое-чему научил?
Петтигрю вздрогнул, словно Блэк пригрозил ему хлыстом.
— Что, страшно слышать имя старого хозяина? — спросил Блэк. — Не виню тебя, Питер. Его команда не очень-то была тобой довольна! Верно говорю?
— Не понимаю тебя, Сириус, — промямлил Петтигрю, дыша всё чаще; теперь всё его лицо блестело от пота.
— Не от меня ты прятался эти двенадцать лет, — усмехнулся Блэк. — Ты скрывался от прежних дружков Волан-де-Морта. Я кое-что слышал в Азкабане, Питер… Все они думают, что ты мёртв, иначе тебе пришлось бы держать ответ перед ними… Они много чего интересного говорили во сне, особенно об одном обманщике, который надул их. Волан-де-Морт ведь отправился к Поттерам по твоей наводке. И там его ожидал крах. Но не все же сторонники Волан-де-Морта кончили дни в Азкабане, не так ли? Их ещё достаточно много, они выжидают время, прикинулись, будто осознали свои заблуждения… Пронюхай они, что ты жив, Питер…
— Не понимаю… о чём ты, — снова повторил Петтигрю. Вытер лицо рукавом и поднял глаза на Люпина. — Ведь ты не веришь этой… всей этой чепухе, Римус?
— Должен признаться, Питер, мне трудно понять, зачем невиновному человеку жить двенадцать лет в облике крысы, — невозмутимо ответил Люпин.
— Невиновный, но смертельно испуганный! — вновь сбился на крысиный визг Петтигрю. — Если сторонники Волан-де-Морта настроены против меня, то лишь потому, что я отправил в Азкабан одного из их главарей — этого шпиона Сириуса Блэка!
Лицо Блэка исказилось.
— Да как ты смеешь! — Голос его зазвучал точно рык гигантского волкодава, которым он недавно был. — Это я шпионил для Волан-де-Морта? Я никогда не пресмыкался перед теми, кто могущественнее меня! Это ты, Питер, шпион. Никогда не пойму, как же я не сообразил это ещё тогда. Тебе всегда нравились большие и сильные друзья, которые покровительствовали бы тебе. Такими были мы… Я и Римус… И Джеймс…
Петтигрю снова вытер лицо, он почти задыхался.
— Я — шпион? Ты не в своём уме… Да как у тебя язык повернулся такое… такое…

— Лили и Джеймс назначили тебя Хранителем Тайны по моему настоянию, — продолжал Блэк с такой злобой, что Петтигрю попятился. — Я думал, что этот блеф сработает. Волан-де-Морт будет охотиться за мной, ему и в голову не придёт, что они возьмут в Хранители такое ничтожество, как ты. Но ты предал Поттеров. Наверное, разговор с Волан-де-Мортом стал звёздным часом твоей жизни…
Петтигрю что-то смятенно бормотал. Гарри уловил слова «странность», «помешательство», но его внимание больше привлекла мертвенная бледность лица Петтигрю и то, как он продолжал шнырять глазами по окнам и двери.
— Профессор Люпин? — неуверенно вступила в разговор Гермиона. — Могу… могу я кое-что сказать?
— Разумеется, Гермиона, — любезно разрешил Люпин.
— Ну… Короста… то есть, я хочу сказать, этот… этот человек — он три года жил в спальне Гарри. Но если он работал на Сами-Знаете-Кого, как вышло, что он никогда не пытался навредить Гарри?
— Вот видите! — пискнул Петтигрю, тыча в Гермиону покалеченной рукой. — Спасибо тебе! Слышишь, Римус? Я волоса на голове Гарри не тронул! Как ты это объяснишь?..
— Я объясню, — прервал его Блэк. — Ты никогда ничего не делал без выгоды для себя. Волан-де-Морт двенадцать лет в бегах, утратил всю свою силу, говорят, он едва жив. Так чего ради совершать убийство под носом Альбуса Дамблдора? Вот если ты будешь абсолютно уверен, что Тёмный Лорд опять в игре, тогда другое дело. Можно опять бежать под его покровительство. Потому ты и выбрал это пристанище — семью волшебников. Чтобы знать, что происходит в их мире. Вдруг старый хозяин обретёт силу — тогда ты сможешь спокойно к нему вернуться…
Петтигрю несколько раз открывал и закрывал рот — казалось, он утратил дар речи.
— Э-э-э… мистер Блэк… Сириус… — робко проговорила Гермиона.
Услыхав эти слова, Блэк вздрогнул и внимательно взглянул на девочку: очевидно, давно отвык от подобной вежливости.
— Позвольте вас спросить, как… как вам удалось выбраться из Азкабана без помощи тёмной магии?
— Благодарю! — исступлённо выдохнул Петтигрю, отчаянно кивая ей. — В самую точку! Именно это я и хотел…
Но Люпин взглядом заставил его умолкнуть. Блэк чуть нахмурился, глядя на Гермиону, но не потому, что рассердился — казалось, он обдумывает ответ.
— Сам не знаю как, — медленно произнёс он. — Думаю, единственной причиной, почему я не потерял рассудка, была мысль, что я невиновен. Её не назовёшь счастливой мыслью, дементоры не могли высосать её… но она сохранила мой разум и самосознание. А когда приходилось уж совсем круто, я превращался у себя в камере… становился собакой. Вы же знаете, дементоры ничего не видят, — он сглотнул, — они воспринимают людей только через их эмоции… И они ощущали только, что мои чувства в эти часы делаются менее… менее человеческими, менее сложными. Скорее всего, они думали, что я схожу с ума, как все остальные узники. Это их не беспокоило. Но я был очень слаб, и не было никакой надежды, что я с ними справлюсь без волшебной палочки… Летом я увидел Питера на той

фотографии… Я догадался, что он в Хогвартсе, рядом с Гарри. Идеальная позиция для нападения, если однажды он проведает, что Тёмный Лорд вновь набирает силы…
Петтигрю мотал головой, безмолвно шевелил губами, но, будто загипнотизированный, не сводил глаз с Блэка.
— …Я не сомневался, он нанесёт удар, когда будут союзники… Продаст им последнего Поттера. Кто тогда посмеет сказать, что он предал Волан-де-Морта? И его примут назад с почестями… Так что видите, я должен был действовать… Ведь я единственный знал, что Питер ещё жив…
Гарри вспомнились слова мистера Уизли, сказанные жене: «Стражи сообщают, Блэк говорит во сне и произносит всегда одни и те же слова: „Он в Хогвартсе“».
— И у меня в голове как будто зажёгся свет. Дементоры не могли мне помешать. Это не было счастливым чувством, это была навязчивая идея, она придавала мне силы, проясняла ум. И однажды вечером, когда дементоры принесли еду, я выскользнул в открытую дверь в облике пса… Им настолько сложнее улавливать чувства животных, что они были сбиты с толку… Я был так истощён, что сумел пролезть сквозь решётки… В обличье пса переплыл пролив, побежал на север и так добрался до окрестностей Хогвартса… Всё это время жил в лесу… Только однажды вышел — уж очень захотелось посмотреть квиддич… Ты летаешь так же здорово, как твой отец, Гарри…
Он посмотрел на Гарри, и тот первый раз не отвёл взгляда.
— Поверь мне, — прохрипел Блэк. — Поверь, Гарри. Я не предавал Джеймса и Лили. Я бы скорее сам умер.
И Гарри поверил. Комок в горле помешал ему говорить, и он просто кивнул.
— Неправда! — Петтигрю упал на колени, словно кивок Гарри был смертным приговором. Подавшись вперёд, он пополз к Сириусу, молитвенно сложив руки. — Сириус… это же я… Питер… твой друг… ты же не станешь…
Блэк оттолкнул его, и Петтигрю опрокинулся.
— На моей мантии и без тебя достаточно грязи!
— Римус! — заголосил Петтигрю, повернувшись теперь к Люпину и умоляюще извиваясь перед ним. — Ведь ты не веришь ему… Разве Сириус не сказал бы тебе, что они переменили план?
— Нет, не сказал бы, если думал, что я шпион, — ответил Люпин. — Наверное, ты именно так и думал и потому не сказал мне, Сириус? — мимоходом заметил он поверх головы Петтигрю.
— Прости меня, Римус, — вздохнул Блэк.
— О чём разговор, Бродяга? — сказал Люпин, закатывая рукава. — Прости и ты меня, что я столько лет считал тебя предателем.
— Да чего уж тут… — Тень улыбки скользнула по измождённому лицу Блэка. И он тоже принялся закатывать рукава. — Убьём его вместе?
— Да, вместе, — сурово произнёс Люпин.
— Не надо, пожалуйста… вы не можете… — заверещал Петтигрю и пополз к Рону. — Рон… Разве я не был тебе добрым другом… Твоим домашним любимцем? Ты не дашь им убить меня, правда? Ты ведь на моей стороне!

Но Рон смотрел на него с отвращением:
— И я разрешал тебе спать в моей постели!
— Мой добрый мальчик… добрый хозяин… Ты не допустишь этого… Я был твоей крысой… ласковым зверьком…
— Крыса, как видно, получилась из тебя лучше, чем человек. И хвастать тут нечем, — жёстко оборвал его Блэк.
Рон побледнел от боли и передвинул сломанную ногу, чтобы Петтигрю не мог до неё дотянуться. Тот развернулся на коленях, подполз к Гермионе и ухватил её за край мантии.
— Милая девочка… умная девочка… Ты… ты не позволишь им… Спаси меня…
Гермиона выдернула мантию из его пальцев и, потрясённая, отступила назад, к стене.
Петтигрю колотила неудержимая дрожь, он медленно повернулся к Гарри.
— Гарри… Гарри… ты так похож на отца… просто вылитый Джеймс…
— Как ты смеешь обращаться к Гарри? — В глазах Блэка полыхнуло бешенство. — Как смеешь смотреть ему в глаза? Говорить о его отце?
— Гарри, — прошептал Петтигрю, подползая к тому и протягивая руки. — Гарри, Джеймс не стал бы меня убивать… Он бы понял, Гарри, он пощадил бы меня…
Блэк с Люпином ухватили Петтигрю за плечи и оттащили. Он плюхнулся на пол, глядя на них снизу вверх и трясясь от ужаса.
— Ты продал Лили и Джеймса Волан-де-Морту. — Блэка тоже била дрожь. — Будешь ещё отрицать это?
Петтигрю зарыдал. Это было жуткое зрелище — он походил на лысого младенца-переростка, съёжившегося на полу.
— Сириус, Сириус, что я мог поделать? Тёмный Лорд… ты себе не представляешь… У него такое оружие, что уму непостижимо… Меня запугали, Сириус, я же никогда не был храбрецом, как ты, Римус или Джеймс… Я не хотел того, что случилось… Меня вынудил Тот-Кого-Нельзя-Называть.
— Не лги! Ты стал его шпионом ещё за год до гибели Джеймса и Лили! Ты был его осведомителем!
— Его… его власть была безгранична, — хлюпнул Петтигрю. — Что бы я выиграл, если бы стал противиться ему?
— Да. Что бы ты выиграл, Питер, в борьбе с самым злым волшебником всех времён? — Блэк клокотал от ярости. — Всего-навсего несколько невинных жизней.
— Ты не понимаешь, Сириус! — проскулил Петтигрю. — Он убил бы меня.
— Значит, надо было умереть, — прорычал Блэк. — Умереть, а не предавать друзей. — Мы бы все так поступили ради тебя!
Блэк и Люпин встали плечом к плечу и подняли волшебные палочки.
— Ты должен был понимать, — произнёс Люпин тихо, — если тебя не убьёт Волан-де-Морт, то это сделаем мы. Прощай, Питер.
Гермиона закрыла руками лицо и отвернулась.
— Нет! — вдруг крикнул Гарри. Он бросился вперёд и загородил Петтигрю, повернувшись к волшебным палочкам. — Нельзя его убивать! — сказал он, задыхаясь. — Нельзя!

И Блэк, и Люпин были потрясены.
— Из-за этого выродка ты лишился родителей, Гарри, — прохрипел Блэк. — Этот пресмыкающийся кусок дерьма хладнокровно убил бы и тебя. И даже не повёл бровью. Ты его сейчас слышал. Для него собственная вонючая шкура значит больше, чем вся твоя семья.
— Знаю, — тяжело дыша, сказал Гарри. — Мы отведём его в замок и передадим дементорам. Они отвезут его в Азкабан… Но не убивайте его.
— Гарри! — простонал Петтигрю и обнял его колени. — Ты… Спасибо тебе… Я не стою этого… Спасибо…
— Прочь от меня! — гневно выпалил Гарри, с омерзением сбрасывая с себя руки Петтигрю. — Я поступаю так не ради тебя. Я уверен, мой отец не захотел бы, чтобы его лучшие друзья стали убийцами из-за такого, как ты.
Никто не шелохнулся и не издал ни звука, лишь слышалось неровное, с присвистом, дыхание Петтигрю, прижавшего к груди кулачки. Блэк с Люпином переглянулись и одновременно опустили палочки.
— Ты — единственный, у кого есть право решать, — признал Блэк. — Но подумай хорошенько… подумай, что он совершил…
— Пусть его отправят в Азкабан, — повторил Гарри. — Он это заслужил, как никто.
Сзади по-прежнему слышалось сопение Петтигрю.
— Ладно, — согласился Люпин. — Гарри, отойди в сторону.
Но Гарри в сомнении не двигался с места.
— Я только свяжу его, — пояснил Люпин. — Ничего больше, клянусь.
Гарри отошёл. Из волшебной палочки Люпина вылетели тонкие шнуры, и через секунду Петтигрю дёргался на полу связанный и с заткнутым ртом.
— Но если ты попытаешься превратиться, Питер, — Блэк потрясал над ним волшебной палочкой, — мы точно тебя убьём. Ты согласен, Гарри?
Гарри посмотрел на жалкую фигуру, скорчившуюся на полу, и кивнул — так, чтобы Петтигрю увидел.
— Ну вот что, — Люпин перешёл на деловой тон, — я, Рон, умею сращивать кости далеко не так хорошо, как мадам Помфри, поэтому пока самое лучшее — наложить шину.
Он подошёл к Рону, коснулся сломанной ноги волшебной палочкой и тихо произнёс:
— Ферула!
Тотчас же ногу обмотали бинты, плотно прижав её к гипсовому лотку. Рон с помощью Люпина встал, осторожно переступил и даже не поморщился.
— Гораздо лучше, — сказал он. — Спасибо.
— А что с профессором Снеггом? — вполголоса спросила Гермиона, глядя на распростёртую фигуру преподавателя.
— Ничего серьёзного. — Люпин склонился над ним и пощупал его пульс. — Просто вы немного… э-э-э… перестарались. Всё ещё без сознания… М-м-м… вероятно, будет лучше, если мы не станем приводить его в чувство, пока благополучно не возвратимся в замок. А доставим его туда вот так… — Он шепнул:

— Мобиликорпус!
Невидимые нити оплели запястья Снегга, шею, колени, тело приняло вертикальное положение, но голова безвольно моталась во все стороны, словно у огромной куклы. Снегг повис в нескольких дюймах над полом, ноги его безжизненно болтались. Люпин подобрал мантию-невидимку и заботливо спрятал её в карман.
— Двоих из нас придётся приковать вот к этому. — Блэк дёрнул Петтигрю за верёвки. — На всякий случай.
— Меня, — предложил Люпин.
— И меня, — рявкнул Рон, прохромав вперёд. Блэк прямо из воздуха сотворил увесистые наручники, Петтигрю распрямился — левая рука скована с правой Люпина, правая — с левой Рона. Лицо Рона скорбно застыло — истинную сущность Коросты он воспринял как личное оскорбление. Живоглот легко спрыгнул с кровати и возглавил выход из комнаты — его хвост, похожий на ёршик для мытья бутылок, был самодовольно задран.

Глава 20

Поцелуй дементора

Никогда ещё Гарри не приходилось участвовать в такой странной процессии. Первым спускался Живоглот, следом — Люпин, Петтигрю и Рон, словно участники какого-то диковинного шестиногого забега; за ними неспешно плыл профессор Снегг, стукаясь ногами о ступени, увлекаемый вниз собственной волшебной палочкой в руке Сириуса Блэка. Гарри и Гермиона замыкали шествие.

Идти по тоннелю было непросто. Люпин, Петтигрю и Рон двигались боком один за другим, причём Люпин всё время держал Петтигрю под прицелом волшебной палочки. Сириус с помощью волшебной палочки Снегга удерживал плывущего по воздуху профессора в вертикальном положении, голова Снегга то и дело чиркала о низкий потолок. Гарри показалось, что Блэк и не думает этому помешать.

— Понимаешь, что это значит? — спросил Сириус у Гарри, когда они медленно продвигались по тоннелю. — Разоблачение Петтигрю?

— То, что ты теперь свободен, — ответил Гарри.

— Да… А скажи, ты знаешь, что я твой крёстный отец?

— Знаю.

— Хм-м… Твои родители назначили меня твоим опекуном, — с некоторой неловкостью продолжал Блэк, — если с ними что случится…

Гарри не верил своим ушам. Неужели Сириус предложит ему то, о чём он начал мечтать.

— Я, разумеется, пойму если ты захочешь остаться с дядей и тётей… Но ты всё-таки подумай. Моё доброе имя восстановлено… может, если бы ты захотел… э-э… другой дом…

Гарри даже стало жарко.

— Ты хочешь, чтобы я жил с тобой? — воскликнул он, ударившись головой о какой-то камень. — Уехал от Дурслей?

— Я так и знал, что ты будешь против, — совсем смутился Блэк. — Я просто подумал…

— Что? — У Гарри тоже сел голос. — Да. Я мечтаю расстаться с Дурслями! А дом у тебя есть? Когда можно туда поехать?

Сириус остановился и взглянул на Гарри. Голова Снегга опять проехалась по потолку, но Блэк даже внимания на это не обратил.

— Значит, ты согласен? Да?

— Ну конечно!

И Гарри первый раз увидел, как мрачное лицо Сириуса озарила улыбка. Перемена была разительна — словно кто-то другой, лет на десять моложе, вдруг проглянул сквозь изнурённую маску; и Сириус на какой-то миг стал похож на того человека, который весело смеялся на свадьбе родителей Гарри.

До конца тоннеля они больше не разговаривали. Живоглот выскочил наверх первый. И наверное, сразу нажал лапой сучок на Иве, так что, выбравшись из-под земли, Люпин, Петтигрю и Рон не услышали даже шелеста свирепых веток.

Блэк протолкнул Снегга в дыру и отступил, пропуская вперёд Гарри с Гермионой. Наконец все оказались снаружи.

Луга были погружены в темноту, и лишь далёкие окна замка светились во мраке. Не говоря ни слова, двинулись дальше; Петтигрю по-прежнему сопел и время от времени принимался хныкать. У Гарри в голове звенело: он уедет от Дурслей, будет жить с Сириусом Блэком, лучшим другом родителей… Дурсли в обморок упадут, когда он им скажет, что будет теперь жить у преступника, которого они видели по телевизору!
— Одно неверное движение, Питер… — грозно предупредил Люпин, его волшебная палочка неизменно смотрела в бок Петтигрю.
Шли молча, огни замка медленно приближались. Снегг парил перед Блэком, подбородок его то и дело ударял в грудь. И тут…
Облака разошлись, и на землю пали неясные тени; вся компания словно окунулась в лунный свет.
Люпин, Петтигрю и Рон остановились так неожиданно, что Снегг на них натолкнулся. Сириус замер, махнув рукой Гарри и Гермионе, чтобы те не двигались.
Гарри видел силуэт Люпина, профессор точно окостенел, и тут же его руки и ноги стали дрожать.
— Господи! — ахнула Гермиона. — Он же сегодня не принял зелье! Он опасен!
— Бегите! — негромко крикнул Блэк. — Бегите немедленно!
Но как они могли убежать: Рон-то прикован к Петтигрю и Люпину. Гарри рванулся к другу, но Блэк без церемоний обхватил его поперёк туловища и отбросил.
— Предоставь это мне… Беги!
Раздался грозный рык. Лицо Люпина вытягивалось, то же происходило и с телом; плечи сузились, руки обратились в когтистые лапы, прямо на глазах он оброс шерстью. У Живоглота мех вновь встал дыбом, кот попятился.
Превращение произошло, и оборотень лязгнул страшными длинными зубами. В тот же миг Сириус исчез — вместо него приготовился к прыжку огромный, похожий на медведя пёс. Едва оборотень вырвался из наручников, пёс схватил его за холку и потащил в сторону, подальше от Рона и Петтигрю. Звери сцепились, клык к клыку, царапая друг друга когтями. Гарри стоял, поглощённый схваткой, ничего больше не замечая. У него за спиной раздался крик Гермионы, и Гарри, придя в себя, обернулся.
Петтигрю кинулся за упавшей волшебной палочкой Люпина; Рон, не удержавшись на своей забинтованной ноге, упал. Грохнул взрыв, вспышка света — и Рон лишился чувств. Ещё взрыв — Живоглот взлетел в воздух и рухнул на землю подобно груде тряпья.
— Экспеллиармус!
Слишком поздно. Петтигрю успел превратиться. Гарри заметил только длинный, облезлый хвост, скользнувший сквозь наручники на откинутой руке Рона, и услышал лёгкий шорох в траве.
Тишину разорвал вой и громовое рычание. Гарри оглянулся — оборотень во весь опор мчался к Запретному лесу.
— Сириус, Люпин убежал в лес, Петтигрю превратился! — что есть мочи завопил Гарри.
Морда и спина у Блэка были в крови, но при этих словах он собрал все силы и бросился за оборотнем. Спустя мгновение топот его лап уже был не слышен.

Гарри и Гермиона подбежали к Рону.
— Что он с ним сделал? — прошептала Гермиона.
Веки Рона смежились, рот открыт. Он никого не видел и не узнавал. Но он, несомненно, был жив, друзья слышали его дыхание.
— Не знаю…
Гарри в отчаянии огляделся. Блэк и Люпин исчезли, так что компанию им составлял один Снегг, всё ещё висящий без сознания между землёй и небом.
— Надо позвать на помощь и скорее доставить их в замок. — Гарри отбросил волосы с глаз и попытался привести мысли в порядок. — Идём, Гермиона…
Откуда-то из мрака донёсся визг собаки, которой причинили боль.
— Сириус… — Гарри напряжённо вгляделся во тьму.
Минуту он колебался — для Рона они сейчас ничего не могут сделать, а, судя по визгу, Блэк в беде…
Гарри пустился бежать, Гермиона — за ним. Звуки доносились со стороны озера. Они помчались туда, Гарри нёсся, не чуя ног.
Вой внезапно оборвался. Добежав до берега, они увидели Сириуса. Он снова превратился в человека и теперь стоял на четвереньках, уткнувшись лицом в ладони.
— Не-е-е-е-ет! — умолял он. — Не-е-е-е-ет! Не на-а-а-до…
И тут Гарри увидел их. Дементоры, не меньше сотни, скользили к ним со всех сторон по берегу озера. Он огляделся — знакомое леденящее чувство пронизало внутренности, глаза застлал туман; из темноты надвигались всё новые группы дементоров, окружая их.
— Гермиона, подумай о самом лучшем! — Гарри поднял волшебную палочку, отчаянно моргая, чтобы прояснить зрение. Он затряс головой: ему уже слышался слабый, но такой знакомый крик.
«Я буду жить с моим крёстным отцом. Уеду от Дурслей». Все его мысли сосредоточились на Сириусе, и он воскликнул:
— Экспекто патронум! Экспекто патронум!
Тело Блэка сотрясла судорога, он лежал бледный, как мертвец.
«Всё будет хорошо. Я уеду с ним, мы будем жить вместе».
— Экспекто патронум!
Экспекто патронум!
— Экспекто…
экспекто… экспекто…
Но толку от неё не было никакого. Кольцо смыкалось, дементоры были уже метрах в трёх.
— Экспекто патронум!
Экспекто патронум!
Серебряная струйка вытекла из волшебной палочки и зависла в воздухе. Краем глаза Гарри увидел, что Гермиона упала. Он остался один… совершенно один…
— Экспекто… экспекто патронум…
Ноги подогнулись, колени его коснулись холодной травы. Перед глазами клубился туман. Страшным усилием воли он заставил себя вспомнить: Сириус невиновен… невиновен… Всё будет хорошо… Мы будем жить вместе…

— Экспекто патронум!
В тусклом свете слабенького Патронуса он увидел остановившегося в двух шагах дементора. Серебристое облачко было для него непреодолимой преградой, но из-под чёрного плаща высунулась длинная, мерзкая, вся в язвах рука, она пыталась отодвинуть Патронуса.
экспекто… экспекто патронум!
Они следили за ним, их свистящее дыхание было подобно злобным вихрям. Ближайший дементор, казалось, размышлял, что делать с Гарри. Потом поднял полусгнившие руки и откинул капюшон. Глаз не было, не было и глазниц. Вместо них — тонкая, серая, покрытая струпьями кожа, но рот имелся — зияющая воронка, всасывающая воздух со звуком, напоминающим предсмертный хрип.
Гарри оцепенел от ужаса — он был не в силах шелохнуться, вымолвить слово. Патронус было вспыхнул, но тут же угас. Всё вокруг окутал туман. Но борьбы прекращать нельзя.
— Экспекто патронум…
Нет даже тонкой струйки. Послышался знакомый плач.
— Экспекто патронум…
Туман сгустился. Гарри стал на ощупь искать Сириуса, нашёл его руку… Они не заберут его!
Внезапно влажные, холодные пальцы обхватили шею Гарри. Он совсем близко почуял зловонное дыхание дементора… Значит, они решили сначала избавиться от него… Крик матери вновь зазвучал в ушах. Её голос, наверное, последнее, что он слышит в жизни…
И тут сквозь туман Гарри померещилось серебряное сияние. Оно разгоралось всё ярче. Гарри ничком упал в траву…
Чуть живой, дрожащий Гарри открыл глаза. Всё кругом было залито слепящим светом. Крик в ушах смолк, холод заметно отступал. Что-то отогнало дементоров, защитило Гарри, Сириуса и Гермиону… Хриплые, всасывающие звуки затихали… воздух теплел… дементоры удалялись.
Гарри через силу приподнялся и увидел животное, излучавшее потоки света. Оно галопом уносилось прочь, прямо по глади озера. Пот заливал глаза, но Гарри пытался разглядеть, кто это… Зверь сверкал, как волшебный единорог…
Стараясь удержать уплывающее сознание, Гарри проследил взглядом за таинственным зверем. Достигнув другого берега, он остановился.
На какой-то миг Гарри увидел рядом с ним чью-то неясную тень. Кто-то очень знакомый приветственно протянул руку, хотел погладить зверя. Кто это? Нет, этого не может быть… Гарри ничего не понимал. Он больше не мог думать, силы оставили его, он уронил голову на траву и лишился чувств.

Глава 21

Секрет Гермионы

— Потрясающе… Просто невероятно… Просто чудо, что никто не погиб… Ни о чём подобном не слышал… Какое счастье, что вы там оказались, Снегг…

— Благодарю вас, министр.

— Орден Мерлина второй степени, это я вам обещаю. Первой степени, если сумею пробить.

— Огромное вам спасибо, министр.

— Вижу, у вас глубокий порез… Работа Блэка, я полагаю?

— Нет, министр. Это Поттер, Уизли и Грэйнджер.

— Быть не может!

— Блэк заколдовал их, я это сразу понял. Помрачающее заклинание, судя по их поведению. Видимо, внушил им, что невиновен. Они не ведали, что творили… Их вмешательство, однако, могло бы помочь Блэку бежать. Похоже, они решили сами, без посторонней помощи поймать его. До сих пор им удавалось выходить сухими из воды, и, боюсь, они слишком возомнили о себе… И конечно, Поттеру директор позволяет неслыханные вольности…

— Естественно, Гарри Поттер, вы же понимаете… Мы все питаем к нему слабость…

— Тем не менее, благотворно ли сказывается на нём столь чрезмерное внимание к его особе? Лично я обращаюсь с ним как с другими учениками. А любого другого ученика исключили бы по меньшей мере временно за то, что подверг своих товарищей такой опасности. Судите сами, министр: в нарушение всех школьных правил, после всех предосторожностей, принятых для его безопасности, ночью, в обществе оборотня и убийцы… К тому же есть основания верить, что он незаконно посещал Хогсмид…

— Ну, ну, Снегг, мы разберёмся. Мальчик, без сомнения, наделал глупостей…

Гарри слушал всё это, лёжа с плотно закрытыми глазами. Он чувствовал невероятную слабость. Казалось, будто слова еле ползут от ушей к мозгу, и потому было трудно что-то понять. Руки и ноги точно налиты свинцом, тяжёлые веки не поднимаются. Хотелось вечно лежать здесь, на этой удобной кровати…

— Но больше всего меня поразило поведение дементоров… У вас нет никакой догадки, что заставило их уйти, Снегг?

— Понятия не имею, министр. Когда я подошёл, они уже расходились к своим постам у выходов с территории.

— Невероятно! Между тем Блэк, Гарри и девочка…

— Все были без сознания, когда я нашёл их. Естественно, я связал Блэка, заткнул ему рот, создал носилки и доставил их всех сюда в замок.

Наступило молчание. Мысли Гарри стали понемногу оживать, и под ложечкой у него засосало. Он открыл глаза.

Всё слегка расплывалось — кто-то снял с него очки. Он лежал в полутёмном больничном крыле. В другом конце палаты Гарри различил мадам Помфри, она стояла к нему спиной, склонившись над чьей-то постелью. Он сощурился, под рукой мадам Помфри виднелась рыжая шевелюра Рона.

Гарри приподнял голову над подушкой. Справа от него на кровати, залитой лунным светом, лежала Гермиона, глаза открыты, вся точно окаменела. Но, заметив, что Гарри очнулся, она приложила палец к губам, махнув на дверь больничного отделения. Та была прикрыта неплотно, и из коридора долетали голоса Снегга и Корнелиуса Фаджа.
В полумраке палаты мадам Помфри поспешила к кровати Гарри. В руках у неё был кусок шоколада размером с добрый валун.
— Ага, проснулся! — просияла мадам Помфри. Она водрузила шоколадную гору на столик возле кровати и принялась молоточком дробить её на части.
— Как Рон? — спросили Гарри и Гермиона одновременно.
— Жив, — сдержанно ответила мадам Помфри. — А что касается вас двоих, вы останетесь здесь, пока я не буду удовлетворена вашим состоянием… Поттер, что вы такое делаете?
Гарри сел, надел очки и взял волшебную палочку.
— Мне надо немедленно увидеть директора, — заявил он.
— Поттер, — ласково промолвила мадам Помфри, — всё в порядке. Блэка поймали. Он заперт наверху. Дементоры с минуты на минуту применят к нему Поцелуй.
— Что?
Гарри спрыгнул с кровати, Гермиона — за ним. Громкий возглас услышали в коридоре, в тот же миг Корнелиус Фадж со Снеггом оказались в палате.
— Гарри, что такое? — встревоженно воскликнул Фадж. — Немедленно в постель! Вы ему дали уже шоколад? — обратился министр к мадам Помфри.
— Министр, пожалуйста, — взволнованно заговорил Гарри. — Сириус Блэк невиновен! Питер Петтигрю давным-давно инсценировал свою смерть! Мы видели его сегодня ночью! Нельзя так наказывать Сириуса, он…
Но Фадж, печально улыбнувшись, покачал головой:
— Гарри, Гарри, у тебя всё в голове перепуталось. Ты прошёл через страшное испытание… Ложись скорее. Опасность уже позади.
— Всё это не так! — закричал Гарри. — Вы схватили невинного человека!
— Министр, послушайте, пожалуйста. — Гермиона встала рядом с Гарри, устремив на Фаджа умоляющий взгляд. — Я тоже видела его… Он был крысой Рона. А на самом деле он анимаг — я говорю о Питере Петтигрю…
— Вот видите, министр, — пожал плечами Снегг. — Оба околдованы… Блэк применил заклинание…
— Мы не околдованы! — разошёлся Гарри.
— Министр! Профессор! — сердито вмешалась мадам Помфри. — Я вынуждена настаивать, чтобы вы немедленно ушли! Поттер мой пациент, его нельзя волновать!
— Я не волнуюсь. Я пытаюсь рассказать, что произошло на самом деле! — вспылил Гарри. — Выслушайте же меня!
Но тут мадам Помфри изловчилась и сунула ему в рот здоровенный кусок шоколада. Гарри смолк, и она силой уложила его в постель.
— А теперь, пожалуйста, министр… Дети нуждаются в покое. Приходите завтра.
Но тут дверь снова распахнулась. На сей раз вошёл Дамблдор. Неимоверным усилием Гарри проглотил шоколад и опять вскочил.

— Профессор Дамблдор, Сириус Блэк…
— Ради всех святых! — возопила мадам Помфри. — Здесь больничное крыло или что? Директор, я настаиваю…
— Прошу прощения, Поппи, но мне надо сказать два слова мистеру Поттеру и мисс Грэйнджер, — вежливо произнёс Дамблдор. — Я только что разговаривал с Сириусом Блэком…
— Догадываюсь. Он поведал вам ту же сказочку, которой заморочил голову Поттеру, — фыркнул Снегг. — Что-то там о крысе, о том, что Петтигрю жив…
— Да, действительно, так он и говорил, — кивнул Дамблдор, разглядывая Снегга сквозь свои очки-половинки.
— Выходит, моё свидетельство ничего не значит? — зарычал Снегг. — Питера Петтигрю не было ни в Визжащей хижине, ни на территории замка. Никаких признаков!
— Потому что вы были в обмороке, профессор! — горячо возразила Гермиона. — Вы пришли слишком поздно. И не всё слышали.
— Мисс Грэйнджер, придержите язык!
— Что это вы, Снегг, — укорил профессора Фадж. — У юной леди лёгкое помрачение рассудка. Надо быть снисходительнее.
— Мне хотелось бы поговорить с Гарри и Гермионой наедине, — твёрдо сказал Дамблдор. — Корнелиус, Северус, Поппи, будьте добры, оставьте нас.
— Но директор! — возмущённо заклокотала мадам Помфри. — Дети нуждаются в лечении, отдыхе…
— Дело не терпит отлагательств, — нахмурил брови Дамблдор. — Я вынужден настаивать.
Мадам Помфри поджала губы и удалилась к себе в кабинет, хлопнув дверью. Фадж взглянул на внушительные золотые часы, висевшие у него на жилетной цепочке.
— Дементоры сейчас подойдут. Надо встретить их, Дамблдор, увидимся наверху.
Он подошёл к двери, открыл её, приглашая Снегга, но тот и не подумал тронуться с места.
— Вы, надеюсь, не поверили ни одному слову Блэка? — прошипел он, впившись глазами в лицо Дамблдора.
— Я хочу поговорить с Гарри и Гермионой наедине, — повторил Дамблдор.
Снегг подступил к нему на шаг.
— Сириус Блэк проявил наклонности убийцы ещё в шестнадцать лет. Вы забыли это, директор? Забыли, что однажды он пытался убить меня?
— Я пока на память не жалуюсь, Северус, — спокойно отозвался Дамблдор.
Снегг повернулся на каблуках и проследовал из палаты, Фадж всё ещё придерживал для него дверь. Дамблдор повернулся к Гарри с Гермионой, и, едва дверь захлопнулась, оба наперебой заговорили:
— Профессор, Блэк говорит правду: мы сами видели Петтигрю…
— Он убежал, когда профессор Люпин превратился в волка…
— Стал крысой…
— У Петтигрю на передней лапе, нет, на руке нет пальца. Он сам отрезал его…
— Это Петтигрю напал на Рона, а не Сириус…

Дамблдор поднял руку, прервав этот поток объяснений.
— Теперь ваша очередь слушать, и я попросил бы не перебивать меня, потому что времени у нас чрезвычайно мало, — начал он негромко. — Кроме ваших слов, нет никаких доказательств, подтверждающих рассказ Блэка. А слова двух тринадцатилетних волшебников, увы, никого не убедят. На улице было полно очевидцев, которые поклялись, что видели, как Сириус убил Петтигрю. Я сам свидетельствовал перед министром, что Сириус был у Поттеров Хранителем Тайны.
— Профессор Люпин может подтвердить… — не удержался Гарри.
— Профессор Люпин далеко в лесу и не в состоянии кому-либо что-либо рассказать. А когда он снова обретёт человеческий облик, будет уже поздно. И Сириус будет хуже, чем мёртв. Могу добавить, что у большинства моих коллег оборотни вызывают столь мало доверия, что его поддержка едва ли поможет. Особенно если учесть, что они с Блэком старые друзья.
— Но…
— Пойми, Гарри, у нас нет времени. Версия профессора Снегга выглядит гораздо убедительнее вашей.
— Он ненавидит Сириуса, — с отчаянием вымолвила Гермиона. — И всё из-за той глупой шутки, которую Сириус с ним сыграл…
— Согласитесь, Сириус вёл себя подозрительно. Напал на Полную Даму, проник с ножом в башню Гриффиндора. Ко всему этому Петтигрю, живой он или мёртвый, не имеет никакого отношения. И у нас нет ни малейшей возможности доказать его невиновность.
— Но вы-то верите нам.
— Да, верю, — невозмутимо согласился Дамблдор. — Но я бессилен заставить других прозреть истину или отменить решение министра магии. У меня нет такой власти.
Глядя на его огорчённое лицо, Гарри почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он уже давно свыкся с мыслью о всемогуществе Дамблдора и рассчитывал, что директор запросто, одним махом найдёт какое-то удивительное решение. И вот их последние надежды рушились.
— Сейчас нужно одно, — медленно проговорил Дамблдор, и его яркие голубые глаза перебежали с Гарри на Гермиону, — выиграть время.
— Но… — начала было Гермиона, и тут глаза у неё округлились. — Ну конечно!
— Теперь внимание. — Дамблдор заговорил тихо и отчётливо. — Сириус заперт в кабинете профессора Флитвика на восьмом этаже, тринадцатое окно справа от Западной башни. Если всё сложится удачно, сегодня ночью вы спасёте две невинные жизни. Но запомните оба: вас никто не должен видеть. Мисс Грэйнджер, вы это знаете и знаете, сколь велик риск… Вас — никто — не должен — видеть.
Гарри понятия не имел, о чём идёт речь. А Дамблдор встал и, дойдя до двери, обернулся.
— Я закрою вас здесь. Сейчас, — он взглянул на часы, — без пяти двенадцать. Мисс Грэйнджер, вам хватит трёх оборотов. Желаю удачи.
— Желаю удачи? — повторил Гарри, как только за Дамблдором закрылась дверь. — Три оборота? О чём он говорил? Что мы будем делать?

Гермиона пошарила у себя за пазухой и извлекла очень длинную золотую цепь.
— Гарри, иди сюда, — велела она. — Быстро!
Гарри подошёл к ней, окончательно сбитый с толку. Гермиона подняла цепь перед собой, и он увидел на ней крохотные, сверкающие песочные часы.
— Встань ближе.
Она накинула цепь и ему на шею.
— Не шевелись.
— Да что ты такое делаешь? — Гарри совершенно растерялся.
Гермиона трижды перевернула песочные часы. Темнота в палате рассеялась, и Гарри почувствовал, что очень быстро он летит куда-то назад. Мимо неслись смутные цветные пятна и контуры, уши заложило — он попытался крикнуть, но не слышал своего голоса…
Но вот под ногами вновь появилась твёрдая почва, и всё опять обрело привычные очертания.
Они с Гермионой стоят в пустынном холле, из распахнутых парадных дверей на мощёный пол льётся поток золотых солнечных лучей. Гарри ошарашено взглянул на Гермиону и на цепь от часов, врезавшуюся ему в шею.
— Гермиона, что произошло?
— Быстро! — Гермиона схватила его за руку и потащила через холл к чулану, где хранились швабры, щётки и вёдра, втолкнула его туда, вошла сама и прикрыла за собой дверь.
— Что… Как… Гермиона, я ничего не понимаю!
— Мы переместились назад во времени, — шёпотом объяснила Гермиона. В темноте она сняла цепь с шеи Гарри. — На три часа.
Гарри нащупал свою ногу и что было силы ущипнул. Вышло очень больно. Да, похоже, это и впрямь не фантастический сон.
— Но…
— Ш-ш-ш-ш! Слушай! Кто-то идёт! Скорее всего, мы!
Гермиона прижалась ухом к двери чулана.
— Шаги в холле… Да, это мы идём к Хагриду!
— Ты хочешь сказать, — прошептал Гарри, — что мы здесь, в этом чулане, и снаружи?
— Ну да, — кивнула Гермиона, не отрывая уха от двери. — Уверена, это мы… по звуку не больше трёх человек… и идём медленно — ведь на нас мантия-невидимка…
Она умолкла, по-прежнему напряжённо прислушиваясь.
— Мы спускаемся по парадной лестнице… — Гермиона присела на перевёрнутое ведро — вид у неё был очень взволнованный. Но Гарри желал услышать ответы на некоторые вопросы.
— Где ты достала эту песочную штуковину?
— Она называется Маховик Времени, — вполголоса начала рассказ Гермиона, — мне её дала профессор МакГонагалл после летних каникул. Благодаря этому Маховику я успевала посещать все мои занятия. Профессор МакГонагалл взяла с меня клятву, что я ничего никому не скажу. Ей пришлось написать множество писем в Министерство магии, чтобы мне позволили пользоваться Маховиком; она убедила их, что я — идеальная студентка и никогда не применю его ни для чего, кроме учёбы… С его помощью я возвращалась назад

во времени и заново использовала уже истёкшие часы — так я бывала на нескольких уроках одновременно. Но, Гарри, я не понимаю, чего сейчас хочет от нас Дамблдор, что именно мы должны сделать. Почему он сказал вернуться именно на три часа? Как это может помочь Сириусу?

Гарри в задумчивости посмотрел на её скрытое полумраком лицо:

— По-моему, он хочет, чтобы мы изменили события, которые в это время произошли. Три часа назад мы отправились к Хагриду…

— Сейчас и есть три часа назад, и мы как раз идём к Хагриду, — вставила Гермиона. — Мы сию минуту слышали, как мы уходим…

Гарри наморщил лоб: ему казалось, он чувствует, как у него напряглись мозги.

— Дамблдор сказал прямо: мы можем спасти две невинные жизни… — И тут его осенило: — Гермиона, он нам подсказал — это Клювокрыл!

— А как же Сириус?

— Дамблдор нам точно указал, где окно кабинета Флитвика! А там они держат Сириуса! Надо подняться к окну на Клювокрыле и вызволить Сириуса. Они улетят и оба спасутся!

Судя по лицу Гермионы, она пришла в ужас.

— Если нам это удастся и нас никто не заметит, это будет чудо!

— Но попытаться можно? — Гарри поднялся и тоже приложил ухо к двери. — Никого не слышно… Идём!

Он приоткрыл дверь чулана. Холл был пуст. Стараясь не шуметь, друзья выскочили из комнатки и спустились по каменным ступеням. Тени уже вытягивались, верхушки Запретного леса позолотились последними лучами.

— А вдруг кто-то смотрит в окно… — Гермиона оглянулась на замок.

— Придётся бежать, — с решимостью сказал Гарри. — И прямо в лес. Спрячемся за деревьями и понаблюдаем.

— Согласна, но побежим вокруг теплиц, — предложила Гермиона. — Чтобы из двери Хагрида нас тоже не было видно. Иначе нас знаешь кто заметит — мы сами!

Так и не поняв, что она имела в виду, Гарри сорвался с места, Гермиона бросилась за ним. Они стремглав пронеслись мимо грядок с овощами к оранжереям, секунду выждали за ними и помчались во все лопатки дальше, обогнули Гремучую иву, спеша укрыться под пологом леса.

Оказавшись в безопасности, Гарри оглянулся — мгновение спустя подоспела запыхавшаяся Гермиона.

— Прекрасно, — переводя дух, вымолвила она. — Теперь идём к домику Хагрида. Осторожнее, Гарри, не дай бог, нас кто увидит.

Неслышно ступая, друзья пошли меж деревьев, держась опушки леса. В просветах листвы показалась хижина Лесничего и до них тут же донёсся стук в дверь. Они поскорее спрятались за неохватным стволом векового дуба, выглядывая с обеих сторон. На порог вышел бледный, дрожащий Хагрид, озираясь: кто же это стучал? Гарри услышал собственный голос:

— Это мы. Под мантией-невидимкой. Впусти нас скорее, мы её снимем.

— Эх, не след бы вам приходить, — опечалился Хагрид. Он отступил назад и поспешно прикрыл дверь.
— Потрясающе! — восхитился Гарри.
— Идём ближе к хижине, — прошептала Гермиона. — Надо быть рядом с Клювокрылом.
Прокрались за деревьями и увидели встревоженного гиппогрифа, привязанного к изгороди у тыквенной грядки.
— Сейчас? — шепнул Гарри.
— Ни в коем случае. Если мы похитим его сейчас, Комиссия подумает, что Хагрид выпустил его на свободу! Надо, чтобы они увидели его здесь, на привязи!
— Но тогда у нас останется не больше шестидесяти секунд, — покачал головой Гарри. Затея начала казаться невыполнимой.
В это время в домике послышался звон бьющегося фарфора.
— Это Хагрид разбил кувшин, — вздохнула Гермиона. — И я сейчас найду Коросту.
Действительно, спустя несколько минут они услышали изумлённый возглас Гермионы.
— Гермиона, а что, если… Мы ворвёмся внутрь и схватим Петтигрю? — неожиданно предложил Гарри.
— Ты что? — шёпотом произнесла Гермиона. — Мы нарушим важнейший волшебный закон. Никаких изменений во времени! Это нельзя! Ты же слышал Дамблдора: если нас увидят…
— Кто нас увидит? Мы сами да ещё Хагрид!
— Гарри, вообрази: ты видишь себя, как ты врываешься в хижину…
— Н-ну… я бы подумал, что спятил или столкнулся с тёмной магией…
— И наверняка набросился бы на самого себя! Профессор МакГонагалл рассказывала кошмарные случаи. Волшебники иногда вмешивались в ход времени… И многие убивали себя — в прошлом или в будущем!
— Ну, ладно, — не стал спорить Гарри. — Это я так, просто подумал…
Гермиона толкнула его локтем и указала на замок. Гарри немного подвинулся, чтобы ветки не загораживали темнеющие вдалеке парадные двери, — по ступеням спускались Дамблдор, Фадж, древний старец — член Комиссии — и палач Макнейр.
Пальцы Гермионы стиснули плечо Гарри:
— Сейчас из хижины выйдем мы.
В самом деле, спустя мгновение задняя дверь отворилась, и Гарри увидел самого себя, Рона и Гермиону, выходящих с Хагридом. Такого он ещё никогда в жизни не ощущал — лежать под деревом и видеть самого себя на тыквенной грядке.
— Всё в порядке, Клювик, всё в порядке. — Хагрид погладил Клювокрыла, и, повернувшись к друзьям, прибавил: — Уходите скорее!
— Мы не уйдём…
— Мы им расскажем, как всё было на самом деле…
— Они не посмеют убить его…
— Идите! — взревел Хагрид. — Хватает бед и без ваших неприятностей!
Гарри смотрел, как Гермиона, стоя на грядке, накинула мантию на него и Рона.
— Бегите быстрее. И не слушайте…

В переднюю дверь постучали. Это пожаловали свидетели и исполнитель приговора. Хагрид оглянулся вокруг и пошёл обратно в дом, оставив заднюю дверь приоткрытой. Гарри видел, как под их шагами приминалась трава, слышал удаляющийся топот трёх пар ног. Невидимые Гарри, Рон и Гермиона ушли, но Гарри и Гермиона, спрятавшиеся за деревьями, благодаря приоткрытой двери, могли слышать всё, что происходило внутри.
— Где чудовище? — раздался голос Макнейра.
— Снаружи… на улице… — с трудом произнёс Хагрид.
Гарри поспешно убрал голову — в окне домика появилось лицо Макнейра, тот высматривал Клювокрыла.
— Видите ли… хм… — послышался голос Фаджа. — Я сейчас зачитаю постановление о казни, Хагрид. Это не займёт много времени, затем вы с Макнейром подпишете его. Это, Макнейр, входит в ваши обязанности. Таков закон…
Физиономия Макнейра в окне исчезла. Наступил решающий момент — теперь или никогда.
— Жди здесь: — Гарри повернулся к Гермионе. — Я сейчас всё сделаю.
Не успел Фадж рта раскрыть, как Гарри выскочил из-за дерева, перемахнул через изгородь и очутился возле Клювокрыла.
— «Согласно решению Комиссии по обезвреживанию опасных существ, гиппогриф Клювокрыл, в дальнейшем именуемый осуждённым, должен быть казнён шестого июня на закате…» — монотонно бубнил Фадж.
Стараясь не моргнуть, Гарри устремил взгляд в свирепый оранжевый глаз гиппогрифа и низко поклонился. Клювокрыл бухнулся на чешуйчатые колени и опять встал. Гарри быстро развязал верёвку, которой Клювокрыл был привязан к забору.
— «… приговорён к смерти через отсечение головы, каковое должно быть произведено назначенным Комиссией экзекутором Уолденом Макнейром…»
— Вперёд, Клювик, — чуть слышно уговаривал гиппогрифа Гарри. — Вперёд, мы хотим тебе помочь… Только тихо…
— «…что и засвидетельствовано ниже означенными…» Хагрид, распишешься вот тут…
Гарри всей тяжестью повис на верёвке, но гиппогриф словно врос лапами в землю.
— Пора приступать, — раздался скрипучий голос старца. — Хагрид, вам лучше остаться здесь…
— Нет, мне… это… надо быть… с ним. Не хочу, чтобы… ну, он был один…
В хижине послышались шаги.
— Клювик, ну иди! — отчаянно шипел Гарри, изо всех сил дёргая верёвку, привязанную к ошейнику гиппогрифа, и тот наконец стронулся с места, недовольно зашелестев крыльями. Оставалось пройти десять футов открытого пространства между задней дверью и лесом.
— Ещё одну минутку, прошу вас, Макнейр, — прозвучал голос Дамблдора. — Вам ведь тоже надо подписать.
Шаги в хижине остановились. Гарри сильнее потянул верёвку. Клювокрыл щёлкнул клювом и прибавил ходу. Вместе перескочили через изгородь.
Из-за дерева выглянуло бледное лицо Гермионы.
— Скорее, Гарри! — одними губами прошептала она.

До Гарри доносился голос Дамблдора. Мальчик что было мочи дёрнул верёвку, и Клювокрыл неохотно перешёл на рысь. Вот они уже поравнялись с первыми деревьями…
— Быстрее, быстрее, — взмолилась Гермиона. Она выбежала навстречу, ухватилась за верёвку и тоже налегла. Гарри оглянулся через плечо — огород Хагрида пропал из виду: значит, из хижины их уже не видно.
— Стой! — шёпотом приказал он. — Нас могут услышать…
Задняя дверь хижины со стуком распахнулась. Гарри, Гермиона и Клювокрыл замерли в безмолвии — даже гиппогриф, казалось, напряжённо прислушивается.
Тишину взорвал визгливый фальцет дряхлого члена Комиссии.
— Где он? Где чудовище?
— Он был привязан здесь! — с бешенством заорал палач Макнейр. — Я же только что его видел! На этом самом месте!
— Невероятно! — воскликнул Дамблдор, явно изумлённый. В его голосе слышались нотки весёлого изумления.
— Клювик! — прохрипел Хагрид.
Раздался свист и удар топора — похоже, палач в ярости рубанул по изгороди. Тут же грянул вопль, перешедший в рыдание.
— Убежал! Убежал! — вопил Хагрид. — Клювик мой, хороший, умный мальчик!
Клювокрыл рванул верёвку, устремясь назад, к Хагриду. Гарри с Гермионой еле удерживали его, вцепившись мёртвой хваткой, и зарывались каблуками в рыхлую лесную почву.
— Кто-то отвязал его! — рычал палач. — Надо обыскать лес и территорию замка…
— Макнейр, если Клювокрыла и в самом деле похитили, то неужели вы и впрямь полагаете, что похититель поведёт его пешим ходом? — В тоне Дамблдора явно звучала насмешка. — Обыскивайте небеса, если на то пошло… Хагрид, я бы не отказался от чашки чая. Или хорошего глотка бренди…
— Ну да, профессор. — Хагрид был сам не свой от счастья. — Заходите, заходите…
Гарри и Гермиона внимательно слушали. Они различили шаги, тихую ругань палача, стук закрывшейся двери и вновь наступившую тишину.
— Теперь что? — прошептал Гарри, осматриваясь.
Гермиона ещё не пришла в себя от потрясения.
— Останемся пока здесь… Подождём, когда они вернутся в замок. Улучим момент и подлетим на Клювокрыле к окну Сириуса… Его там не будет ещё часа два… Ох, как всё это сложно…
Она с тревогой оглянулась на лесную чащу. Солнце садилось. Гарри в задумчивости почесал бровь.
— Придётся сменить место, чтобы видеть Гремучую иву. Иначе не будем знать, что происходит.
— Ладно. — Гермиона ещё крепче сжала верёвку Клювокрыла. — Но помни: нас никто не должен увидеть.
Пошли вдоль опушки леса. Наконец нашли удобное местечко в лесной чаще, откуда была хорошо видна Ива. Быстро смеркалось.

— Это Рон! — охнула Гермиона.
По лугу неслась тёмная фигура, и в дремлющем ночном воздухе далеко разносились крики:
— Живоглот, пшёл отсюда! Короста, ко мне!
Откуда ни возьмись, появились ещё двое: Гарри видел себя и Гермиону, мчащихся вслед за Роном.
— Коросточка! Брысь, чёртов кот!
У Гарри сжалось сердце:
— Сириус!
Возле Ивы возник силуэт гигантского пса; на глазах друзей он сбил с ног Гарри, потом схватил Рона…
— Отсюда выглядит ещё страшнее! — сказал Гарри, глядя, как пёс втаскивает Рона в дыру между корней. — Нет, ты гляди! Ива ударила меня… теперь тебя… Вот это да!
Гремучая ива скрипела и хлестала нижними ветвями. Гарри с Гермионой наблюдали, как они бегают вокруг, пытаясь подобраться к корням. Дерево вдруг замерло.
— Это Глотик нажал на сучок, — сказала Гермиона.
— Мы наконец у спуска в тоннель, — комментировал Гарри. — Всё, мы внутри.
Не успели они скрыться, Ива ожила. Ещё секунда-другая и совсем близко послышались шаги: Дамблдор, Макнейр, Фадж и почтенный представитель Комиссии возвращались обратно в замок.
— Сразу же после того, как мы спустились в тоннель! — воскликнула Гермиона. — Если бы Дамблдор мог пойти с нами…
— Макнейр и Фадж тоже бы за ним полезли, — мрачно отозвался Гарри. — Спорим на что угодно, Фадж приказал бы Макнейру убить Сириуса на месте…
Четверо мужчин поднялись в замок по парадной лестнице. Несколько минут сцена пустовала. И вот…
— Смотри, идёт Люпин! — объявил Гарри: кто-то сбежал по каменным ступеням и со всех ног припустил к Иве, Гарри взглянул на небо — луна полностью скрылась за облаками. Люпин поднял с земли сломанную ветку и ткнул ею в сучок на стволе. Дерево утихло, и Люпин тоже исчез в тоннеле.
Гарри покачал головой:
— Как жаль, что он не захватил мантию… Она ведь как раз там лежит на земле… — Он обернулся к Гермионе: — Давай я сейчас выскочу и подберу её, тогда она не попадёт Снеггу в руки и…
— Гарри, нас никто не должен видеть!
— И ты можешь такое вынести? — рассердился Гарри. — Просто сидеть и смотреть на этот ужас. Я всё-таки сбегаю за мантией.
— Гарри, нет!
Гермиона вцепилась сзади в его мантию — и вовремя. Над лугом разнеслось громовое пение. Это был Хагрид. Он брёл наверх, к замку, покачиваясь и горланя на пределе своей могучей глотки, размахивая в такт здоровенной бутылью.
— Видишь? — укорила Гарри Гермиона. — Видишь, что могло случиться? Нам никому нельзя показываться на глаза! Да стой же ты, Клювокрыл!

Гиппогриф вновь неистово рвался к Хагриду, Гарри вместе с Гермионой еле удерживали его. Развесёлый Хагрид на нетвёрдых ногах поднялся в замок и исчез за дверями. Клювокрыл перестал вырываться, и голова его печально поникла.
Не прошло и двух минут, как двери замка вновь распахнулись, и на лестницу выскочил Снегг и бросился к Иве. У Гарри сжались кулаки. Возле дерева Снегг замедлил шаг и огляделся по сторонам. Увидел мантию-невидимку и поднял её с земли.
— Убери от неё свои грязные руки! — шёпотом прорычал Гарри.
— Ш-ш-ш-ш!
Снегг взял ту же самую ветку, что и Люпин, дотянулся до сучка на стволе и, закутавшись в мантию, нырнул в дыру между корнями.
— Ну вот, — удовлетворённо заметила Гермиона. — Теперь мы все там. Остаётся только ждать, пока мы снова появимся…
Она крепко привязала Клювокрыла к дереву, села на землю, выбрав место посуше, и обняла колени руками.
— Я, знаешь, чего не могу понять… Почему дементоры не забрали Сириуса? Помню, как они подошли, их было так много. И тут, по-моему, я отключилась.
Гарри тоже сел. И рассказал то, что видел: едва дементор приблизил к нему рот, что-то большое, серебряное примчалось галопом по озеру, и дементоры отступили.
Гермиона слушала Гарри, в изумлении приоткрыв рот.
— Но что это было?
— Это могло быть только одно… Отогнать дементоров под силу только настоящему Патронусу.
— Но кто его создал?
Гарри ничего не ответил. Он воскрешал в памяти того, кто появился на другом берегу озера. У него была мысль, кто это. Но нет, такое просто невозможно!
— На кого он похож? — настаивала Гермиона. — Кто-то из преподавателей?
— Нет, — ответил Гарри, — не преподаватель.
— Но это был очень сильный волшебник — он один отогнал всех дементоров… Ты говоришь, Патронус был очень яркий. Он его осветил? Неужели ты не разглядел его?
— Разглядел… — медленно проговорил Гарри. — Но… может, я только это вообразил… Я ведь тут же потерял сознание…
— Так кто это, по-твоему, был?
— Кто?.. — Гарри сглотнул, отдавая себе отчёт, как странно прозвучит его ответ. — Я думаю, это был мой отец.
Гермиона вытаращила глаза, в них Гарри прочитал тревогу и сострадание.
— Но, Гарри, твой отец… он ведь умер, — тихо произнесла она.
— Знаю.
— Ты думаешь, что видел его призрак?
— Нет… Он был как живой, из плоти.
— Но тогда…
— Наверное, галлюцинация. — Гарри потёр лоб. — Но, судя по фотографиям, точь-в-точь он…

Гермиону явно обеспокоило его душевное состояние.
— Понимаю, ты думаешь, это временное помешательство. — Гарри отвернулся, как будто хотел взглянуть на Клювокрыла, который клювом искал в земле червей. Но Гарри даже не видел его.
Он думал об отце и трёх его старинных друзьях… Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост… Неужели здесь были этой ночью все четверо? Все считали, что Хвост давно погиб, а он объявился сегодня вечером. Может, и отец жив? Или это была галлюцинация? Человек был на той стороне озера, довольно далеко и всё же целый миг Гарри был уверен…
Над головой ветерок чуть слышно шелестел листьями, луна то появлялась, то скрывалась за облаками; Гермиона сидела молча, повернувшись лицом к Иве.
Наконец, по прошествии часа…
— Вот и мы! — прошептала Гермиона.
Оба вскочили на ноги, Клювокрыл поднял от земли голову: Люпин, Рон и Петтигрю неуклюже выкарабкались из дыры между корнями. За ними Гермиона, следом выплыл, странно колыхаясь, бесчувственный Снегг, последними вылезли Гарри и Блэк. Вся компания двинулась вверх по склону к замку.
У Гарри заколотилось сердце. Он посмотрел на небо — в любую минуту облака могли разойтись и окрестности зальёт лунный свет.
— Гарри, — предупредила Гермиона, словно угадав его мысли. — Оставайся на месте, не то нас увидят… Мы всё равно ничего не можем сделать.
— Пусть, значит, Петтигрю сбежит ещё раз, — проворчал Гарри.
— Как ты собираешься ловить в темноте крысу? — воззвала Гермиона к здравому смыслу. — Мы вернулись во времени, чтобы спасти Сириуса. И только за этим!
— Ладно, ладно, хорошо…
Выглянула луна. Далёкие силуэты на лугу остановились, началось какое-то движение.
— Это Люпин, — тихо сказала Гермиона. — Он превращается.
Вдруг Гарри осенило.
— Гермиона! Нам нельзя здесь оставаться! Надо немедленно уходить.
— Говорю тебе: нельзя…
— Да я о другом! Ведь Люпин побежит по лесу как раз там, где мы прячемся.
Гермиона ахнула.
— Скорее! — Она кинулась отвязывать Клювокрыла. — Скорее отсюда! Где лучше спрятаться? Дементоры появятся в любую минуту!
— Обратно к Хагриду! Там сейчас никого!
Бросились бежать со всех ног, Клювокрыл галопом следовал за ними. Позади раздался жуткий вой оборотня…
Вот и хижина. Гарри затормозил перед самой дверью, рывком распахнул её, Гермиона с Клювокрылом ворвались внутрь, он метнулся следом и с грохотом задвинул засов. Волкодав Клык оглушительно залаял.
— Тише, Клык, это мы, — успокоила его Гермиона и почесала пса за ухом. — Чудом спаслись!

— И правда чудом.
Он посмотрел в окно. Отсюда было труднее следить за происходящим. Зато Клювокрыл был вполне счастлив в доме Хагрида: улёгся перед камином, с довольным видом сложил крылья и приготовился хорошенько вздремнуть.
— Я, пожалуй, выйду, — предложил Гарри. — Отсюда ничего не увидишь. Мы можем упустить время.
Гермиона взглянула на него с подозрением.
— Да не собираюсь я ничего делать, — заверил её Гарри. — Самое страшное сейчас — прозевать момент.
— Ладно, иди. Я подожду тебя здесь с Клювокрылом… Но смотри, Гарри, будь осторожней. Рядом оборотень и дементоры…
Снова оказавшись снаружи, Гарри осторожно пошёл в обход хижины. Издалека донёсся жалобный вой — это дементоры окружают Сириуса; они с Гермионой подбегут к нему с минуты на минуту…
Гарри не сводил глаз с озера, сердце в грудной клетке выбивало барабанную дробь. Кто бы ни послал Патронуса, он может появиться в любое мгновение.
Стоя у двери Хагрида, Гарри заколебался. «Меня никто не должен видеть». Никто и не увидит. Он сам хочет увидеть… Чтобы точно знать…
А вот и дементоры. Они тут и там возникали из мрака, скользя вдоль кромки воды в другую от Гарри сторону. А он к ним приближаться не будет…
И Гарри побежал. Он думал сейчас об отце, только о нём. Вдруг всё-таки это отец. Сейчас он всё выяснит.
Озеро приближалось, вокруг ни души. На том берегу серебром замерцали слабые вспышки — его собственные попытки создать Патронуса.
У самой воды всё заросло кустарником; Гарри продирался сквозь него, отчаянно вглядываясь в прогалы листвы. Серебряное мерцание на берегу внезапно погасло. Страшное волнение охватило его: сию минуту… вот-вот…
— Ну, папа, давай! — шептал он, озираясь кругом. — Где ты? Появись!
Никого. Гарри вгляделся в кольцо дементоров. Один из них откинул капюшон. Сейчас явится спаситель… но помощи в этот раз не было.
И тут его озарило. Он не отца видел — он видел самого себя.
Гарри выскочил из кустов и достал волшебную палочку.
— Экспекто патронум!
И тогда из палочки вырвалось не бесформенное туманное облако, но сверкающий серебром зверь. Гарри прищурился, стараясь разглядеть, что это. Животное напоминало лошадь. Оно галопом понеслось прямо по чёрной глади озера, нагнув голову, бросилось на дементоров и замелькало среди тёмных фигур. Дементоры отступили, начали отходить назад, во тьму… и наконец их не стало.
Патронус повернул. Помчался по недвижной поверхности воды назад, к Гарри. Это была не лошадь, не единорог. Это был олень. Он сиял так ярко, как луна в небе… Он возвращался к Гарри.

У самого берега олень остановился. Его копыта не оставляли следов на мягкой земле. Он глядел на Гарри громадными серебряными глазами. Потом медленно наклонил увенчанную ветвистыми рогами голову. И Гарри догадался…
— Сохатый… — прошептал он. Протянул дрожащие пальцы к сказочному созданию, но оно в мгновение ока исчезло.
Гарри так и остался стоять с вытянутой рукой. Сердце неистово стучало. Сзади вдруг послышались шаги. Гарри обернулся — к нему спешила Гермиона, тащившая за собой Клювокрыла.
— Что ты сделал? — яростно прошептала она. — Ты же сказал, что только покараулишь.
— Я только что спас наши жизни, — ответил Гарри. — Иди сюда за этот куст… Я всё тебе объясню.
Гермиона слушала, и у неё в который раз открылся от изумления рот.
— Кто-нибудь тебя видел?
— Ну конечно, ты что, не поняла? А тогда я видел себя, но подумал, что это отец! Значит, всё в порядке!
— Гарри, не могу поверить. Ты создал Патронуса, который прогнал всех дементоров! Это очень, очень мощная магия…
— Я знал, что у меня получится. Потому что и тогда получилось. Теперь всё ясно?
— Не знаю… Гарри, ты только посмотри на Снегга…
Гарри выглянул из кустарника. Снегг на том берегу пришёл в себя. Соорудил волшебные носилки и уложил на них безвольные тела Гарри, Гермионы и Блэка. Четвёртые носилки, на которых лежал Рон, уже парили неподалёку. Подняв перед собой волшебную палочку, Снегг двинул свою флотилию к замку.
— Ладно, пусть. Время на исходе. — Гермиона взглянула на часы. — У нас всего сорок минут до того, как Дамблдор запрёт дверь в больничное крыло. А нам надо спасти Сириуса и вернуться в палату, пока не заметили наше отсутствие…
Они ещё подождали, наблюдая, как плывущие облака отражаются в озере, слушая шелест листвы. Клювокрыл, заскучав, вновь занялся поисками червей.
— Как, по-твоему, его уже отвели наверх? — Гарри тоже посмотрел на часы, перевёл взгляд на замок и стал считать окна справа от Западной башни.
— Посмотри-ка! — отвлекла его Гермиона. — Кто бы это мог быть? Он выходит из замка!
Гарри вгляделся в темноту. какой-то мужчина быстрым шагом шёл через луг по направлению к одному из выходов. За поясом у него что-то блеснуло.
— Макнейр! — сказал Гарри. — Пошёл за дементорами. Пора, Гермиона…
Гермиона положила руки на спину Клювокрылу, Гарри подсадил её, затем ступил на нижнюю ветку ближайшего деревца и, вскочив на Клювокрыла, сел впереди Гермионы. Перекинув верёвку поверх его шеи, привязал конец к ошейнику с другого боку. Получилось что-то вроде вожжей.
— Готова? — тихо спросил он Гермиону. — Держись крепче.
И Гарри каблуками толкнул Клювокрыла.
Гиппогриф с места взмыл в тёмное небо. Чувствуя под собой мощные взмахи громадных крыльев, Гарри сжал коленями его бока. Гермиона, вцепившись в Гарри, испуганно

шептала:
— Ой, мне это не нравится. Совсем не нравится…
Гарри направил Клювокрыла вперёд, и вскоре гиппогриф набирал высоту уже у самой стены замка. Гарри с силой потянул левый повод, и Клювокрыл повернул, а Гарри стал считать пролетающие мимо окна.
— Тпру! — завопил он у одного окна и рывком натянул поводья.
Клювокрыл резко сбавил скорость, и они остановились, если не считать, что их бросало вверх-вниз в такт взмахам крыльев, удерживающих гиппогрифа в воздухе.
— Он здесь! — Гарри заметил в окне Сириуса. Когда крылья опустились, протянул руку и осторожно постучал в стекло.
Блэк поднял глаза, и у него отпала челюсть. Беглец соскочил с кресла, бросился к окну, хотел открыть, но оно было заперто.
— Алохомора!
Окно со звоном открылось.
— Но как?.. Как? — Блэк от изумления потерял голос, уставившись на гиппогрифа.
— Скорее сюда, у нас совсем мало времени. — Гарри мёртвой хваткой обхватил глянцевую шею Клювокрыла, удерживая его на уровне окна. — Тебе надо немедленно бежать отсюда. Дементоры уже на подходе, за ними пошёл Макнейр.
Взявшись за края рамы, Блэк высунул наружу голову и плечи — к счастью, он был очень худ — и через несколько секунд он уже сидел на спине гиппогрифа позади Гермионы.
— Отлично… Клювокрыл, а теперь скорее на верх башни! — скомандовал Гарри, дёрнув верёвку.
Один взмах могучих крыльев — и они снова летят ввысь, на самую верхушку Западной башни. Цокнув когтями, Клювокрыл приземлился на площадке, окружённой зубчатой стеной. Гарри с Гермионой тотчас соскочили с него.
— Сириус, немедленно улетай, — переводя дух, сказал Гарри. — Они вот-вот придут в кабинет Флитвика и увидят, что тебя нет.
Клювокрыл скрёб по крыше лапой, потряхивая остроклювой головой.
— А что с другим мальчиком? Роном? — спросил Сириус.
— С ним будет всё нормально. Пока-то не очень, но мадам Помфри уверяет, что она его вылечит. Скорее лети, Блэк!
Но Сириус всё смотрел на Гарри.
— Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас?
— Лети! — заорали одновременно Гарри и Гермиона.
Блэк развернул Клювокрыла в небо.
— Мы ещё увидимся! Ты истинный сын своего отца, Гарри…
Сириус сжал каблуками бока Клювокрыла. Исполинские крылья вновь развернулись, воздушная волна едва не сбила Гарри с Гермионой с ног, и гиппогриф взмыл в небо. Гарри долго провожал его взглядом. Огромная птица и её наездник становились всё меньше, меньше. Луна зашла за облако. И спасённые беглецы исчезли из виду.

Глава 22

Снова совиная почта

— Гарри! — Глядя на часы, Гермиона дёрнула его за рукав. — Ровно через десять минут Дамблдор запрёт дверь. Нам нужно вернуться в больничное крыло, и чтобы нас никто не заметил.

— Да-да, — кивнул Гарри, отрывая взгляд от неба. — Пошли…

Они проскользнули в узкий проём и поспешили вниз по тесной винтовой лестнице. Дойдя до нижней ступеньки, друзья услышали голоса — разговаривали, похоже, Фадж и Снегг, они быстро прошли по коридору на расстоянии фута от вжавшихся в стену Гарри и Гермионы.

— …только надеюсь, что Дамблдор не создаст трудностей, — говорил Снегг. — Поцелуй будет произведён немедленно?

— Сразу, как Макнейр вернётся с дементорами. От этой истории с Блэком житья не стало. Жду не дождусь того часа, когда смогу сообщить в «Ежедневный Пророк», что преступник наконец пойман… Полагаю, Снегг, они захотят взять у вас интервью… Надеюсь, к юному Поттеру скоро вернётся разум, и я уверен, он с удовольствием расскажет на страницах «Пророка» все подробности, как вы его спасли…

Гарри стиснул зубы: он успел различить на лице Снегга самодовольную ухмылку. Шаги скоро стихли. Гарри и Гермиона выждали на всякий случай несколько секунд и побежали в противоположном направлении. По одной лестнице, по другой, по коридору. Вдруг впереди послышалось радостное кудахтанье.

— Пивз! — воскликнул Гарри, схватив Гермиону за руку. — Сюда!

Они нырнули в пустой класс, очень кстати оказавшийся слева от них. В тот же миг мимо проскакал Пивз, умирая от хохота.

— Он невыносим. — Гермиона прижалась ухом к двери. — Уверена, он в восторге от предвкушения расправы над Сириусом. — Она опять посмотрела на часы. — Три минуты, Гарри!

Наконец злобное веселье Пивза замолкло в отдалении. Они осторожно вышли из класса и снова стремглав бросились по коридору.

— Гермиона, а что случится… если Дамблдор закроет дверь… до нашего возвращения? — на бегу спросил Гарри.

— Боюсь даже подумать об этом! — Гермиона в очередной раз взглянула на часы. — Одна минута!

Но они уже были в коридоре, ведущем в больничное крыло. Послышался голос Дамблдора.

— Скорее, Гарри! — Гермиона едва переводила дух.

Стараясь производить как можно меньше шума, друзья вошли в больничный отсек. В дверь палаты была видна спина директора.

— Я закрою вас здесь, — услышали они его слова. — Сейчас без пяти двенадцать. Мисс Грэйнджер, вам хватит трёх оборотов. Желаю удачи.

Дамблдор вышел из палаты, вынул волшебную палочку, чтобы запереть дверь, и повернулся. Гарри и Гермиона бросились к нему. Дамблдор посмотрел на них, и широкая улыбка блеснула под его длинными серебряными усами.

— Ну? — спросил он тихо.
— Всё в порядке! — задыхаясь, проговорил Гарри. — Сириус улетел на Клювокрыле!
Лицо Дамблдора просияло.
— Отлично сработано… — Он внимательно прислушался к звукам, доносившимся из палаты. — Думаю, вы уже отбыли… Идите спать — я вас запру.
Гарри и Гермиона прокрались в палату. Она была пуста, если не считать Рона, по-прежнему неподвижно лежавшего в постели. Щёлкнул замок, друзья улеглись в кровати, и Гермиона спрятала Маховик Времени под мантию. Из кабинета секунды через две решительной поступью вышла мадам Помфри.
— Я не ослышалась? Директор ушёл? Теперь я имею право заняться моими пациентами?
Она была в весьма скверном расположении духа. Самое лучшее сейчас — немедленно приступить к поеданию лечебного шоколада. Мадам Помфри стояла над ними с грозным видом, следя за тем, чтобы её предписание исполнялось в точности. Но Гарри кусок не лез в горло. Он и Гермиона в тревожном ожидании прислушивались к каждому шороху, нервы их были напряжены до предела… И вот, когда друзья взяли по четвёртой порции, откуда-то сверху долетел вопль бешенства.
— Что ещё такое? — забеспокоилась мадам Помфри.
Гневные голоса слышались всё громче. Мадам Помфри посмотрела на дверь.
— Вот наказание! Они же всех перебудят!
Гарри пытался разобрать слова. Голоса были совсем рядом.
— Он, должно быть, трансгрессировался, Северус. Надо было оставить с ним кого-нибудь… Когда это происшествие станет достоянием гласности…
— Он не трансгрессировался! — надрывался Снегг теперь уже в двух шагах. — В стенах замка нельзя трансгрессироваться! Тут наверняка замешан Поттер!
— Северус! Будьте благоразумны! Гарри всё это время был заперт.
БУМ!
Дверь с грохотом распахнулась. Фадж, Снегг и Дамблдор ворвались в палату. Дамблдор единственный сохранял спокойствие. Более того, вид у него был откровенно довольный собой. Фадж явно сердился. Но Снегг был в ярости.
— Выкладывайте, Поттер! — взревел он. — Что это вы устроили?
— Профессор Снегг! — возмутилась мадам Помфри. — Держите себя в руках!
— Послушайте, Снегг, — пытался утихомирить его Фадж. — Рассудите здраво. Дверь была заперта, мы сами только что видели…
— Это они помогли ему сбежать, я знаю! — с перекошенным лицом бушевал Снегг, брызжа слюной и указывая на Гарри и Гермиону.
— Уймитесь, милейший! — рявкнул Фадж. — Вы несёте чепуху!
— Вы не знаете Поттера! Это он сделал, я знаю, это он!
— Довольно, Северус, — с обычной невозмутимостью вмешался Дамблдор. — Подумайте, что вы говорите. Десять минут назад я сам запер эту дверь. Мадам Помфри, ваши пациенты вставали с кроватей?
— Разумеется, нет! — оскорблено ответила мадам Помфри. — Я не отходила от них с той самой минуты, как вы ушли!

— Вот видите, Северус, — мирно произнёс Дамблдор. — Вы ведь не думаете, что Гарри с Гермионой обладают способностью находиться в двух местах одновременно, а значит, нет повода их беспокоить.
Снегг стоял, кипя бешенством; он взглянул на Фаджа, потрясённого его поведением, на Дамблдора, чьи глаза мерцали за стёклами очков, ничего не выражая, и, развернувшись с такой яростью, что мантия со свистом взметнулась за спиной, вихрем вылетел из палаты.
— Коллега, похоже, слегка не в себе, — заметил Фадж, глядя ему вслед. — На вашем месте, Дамблдор, я бы понаблюдал за ним.
— Уверяю вас, с ним всё в порядке, — безмятежно отозвался Дамблдор. — Просто его постигло… м-м-м… жестокое разочарование.
— Не его одного! — горестно вздохнул Фадж. — «Ежедневный Пророк» уж не упустит возможности посмаковать подробности! Загнать Блэка в угол и всё-таки опять упустить его! Да ещё этот сбежавший гиппогриф. Я стану всеобщим посмешищем! Ладно… Мне пора в Министерство… Сообщить о происшедшем…
— А дементоры? — спросил Дамблдор. — Надеюсь, они покинут школу?
— Да, конечно, мы уберём их. — Фадж рассеянно запустил пальцы в волосы. — Я представить себе не мог, что им взбредёт в голову применить Поцелуй к ни в чём не повинному мальчику… Совершенно распустились… Сегодня же ночью отправлю обратно в Азкабан. Не подумать ли нам о драконах на входе в школу?
— Хагриду эта мысль понравится. — И Дамблдор послал быструю улыбку Гарри и Гермионе.
Нарушители спокойствия вышли из палаты, мадам Помфри поспешила к двери и опять её заперла, после чего отправилась в кабинет, что-то недовольно ворча себе под нос.
С другого конца палаты послышался тихий стон — Рон пришёл в себя. Он сел, обхватив голову, и огляделся.
— Что… Что случилось? Гарри? Почему мы здесь? Где Сириус? Где Люпин? Вообще, что творится?
Гарри с Гермионой переглянулись.
— Сама объясняй, — сказал Гарри и отправил в рот очередной кусок шоколада.
Назавтра в полдень вся троица покинула больничный отсек. Замок был пуст. Наступившая жара совпала с окончанием экзаменов, и все, кто мог, отправились в Хогсмид насладиться всевозможными удовольствиями. Ни Рона, ни Гермиону Хогсмид не привлекал и они вместе с Гарри бродили вокруг замка, обсуждая удивительные события минувшей ночи и гадая, где теперь могут быть Сириус и Клювокрыл. Сидя у озера и наблюдая, как гигантский кальмар лениво вздымает над водой щупальца, Гарри на какой-то миг утерял нить беседы — он загляделся на другой берег. Ему почудился мчащийся прямо на него олень — как прошлой ночью…
На друзей упала тень, и, подняв глаза, они увидели Хагрида — лесничий вытирал от пота изрядно опухшую физиономию носовым платком размером с хорошую скатерть и лучезарно улыбался.
— Ну, понимаю… нечего радоваться… как всё вышло ночью, — загудел он. — Ну то есть, что Блэк опять сбежал, и всё такое. Но угадайте-ка что?

— Что? — наперебой закричали все, изображая любопытство.
— Клювик! Он сбежал! Он на свободе! Я того… всю ночь праздновал…
— Как замечательно! — воскликнула Гермиона, метнув на Рона, готового расхохотаться, укоризненный взгляд.
— Я, видно, не привязал его как следует… — Хагрид сияющим взглядом озирал луга. — Я вот только беспокоился… утром… н-ну… вдруг он где встретил профессора Люпина, но Люпин… говорит, никогда… то есть не ел никого в эту ночь…
— Что-что? — растерянно спросил Гарри.
— Да вы чо, не слыхали? — посерьёзнел Хагрид. Он понизил голос, хотя вокруг не было ни души. — Ну, Снегг, значит… всем слизеринцам сказал… решил, верно, пусть все знают… Что профессор Люпин, он, вишь, того — оборотень. Ну его и носило по полям… прошлой-то ночью. Теперь он, понятное дело, это… собирает вещи.
— Собирает вещи? — встревожился Гарри. — Почему?
— Почему, почему… — удивился Хагрид столь странному вопросу. — Он перво-наперво нынче же утром… отказался от должности. Не могу, грит, подвергать риску, ежели… ну, ещё раз такое выйдет.
Гарри вскочил на ноги.
— Пойду повидаюсь с ним, — сказал он друзьям.
— Но если он уволен…
— …мы ничего не сможем поделать…
— Всё равно я хочу его видеть. Встретимся здесь.
Дверь в кабинет Люпина была приотворена. Он уже упаковал почти все вещи. Возле потрёпанного чемодана стоял пустой бак, где когда-то сидел гриндилоу, чемодан был открыт и почти заполнен. Люпин склонился над чем-то у себя на столе и на стук поднял взгляд.
— Я видел, что ты идёшь, — улыбнулся Люпин, указав на пергамент, который разглядывал. Это была Карта Мародёров.
— Мы сейчас говорили с Хагридом, — начал Гарри. — Он сказал, что вы уволились. Ведь это неправда?
— Боюсь, что правда, — ответил Люпин, выдвигая ящики стола и выгружая содержимое.
— Но почему? Министерство магии уверено, что вы помогали Сириусу?
Люпин подошёл к двери и закрыл её.
— Нет. Профессор Дамблдор сумел убедить Фаджа, что я хотел спасти вам жизнь. — Он вздохнул. — Но для Северуса это была последняя капля. Думаю, особенно сильно его задела потеря ордена Мерлина. Вот он и… хм… как бы случайно… проговорился сегодня за завтраком, что я — оборотень.
— Но вы ведь не из-за этого уезжаете?
Люпин горько усмехнулся.
— Завтра в это время прилетят совы с письмами от родителей. Они не захотят, Гарри, чтобы оборотень учил их детей. И после минувшей ночи я разделяю их точку зрения. Я мог укусить любого из вас… это не должно повториться!

— Но вы замечательный, самый лучший преподаватель защиты от тёмных искусств! Не уезжайте!
Люпин покачал головой и ничего не ответил. Гарри искал слова, способные уговорить его остаться. Но Люпин его опередил:
— Директор утром сказал, что ночью ты спас несколько жизней, Гарри. Если я и вправе чем-то гордиться, то это тобой. Ты действительно многому научился. Расскажи о твоём Патронусе.
— Откуда вы это знаете? — изумился Гарри.
— Что же ещё могло прогнать дементоров?
Гарри рассказал ему, что произошло, и Люпин снова улыбнулся.
— Да, твой отец всегда превращался в большого оленя. Ты правильно угадал… поэтому мы и прозвали его Сохатый.
Люпин бросил последние книги в чемодан, задвинул ящики стола и повернулся к Гарри.
— Вот, возьми, я это подобрал в Визжащей хижине прошедшей ночью. — Он протянул Гарри мантию-невидимку.
Поколебавшись, отдал мальчику и Карту Мародёров:
— Поскольку я больше не преподаватель, могу не чувствовать угрызений совести, что возвращаю тебе и это тоже. Мне она больше не пригодится, а Рон с Гермионой, полагаю, найдут ей применение.
Гарри с улыбкой взял Карту.
— Вы однажды сказали, что Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост наверняка захотели бы выманить меня из школы… вот бы они повеселились…
— Да, конечно. — Люпин закончил сборы и закрыл чемодан. — Без тени сомнения заявляю, Джеймс был бы страшно разочарован, если бы его сын не нашёл ни одного потайного выхода из замка.
В дверь кто-то постучал. Гарри поспешно засунул в карман Карту Мародёров и мантию-невидимку.
Это был профессор Дамблдор. Он ничуть не удивился, застав в кабинете Гарри.
— Ваш экипаж у ворот, Римус.
— Спасибо, директор.
Люпин поднял старый чемодан и пустой бак из-под гриндилоу.
— Что же, Гарри, прощай. Учить тебя было истинным удовольствием. Уверен, мы когда-нибудь ещё встретимся. Директор, нет необходимости провожать меня до ворот, я сам справлюсь…
Люпин, подумал Гарри, хочет покинуть школу как можно скорее.
— До свидания, Римус, — спокойно сказал Дамблдор.
Люпин взял под мышку бак, и они с Дамблдором обменялись рукопожатием. Улыбнувшись Гарри на прощанье, Люпин быстрым шагом вышел из кабинета.
Гарри сел в опустевшее кресло, хмуро уставившись в пол. Он услышал, как закрылась дверь, и поднял голову — Дамблдор был всё ещё тут.
— Почему ты так расстроен, Гарри? — спросил директор. — После этой ночи ты вправе собой гордиться.

— А что такого произошло? — с горечью заметил Гарри. — Петтигрю ведь сбежал…
— Очень многое, Гарри. Ты помог установить истину. Спас невиновного человека от ужасной судьбы…
Ужасной. что-то шевельнулось в памяти у Гарри. «Ещё более великим и ужасным, чем когда-либо раньше…» Предсказание профессора Трелони!
— Профессор Дамблдор… Вчера во время последнего экзамена у профессора Трелони… она стала… стала очень странной…
— В самом деле? — удивился Дамблдор. — М-м-м… Ты хочешь сказать — ещё более странной, чем обычно?
— Д-да… Голос сделался низкий, глаза вращались, и она сказала… сказала, что ещё до полуночи слуга Волан-де-Морта вернётся к своему хозяину… Сказала, что слуга поможет ему вернуть силы. — Гарри посмотрел на Дамблдора. — А потом вдруг пришла в себя и не помнила ни слова из того, что говорила. Могло это быть… могла она действительно предвидеть будущее?
На Дамблдора история не произвела особого впечатления.
— Знаешь, Гарри, полагаю, что могла, — произнёс он задумчиво. — Чего не бывает! Выходит, она уже сделала два настоящих предсказания! Надо бы прибавить ей жалованье…
— Но… — Гарри поражённо взглянул на Дамблдора: как можно над этим шутить? — Из-за меня Сириус и профессор Люпин не убили Петтигрю! Если Волан-де-Морт вернётся, в этом буду виноват я!
— Не будешь, — безмятежно ответил директор. — Неужели, Гарри, твоё приключение с Маховиком Времени ничему тебя не научило? Последствия наших поступков всегда так сложны, так разнообразны, что предсказание будущего и впрямь невероятно трудная задача. И профессор Трелони — храни её Бог — живое тому доказательство. Это был замечательный поступок — то, что ты спас жизнь Петтигрю!
— А вдруг он поможет Волан-де-Морту вновь обрести силу?!
— Петтигрю обязан тебе жизнью. Ты послал к Волан-де-Морту того, кто перед тобой в неоплатном долгу. Когда один волшебник спасает жизнь другому, между ними создаётся связь… или я сильно заблуждаюсь, но вряд ли Волан-де-Морт захочет, чтобы его слуга был в долгу у Гарри Поттера.
— Но я не хочу, чтобы между мной и Петтигрю была связь! — вскипел Гарри. — Он ведь предал моих родителей!
— Это самые сокровенные глубины магии, Гарри, её непостижимая суть… Но поверь: может быть, наступит день, когда ты будешь рад, что сохранил жизнь Питеру Петтигрю.
Такого Гарри не мог себе представить. Дамблдор как будто прочитал его мысли:
— Я очень хорошо знал твоего отца — и в Хогвартсе, и позже… Он тоже пощадил бы Петтигрю, я в этом уверен.
Гарри посмотрел на Дамблдора. Да, он не станет смеяться, ему можно рассказать…
— Прошлой ночью… Я подумал… Это мой отец создал Патронуса… Когда я увидел на той стороне озера самого себя, то решил, что вижу его…

— Тебя можно понять, — тихо проговорил Дамблдор. — Тебе, наверное, уже надоело это слышать, но ты и в самом деле необычайно похож на Джеймса. От матери у тебя только глаза.
Гарри покачал головой.
— Это была глупость. Я же знал, что он умер.
— Ты думаешь, что мёртвые, которых мы любили, навсегда нас покинули? Но ведь мы их зовём, когда нам плохо. Твой отец живёт в тебе, Гарри, и он, очевидно, явил себя, когда ты так в нём нуждался. Да как иначе ты смог бы сотворить именно такого Патронуса? Этой ночью Сохатый вновь вышел в поле.
До Гарри не сразу дошло значение сказанных Дамблдором слов.
— Сириус мне поведал вчера, как они стали анимагами, — улыбнулся директор. — Неслыханное достижение! Как, впрочем, и то, что они сумели скрыть его от меня. Тогда-то я и вспомнил, как странно выглядел тот твой Патронус. Помнишь, который атаковал Малфоя на матче Гриффиндор-Когтевран. И ты вправду видел отца этой ночью, Гарри. Ты нашёл его в своём сердце.
И Дамблдор вышел из кабинета, оставив Гарри в полном смятении.
Никто в Хогвартсе не узнал правды о том, что произошло в ту ночь, когда исчезли Сириус, Клювокрыл и Петтигрю. Сколько догадок выслушал Гарри в последние дни перед каникулами! К концу семестра Гарри услышал множество фантастических версий о том, что тогда случилось, но ни одна из них даже не приблизилась к истине.
Малфоя исчезновение Клювокрыла привело в ярость. Ясно как божий день: Хагрид нашёл способ тайком отправить гиппофифа в какое-то укрытие. Непереносимое оскорбление — лесничий обвёл вокруг пальца старшего и младшего Малфоев. А Перси Уизли больше возмущало бегство Сириуса Блэка.
— Если буду работать в Министерстве, предложу массу проектов по укреплению магического правопорядка! — распространялся он перед единственным слушателем — его подружкой Пенелопой.
Несмотря на прекрасную погоду и всеобщее веселье, несмотря на то, что друзья совершили почти невозможное для спасения Сириуса, Гарри никогда ещё не встречал конец учебного года в столь скверном расположении духа.
Разумеется, не одного его огорчил уход профессора Люпина. Весь класс Гарри переживал отставку профессора.
— Кого же они нам дадут в будущем году? — уныло вопрошал Симус Финниган.
— Может, вампира, — размечтался Дин Томас.
Но не только отъезд Люпина расстраивал Гарри. Он постоянно думал о пророчестве профессора Трелони: где прячется Петтигрю, добрался ли до тайного убежища Волан-де-Морта. Но что особенно отравляло жизнь — близившаяся встреча с Дурслями. Всего полчаса — но какие восхитительные! Он верил, что отныне будет жить у Сириуса, друга родителей… прекраснее этого была только мысль, что отец жив. Отсутствие новостей о Блэке радовало: значит, его не поймали. Но, думая о доме, который, казалось, уже есть, а теперь стал недосягаемой мечтой, Гарри чуть ли не впадал в отчаяние.

Результаты экзаменов были объявлены в последний день семестра. Гарри, Рон и Гермиона всё сдали успешно. Гарри был очень удивлён, что не провалился на зельях, и заподозрил, что без вмешательства Дамблдора не обошлось.
В последнюю неделю поведение Снегга было и впрямь тревожно: и раньше неприязнь Снегга к нему была сильна, но теперь перешла все границы. Когда он глядел на Гарри, уголки его тонкого рта злобно подёргивались, пальцы сжимались и разжимались, как будто хотели сомкнуться на горле мальчика.
Перси получил-таки высшие оценки по ЖАБА, а Фред и Джордж едва наскребли скудные баллы по СОВ. Но зато Гриффиндор, во многом благодаря блестящей игре близнецов в квиддич, третий год подряд победил в межфакультетском соревновании. Так что прощальный банкет проходил среди красно-золотого убранства, и гриффиндорский стол был самый шумный из всех. Даже Гарри, на время забыв о Дурслях, ел, пил и смеялся наравне со всеми гриффиндорцами.
Когда на следующее утро «Хогвартс-Экспресс» отошёл от станции, Гермиона поведала друзьям неожиданную новость.
— У меня сегодня был разговор с профессором МакГонагалл… перед самым завтраком. Я решила бросить изучение маглов.
— Ты же сдала этот экзамен с невероятно высоким баллом! — не поверил своим ушам Рон.
— Да, — вздохнула Гермиона. — Но ещё одного такого года мне не выдержать. С этим Маховиком Времени я чуть с ума не сошла… короче, я сдаюсь. Без прорицания и маглов я опять буду учиться по обычному расписанию.
— До сих пор не могу смириться с мыслью, что ты не рассказала нам про этот Маховик, — обиженно пробурчал Рон. — Мы ведь твои лучшие друзья…
— Но я дала слово не говорить никому, — сказала Гермиона.
Гарри наблюдал, как башни Хогвартса постепенно скрываются за горой. Он увидит их опять лишь через два долгих месяца…
— Не вешай нос, Гарри! — Гермиона с участием посмотрела на него.
— Я не вешаю, — поспешно отозвался тот. — Просто задумался о каникулах.
— Я тоже о них думаю, — заметил Рон. — Гарри, ты обязательно приедешь к нам. Я договорюсь с мамой и папой и позвоню тебе — теперь я знаю, как пользоваться фелетоном…
— Телефоном, Рон, — поправила его Гермиона. — Вот тебе бы не помешало заняться изучением маглов на четвёртом курсе.
Рон только отмахнулся.
— Этим летом чемпионат мира по квиддичу! Что скажешь, Гарри? Приедешь к нам, обязательно туда отправимся! Папа нам запросто достанет билеты.
Эти слова сразу же подняли настроение Гарри!
— Уверен, что Дурсли меня отпустят. Да ещё обрадуются. Наверное, не забыли, как я надул тётушку Мардж.
Приободрившись, Гарри даже пострелял с друзьями хлопушками. А когда появилась ведьмочка с чайным столиком на колёсах, он заказал плотный обед — правда без всякого шоколада.

Но только после полудня начались события, которые окончательно рассеяли мрачные мысли Гарри.
— Гарри, — вдруг сказала Гермиона, глядя поверх его плеча, — что там такое у тебя за окном?
Обернувшись, Гарри посмотрел наружу. За стеклом металось что-то маленькое и серое. Он встал, присмотрелся — крошечная сова несла письмо, которое было чересчур велико для неё. Она была так мала, что едва справлялась с воздушным потоком, обтекающим вагон. Гарри быстро опустил раму, высунул руку и поймал малютку — по ощущению она напоминала пушистый снитч; мальчик осторожно внёс её внутрь. Уронив письмо на сиденье Гарри, сова весело запорхала по купе, явно довольная, что выполнила поручение. Величественная Букля неодобрительно щёлкнула клювом. Живоглот привстал, следя за гостьей хищными жёлтыми глазами. Заметив это, Рон осторожно поймал сову, и Живоглот остался ни с чем.
Гарри подобрал письмо, оно было адресовано ему. Он вскрыл его и ахнул:
— От Сириуса!
— Что? — в один голос воскликнули Рон и Гермиона. — Читай вслух!
— «Дорогой Гарри!
Надеюсь, ты получишь это письмо ещё до того, как встретишься с дядей и тётей. Не знаю, как они относятся к совиной почте.
Мы с Клювокрылом в надёжном месте. Не хочу говорить где — на случай, если письмо попадёт не в те руки. Эта сова — не самый лучший почтальон. Но я не смог здесь найти ничего лучшего, и вдобавок, она, похоже, искала работу.
Не сомневаюсь, что дементоры всё ещё рыщут в поисках моего следа, но сюда им не добраться. Хочу на днях мельком показаться одному-другому маглу, как можно дальше от Хогвартса. Так что охрану замка в ближайшее время снимут.
Я кое-что не успел тебе рассказать во время нашей короткой встречи. Это я прислал тебе „Молнию“…»
— Вот видите! — торжествующе произнесла Гермиона. — Я же говорила, что это от него!
— От него! Но заклятия-то он не накладывал! — возразил Рон. — Ой!
Крохотная сова, которая дружелюбно ухала, уютно устроившись у него в руке, ухватила Рона за палец — хотела, наверное, выразить ему свою симпатию.
— «Живоглот отнёс мой заказ на почту от твоего имени. Но золото я распорядился взять в „Гринготтсе“ из моего личного сейфа номер семьсот одиннадцать. Считай это подарком от крёстного отца за все тринадцать лет рождения.
И прости меня, что я тебя напугал той ночью, год назад, когда ты ушёл из дома дяди. Я хотел хоть одним глазком взглянуть на тебя перед дальней дорогой на север. Но, боюсь, мой вид встревожил тебя.
Посылаю ещё кое-что, это скрасит твой четвёртый год в Хогвартсе.
Если я вдруг понадоблюсь, черкни словечко. Твоя сова доставит мне письмо.
Вскоре напишу снова. Сириус».
Гарри с нетерпением заглянул в конверт. Там был ещё один кусок пергамента. Он быстро пробежал его глазами, и так ему стало тепло и хорошо, словно он залпом выпил бутылку

горячего сливочного пива.
— «Я, Сириус Блэк, крёстный отец Гарри Поттера, настоящим разрешаю ему посещение деревни Хогсмид по выходным».
— Для Дамблдора это будет законное разрешение! — ликовал Гарри. — Подождите, здесь ещё постскриптум…
«P. S. Думаю, твой друг Рон, пожелает взять эту сову, ведь по моей вине у него больше нет крысы».
У Рона широко открылись глаза. Миниатюрная сова возбуждённо заухала.
— Взять эту сову? — повторил он с сомнением в голосе. Мгновение внимательно разглядывал сову, перевёл взгляд на Гарри и вдруг, к величайшему изумлению Гермионы, поднёс птицу к самому носу Живоглота: пусть хорошенько обнюхает.
— Ты как считаешь? — спросил он у кота. — Это настоящая сова?
Живоглот заурчал.
— Ему я верю, — удовлетворённо кивнул Рон. — Сова моя!
Гарри читал и перечитывал письмо Сириуса всю дорогу до вокзала Кингс-Кросс. Он всё ещё сжимал его в руке, когда они с Роном и Гермионой миновали барьер платформы девять и три четверти. Гарри тут же заметил дядю Вернона — он стоял, держась подальше от мистера и миссис Уизли, и подозрительно на них поглядывал. Увидев Гарри, миссис Уизли радостно бросилась к нему, и самые худшие опасения дядюшки подтвердились.
— Я позвоню тебе насчёт чемпионата! — крикнул Рон вслед Гарри: он уже простился с друзьями и катил тележку, нагруженную чемоданом и клеткой с Буклей, к дяде Вернону. Тот приветствовал мальчика в обычной манере.
— Что ещё? — со злобой буркнул он, уставившись на конверт в руке Гарри. — Если я опять должен что-то подписывать, поищи себе кого другого…
— Нет-нет, — успокоил его Гарри. — Это письмо от моего крёстного отца!
— Крёстного отца? — мгновенно рассвирепел дядя Вернон. — Нет у тебя никакого крёстного отца! Нет и не было!
— Есть! — просиял Гарри. — Он был лучшим другом моих родителей. Его осудили как убийцу, но он сбежал из тюрьмы для волшебников и сейчас скрывается. Но со мной он поддерживает связь… Беспокоится обо мне… Следит, чтобы мне было хорошо…
И, улыбнувшись тому ужасу, который отразился на лице дяди Вернона, Гарри зашагал к выходу со станции. Клетка с Буклей громыхала впереди, и, кажется, это лето обещало быть гораздо приятнее предыдущего.